ВАЛЕНТИН

ВАРЕННИКОВ

НЕПОВТОРИМОЕ

4

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Четвертая книга известного русского генерала В.И.Варенникова «Неповторимое» посвящена службе в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР. Перед генералитетом стояли глобальные задачи по укреплению обороны страны.

Автор книги, генерал армии Валентин Иванович Варенников, Герой Советского Союза, выдающийся военачальник, лауреат Ленинской премии, в 1942 году получил назначение на Сталинградский фронт и воевал до победного конца. Он был участником исторического Парада Победы, а перед Парадом как начальник почетного караула принял на Центральном аэродроме Знамя Победы. Кадровый военный, отдавший армии больше шестидесяти лет, крупный общественный деятель и патриот, В.И. Варенников, безусловно, заслужил право быть услышанным.

- Валентин Иванович Варенников
  - Предисловие к четвертой книге
  - Часть VI
    -
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII

Валентин Иванович Варенников
Неповторимое
Книга 4

Посвящается соотечественникам
и особо — офицерскому корпусу

Предисловие к четвертой книге

Четвертая книга «Неповторимого» включает одну часть — «Генеральный штаб Вооруженных Сил».

Для любого офицера переход в высший орган управления Вооруженными Силами — это фактически новая жизнь. Если в войсках (до военного округа включительно) идет организация и проведение мероприятий и в любом звене офицер реально и сразу или через непродолжительное время видит плоды своего труда, то в Генеральном штабе создается все, что необходимо для строительства, развития Вооруженных Сил и укрепления обороны страны в целом, выполнения возложенных на Армию и Военно-Морской Флот задач в мирное и военное время. И все это может проявиться только через значительный период времени. То есть плоды, результаты своего вклада можно, как правило, проследить через несколько лет в общих творческих усилиях генштабистов.

Все это автору пришлось прочувствовать на себе.

Учитывая, что Генеральный штаб не только мозг Армии и Военно-Морского Флота, но и ведущий военно-политический и военно-технический центр страны, необходимо было иметь самые тесные, самые близкие контакты с главными государственными структурами — Совмином (в основном Военно-промышленной комиссией и Госпланом), аппаратом ЦК (соответствующими отделами), Министерством иностранных дел, Комитетом государственной безопасности. Такие контакты были организованы давно, они имели традиции, совершенствовались. От автора требовалось включиться в это движение и в короткие сроки занять место руководителя координирующего органа представителей этих ведомств — «Пятерки»— с одновременным исполнением непосредственных функций начальника Главного оперативного управления— первого заместителя начальника Генштаба.

В связи с антисоветскими выпадами администрации США и Пентагона Генеральный штаб в 1980 году выпускает книгу «Откуда исходит угроза миру», а в первой половине 80-х годов проводит серию стратегических учений на всех основных операционных направлениях.

Все это детально представлено в этой книге.

Подробно описана трагедия с южнокорейским «боингом» и тем самым покончено, на наш взгляд, со всеми инсинуациями по этой проблеме.

Наконец, представлены некоторые важнейшие поездки на фронты в дружественные нам страны — Анголу, Сирию,

Эфиопию. (Афганистану посвящена отдельная книга.) Описание событий по этим странам почти дневниковое, но везде представлено, как проводилась линия нашего руководства, отстаивались интересы нашей страны.

Одновременно показано, как назревал разрыв между Д.Ф.Устиновым и Н. В. Огарковым. В связи с этим у министра обороны укрепилось патологическое отторжение Генштаба. Наконец, тяжелая развязка с Н. В. Огарковым. Автор тоже просится в войска, но вскоре направляется в Афганистан.

Смерть Д. Ф. Устинова. Многие проблемы загнаны в тупик, особенно многосерийность и многовидовость боевой техники и вооружения.

Новый министр обороны С. Я. Соколов.

Часть VI
Генеральный штаб Вооруженных Сил

Знать меру в радости,
В беде не огорчаться,
И неизбежное
С достоинством нести.

Основные вехи (события) четвертой книги

Работа в Генеральном штабе. Крупнейшие за всю историю Вооруженных Сил стратегические учения. Южнокорейский самолет. Поездки в Анголу, Сирию, Эфиопию. Смена власти в Вооруженных Силах.

Глава I
Работа в Высшем органеуправления Вооруженных Сил

Встреча в Москве. Первые шаги по паркету. Новые широкие знакомства (МИД, КГБ, ВПК, окружение Брежнева, его аппарат). Генштаб — военно-политический центр страны. Громадные проблемы и дефицит времени. «Пятерка» при Генштабе для выработки проектов решений руководству по проблемам сохранения мира и безопасности. Подготовка министра обороны к заседаниям Политбюро ЦК КПСС.

Львов и округ я оставил с солнцем — все искрилось и сияло. А Москва встретила мрачным свинцовым небом и общей серой обстановкой. «Да, — думал я, — действительно, «не всё коту масленица», надо трудиться и на поприще неблагодарном, каковым всегда была и остается штабная работа».

О Генеральном штабе много написано. А его деятельность в годы Великой Отечественной войны прекрасно представлена в книге С. М. Штеменко. Поэтому у читателя есть представление о самом важном органе управления нашими Вооруженными Силами. Мне остается лишь напомнить некоторые положения.

Корни создания такого органа уходят еще к Петру Великому, — в 1711 году была создана часть генерал-квартирмейстеров. Официально этот орган управления стал именоваться Генеральным штабом с 1763 года — фактически с момента прихода к власти Екатерины II. В годы Советской власти он вначале назывался Штабом РККА, а с 1935 года — Генеральным штабом.

Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР отвечал за всё. Непосредственно и с помощью военных академий, а также научно-исследовательских институтов он развивает военную науку, раскрывая законы войны, их характер и военно-стратегическую сущность, анализируя тенденции развития средств вооруженной борьбы, а отсюда и возможные способы военных действий. Им дается научно обоснованная оценка военно-политической обстановки в мире, анализ и выводы об экономических возможностях основных стран мира (в том числе и нашей страны). Он исследует также планы и устремления потенциальных агрессоров и наши возможности противостояния им.

На этой основе Генеральным штабом (фактически) совместно с другими высшими государственными органами разрабатывается военная доктрина, в которой четко и ясно определены на данное время наши позиции: о характере возможной будущей войны, о ее сущности и целях, о принципах подготовки страны и ее Вооруженных Сил к этой войне, способах и методах ее ведения.

Исходя из этого, Генеральный штаб проводит разработку документов, которые являются основой и для проведения подготовки всего и вся к войне, а в случае развязывания войны агрессором — руководит действиями по отражению агрессии. То есть проводится стратегическое и оперативное планирование использования Вооруженных Сил, видов и родов войск, соответствующих группировок войск и сил флота и управляет этими группировками в соответствии с теми задачами, которые ставятся ВГК. Генеральный штаб постоянно занимается совершенствованием организационной структуры войск и флота, их материально-техническим обеспечением, поддержанием высокой мобилизационной готовности, планированием заказов промышленности на производство вооружения и боевой техники, следит за направленностью и политикой военно-технических исследований, поддерживая и поощряя наиболее перспективные направления. Важнейшей областью деятельности Генерального штаба является оперативно-стратегическая подготовка высшего командного состава Вооруженных Сил, а также подготовка определенного круга работников государственного аппарата, которым по долгу службы приходится иметь дело с Вооруженными Силами и обороной страны в целом.

Кроме того, Генеральный штаб непосредственно занимается развитием потенциальных театров военных действий (ТВД). С этой целью по общегосударственным планам, кроме сил и средств непосредственно Вооруженных Сил, для решения крупных государственных задач — строительства дорог, аэродромов, портов, космодромов, каналов, линий связи, атомных и гидроэлектростанций и т. д. — привлекаются еще и многие министерства страны. Ни одно крупное строительство в стране не может начинаться без согласования с Генеральным штабом.

В целом Генеральный штаб обязан постоянно поддерживать высокий уровень боевой готовности наших Вооруженных Сил, их способность в любое время и в любых условиях проявить свою боевую мощь и умение отразить агрессию и уничтожить агрессора. С той целью созданы: гарантированная система управления, система боевого дежурства (особенно в стратегических ядерных силах, ПРО и ПВО), система контроля войск и сил флота и, наконец, система проведения крупных

оперативно-стратегических учений и различных маневров, как высшей формы подготовки Вооруженных Сил.

Генеральный штаб в своих планах предусматривает в мирное время поставку необходимого призывного ресурса в другие силовые структуры (пограничные войска, войска МВД и т. д.), а на военное время планирует применение этих сил в общей системе планируемых и проводимых операций. Ведется также учет мобилизационного ресурса этого контингента. Кроме того, Генштаб следит за созданием благоприятных условий подготовки офицерского состава силовых структур в Военных академиях Вооруженных Сил. Через аппарат заместителя министра обороны по вооружению и Военно-промышленную комиссию при Совмине СССР Генеральный штаб контролирует состояние мобилизационной готовности и способности всего военно-промышленного комплекса страны к действиям в условиях войны.

Уже из этого краткого перечисления видно, что функции Генерального штаба охватывают все сферы обороны страны за исключением морально-психологического фактора и идеологического воспитания. Однако Генштаб также принимает участие в разрешении этой проблемы.

Для меня, как для начальника Главного оперативного управления — первого заместителя начальника Генерального штаба, было важным то, что наше Главное управление имело прямое отношение ко всем этим проблемам. Мало того, я лично отвечал за работу «пятерки». В нее, кроме Генштаба, входили представители Министерства иностранных дел, Комитета государственной безопасности, Военно-промышленной комиссии и отдела ЦК КПСС. Когда обсуждаемый вопрос имел исключительное значение, в заседаниях принимали участие первые заместители министров (председателей). Например, Корниенко или Петровский от МИДа, Емохонов от КГБ и т. д.

«Пятерка» рассматривала военно-политические и военно-технические проблемы, в том числе вопросы, связанные с сокращением вооружений и вооруженных сил, ликвидацией химического и бактериологического оружия и т. п. На заседаниях вырабатывались весьма конкретные предложения для нашего политического руководства. Когда документ у нас получал полное оформление (то есть когда он в рабочем порядке был согласован с Громыко, Андроповым, Устиновым и Смирновым), он направлялся генсеку на утверждение, после чего принимал форму директивы. Так было при Брежневе, этот порядок остался и при Горбачеве. Разница была только в том, что при Брежневе министр иностранных дел Громыко, проявляя максимум творчества, добивался неукоснительного выполнения этих

директив. А при Горбачеве министр Шеварднадзе, встретив какое-нибудь сопротивление со стороны американцев, сразу звонил Горбачеву и просил дать согласие на какую-нибудь уступку. И тот всегда такое согласие давал. Таким образом, мы всё больше и больше теряли свои позиции в мире, а вместе с этим и свое политическое лицо, что вызывало возмущение и в Генштабе, и в КГБ, который полностью нас поддерживал, и в Военно-промышленной комиссии.

Практика показала, что работа «пятерки», плоды ее труда имели исключительное значение. Материалы готовились высококвалифицированно. Факты перепроверялись по многим каналам. Все было достоверным. Анализы, сопоставления делались учеными коллективами. На каждое заседание «пятерки» выносились всесторонне выверенные документы, так что само заседание должно было только подтвердить или отклонить предложения и кое-какие проблемы согласовать.

Вспоминая все это и сравнивая с нынешней практикой, я не могу себе представить, как и на основании чего президент России может давать указания МИДу или другим органам в проведении государственной линии по военно-политическим вопросам. Кто готовит необходимые материалы и даже справки? Как можно делать какие-то заявления, если нет квалифицированной опоры? Вот поэтому у нас и получается такого типа ляпы, когда Ельцин говорит, что он дал команду, чтобы «ракеты стратегических ядерных сил не были никуда нацелены», или еще хлеще — чтобы «со всех ракет сняли боеголовки».

Кроме руководства работой этой «пятерки» я обязан был каждую среду в середине дня (но лучше утром) представлять министру обороны Д. Ф. Устинову лично или через его помощников справки для его участия в заседании Политбюро ЦК. Заседание этого высшего органа государства проводилось каждый четверг. Как правило, на заседание выносилось от 12–15 до 20–24 вопросов. Устинов, как член Политбюро, должен был принять участие в обсуждении каждого вопроса. Поэтому он приказал, чтобы Генштаб (а это значит ГОУ Генштаба) готовил бы ему необходимые справки — по каждому вопросу одну страницу. При этом страница должна иметь два раздела. В первом представляется история вопроса, почему и кем он поставлен, правомерность постановки, сколько все это стоит. Во втором должны быть изложены его (Устинова) взгляды, оценки этого вопроса, и кратко и ясно — конкретные предложения. То есть в справке должно быть популярно изложено, как он представляет себе эту проблему, следует ли ее рассматривать, а если следует, то что он предлагает для скорейшего разрешения этого вопроса.

Это была изнурительная работа. Подавляющее большинство вопросов я раздавал по своим и другим управлениям Генштаба, да и за его пределы (например, в штаб тыла Вооруженных Сил или в аппарат заместителя Минобороны по вооружению, в Главные штабы видов ВС), и они мне за сутки до срока доклада министру представляли документы. Но часть вопросов нельзя было кому-то поручать, и я готовил справки лично или часть отдавал на исполнение Ивану Георгиевичу Николаеву — в него я верил, как в себя. Однако все документы по всем вопросам, которые должны обсуждаться на Политбюро, я обязан был внимательно прочитать, откорректировать и, перепечатав, на каждом листе внизу расписаться (карандашом). И только после этого отправить помощнику министра для доклада Устинову. Если помощнику было что-то не ясно, он звонил или приходил ко мне и уточнял, что его интересовало. Иногда, если это касалось особо сложной проблемы, я ходил и лично докладывал министру.

И хотя все это требовало много времени и мы были постоянно в цейтноте по главным своим функциям, однако это многое давало и Генштабу, и мне лично. Фактически я постоянно знал, как и какие вопросы решались на самом высшем уровне государства. А решалось все, начиная от анализа здравоохранения, образования, развития науки, поездки за рубеж артистов и спортсменов и кончая развитием атомной промышленности, машиностроения, освоением космоса, развитием и ратификацией договоров с различными странами. Я уже не говорю о чисто военных и военно-политических проблемах. Конечно, многое из этого меня и руководство Генштаба, несомненно, обогащало. Кстати, это положительно сказывалось на моем руководстве «пятеркой».

Кроме того, я лично (конечно со своими специалистами) должен был ежедневно оценивать ситуацию в различных районах мира и докладывать начальнику Генштаба и министру письменные справки с выводами. А в то время много было накаленных районов: Афганистан, Бангладеш, Египет, Сирия, Ливан, Ливия, Эфиопия, Ангола, Йемен, Сомали, Мозамбик, Намибия, Польша. Данные нашего Главного разведывательного управления и Главного управления внешней разведки КГБ обобщались и на основе этого вносились предложения.

Но всё это прояснилось и стало мне известно уже позже, когда я полностью окунулся в свои обязанности. С первых же дней пребывания в Генштабе свои будущие обязанности я представлял весьма расплывчато.

В 1979 году я неожиданно для себя становлюсь генштабистом.

Самолет благополучно приземлился на аэродроме Чкаловский и заканчивал выруливать к центральной площадке. Подали трап. Меня встречал генерал-полковник И. Г. Николаев. И опять я подумал о нем — ну почему бы на должность начальника ГОУ не назначить именно его? Ведь были уже прецеденты. Взять хотя бы Сергея Матвеевича Штеменко. Он попал в Красную Армию в 1926 году, в 1934-м поступил и в 1937 году окончил Военную академию моторизации и механизации РККА. Буквально через год, т. е. в 1938 году, стал слушателем Военной академии Генерального штаба, которую окончил в 1940 году, и сразу был назначен в Генштаб, где прошел службу от рядового оператора до начальника Генштаба. И все нормально. Не имея при этом за плечами даже того войскового опыта, что у Николаева. А, к примеру, генерал армии Алексей Иннокентьевич Антонов. До Генштаба у него была только штабная практика. И он блестяще справился и с должностью начальника Главного оперативного управления, и с должностью начальника Генерального штаба. Наконец, Михаил Михайлович Козлов, который тоже руководил ГОУ, затем был первым заместителем начальника Генштаба и ему доверили должность начальника Военной академии Генерального штаба. Он тоже в основном имеет штабную практику в войсках. Зачем требовалось ставить на ГОУ командующего войсками военного округа? Мне и сейчас это недостаточно ясно. Но как показали дальнейшие события, на мой взгляд, не столько нужен был я в Генштабе, сколько требовалось освободить место командующего войсками Прикарпатского военного округа.

В то время Н. В. Огаркову я был совершенно не известен. А с С. Ф. Ахромеевым я был хорошо знаком по совместной учебе в Военной академии Генерального штаба. Но и тот, и другой (хотя и в разное время и в разных местах) служили с В. А. Беликовым. И оба они сходились в том, что надо Беликову сделать доброе дело — назначить на лучший военный округ в Вооруженных Силах, перворазрядный по своей категории, прекрасно обустроенный, с отлично налаженной системой боевой учебы, престижный во многих отношениях. И они добились этого.

Что же касается моей адаптации в Генштабе, то ни один, ни другой мне руки, к сожалению, не протянули. Николай Васильевич этого не сделала просто по складу характера— он считал, что коль назначили на должность, то ты обязан все знать и уметь в новом положении. А Сергей Федорович, видно, решил посмотреть на меня со стороны— как я буду барахтаться, считая, что для меня в этом случае вполне подходит принцип Кузьмы Пруткова: «Спасение утопающего — дело рук самого утопающего!»

Итак, меня встречал Иван Георгиевич. Еще в прошлый раз, когда я был в Генштабе по приглашению Огаркова, то по окончании разговора с Огарковым зашел к нему и сообщил, что приеду служить под одним знаменем. Он облегченно вздохнул: «Наконец-то. Полгода тянется история». Естественно, теперь ему будет полегче.

Встреча была теплая, откровенная. Иван Георгиевич предложил загрузить вещи в грузовичок, затем отправиться сразу на временную квартиру, которую мне любезно предложил Петр Иванович Ивашутин, а потом — в Генштаб.

Так и сделали. В Москву ехали вместе. Иван Георгиевич не торопясь, степенно рассказывал мне об обстановке, которая сложилась в Генштабе. Кое-какие вопросы он пропускал, при этом приговаривая, что раскроет их позже, но в целом нарисовал грустную картину. У меня складывалось впечатление, что «от жгучей любви» отношения между Устиновым и Огарковым перешли на уровень «прохладных». А это ни к чему, ибо обязательно отразится на коллективе Генштаба. Действительно, вспоминается время, когда Устинов смотрел на Огаркова буквально влюбленными глазами. Он И. И. Якубовского «задавил», чтобы на его место поставить В. Г. Куликова, а его место занять Н.В. Огарковым. Кстати, не касаясь морально-нравственной стороны этого вопроса (относительно Якубовского), то, пожалуй, за все годы своего пребывания в должности министра обороны у Д. Ф. Устинова это было самое эффективное решение. Дело в том, что В. Г. Куликов вместе с А. И. Грибковым за годы пребывания на Главном командовании Объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского Договора сделал значительно больше всех тех, кто был до и после. В то же время Н. В. Огарков был непревзойденным начальником Генерального штаба ВС. Жаль, что Д. Ф. Устинов поддался шептунам и изменил отношение к Огаркову. От этого потеряли в первую очередь Вооруженные Силы.

Я слушал Ивана Георгиевича, а сам думал, как в этой ситуации поступать мне. Во-первых, мне самому надо сделать выводы из личных наблюдений. Во-вторых, надо совместно с другими попытаться устранить источники этого похолодания. В-третьих, если дело зашло далеко, надо объясниться с Николаем Васильевичем Огарковым и выработать единую общую линию действий.

После ознакомления с квартирой мы отправились в Генеральный штаб. Иван Георгиевич сразу поднял меня на лифте на пятый этаж — на рабочее место начальника ГОУ. Кабинет был просторный, с большим столом для совещаний, высоким столом

для карт и огромным глобусом.

— Выше вас в Генштабе никого нет, — пошутил Иван Георгиевич, имея в виду, конечно, что здание пятиэтажное, — и только вам из окна виден Кремль. Под вами такой же кабинет — пустой, в резерве, на третьем этаже располагается начальник Генштаба, на втором — Главком объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского Договора В. Г. Куликов, на первом — центральный командный пункт Генерального штаба.

Я попросил Ивана Георгиевича пока «тянуть» текущие вопросы, на 16 часов собрать все управление в зале заседания для знакомства, а сам отправился к начальнику Генштаба представляться. Николай Васильевич принял тепло. Поговорил в общих чертах, совершенно не касаясь бытовых вопросов (кстати, он никогда и нигде ими не занимался, считая, что есть для этого службы, которые обязаны все обеспечить), потом встал и говорит:

— Пошли к министру обороны.

— Возможно, ему предварительно позвонить? — забеспокоился я.

— Я уже звонил ему, что вы прибыли, и он сказал, чтобы сразу заходили.

В приемной нам сказали, что у министра обороны, кроме его помощников, никого нет. Помощниками у маршала Д.Ф. Устинова были генерал-майор Игорь Вячеславович Илларионов и контр-адмирал Свет Саввович Турунов. Оба работали с Дмитрием Федоровичем многие десятки лет, были ему преданы до мозга костей и отлично разбирались в технических вопросах, т. е. в том, что являлось для Устинова главной специальностью. Что касается военного дела, то первоначально их знания ограничивались тем служебным положением, которое они занимали до увольнения: Илларионов до прихода вместе с Устиновым в Министерство обороны был майором запаса, а Турунов — капитаном второго ранга (что соответствует подполковнику). Однако со временем, будучи опытными и развитыми людьми, они, конечно, повысили свои знания, изучая основополагающие документы. Забегая вперед, могу вполне уверенно сказать, что их познания в военной области были значительно выше, чем у их шефа. Как я уже говорил, Дмитрий Федорович Устинов, являясь до определенного года прекрасным технократом, был совершенно неподготовленным военачальником, что было и печально и трагично. Однако этот вопрос еще будет предметом наших рассуждений.

Мы вошли в кабинет.

— Дмитрий Федорович, вот наконец появился начальник Главного оперативного управления Генштаба.

Я представился. Министр подошел, поздоровался и предложил присесть к большому столу, где уже располагались Илларионов и Турунов.

— Мы с вами уже знакомы, — начал он. — Как выглядит обстановка в округе?

Доложив в общих чертах, я сказал, что округ передал генерал-полковнику Беликову и готов приступить к своим обязанностям в Генеральном штабе.

Министр обороны заметил, что работать в центральном аппарате — это очень почетно и ответственно. Долго и увлеченно говорил о ЦК, правительстве, их роли. А далее перешел к Министерству обороны и Генштабу. Потом сказал, что о моих конкретных обязанностях расскажет начальник Генштаба, сам же он желает мне успехов, после чего простились. Пока мы шли в кабинет к Николаю Васильевичу, я задал ему уже по службе первый вопрос, который оказался крупным и потянул за собой многое:

— Почему Тараки собирается лететь на Кубу, на Всемирную конференцию неприсоединившихся стран в условиях, когда у него в Афганистане крайне не спокойно и сам он может лишиться своего поста?

Огарков удивленно посмотрел на меня:

— Откуда у вас такие сведения?

— Это не у меня. Наше радио широко сообщает об этом всей стране.

Действительно, именно радио не только сообщало об этом, но и комментировало. Однако главным источником информации был Петр Иванович Ивашутин — генерал армии, начальник Главного разведывательного управления Генштаба. Я, конечно, на него не ссылался, но он мне подробно обрисовал всю ситуацию по Афганистану, в том числе и по этому факту поездки Тараки.

— Да, этот шаг Тараки делает несвоевременно, — сказал Огарков. — Насколько мне известно, наше руководство намерено говорить с ним на эту тему. Но в Афганистане сейчас командует, мне кажется, всем парадом Амин. Он и председатель правительства, он и министр обороны. Это одиозная личность. Он подмял под себя Тараки. На мой взгляд, о поездке надо говорить не с Тараки, а с Амином.

В последующем, конечно, всем стало ясно, что социал-либерал по своей политической сути, посредственный поэт и отчетливо выраженный меланхолик с полным отсутствием воли и принципиального характера государственного деятеля, открытый и доверчивый Тараки давно уже был в психологическом плену у Амина. Именно Амин и вынудил Тараки выехать из Афганистана

на Всемирный форум неприсоединившихся стран, чтобы в его отсутствие провести все необходимые кадровые перестановки в стране, которые бы обеспечили ему, т. е. Амину, полную поддержку.

И вот уже фактически с коридора Генштаба я «окунулся» в огромный океан проблем, которыми занимался Генеральный штаб. Не дождавшись от своего непосредственного начальника даже инструктажа, как действовать и с чего начать, я стал сам «изобретать велосипед», чтобы удачно реагировать на проблемы, которые были одна сложней другой.

Но вернемся к Афганистану.

Тараки доверял Амину во всем. Ему льстило угодничество Амина на протяжении всех лет их совместной деятельности. Являясь, как и Тараки, по своей родоплеменной принадлежности пуштуном и «халькистом» (одно из двух крыльев правящей партии), своими дутыми политическими убеждениями Амин втерся в доверие лидеру партии. В начале стал «фигурой» в руководстве НДПА, затем министром обороны и, наконец, ему было доверено возглавить правительство. Амин всячески прославлял Тараки как вождя. Внешне все эти действия казались доброжелательными и наверняка находили у простого народа соответствующий отклик, на который и рассчитывал Тараки, наблюдая эту картину. А картина была довольно простая: везде по городам и кишлакам, где надо и не надо, висели портреты Тараки; во всех газетах — портреты Тараки и его высказывания-лозунги; на каждом даже небольшом собрании или митинге — несколько портретов Тараки; каждое выступление (а Х. Амина в особенности) — начинается с цитат из высказываний Тараки.

Вот так Амин создавал культ Тараки. И если в обывательской среде все это и находило благоприятную почву, то Амина это совершенно не трогало, потому что он считал людей стадом баранов: куда «вожак» поведет — туда все и побегут. А вот с интеллигенцией, духовенством и офицерством надо считаться, поскольку от их мнения и настроения зависит политический климат общества. Хитрый, коварный, но весьма активный и пробивной Амин, усердно выстраивая «замок» культа Тараки, рассчитывал, конечно, на отрицательную реакцию этого сословия. Расчет был верный: в начале эта категория общества посмеивалась над Тараки, считая затею не солидной и будучи уверенной, что делается это, конечно, с ведома Тараки, затем стала возмущаться, и в его адрес посыпалась резкая критика. Что и требовалось по замыслу Амина. Строительство «замка» культа Тараки свершилось, и нужно было, чтобы в решающий момент можно было бы одним ударом его разрушить, а вместе с ним

одновременно похоронить и Тараки. Это отвечало бы, так сказать, интересам верхушки общества. И эту операцию Амин провел «блестяще».

Что касается афганской эпопеи в целом, то этой проблеме посвящена отдельная книга и автор постарался изложить свои взгляды не как сторонний наблюдатель, а лично переживший все это. Но сейчас пока целесообразно проанализировать и понять всё, что касается смерти Тараки и вступления на трон Амина, чем мы в то время и занимались.

Как уже было сказано, Амин фактически вытолкал Тараки в поездку на Кубу, чтобы тот не мешал ему в расчистке пути для восхождения. Отправляя Тараки, Амин рассыпался в любезностях, организовал грандиозные проводы. На центральном аэродроме Тараки были оказаны самые высокие почести. Все выглядело торжественно и даже трогательно. Поэтому, прилетев в Москву и выслушав наших руководителей, которые пытались его отговорить от поездки, близорукий Тараки все-таки полетел в Гавану — он верил Амину как себе. А последний решил поставить последние точки в деле захвата власти. Он подкупил всех в ближайшем окружении Тараки, всю охрану, в том числе и его адъютанта подполковника С. Таруна, который сообщал Амину все, что говорил и о чем думал Тараки. Поэтому Амину было легко и просто делать упреждающие шаги.

На обратном пути Тараки снова сделал остановку в Москве. И опять был принят руководством страны, в том числе Брежневым и Андроповым. Они откровенно рассказали ему о коварстве Амина, в том числе о том, что последний отстранил от должности всех самых верных и преданных Тараки людей. Это подействовало на Тараки, но было уже поздно.

Однако патриотические силы действовали. Они поддерживали связь с руководством наших представительств. Они же сообщили, что в день прилета Тараки ликвидируют Амина. С этой целью была подготовлена засада на дороге, по которой Амин обычно ездил на аэродром. Когда наше руководство из КГБ узнало об этой акции, то предназначенный для охраны Тараки батальон, составленный из таджиков (точнее, из мусульман) и подготовленный в Термезе, не вылетел, как предполагалось, 10 сентября 1978 года, а командир батальона майор Х. Халбаев получил команду вернуться с аэродрома в пункт постоянной дислокации и продолжать занятия по плану. Это была ошибка. Даже если бы этим, так сказать, патриотам и удалось осуществить свой замысел, то Тараки все равно нуждался в нашей охране, потому что его личные телохранители попросту уже продались.

Но Амин в засаду не попал. Он ее объехал, направившись на аэродром по другой дороге. Я убежден, что и в числе тех, кто готовил эту акцию, тоже были люди, купленные Амином, если не сказать худшее. Зная редкостное коварство этой личности, можно предположить, что это «покушение» подготовил сам Амин и дал «утечку» сведений на наших представителей, а те «клюнули» и на радостях сообщили в Москву.

Амин как ни в чем не бывало встретил Тараки, привез его в резиденцию и, чтобы тот не пришел в себя, сразу перешел к требованиям в грубой и резкой форме (точь-в-точь, как обращался Ельцин с Горбачевым, когда последний прилетел в августе 1991 года из Крыма). Сообщил ему, что всех, кто наносил ущерб государству, он отстранил от занимаемой должности, за исключением четырех министров, которых должен отстранить сам Тараки. Это М. Ватанжар, А. Сарвари, Ш. Маздурьяр и С. Гулябзой. Естественно, Тараки ему отказал. Я думаю, адъютант Тараки — подполковник Тарун, которому Тараки, несомненно, передал суть своего разговора с Брежневым и Андроповым, «пообщался» с Амином. Именно после этого тот и позвонил Тараки и в предельно резкой, унижающей человеческое достоинство форме кричал, требуя выполнить его (Амина) требования. Но генсек НДПА еще не сдавался, хотя уже в морально-психологическом плане был окончательно раздавлен, о чем впоследствии дала показания его супруга.

Кстати, если быть справедливым до конца, то, на мой взгляд, первопричиной кровавых репрессий была недальновидная политика Бабрака Кармаля. Являясь заместителем генерального секретаря НДПА, т. е. вторым лицом в партии, а также заместителем председателя Революционного Совета ДРА, Кармаль буквально через два месяца после Апрельской революции украдкой провел съезд «парчамистов» (одно из двух крыльев НДПА). Бесспорно, уже сам факт организации отдельного съезда этого крыла является раскольнической деятельностью, тем более что генсек партии принадлежал к крылу «хальк». Но этот съезд к тому же еще принял план захвата власти. Естественно, все это стало известно Амину. Он предложил Тараки обсудить и оценить этот возмутительный факт, но генсек, являясь либералом, не захотел идти на обострение и все спустил на тормозах.

Тогда Амин стал действовать самостоятельно. Он поставил перед собою цель — ликвидировать всю руководящую верхушку «парчамистов» путем ареста тех, кто в чем-то подозревается, и высылкой из страны тех, к кому формальных претензий нет. Буквально через две недели после этого съезда Б. Кармаль

«согласился» ехать послом в Чехословакию, а вслед за ним уехали и многие другие: Наджибулла — послом в Турцию, Вакиль — в Англию, Нур — в США, Барьялай — в Пакистан и т. д.

В отношении других лидеров «парчам» было сфабриковано уголовное дело, по которому они обвинялись в заговоре против ДРА. Кроме того, принято решение предать их смертной казни. Причем, видимо с подачи Амина, раздавались требования — казнить публично.

Руководство Советского Союза предприняло самые решительные меры к тому, чтобы предотвратить эту расправу. В числе спасенных были: С. Кешманд — в последующем долго возглавлял правительство; А. Кадыр, генерал — был министром обороны; М. Рафи, также генерал — вначале был министром обороны, а затем вице-президентом и др. И хотя они были спасены, но, будучи арестованными, подвергались в аминовских застенках жесточайшим пыткам.

Но все это произошло летом 1978 года. А в сентябре накал отношений между Тараки и Амином дошел до такого уровня, что Л. И. Брежнев вынужден был обратиться к одному и другому с личным посланием и настоятельно рекомендовать им не допустить раскола, объединиться и направить общие усилия на благо Афганистана. Призыв был логичен и вызван обстановкой, сложившейся в этой стране. Но в условиях Афганистана вообще и тем более в той обстановке он звучал по меньшей мере наивно. И мы это в Генштабе понимали, но шаг уже был сделан.

14 сентября Тараки по телефону обратился к Амину и предложил ему приехать для выяснения отношений, учитывая настоятельную просьбу руководства Советского Союза. Амин до этого многократно отказывался от такого приглашения. А на этот раз сразу согласился. Соперники договорились о времени встречи, вплоть до того, через какой вход зайдет Амин, кто его будет встречать и т. д. Тараки принял все условия, которые продиктовал Амин. Это очень важный фактор.

Амин подъехал к тыльному входу резиденции генсека. Перед входом его встретил, как и договаривались, адъютант Тараки подполковник Тарун и пошел впереди Амина по лестнице. Вдруг сверху раздались очереди из автомата. Тарун рухнул сразу, двое были ранены, а Амин мигом выскочил назад в двери, пробежав довольно приличное расстояние к машине, сел в нее и уехал. Стреляли адъютанты — охранники Тараки. Стрельба велась с верхней площадки под небольшим углом, так что все идущие по лестнице хорошо просматривались. Спрашивается: почему пострадали впередиидущие и двое, идущие за Амином, а Амин остался цел и невредим? Да потому, что адъютанты-охранники

тоже были из его, аминовской компании. Если, к примеру, они имели задачу убить Амина и не смогли это сделать на лестнице, то у них была возможность выскочить вслед за Амином во двор и застрелить его. Но они не сдвинулись с места.

Амин «убил двух зайцев». Во-первых, блестяще была исполнена инсценировка с покушением на его жизнь и теперь вся инициатива, а следовательно, и власть полностью перешли в его руки, Тараки же все потерял; во-вторых, Амин избавился от подполковника Таруна, который очень много о нем знал и в потенциале представлял большую для него опасность. Кроме того, Тараки для Амина теперь не представлял никакого интереса и какая-либо информация о нем уже не имела прежней ценности (т. е. Тарун уже был не нужен — вот такой цинизм).

Для того чтобы придать особый трагизм факту покушения на жизнь председателя правительства, министра обороны ДРА, члена Политбюро ЦК НДПА Амина, по указанию последнего готовятся и проводятся грандиозные похороны Таруна — человека, который якобы отдал свою жизнь, закрыв телом выдающегося деятеля ДРА, тем самым выполнил свой священный долг. Далее Амин своим указом дает распоряжение о переименовании Джелалабада — крупного торгового и культурного центра на западе страны в 60 километрах от границы с Пакистаном — в город Тарун-шахр. Конечно, новое название не привилось, но в то время сам акт произвел должный эффект.

Однако все эти действия с головой выдавали автора кровавого представления, устроенного Амином. Никакие другие версии покушения на жизнь Амина не имеют логического и фактического подтверждения.

А дальше происходило то, что и планировалось Амином: оформление де-юре уже состоявшегося де-факто захвата власти. В ночь с 14 на 15 сентября он проводит заседание Политбюро ЦК НДПА, где принимается решение о созыве пленума ЦК и обговариваются его постановления. А утром 15 сентября проводит пленум ЦК НДПА, на котором Тараки и его соратников снимают со всех постов и исключают из партии. Генеральным секретарем ЦК НДПА избирают Амина. Кроме того, проводится заседание Ревсовета ДРА, на котором Тараки освобождается от поста председателя, а на это место «единогласно» избирается Амин.

Мы видим, что наше руководство в замешательстве. В Афганистане сменилась власть. Но ведь Тараки оставлять в беде нельзя! А он был практически изолирован от всего мира, его резиденция блокирована войсками, все связи отключены, в Кабул вошли воинские части и взяли под охрану все важнейшие

объекты, в том числе здания правительства.

Нашим руководством принимается решение перебросить в Кабул для спасения Тараки подготовленный для этой цели батальон специального назначения. Однако Амин, очевидно, предполагал возможность такого варианта, потому что в тот же день, т. е. 15 сентября, после его избрания на все высшие посты, он отдал приказ всем частям ПВО вокруг Кабула, который расположен словно на дне гигантского кратера, сбивать без особой на то команды все прилетающие и взлетающие самолеты и вертолеты. Разумеется, этот приказ стал известен советскому посольству в Афганистане, а также всем нашим представительствам, которые срочно связались с Москвой и дали соответствующую информацию. Таким образом, нашему батальону, хоть он уже и сидел в самолетах, опять лететь было нельзя.

Понятно, что первые дни потрясений — 15, 16 и даже 17 сентября — обстановка была накалена. Но в последующем наше руководство могло же, выйдя непосредственно на Амина, вынудить его принять десантный батальон? Тем более что тот же Амин настоятельно просил в свое время прислать наших десантников для охраны объектов. Я считаю, что вполне могло. Могло, но конкретных шагов не предпринимало. Были лишь малоэффективные «инъекции» типа «обязать Главного военного советника в Афганистане генерала Л. Горелова обеспечить пролет наших самолетов с десантом на Кабульский аэродром». А что он мог сделать? Да ничего. При мне маршал Огарков дважды разговаривал с генералом Гореловым, и дважды становилось ясно, что генерал в сложившейся ситуации не сможет что-либо сделать потому, что лично Амин никого не принимает, даже посла, считая, что он выступал против него, а начальник Генштаба генерал Якуб ссылался на личный приказ Амина сбивать все самолеты, и никто, кроме самого Амина, отменить его не может.

Но всю вторую половину сентября и целую неделю октября Тараки был еще жив, а активных мер со стороны советского руководства по его спасению не было, хотя возможности были. А если сегодня вспомнить о судьбе президента ДРА Наджибуллы, то причиной его трагичной участи стали не только дикие нравы талибов, но и просчеты российского руководства. Ведь человек несколько лет находился в здании ООН в Кабуле, так неужели мы не могли его спасти? Конечно, могли, но не спасли. Тот, от которого лично все это зависело, являлся в прямом смысле пособником палачей, которые зверски расправились с Наджибуллой.

Но прежде трагическая участь постигла Тараки. 8 октября 1979 года произошло тягчайшее преступление. По приказу Амина начальник президентской гвардии майор Джандал, офицеры службы безопасности и президентской гвардии капитан А. Хадуд, старший лейтенант М. Экбаль и старший лейтенант Н. Рузи убили Н. Тараки. Они задушили его. А чтобы не было видно следов — палачи использовали подушку.

Но это преступление хранилось в тайне. Лишь 10 октября было кратко сообщено, что после непродолжительной, но тяжелой болезни Тараки скончался. По приказу начальника Генштаба его похоронили на кладбище Колас Абчикан — на «Холме мучеников». Кстати, совершенно безвинную семью в полном составе Амин заточил в центральную тюрьму Пули-Чархи.

Но обратите внимание, на каком фоне был ликвидирован Тараки, с каким грузом обвинений расстался с народом и ушел из жизни. И все это организовал изощренный тиран Амин, который добрался до власти не без благословения нашего посла А. Пузанова. Конечно, сейчас любому легко критиковать чьи-либо просчеты в прошлом, но я убежден, что при нашем после в Афганистане Ф. Табееве и тем более при после Ю. Воронцове столь одиозной фигуре, как Амин, не удалось бы сотворить все то зло и коварство, на которые оказался способен этот амбициозный властолюбец. А вот при соглашательской позиции А.Пузанова и тем более Б. Иванова (КГБ СССР), на которого, естественно, опирался Пузанов, Х. Амин «расцветал», и по мере его «расцвета» росли и аппетиты. Вталкивая в могилу Тараки, он вместе с тем, в расчете обелить себя, посыпал эту могилу пеплом лжи и диких вымыслов.

Вот только некоторые примеры.

Предъявив Тараки после его возвращения из поездки на Кубу требования о незамедлительном снятии со своих постов четырех министров, Амин наверняка рассчитывал на отрицательную реакцию, так как Ватанджар, Гулябзой, Сарвари и Маздурьяр были самыми близкими и верными для Тараки соратниками. Но Амину как раз отказ Тараки и был нужен. Используя свою сеть, он срочно распространяет слухи (а в Афганистане они срабатывают сильнее, чем ОРТ или НТВ у нас) о том, что Тараки от него, Амина, отвернулся, что он ему не верит, а верит четверке, которая предала ДРА и действует в ущерб государству. «Слухачи» договорились даже до того, что Тараки якобы готовит убийство Амина, но Аллах-де этого не допустит. Через два дня об этом говорили по всей стране, во всех провинциальных городах. Народ возмущался: как может Тараки отворачиваться от Амина, ведь видит Аллах, что Амин служил Тараки верно и вдруг — такая

неблагодарность… После отстранения Тараки от власти и разгона всех его сторонников Амин публикует письмо ЦК НДПА членам партии, в котором «все ставит с ног на голову», извращает все факты и события, обливая Тараки помоями. Вот лишь один фрагмент гнусного клеветнического «письма» Амина, но и он достаточно красноречив:

«Попытка Н. М. Тараки осуществить террористический заговор против товарища Хафизуллы Амина провалилась… Товарищ Х. Амин проявил свою принципиальность, разоблачая культ личности Тараки. Активные сторонники Тараки — Асадулла Сарвари, Саид Мухаммед Гулябзой, Шир Джан Маздурьяр, Мухаммед Аслан Ватанжар — всячески способствовали утверждению культа личности Тараки. Он и его группа желали, чтобы значки с его изображением носили на груди халькисты. Товарищ Х. Амин решительно выступал против этого и заявил, что даже В.И.Ленин, Хо Ши Мин и Ф. Кастро не допускали подобного при своей жизни. Н. Тараки при согласии и с одобрения своей банды хотел, чтобы города, учреждения, улицы были названы его именем. Кроме того, предпринимались усилия в целях сооружения большого памятника Н.Тараки, что вызывало резкий протест со стороны товарища Х. Амина… Банда Тараки постепенно самоизолировалась, перестала подчиняться председателю Совета министров страны и действовала как независимая группа во главе с Н. Тараки».

15 сентября, после «покушения» на Амина, произошел окончательный разрыв между Тараки и Амином, а уже 16 сентября это письмо было направлено из ЦК НДПА во все партийные организации. Весьма и даже сверхоперативно. Как в анекдоте о ретивой пожарной команде, которая выезжает к месту пожара за пять минут до его начала.

Все изложенное в «письме» выглядит примитивно и грубо, но это действовало. И все происходит с точностью наоборот: не кто-нибудь, а именно Амин надрывался и создавал этот, так сказать, культ. Для чего? Чтобы создать хорошую цель для последующего обстрела и внедрения лжи в народную память. Но, как известно, замыслу Амина не суждено было сбыться, а его самого постигла справедливая кара.

Что касается «банды» из четырех министров, то это прекрасные государственные деятели, истинные патриоты своей Родины, преданные народу Афганистана. Лично каждого я отлично знал. Особое уважение у меня вызывал Гулябзой и Ватанжар. Они служили своему народу и никакой личности не прислуживали никогда. Сожалею, что сейчас эти замечательные люди и их семьи, находясь в России на положении беженцев,

бедствуют, как бедствует и весь афганский народ в итоге американской «заботы», проявляемой вот уже более 20 лет. США подключают все новые и новые силы для поддержания пожара в Афганистане. В последние годы им верно прислуживают за хорошие деньги талибы, которые ради наживы готовы уничтожить всех своих соотечественников.

Говоря об ухищрениях Амина, который старался очернить Тараки и вознести себя, мне хотелось бы его действия сопоставить с тем, что в свое время происходило у нас — как до Афганистана, так и после. К примеру, XX съезд КПСС (март 1956 г.), где фактически центральное место заняли «разоблачительный» — как у Амина в сентябре 1978 года на пленуме ЦК НДПА — доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» и принятое по этому поводу постановление. Если это постановление вы сравните с той профанацией, которая изложена в письме ЦК НДПА от 16.09.78 г., то найдете полное сходство. Разве что у Хрущева масштабы и уровень изложения малость повыше, но суть, то есть ложь и грязь, — одна и по содержанию, и по методу действий. Правда, Амин действовал при живом Тараки, чтобы тем самым убить его морально-психологически, а потом и физически. А Хрущев действовал через три года после смерти Сталина, чтобы выкорчевать даже имя его из памяти нашего народа и человечества, а себя возвеличить и провозгласить отцом «демократической оттепели». Мы помним эту «оттепель»: из тюрем выпустили по амнистии всех подонков общества, страна превратилась в экспериментальную площадку, где ломалось и перестраивалось всё и вся — сама партия, Вооруженные Силы, экономика. Вот и рождались двойные обкомы, грабилась травопольная система земледелия, а кукуруза насильно насаждалась чуть ли не за полярным кругом.

А начал Хрущев разоблачать культ Сталина только через три года после его смерти потому, что потребовалось как раз столько времени, чтобы убрать со своего пути всех неугодных себе и замести следы после себя (особенно в киевских и московских архивах). И Хрущев был такой же «деятельный», как Амин. И наоборот.

Или возьмите нападки Амина на четырех государственных деятелей — Гулябзоя, Ватанжара, Сарвара и Маздурьяра. И у Хрущева была группа оппонентов, которую можно было сломить только хорошо спланированной и «обоснованной» ложью. И Хрущев создал такое дело — «Об антипартийной группировке Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова». По иронии судьбы, и там, и там четыре лица. Ну как можно, к примеру, прилепить ярлык антипартийности Вячеславу

Михайловичу Молотову, который был членом партии ВКП(б) с 1906 года, с 1917-го он член Петроградского ВРК, с 1921-го — секретарь ЦК ВКП(б), а с 1930-го — Председатель Правительства СССР! В годы войны Молотов являлся первым заместителем Председателя Совмина, который возглавлял Сталин. Как и другие соратники Ленина и Сталина, Молотов создавал Советский Союз, внес огромный вклад в его развитие. Знал экономику лучше всех в стране (после него это мог сделать только А. Н. Косыгин) и отдал всю свою жизнь служению Отечеству и партии. И этому человеку, уже на седьмом десятке жизни, бросить обвинение, что он фракционист и выступает против партии?! Что может быть подлее и гнусней? Ну, какой он антипартиец, если выступил со своим мнением по вопросам дальнейшего развития страны? Наоборот, к нему надо было прислушаться, как и к Маленкову. Тогда не было бы столько и таких чудовищных, гигантских перекосов и «нововведений» Хрущева, которые подрывали устои социализма и мощь страны. Да и вообще Хрущев ведь не партия. И если у Молотова расходятся мнения с Хрущевым, то это не значит, что мнение Молотова расходится с партией.

А если взять последнее десятилетие, то и здесь можно провести аналогию с действиями Амина. Например, Государственный Комитет по Чрезвычайному положению (ГКЧП) выступил в августе 1991 года против политики Горбачева, направленной на развал СССР, выдвинул свою программу стабилизации обстановки и сохранения Союза, а Горбачев и Ельцин бросили его членов в тюрьму. Однако то, что одного из участников процесса по делу ГКЧП оправдали, а других, не определив, есть ли вина или нет, амнистировали, — это говорит о мерзкой лживости, на которую пускаются во имя своих целей гнусные предатели типа Горбачева и Ельцина. Афганские амины точно такие же.

Тогда в момент перехода в Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР сложившаяся ситуация в Афганистане обрушилась на меня, как громадная волна. Я обязан был знать не просто общую обстановку, но врасти во все ее детали, потому что обязан был ежедневно давать справку о происходящем в этой стране и вносить свои предложения, которыми мог бы воспользоваться министр обороны на встрече с Л. И. Брежневым или на заседании Политбюро. Изучал все, естественно, ночами — днем всё бурлило и для размышлений времени практически не оставалось. Хорошо, что офицеры на это направление были подготовлены сильно, начиная с начальника направления генерала Владимира Алексеевича Богданова. Кроме того, хорошую помощь в личной подготовке мне оказали мидовцы, особенно Георгий Маркович

Корниенко, а также кагэбисты и, естественно, в первую очередь, Владимир Александрович Крючков — в то время он был начальником Первого Главного управления КГБ, которое занималось внешней разведкой.

Кроме афганской проблемы, в это же время было много крупных международных и внутрисоюзных, а также наших, чисто военных вопросов, которые требовали рассмотрения, оценки, доклада руководству с выводами и предложениями.

Мне надо было глубоко разобраться во всем, что происходило и что прямо или косвенно влияло на наши военные проблемы.

Одна из проблем — диссиденты. Казалось бы, какое отношение они имеют к нам, военным? Ан нет! В течение 1978–1979 годов (да и раньше) у нас в стране проходил ряд судебных процессов над диссидентами, что для антисоветчиков США, конечно, было прекрасным поводом раскручивания оголтелой пропагандистской кампании против Советского Союза, социализма, коммунистической идеологии. Президент США Картер, весьма активно поддерживая этот накат на СССР (с избирателями надо же было заигрывать), тоже выкидывал фортели. В его бытность он отдал распоряжения о том, чтобы отменили поездки в СССР ряда официальных лиц США. На каком основании? Оснований не было.

Верно говорил им, американцам, тогдашний министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, что всё это наше внутреннее дело и Соединенным Штатам нечего нам подсказывать. В США подняли вой по поводу нарушения прав человека в СССР, тогда как в их собственной стране даже в то время линчевали негров, отстреливали и загоняли в резервации последних индейцев, представлявших коренное население Америки. Эти чудовищные действия с нашими судебными процессами над несколькими десятками диссидентов даже сравниваться не могут. Однако наша страна не вмешивалась во внутренние дела США. Да, были возмущенные выступления общественности в прессе и по телевидению, но наше руководство по этому вопросу никаких советов руководству США не давало, тем более не ставило в зависимость наши межгосударственные отношения. В то же время администрация Картера не только отменяла целый ряд запланированных официальных поездок, но и приостанавливала другие различные контакты с СССР. Такие шаги со стороны руководства США все дальше загоняли наши отношения в тупик.

Сложной уже в 1978 году была и ситуация вокруг нашего соседа Ирана. Дело в том, что Картер поддерживал иранского шаха и принимал срочные меры по спасению его режима, посылая

в Иран множество своих «специалистов» и большие партии оружия. Несомненно, наше правительство высказало свою озабоченность этим и вынудило США сделать официальное заявление о том, что они не намерены вмешиваться во внутренние дела Ирана. Но это отнюдь не улучшило наши отношения США и на эту тему. Тем более что в последующем события в Иране развивались так быстро, что шах еле унес оттуда ноги, иранцы же вдруг выступили с проклятиями в адрес американцев.

Вдруг Картер в конце 1978 года форсирует улучшение отношений с Китаем. Это было явно направлено против Советского Союза. А в первой половине 1979 года отношения между США и Китаем становятся лучше, чем это было когда-то.

И в это время без совета с Советским Союзом Вьетнам вводит свои войска в Кампучию, по просьбе последней.

В связи с этим Китай нападает на Вьетнам. Причем делается это сразу по возвращении Дэн Сяопина в Пекин после официального визита в США. Это была демонстрация силы. Естественно, от нас американцы в связи с этим ничего хорошего не услышали. США оправдывали Китай и требовали вывода вьетнамских войск из Кампучии. Кроме того, американцы не замедлили напомнить о наших советских специалистах во Вьетнаме и предупредить, что наращивание их количества в условиях инцидента между Вьетнамом и Китаем может привести к тяжелым последствиям. Естественно, наш МИД дал отповедь американцам, заметив, что это касается наших с Вьетнамом отношений и никого более. В общем, опять тучи.

Так же внезапно американские спецслужбы выплеснули на страницы печати «утечку информации» якобы о появлении на Кубе советской бригады численностью 2600 человек с танками и бронетранспортерами. И подавалась эта чушь, будто бригада несомненно представляет угрозу для США. Конечно, это звучало, как сенсация. Но она была выдумана от начала и до конца. Всё, всё — ложь! Представьте, читатель, о какой угрозе могла идти речь, если даже это была и бригада? Но новый кризис вокруг Кубы уже обеспечен, а нашим отношениям с США опять дан подзатыльник. А ведь этот контингент советских войск фактически представлял собой всего лишь учебный центр, где обучались кубинские военные, он уже почти 20 лет находился на территории Кубы, и вопрос о нем никогда не поднимался. Вообще с 1962 года по заключенным соглашениям с Кубой у нас не было никаких нарушений.

Американцы также видели «угрозу» стратегическим интересам США в Мозамбике, Эфиопии, Йемене, Анголе. И по

некоторым из них администрация Картера просила определенного содействия. Например, по Йемену. Как известно, страна была расколота на Северный Йемен, находившийся под влиянием США, и Южный, где было влияние СССР. По просьбе американцев Советский Союз давал рекомендации Южному Йемену «не задираться» и не развязывать боевых действий с Северным Йеменом.

Все эти и другие ситуации создавали в целом крайне неблагоприятную обстановку в отношениях СССР и США. Конечно, по всему перечисленному свой крест в основном несло наше Министерство иностранных дел. А Министерство обороны, Комитет государственной безопасности и другие лишь участвовали во всех этих делах. Но вся беда в том, что названные и другие проблемы, вместе взятые, прямо влияли на переговоры по ОСВ-2 (ограничение стратегических вооружений). А интересы военных, как и мидовцев, здесь представлены непосредственно.

У читателя может возникнуть вопрос: при чем здесь, к примеру, кризис вокруг Кубы, а тем более диссиденты в СССР и переговоры о сокращении стратегического ядерного оружия? Верно! Прямой связи нет, да и внешне отсутствует какая-либо логика. Однако антисоветские силы в США и непостоянство, шарахание в крайности президента Картера, конечно, постоянно вносили поправки в избранный курс.

Дело в том, что очень часто судьба переговоров по ОСВ американской стороной ставилась в зависимость от затронутых выше событий. И прежде всего это делал сам Картер, что по меньшей мере вызывало у нашего руководства удивление и разочарование. А когда в ноябре 1979 года фундаменталисты Хомейни захватили в Тегеране посольство США и более 60 человек сотрудников стали их заложниками, Картер, судя по внешним признакам, вообще капитально растерялся. Поэтому долгое время вообще никакие вопросы между двумя странами не рассматривались, в том числе и ОСВ.

Договор ОСВ-2 превратился в «долгострой».

Приняв эстафету Белого дома от Никсона, президент Форд ознаменовал, на мой взгляд, свое правление уже тем, что летом 1975 года принял участие в Совещании 35 ведущих стран мира по вопросам безопасности и сотрудничеству в Европе. Совещание проходило в Хельсинки. Подписанные документы имели три основных направления: безопасность, экономика и гуманитарное сотрудничество. Если говорить о конкретных моментах, то для нас, как и для большинства стран, важнейшим событием стало признание участниками совещания послевоенных границ и утверждение сложившейся политической карты Европы.

Народы мира с благодарностью отнеслись к этому акту. Тем более дико выглядела на этом фоне обструкция, которая была устроена Форду по возвращении его в США всеми средствами массовой информации страны, а также руководством ведущих партий. Они резко критиковали Форда за то, что он подписал документы в Хельсинки. В связи с этим легла пелена тумана и на вопросы подписания договора по ОСВ-2, т. е. первое из трех направлений Хельсинки — безопасность. Новые проблемы возникли в связи с появлением новой военной техники. На мой взгляд, любой договор (если у сторон есть желание дать ему жизнь) надо подписывать в тех рамках, которые были определены первоначально. А поправки, рожденные в ходе переговоров (например, в связи с развитием техники и вооружения), можно вносить позже, дополнительно. Иначе договор никогда не будет подписан.

Но Форд, не желая ни с кем ругаться, шел вперед очень осторожно, как по тонкому льду. А ведь периодами можно было и «порычать», а кое-кому и дать по зубам, например, оголтелому «ястребу» — министру обороны США, который, засыпав американцам глаза пеплом лжепатриотизма, начал орать о наступившей «возможности применения Соединенными Штатами ядерного оружия против СССР».

Естественно, переговоры рабочей группы по ОСВ в Женеве не продвигались, а тлели. Форд же при каждом удобном случае продолжал передавать нашему руководству, что он в отношении ОСВ настроен решительно. Однако в связи с отказом конгресса США Советскому Союзу в предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле (1974 год), разумеется, по политическим мотивам (что никак не было связано с проблемами эмиграции, как нам пытались внушить), в советско-американских отношениях начался спад. С того момента тенденция ухудшения отношений прошла через все президентство Форда и перекинулась к Картеру. И хотя не только в проблемах ОСВ были пущены хорошие корни, но реальные возможности реализованы не были. Справедливости ради замечу, что в этом виноваты не только Форд и его администрация, но и наши политики.

Однако Картер с первых дней президентства решительно заявил о своем намерении радикально сократить ядерные вооружения, поэтому не пошел сразу по пути преемственности и, следовательно, завершения — подписания договора ОСВ-2. Но жизнь внесла свои поправки и широкий замах Картера все-таки вошел в рамки, уже определенные проектом договора ОСВ-2, над которым работали много лет. Но и здесь он первоначально хотел повернуть все так, будто договор сверстан только при нем.

Отсюда и поползновения на наши интересы (сокращение наших тяжелых ракет на 50 процентов, запрещение строительства— а у нас они уже строились — мобильных межконтинентальных баллистических ракет и т. п.). В то же время новые условия, разработанные с участием Картера, американскую сторону ни к чему не обязывали. То есть определялись совершенно новые условия только для нас.

Все это вызвало резкое осуждение со стороны советского руководства и посеяло недоверие к личности Картера. Действительно, демагогия и популизм были налицо. Это наложило отпечаток и на создание и подписание договора ОСВ-2. Фактически было затрачено еще почти два года, чтобы проект договора приобрел окончательную форму и мог быть представлен главам государств на подпись.

Наконец летом 1979 года договор по ОСВ-2 был подписан, а вскоре был ратифицирован Верховным Советом СССР. Однако конгресс США его так и не ратифицировал.

Много лет спустя осенью 1995 года Нобелевский институт решил провести конференцию по вопросу «Кто виновен в разрушении наметившегося в конце 70-х — начале 80-х годов потепления между СССР и США». Институт пригласил в основном ветеранов — политиков, дипломатов, военных Советского Союза и Соединенных Штатов. Однако среди них были, так сказать, и действующие, т. е. находящиеся на службе. По замыслу руководства института эти команды должны были в полемике открыть истину. Разумеется, устроители конференции подбрасывали в дискуссию свои «наводящие» вопросы.

В составе группы от России в числе прочих принимали участие: А. Ф. Добрынин, представлявший МИД и ЦК; Л.В.Шебаршин — как представитель КГБ; А. А. Ляховский и В. И. Варенников — оба от Министерства обороны СССР. Американскую сторону представляли три бывших директора ЦРУ, бывшие дипломаты и политики. Должен был приехать и Бжезинский, однако, посмотрев, кто будет принимать участие от России, сразу рокировался и сказался больным. Думаю, что главной причиной тому было появление в нашем списке Анатолия Федоровича Добрынина. Возможно, Бжезинского смущали и другие. Но главное — Добрынин, который блестяще знал все тонкости и видел весь «айсберг» проблемы, а не только его верхнюю часть. Ведь будучи послом СССР в США, точнее, являясь самым сильным и самым долговечным послом Советского Союза, Анатолий Федорович Добрынин создавал прекрасную обстановку для контактов со всем, без исключения, окружением шести президентов США, как и с самими президентами, исключая

покойного Д. Кеннеди: Л. Джонсоном, Р. Никсоном, Д. Фордом, Д. Картером и Р. Рейганом. Учитывая, что Бжезинский входил в команду Картера (был помощником президента по безопасности), то и он попал в сферу внимания Добрынина. Судя по сообщениям в прессе, у Бжезинского с Картером были даже приятельские отношения. Поэтому, на мой взгляд, Бжезинскому неудобно было бы в присутствии Добрынина лгать для того, чтобы в очередной раз опорочить Советский Союз (а для Бжезинского «деяние» такого рода — просто патологическая потребность, как у наркомана принятие дозы наркотика) и, естественно, показать в благовидном плане Соединенные Штаты и президента того времени Картера. Поэтому эту задачу Бжезинский поручил выполнить своему заместителю.

Тогда главным аргументом американцев был ввод наших войск в Афганистан. Мол, коль вы ввели в декабре 1979 года свои войска в эту страну, «США решили не ратифицировать договор ОСВ-2». Мы же доказали американцам, что нератификация договора была одним из мощных ударов конгресса по Картеру, которого они решили на завершающем этапе президентства «утопить», чтобы он и не пытался выставлять свою кандидатуру на второй срок.

Даже не разбирая всех нюансов, а лишь взглянув на эту так называемую связку — ввод наших войск в Афганистан и ратификация договора ОСВ-2, нельзя не удивиться бесцеремонной бестолковости американской стороны. Ну никак одно не может обуславливать другое или быть в зависимости. Афганская проблема — это отношения СССР и ДРА, а не СССР и США. И если здесь есть какие-то нарушения, то это дело ООН, а не США. А вот договор ОСВ-2 — это отношения США и СССР. Больше того, эти отношения, и особенно сама проблема ОСВ-2, являются судьбоносными для человечества. При чем здесь Афганистан? Где находится Афганистан и где — ракеты?! О такой «связке» говорит поговорка: «В огороде — бузина, а в Киеве — дядька!»

Но к этой встрече в Нобелевском институте в Осло автор еще вернется. А сейчас кратко — об Афганистане, который тоже «свалился» на Генштаб и, следовательно, на меня тоже.

Если в начале 1979 года советское руководство на просьбу афганского правительства ввести войска отвечало категорическим «нет», то 12 декабря 1979 года это же руководство принимает принципиально противоположное решение: ввести советские войска в Афганистан по настоятельной просьбе афганской стороны и с учетом сложившейся вокруг этой страны ситуации, имея в виду договорные обязательства.

Причиной и поводом к принятию такого решения было не просто стремительное развитие событий. И не только убийство Тараки в октябре 1979 года. Главным было то, что, по данным нашего КГБ, Амин (после безуспешного и многократного обращения к Москве с просьбой ввести войска) начал заигрывать с американцами. Конечно, Амин не был американским агентом, как кое-кто поговаривал в КГБ, но игру свою он с ними начал. Нам же, кроме того, нельзя было больше спокойно смотреть на развязанный Амином террор против своего народа. В основе решения советского руководства лежал расчет на то, что присутствие наших войск в Афганистане позволит остудить горячие головы сторонников Амина, да и оппозиционных сил и, наконец, исключит возможные поползновения американцев, стабилизирует обстановку.

Сегодня можно критиковать наше руководство со всех позиций, но известно одно: оно совсем не задумывалось о том, что надо или не надо делать выбор между политикой разрядки и вводом наших войск в Афганистан. Наши руководители, к сожалению, считали, что здесь нет и не может быть никакой связи и что ввод войск будет разрешен на двусторонней основе. Однако все пошло кувырком и совсем наоборот. Не история, как заявляют даже сейчас некоторые политики, осудила Советский Союз, а Соединенные Штаты поработали умно и коварно. (Еще бы! С их богатым опытом по Вьетнаму!) Американцы сделали все, чтобы завопил практически весь мир в связи с советским, так сказать, экспансионизмом.

Это был обвал. Мы в Генштабе вертелись, как белки в колесе, отыскивая теперь уже не выход, а хоть какие-нибудь облегчающие для нашего руководства позиции. Мы «вооружали» наших руководителей всевозможными выкладками, в том числе развенчивали американцев в том, что у них двойные стандарты: одно дело — оценка действий США (например, во Вьетнаме или Доминиканской Республике) и другое дело — действия СССР.

Однако самое интересное в политике США того времени в связи с афганскими событиями было то, что США на каждом углу обливали «помоями» Советский Союз за его «агрессию» и одновременно сделали всё, чтобы наши войска ни в коем случае не покинули Афганистан. Американцы лезли из кожи, чтобы активизировать оппозицию в Афганистане и железной хваткой принудить советские войска воевать, а не располагаться гарнизонами, тем более чтобы мы и не подумали осуществить обещание Л. И. Брежнева вывести наши войска через несколько недель, данное им еще в начале ввода наших войск.

Выбрасывание огромных денег, бесчисленного вооружения,

боеприпасов, различного имущества, подключение других стран (особенно Пакистана и Саудовской Аравии), создание по соседству с Афганистаном мощной инфраструктуры для подготовки отрядов моджахедов — такова была центральная линия действий американской администрации.

«Холодная война» вступила в новый этап своего развития.

Весь 1980 год вынуждены были работать в условиях, когда в США правила администрация Картера и, что особенно важно, в ее составе был суперсовременный антисоветчик Бжезинский. Он сыграл особую, естественно крайне негативную роль в судьбе отношений США — СССР. Ни госсекретарь Вэнс, ни министр обороны Браун, ни другие официальные лица так не давили на Картера, как Бжезинский. В конечном итоге Бжезинский, переиграв всё окружение президента, капитально оседлал Картера и бесцеремонно погонял его в проведении антисоветской политики. Ввод советских войск в Афганистан был неоценимым подарком для Бжезинского. И он с благодарностью судьбе максимально этим воспользовался — сделал руками Картера против Советского Союза всё, что было возможно в то время.

В октябре 1996 года случай забросил меня в США, где помимо других у меня состоялась встреча и с Бжезинским. Он говорил сидя. Я заранее знал, что он скажет (меня даже подмывало прервать его словами: «Господин Бжезинский, давайте я продолжу вашу речь…»), и поэтому не столько анализировал его тираду, сколько рассматривал худощавое, надменное лицо, как у многих поляков, лицо злобствующего, но еще не утратившего рассудка сухого старика.

Рассматривал и думал, откуда у этого человека столько злобы и ненависти ко всему российскому, русскому? Даже если он сформировался как личность в период диктатуры Пилсудского, то и в этом случае не должно быть такого отторжения от всего русского.

Разумеется, у него могли быть антикоммунистические, антисоветские выпады, тем более если семья Бжезинских была богатой. Но почему у него в основе всего был антироссийский подход, почему он столь резко выраженный русофоб? Если считать причиной все обиды разделов польских земель, то он совершенно неправ. К примеру, Петр Великий, разгромив в 1709 году шведов под Полтавой, вернул Августу II польский престол. В основе последнего (третьего) раздела Речи Посполитой лежал отход этнически польских земель Пруссии и Австрии, но не России. Наполеоновские исходы и разгром Наполеона вызвали новые потрясения на польской земле. Да в том году и появилось Королевство Польское (или царство Польское), как составная

часть России. Но этого могло и не быть, не появись Наполеон в Восточной Европе. Далее революционные потрясения — в России и в Польше: 1905 год, февраль 1917 года, октябрь 1917 года. В 1918 году Советское правительство приняло подписанный Лениным Декрет об отказе от договоров и актов, заключенных правительством бывшей Российской империи о разделах Польши. Но Версальский мирный договор 1919 года оставлял за Германией всю Силезию и ряд других земель. Однако при чем здесь Россия?

Вторая мировая война, развязанная гитлеровской Германией, нанесла большой ущерб Польше и принесла огромные страдания польскому народу. Но от немецко-фашистской оккупации освободила Польшу именно наша Красная Армия, при этом только убитыми потеряв 640 тысяч воинов (кстати, я на территории Польши был ранен дважды: на Магнушевском плацдарме и при форсировании Одера). А ведь Бжезинский не нюхал пороха, когда его соотечественники были в беде. Но особо важно подчеркнуть, что именно благодаря настойчивой и последовательной линии Сталина на Тегеранской — 43 года, Крымской — 45 года и Потсдамской — 45 года конференциях Польше были возвращены ее исконные земли и была установлена западная граница по рекам Одер и Нейсе.

Спрашивается, откуда у Бжезинского такая ненависть к России? А если вспомнить ту материальную, финансовую, интеллектуальную помощь, которую оказал советский народ польскому народу в послевоенное время, то каждому поляку надо кланяться в сторону России, а не ворчать. Одно только восстановление Варшавы чего стоило Советскому Союзу! Тем более в то время, когда половина нашей собственной страны еще лежала в руинах.

Я смотрел на Бжезинского и удивлялся — почему он такой злой на нас? Ведь 640 тысяч советских воинов погибло за освобождение Польши. Или этого делать было не надо? Пускай работали бы лагеря массового уничтожения поляков в Освенциме и Майданеке? А ведь они же функционировали уже в 1940 году… Мы, Советская Армия, СССР, спасли Польшу и поляков.

И вот во времена Картера американский поляк Бжезинский сделал все, чтобы максимально взвинтить отношения СССР и США.

Внимательно анализируя его деятельность, все больше приходишь к выводу о том, что это крупный, международного масштаба, провокатор. Опасно подпускать такого типа людей к большой политике. Это все равно что людоеда ставить, допустим, хирургом. В первые дни и месяцы ввода наших войск в

Афганистан Бжезинский выколотил из Картера по афганской проблеме все возможное и невозможное.

Получая ежедневно сводку Главного разведывательного управления Генштаба по обстановке в мире (сводка давалась министру обороны, его первым заместителям и в первую очередь начальнику Генерального штаба, начальнику Главного политического управления, а также первым заместителям начальника Генерального штаба), мы отмечали, что практически не было такого дня, чтобы президент Картер, как школьник, который впервые увидел телекамеру, не распинался бы перед американцами, нагоняя черные тучи на политический небосклон.

«Ничего нет трагичнее в мире в сравнении с изуверским шагом Советов, посягнувших на суверенитет Афганистана и его свободолюбивого народа. Это, конечно, еще только прелюдия к главному. А главное — вслед за Афганистаном будет Пакистан или Иран, но, возможно, и то, и другое. Почему именно эти страны? Да как же может быть иначе? Ведь глобальная цель СССР — выход к Индийскому океану! А что означает выход в Индийский океан такой сверхдержавы, как Советский Союз? Это прямая угроза национальным интересам и безопасности уже непосредственно Соединенным Штатам (хотя от американских берегов туда 12–15 тысяч километров. — Автор), — твердил Картер. — А коль так, то надо принимать всяческие и экстренные меры. Какие уж там переговоры по ОСВ? Разве сейчас до них? Все идет на второй план, в том числе и ядерное оружие. Сейчас главная опасность для мира и в первую очередь для США представляют войска Советского Союза в Афганистане. Вот куда должен смотреть весь мир и в первую очередь американцы».

Такой ход мыслей вдалбливал обывателю Картер, повинуясь, естественно, серому кардиналу Бжезинскому. А тот все потирал руки — Картер даже первые новогодние дни весь свой интеллект направил на те «драматические» события, которые Советский Союз развязал на Среднем Востоке.

Вот такие дела! Драма! Нет, мир должен немедленно принимать к СССР меры. Иначе — катастрофа!

И мир, через послушную ООН, с помощью США принимал меры: заклеймил СССР и пригвоздил его к позорному афганскому столбу. Американцы обожглись на вьетнамской афере, поэтому знают и «почем фунт лиха», и как втянуть в подобную аферу других. А втянув, знали, как и что надо делать, чтобы годами качать политическую прибыль, загоняя своего противника в долговую яму и лишая его многих позиций, составлявших мировой авторитет страны.

Картер — Бжезинский (а точнее — наоборот) своими

хамовато-циничными действиями хотели максимально жестко «проучить Советы» за Афганистан. Президент США опустился даже до того, что организовал бойкотирование Олимпийских игр, которые проводились в Москве летом 1980 года. И некоторые страны (что значит зависимость!!!) действительно не прислали своих официальных команд — от них приехали спортсмены лишь в частном порядке.

Конечно, Бжезинский знал, что «афганский конь» не вывезет Картера в президенты на второй срок. Но Картер этого не знал и из кожи лез — старался. А Бжезинский всё просчитал. Он, кстати, видел, что президент явно перегибает палку и тем самым наносит ущерб себе, но не удерживал Картера от перегибов, а подталкивал к ним. Возникает справедливый вопрос: как же так — сам входит в команду президента и вдруг почему-то не заботится о его имидже? Представьте, что именно так и было. Но почему? А потому, что политически ненавидящему Россию Бжезинскому было несравненно важнее нанести ущерб нашей стране, нежели блюсти престиж Картера. Замарать, навредить, оболгать Советский Союз — это стало не только генеральной линией Бжезинского, но и целью его жизни. Вот почему он даже сейчас пользуется значительным весом в антисоветских, антироссийских кругах США.

Вообще-то, являясь у Картера помощником по безопасности, Бжезинский не мог не понимать, что с провалом шефа он тоже обязан будет уйти, поскольку новый президент придет со своей командой. Казалось бы, надо было хоть и снижать престиж Картера на антисоветском поприще, но в таких разумных пределах, которые бы позволили ему надеяться на переизбрание. Однако сознание Бжезинского от одного наименования Советского Союза или России просто заклинивало, и он уже действовал, как разъяренный бык при виде красной тряпки.

В итоге деятельность Картера для нас, как и для народов планеты в целом, была негативной. По главному его курсу — т. е. укреплению мира (в том числе ратификации договора ОСВ-2) был полный провал.

В январе 1981 года президентом США становится Р. Рейган, который с первых дней своего руководства перешел в атаку на жалкие остатки потепления, которые кое-где еще просматривались в отношениях между США и СССР. Он явно хотел блеснуть. Надо не забывать, что Рейган артист, стремление же блеснуть характерно для любого нормального артиста. Напрасно пытаться отыскать у Рейгана водораздел между президентом и артистом, так как он всегда и везде был в обоих ролях одновременно.

Рейган хотел не только блеснуть у себя в Штатах, но и в мире в целом. И не просто блеснуть, а, используя все негативы своего предшественника, основательно его переплюнуть. Естественно, важнейшей платформой в этих планах был антисоветизм. Отсюда можно в принципе представить, каким был этот рейгановский период для дипломатов и для нас, военных, особенно если взять переговорный процесс и стремление США оболванить мир своей глобальной Стратегической оборонной инициативой (СОИ).

Вот с такой ситуацией приходилось иметь дело на внешнеполитическом поприще в период моего становления в Генштабе.

По-своему сложным в то время был и процесс внутренней жизни в СССР, — я имею в виду прежде всего строительство и развитие Вооруженных Сил, приведение их структуры и способов применения в соответствие с новыми видами оружия и боевой техники, которые поступали на вооружение. Это был период расцвета всех видов оружия и систем управления ими. Особо ярко это было выражено в стратегических ядерных силах и в первую очередь в Ракетных войсках стратегического назначения. В мое время этими войсками командовал генерал армии В. Ф. Толубко.

Во-первых, сами тяжелые ракеты совершенствовались и поэтому к их маркировке добавлялась приставка — УТТХ, т. е. усовершенствованные тактико-технические характеристики. Появлялись улучшенные системы управления, разделяющиеся головные части (РГЧ), был сделан мощный задел на перспективу — в том числе должна была появиться тяжелая ракета с минометным стартом, головная часть которой несет десять и более боевых частей.

Во-вторых, появился подвижный ракетный комплекс «Пионер» с дальностью стрельбы от 500 до 5000 километров. Комплекс очень эффективный — высокая живучесть, точность удара, маневренность. Он позволил высвободить тяжелые ракеты от планирования выполнения задач в ближайших к Советскому Союзу районах Европы и Азии и перенести удары первых на более отдаленные цели.

В-третьих, в РВСН появились боевые железнодорожные ракетные комплексы (БЖРК). Систематическое перемещение этих комплексов, конечно, вносило неразбериху в планирование американцев — они не могли, не способны были просто физически в любой момент определить точные координаты этих ракетных комплексов, а следовательно, не могли выдать и данные для прицеливания тех средств, которые должны были их уничтожить. Мы это достоверно знали.

Говоря о РВСН, нельзя обойти и две другие составляющие

триаду стратегических ядерных сил — стратегические ядерные средства ВМФ и ВВС.

В Военно-Морском Флоте — Главнокомандующий — адмирал флота Советского Союза Сергей Георгиевич Горшков — основу ядерных средств составляли атомные и дизельные подводные лодки класса БДР. Были и многоцелевые лодки, которые несли и ракеты, и торпеды с ядерными зарядами. Наконец, надводные корабли делились на ракетоносцы, которые несли крылатые ракеты для ударов по надводным и наземным целям, и авианесущие, на борту которых размещалась авиация, способная наносить удары ядерными боеприпасами. Но особо надо отметить, что в то время открывалась отличная перспектива — атомный подводный флот ожидал новую подводную лодку, которую назвали «Акулой» (941-й проект). Этот катамаран состоит из двух параллельно расположенных корпусов, соединенных поверху и бортами. Каждый корпус несет 10 ракет, в свою очередь каждая ракета имеет головную часть из 10 боевых зарядов. Таким образом, одна подводная лодка несла 200 ядерных зарядов, каждый из которых должен был поражать свою цель. Наконец, на флоте имелись и береговые ракетные комплексы с крылатыми ракетами «Берег — корабль». Это оперативно-тактическое средство в стратегические ядерные силы не входит, но имеет большое значение в борьбе с корабельными группировками и при обороне побережья.

Что касается Военно-Воздушных Сил — Главкомом был Главный маршал авиации Павел Степанович Кутахов, — то, на мой взгляд, как стратегическое ядерное средство они и в прошлом и тем более сейчас все больше утрачивают свое значение. Самолеты дальней авиации просто не долетят до назначенных целей. Тем более что и необходимости такой нет — часами лететь за тысячи километров, тогда как в считанные минуты баллистические ракеты могут решить те же задачи и без потерь. Другое дело, если самолеты являются носителями крылатых ракет с дальностью действий в 6 тысяч и более километров. К примеру, самолет поднялся на 10–12 километров, в заданном направлении сбросил с борта до 20 такого типа ракет (плюс с неотражающей поверхностью), а сам развернулся и полетел на базу. А крылатая ракета, пролетев в благоприятных условиях основное расстояние за 1–1,5 тысячи километров, снижается в плотные слои и, продолжая лететь на предельно малой высоте (100–200 метров), идет к цели, являясь практически неуязвимой. Очень эффективно.

Но ВВС несравненно сильны своей фронтовой и армейской (штурмовой) авиацией. И особенно если она с ядерным оружием.

Эта авиация практически незаменима в любой операции, особенно когда речь идет о поражении подвижных целей.

Стратегические ядерные силы, безусловно, являются средством нападения. Точнее и разумнее — средством сдерживания. Нападать, а следовательно, применять ядерное оружие — конечно, это самоубийство, что наконец понимают уже все. Но учитывая, что в мире еще есть маньяки и мы не застрахованы от самой дикой неожиданности, то мы и обязаны стратегические ядерные силы (начиная от системы предупреждения о ракетно-ядерном нападении— СПРН) содержать в полной готовности к немедленному применению и быть уверенными, что любой ядерный агрессор в случае нападения получит возмездие, т. е. наш неприемлемый удар, и перестанет существовать вообще.

Этим мы и занимались. И хотя для меня эта область была до 1979 года знакома лишь в общих чертах, мне удалось с помощью офицеров наших управлений не только все освоить в короткие сроки, но и пустить корни — выходить на заседания «пятерки» с предложениями по вопросам сокращения стратегических ядерных вооружений, а на наших тематических (часто научно-технических) совещаниях активно участвовать в выработке линии развития того или иного вида оружия.

Конечно, развитие Сухопутных войск — Главнокомандующим в то время был генерал армии И. Г. Павловский— для меня особых проблем не представляло, хотя детали производства бронетанковой техники, современной артиллерии, войсковой ПВО и особенно армейской авиации были мне не известны. Особую нишу в познании всего и вся по Сухопутным войскам занимали НИОКРы — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

А вот ПВО страны — маршал Советского Союза Павел Федотович Батицкий передавал главное командование этим видом ВС маршалу авиации Александру Ивановичу Колдунову — были предметом такого же изучения, как и стратегические ядерные силы в целом, как и ВМФ. Чтобы знать на высоком уровне флот и ПВО страны, особенно противоракетную оборону (построенную в том числе и особенно вокруг Москвы), требовалось и много времени, и сил. А знать было необходимо для того, чтобы правильно выстраивать политику развития Вооруженных Сил в целом и техническую политику в частности, а также, чтобы правильно организовывать их подготовку.

Отдельно и достаточно много времени занимало изучение родов войск, в том числе воздушно-десантных войск, разведывательных, инженерных и химических войск,

автотракторной службы Министерства обороны. Особое место занимали проблемы связи, поскольку материальную основу управления Вооруженными Силами надо было не только знать досконально, но и видеть перспективу развития, что всегда мог блестяще представить маршал войск связи А. И. Белов.

Наконец, тыл и строительные войска. Тылом командовал маршал Советского Союза Семен Константинович Куркоткин. Тыл в наших стратегических планах занимал исключительное положение. Поэтому мы ясно представляли себе не только принципиальное эшелонирование тыла, но и его состояние на каждом стратегическом направлении, в важнейших группировках войск (таких, например, как Группа Советских войск в Германии). Мы четко и ясно представляли себе, какие, в каких объемах и где создавались запасы: неприкосновенные — на случай войны и текущие — для обеспечения повседневной жизни.

Сегодня особо важно подчеркнуть: запасы у нас были такими, что они гарантированно обеспечивали многомесячное ведение боевых действий всеми Вооруженными Силами без поставок из народного хозяйства. А сейчас в результате преступно-халатного отношения к обеспечению Вооруженных Сил вообще и сохранению запасов в частности эти неприкосновенные запасы («НЗ») в подавляющем большинстве иссякли — пошли на повседневное обеспечение жизни личного состава и деятельности войск или разворованы. Возникает вопрос — а если грянет гром? А если завтра война? Что делать? Никто в стране на это ответить не может, а соответствующие должностные лица говорят: не надо сгущать краски. И это еще больше усугубляет проблему. Надеемся, с приходом нового президента РФ В. В. Путина и нового министра обороны С. Б. Иванова обстановка изменится к лучшему. Во всяком случае, основания для таких надежд имеются.

Такие параллели — что было и что есть — можно проводить до бесконечности. Кстати, раньше боевая учеба (маневры, стрельбы всех видов, вождение боевых машин, кораблей, самолетов) била «ключом». Сейчас — все «ключи» пересохли. Никто не водит, не стреляет, учений не проводят. Почему? Нет денег!

Несколько слов о военных строителях. Главным строителем Вооруженных Сил был маршал инженерных войск Николай Федорович Шестопалов. Всего в 80-х годах строителей насчитывалось более миллиона. Они не только создавали инфраструктуру Вооруженным Силам, но и по указанию руководства страны строили многие объекты для государства. Однако весь состав строителей учитывался как ресурс, и в случае

объявления особого положения все они шли на пополнение боевых частей. Поэтому в программе обучения военного строителя имелись не только чисто строительные специальности, но и изучение общевойсковых дисциплин (уставы, материальная часть оружия, стрельбы, тактическая подготовка).

Ко нечно, в сферу внимания Генштаба входили и все, кто был в других ведомствах (министерствах), но носил погоны и имел оружие. Это в первую очередь Пограничные войска, входящие в состав КГБ, и войска МВД. Кроме того, еще со времен Хрущева некоторые министерства, например Министерство среднего машиностроения, начали «баловать» выделением в их подчинение воинских формирований, которые насчитывали несколько тысяч человек. Они тоже учитывались в общем плане использования ресурсов. Разумеется, такого типа вопросы были прерогативой Главного организационно-мобилизационного управления, но мне, как и все остальное, должно было быть известно.

Прошли первые пять-шесть месяцев моего напряженного труда в Генеральном штабе. Я уже фактически адаптировался. А через год — свободно оперировал точными и самыми свежими последними сведениями из любой военно-политической области, пользовался на память любыми цифрами. Хорошо знал все группировки войск и сил флота. Имел необходимый для служебной деятельности широкий круг знакомств, особенно в МИДе, КГБ, Военно-промышленной комиссии при Совмине, Госплане, в ряде министерств, в Академии наук, во многих КБ, НИИ и крупных предприятиях. Быстро устанавливал деловые связи с руководством союзных республик. Но самое главное— были быстро найдены контакты с окружением Л. И. Брежнева. А если точнее, то эти лица сами проявили инициативу к этому. Дело в том, что для Совета обороны, председателем которого являлся Леонид Ильич, все документы готовились у меня. Поэтому необходимость тесных контактов просто была вызвана жизнью. Секретаря Совета обороны, которым в то время был С. Ахромеев, мы (Огарков, Ахромеев и Варенников) договорились с моим приходом в Генштаб не менять, чтобы не создавать проблем для Брежнева.

В целом оказалось, что не так страшен черт, как его малюют! До работы в Генеральном штабе я, как и все старшие и высшие офицеры Вооруженных Сил, смотрел на этот орган не просто с глубоким уважением, но поклонялся ему и говорил о нем с придыханием. Когда же сам окунулся в этот «атомный» котел, то, с одной стороны, представления об этом органе подтвердились, а с другой— оказалось, что при желании все можно постичь, в том числе и функции офицера Генштаба.

Дело прошлое, но даже тогда (а сейчас я даже уверен) у меня было подозрение, что главная цель некоторых «авторов» (но не Огаркова) моего перевода в Генштаб — сломать меня. Не хочу я о них говорить, но мне было ясно, что расчет был именно такой. Эти авторы убедили Огаркова и Устинова, что надо взять Варенникова: хорошо командует округом, вот ему и карты в руки — пусть поработает в Генштабе. Если же оценить прохождение моей службы поверхностно, то действительно создавалось впечатление, что офицер, фактически не имеющий никакого навыка работы в крупном штабе, вдруг попадает в Генштаб, да еще и в возрасте 56 лет. Конечно, у такого офицера путь один — выход к финишу в службе.

Но эти авторы не учли некоторых обстоятельств.

Во-первых, на протяжении всей службы я лично исполнял многие документы — приказы, директивы, донесения, распоряжения, писал сам себе все доклады и т. д., поэтому у меня в этом плане была большая практика. Вспоминается один довольно интересный эпизод. Это произошло в то время, когда я служил в должности первого заместителя главнокомандующего Группы Советских войск в Германии. Однажды я представил главнокомандующему генералу армии С. К. Куркоткину доклад с моими оценками состояния ПВО группы, в котором вносил конкретные предложения по ее совершенствованию с учетом существующей ПВО в Советском Союзе и ГДР в целом. Предложения были сильные и весьма убедительные. Куркоткин внимательно прочитал весь доклад, затем вернулся и заново «прошел» текст, но уже делая пометки на полях. Закончил, посмотрел на мою подпись, затем перевернул последнюю страницу, где на секретном документе обязательно печатается фамилия непосредственного исполнителя документа. Там стояла моя фамилия, номер рабочей тетради и фамилия печатавшей доклад машинистки. Прочитав эти данные, Куркоткин посмотрел на меня удивленно и спросил:

— Кто все-таки автор этого доклада?

— Вы же убедились, что доклад исполнен мною.

— Странно, очень странно…

Разумеется, я не вступал в полемику, хотя Куркоткин к этому меня склонял. Он был человек недоверчивый, с подозрительным характером, а к людям, которые служили до него вместе с генералом армии Куликовым, его предшественником на Группе, он вообще испытывал неприязнь — считал, что окружение Куликова может быть только тупое и, следовательно, умных документов от них ждать нельзя.

Во-вторых, встречаясь с незнакомой проблемой, я старался ее

детально изучить. При этом не гнушался ничем. Если надо было получить какие-то сведения от лейтенанта или даже от солдата — я это делал. Все знали мой склад характера и часто сами шли, чтобы доложить и прояснить мне некоторые вопросы.

Как-то в Прикарпатский военный округ поступила первая партия нового оружия — станковые гранатометы. Я приказал всё отдать на вооружение в «Железную» дивизию (г. Львов), а в остальные дивизии послать по несколько штук для изучения офицерским составом. Издал по этому вопросу директиву. Приблизительно через месяц поинтересовался, как в «Железной» дивизии идет освоение. Доложили, что дивизия стреляет из гранатометов и выполняет все упражнения. Тогда, вызвав из управления боевой подготовки офицера, поставил ему задачу — на следующий день подготовить на львовском стрельбище учебное место для изучения станкового гранатомета и стрельбы из него. Преподавать должны солдат или сержант и оружейный мастер из того полка, который завтра будет стрелять. Желательно, чтобы это учебное место было на фланге стрельбища (лучше там, где пристреливают оружие). В 10.30–11.00 я подъеду и будем заниматься все вместе.

Офицер организовал всё точно. Я приехал в установленное время, и мы приступили к занятиям. Моими «учителями» были два сержанта. Оба — отличные методисты. Минут через тридцать к нам подъехал генерал-полковник Николай Борисович Абашин — первый заместитель командующего войсками округа. Мы поздоровались:

— Я пронюхал, что вы в этих краях, и решил отыскать, чтобы посоветоваться по одному вопросу, — начал было Николай Борисович.

— Присаживайтесь к нам, — пригласил я его. Мы сидели на траве, перед нами на плащ-палатке лежал до деталей разобранный станковый гранатомет. — Вот закончим все с гранатометом, а затем разберем ваш вопрос.

Абашин тоже, как и я, сбросил китель и без особого энтузиазма устроился рядом. Но по ходу изучения проявлял все возрастающий интерес, а после стрельб вообще пришел в восторг. И на то были причины — гранатомет был очень эффективным оружием. Что касается наших «педагогов», то мы не только были им благодарны, но и гордились, что в округе есть такие воины. Николай Борисович Абашин часто любил об этом вспоминать. Но ведь таких примеров много.

В-третьих, если на моем пути встречается препятствие, то я принимаю все меры к тому, чтобы его решительно преодолеть. Чем больше против меня противодействие, тем выше, сильнее и

активнее становятся мои действия. Так было на протяжении всей моей жизни и службы. Я никогда не нуждался в «сильной руке», а тем более не искал покровительства (хотя оно иногда и проявлялось, но эти покровители преследовали свои цели). Однако когда мне противодействовали, а я знал, что прав, то считал в таких случаях: если требует дело — можно идти на самые крайние меры. Так я и поступал.

Когда же я попал в Генштаб, то сразу почувствовал, что некоторые лица были по-своему заинтересованы в том, чтобы я пришел сюда. Они были уверены, что, не имея ни малейшего опыта в этой области, я в короткое время «скисну». Я же максимально мобилизовался и твердо шел вперед.

Итак, в Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР я вошел с парадного входа и со временем, когда закончил службу в этих стенах, вышел тоже через парадный вход, а не раздавленным, как этого кое-кто ждал. В то же время я горжусь тем, что служил в Генеральном штабе. Особенно приятно вспомнить, что моими коллегами по службе были С. Ф. Ахромеев, А. И. Грибков, П. И. Ивашутин, В. Я. Аболинс, Н. В. Сторч, А. И. Белов, Н. Ф. Червов, И. Г. Николаев.

Глава II
Откуда исходит угроза миру

Необходимость создания труда с правдивым показом истинной угрозы миру. Оценки. Соотношение военных сил между Востоком и Западом. Два направления в мировой политике. Выводы и перспективы.

В кругу политиков, дипломатов и военных частенько муссировалась мысль о том, что мы в пропагандистском плане отстаем от Запада, и особенно от США. Действительно, если идет «холодная война» и наши оппоненты, не придерживаясь элементарных правил этики и приличия, беспардонно лгут, обливая грязью Советский Союз и его народ, то нам надо не оправдываться и отбиваться, а нападать самим. Естественно, для нас неприемлемы методы, какими пользуются американцы, но наступать надо. И именно правда, а не ложь будет еще более эффективным оружием в этом наступлении. А повод к активным действиям для нас, военных, был: в США выпустили огромным тиражом, со множеством иллюстраций, книгу «Советская военная мощь». Показывая широко все виды Вооруженных Сил СССР, авторы довольно напористо внушали американским читателям, что такая, ничем извне не вызванная мощь угрожает их стране и она (эта мощь) якобы может в любой момент нанести удар, обеспечив агрессивные планы Советского Союза.

Этот выпад нельзя было оставлять без внимания. Поэтому, проведя консультации с начальником Главного разведывательного управления генералом армии Петром Ивановичем Ивашутиным, с начальником договорно-правового управления Генерального штаба генерал-полковником Николаем Федоровичем Червовым и с корифеями нашего Главного оперативного управления, я пришел к выводу, что надо срочно издать книгу, назвав ее прямо: «Откуда исходит угроза миру», и тем самым перейти в контрнаступление по отношению к американским ястребам. Показать мировой общественности на фактах, что к созданию ультрасовременной военной техники и оружия нас каждый раз подталкивали Соединенные Штаты Америки: именно они первыми создавали какой-то вид наступательного оружия, после чего мы, в качестве ответной меры, тоже создавали такого типа оружие, но, несомненно, на более высоком, превосходящем США уровне.

С этими мыслями я отправился к начальнику Генштаба

маршалу Н. В. Огаркову. Вместе с моим докладом я представил уже отработанный план-проспект. Его содержание и мои пояснения ему понравились, он тоже загорелся и не только дал добро, но и поставил задачу немедленно приступить к созданию книги.

Исходным рубежом для нас являлась простая истина: сохранить мир, устранить угрозу мировой войны, как ядерной, так и обычной, — настоятельная, первейшая задача нашего времени. Человечество находится на решающем, поворотном этапе своей истории. Ядерное оружие грозит уничтожить не только все, что было создано цивилизацией на протяжении веков, но и саму жизнь на Земле. Что привело мир к этой опасной грани? Откуда исходит угроза миру?

Угроза миру исходит от военной машины США, от милитаристского курса американской администрации, ее попыток вершить международные дела с позиции силы. Политика США — это политика агрессии и конфронтации, в основе которой — стремление добиться военного превосходства.

В Вашингтоне не могли не видеть растущего возмущения в мире милитаристской политикой США, не могли не понимать, что в психологии многих миллионов людей происходит перелом в сторону широкого наступления на угрозу войны, особенно ядерной, чему во многом способствовала активная миролюбивая внешняя политика СССР.

Создавая книгу, мы решили подчеркнуть следующее.

Достижения научно-технического прогресса дают возможность обеспечить на Земле изобилие благ, создать материальные условия для процветания человечества. И эти же творения ума и рук человека — в силу классового эгоизма, ради обогащения правящей элиты капиталистического мира — обращаются против него самого. Разумеется, угрозу миру представляют не наука и техника сами по себе. Ее несут международная реакция, использующая научно-технические достижения в агрессивных целях. Величайшее преступление империализма перед народом — развязанная им небывалая по масштабам гонка вооружений, прежде всего ядерных.

Ядерное оружие первым создал американский империализм. Соединенные Штаты — первая и единственная в мире страна, которая без какой-либо военной необходимости применила в августе 1945 года атомное оружие против населения Хиросимы и Нагасаки. Этого злодеяния никогда не изгладить из памяти народов. Осуществляя варварскую акцию, Вашингтон рассчитывал запугать народы планеты своей военной мощью и с помощью ядерного оружия утвердить свое мировое господство. Но,

несмотря на ядерную монополию, у США тогда не нашлось достаточно сил, чтобы перестроить мир. И все же годы ядерной монополии США дорого обошлись народам мира: они породили агрессивную политику «холодной войны». Именно тогда была создана система военных блоков под руководством США, сеть американских военных баз по всему земному шару. Уверовав в свою военную силу, Вашингтон не раз предпринимал шаги, ставящие мир на грань катастрофы.

Советский Союз с самого начала ядерной эры вел последовательную энергичную борьбу за запрещение ядерного оружия и его ликвидацию, за использование ядерной энергии только в мирных целях, на благо человечества. Еще в июне 1946 года Советское правительство внесло в Комиссию ООН по атомной энергии проект «Международная конвенция о запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии в целях массового уничтожения». В нем предлагалось навсегда запретить производство ядерного оружия, уничтожить его запасы, а применение в военных целях объявить тягчайшим преступлением против человечества. Если бы США на заре атомного века приняли предложение Советского Союза, то мир был бы избавлен от бремени гонки ядерных вооружений и не стоял бы сейчас перед угрозой всеобщего уничтожения…

Вот так начиналась эта серьезная, глубоко аргументированная книга. В ней много документальных данных, цифровых выкладок, сравнительных таблиц — наш авторский коллектив не позволял себе голословных утверждений и агитационно-пропагандистской трескотни. Читатель может убедиться в этом.

У меня была мысль дать здесь большую часть той книги, но я решил ограничиться только фрагментами и самой краткой ее характеристикой. Чтобы убедиться в том, что гонка вооружений своими корнями уходит в американскую почву, достаточно обратиться хотя бы к следующим фактам. И это весьма важно.

В 50-е годы под предлогом «отставания в бомбардировщиках» Пентагон выбил в конгрессе крупные ассигнования и форсировал выполнение широкой программы строительства стратегических бомбардировщиков. Когда же в Соединенных Штатах была создана целая армада таких самолетов, «обнаружилось», что число советских бомбардировщиков было умышленно завышено американскими спецслужбами в 3–4 раза.

В начале 60-х годов был поднят шум насчет «ракетного отставания США», и они первыми приступили к массовому развертыванию межконтинентальных баллистических ракет

(МБР) типа «Минитмен» в шахтных пусковых установках. Когда же было развернуто около тысячи таких ракет, «оказалось», что никакой советской «ракетной угрозы» вовсе не было. Бывший помощник президента США по науке и технике Дж. Визнер заявил по этому поводу: «Еще совсем недавно я полагал, что наши неправильные оценки (по бомбардировщикам и ракетам. — Прим. автора) проистекали из ошибок наших разведслужб. Однако тщательный анализ фактов побудил меня сейчас склониться к мнению о том, что это была преднамеренная манипуляция или по меньшей мере усиленное самовнушение».

Одновременно было положено начало американской программе строительства атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. В тот период таких лодок ни у кого в мире не было. Более того, уже в середине 60-х годов Пентагон приступил к оснащению ракет «Поларис А-3» на подводных лодках с разделяющимися головными частями (РГЧ). О том, кто был зачинателем наращивания числа атомных подводных лодок (ПЛАРБ), баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), говорят следующие данные (в таблицу внесены цифры и за 80-е годы).

Год	Кол-во					
	США ПЛАРБ	США БРПЛ	США Зарядов	СССР ПЛАРБ	СССР БРПЛ	СССР Зарядов
1960	3	48	48	нет	нет	нет
1967	41	656	1552	2	32	32
1970	41	656	2048	20	316	316
1975	41	656	4536	55	724	724
1981	40	648	5280	62	950	2000
1984	39	656	ок. 6000	62	940	ок. 2500
1986	38	672	ок. 7000	61	922	ок. 3000

Даже из этих фрагментов видно без каких-либо еще дополнительных аргументов, что автором гонки вооружений являются США. При этом реальных объективных причин к тому не было, а была цель: 1) навесив на СССР ярлык «империи зла», тем самым представить миру наш народ агрессором и 2) втянуть Советский Союз в гонку вооружений и таким образом подорвать его экономику, создать социальные трудности.

Одним из главных направлений курса США на достижение военного превосходства над СССР является их стремление развернуть гонку вооружений в космосе. Расчет делается на создание совершенно нового класса вооружений — ударных космических средств, на развертывание широкомасштабной системы ПРО с элементами космического базирования. «Если мы

сможем, — откровенничает американский министр обороны К. Уайнбергер, — получить систему, которая будет эффективной и сделает вооружения Советского Союза неэффективными, тогда мы вернемся к ситуации, в которой находились, когда были единственной страной, обладающей ядерным оружием». Яснее не скажешь.

На встрече в верхах в Рейкьявике Советский Союз положил на стол переговоров целостный пакет крупных компромиссных предложений, которые, будь они приняты, могли бы действительно в короткий срок внести перелом на всех направлениях борьбы за ограничение и ликвидацию ядерного оружия, позволили бы начать движение к безъядерному миру. Однако президент США отказался от ядерного разоружения в угоду своей программе «звездных войн». Газета «Нью-Йорк таймс» 29 октября 1986 года писала по этому поводу: «Рейган повернулся спиной к величайшей возможности, какую когда-либо имел американский президент, — обратить вспять гонку ядерных вооружений и достичь соглашения в области крупного взаимного сокращения ядерных вооружений».

Ассигнования на военные приготовления США составляли и составляют сегодня уже в новом веке и новом тысячелетии в среднем около 1 млрд. долларов в день.

Таким образом, и эти факты неопровержимо доказывают, что зачинщиком гонки ядерных вооружений в послевоенный период были и остаются сегодня именно Соединенные Штаты Америки.

Советский Союз на всем протяжении послевоенной истории никогда не выступал инициатором создания новых видов вооружений. При строительстве своих Вооруженных Сил он был вынужден реагировать на те угрозы, которые исходили от США. СССР никогда не стремился к военному превосходству. Все, что делалось Советским Союзом в области обороны, подчинено только обеспечению надежной безопасности своей и своих союзников.

Советская военная доктрина имела сугубо оборонительную направленность. Она не содержала ни концепции упреждающих ударов, ни установок на применение первыми ядерного оружия. СССР — убежденнейший противник ядерной войны в любом ее варианте.

В противоположность этому Соединенные Штаты фактически с самого начала ядерной эры руководствуются военной доктриной, в основе которой всегда были упреждающий удар, постоянная готовность к применению ядерного оружия первыми (кстати, и в настоящее время военная доктрина США по-прежнему является наступательной). Политическую основу американской

военной доктрины составляет идея утверждения мировой гегемонии США, претензии на право диктовать свою волю любому государству в любом регионе мира.

Что касается возможностей сторон в области технологии производства, то они все более выравниваются, хотя и сохраняются различия в уровнях развития отдельных отраслей. Поэтому качество вооружений сторон в целом можно считать тоже примерно одинаковым. Если же говорить об СССР и США, то для них характерен не только стратегический, но и научно-технический баланс. Нет ничего такого, что США могут сделать, а СССР нет.

Первым и главным утверждением нашей книги был убедительный вывод о том, что военная доктрина государства определяется его социально-экономическим строем, проводимой им политикой и выражает прежде всего отношение государства к коренным вопросам войны и мира. Каковы социальная природа, господствующая идеология, общественный строй и политика государства, такова и его военная доктрина.

В основе военной доктрины США лежит идея утверждения мировой гегемонии, провозглашенная еще в начале XX века. Президент Г. Трумэн, развивая эту идею в послании конгрессу в 1945 году, подчеркивал: «Победа, которую мы одержали, поставила американский народ перед лицом постоянной и жгучей необходимости руководства миром». Подобные концепции провозглашали почти все американские президенты в послевоенный период. Ныне действующая американская военная доктрина была в своей основе сформулирована вскоре после окончания Второй мировой войны, когда США были единственной державой, обладающей атомным оружием. В официальном докладе «Американская политика в отношении Советского Союза» (в настоящее время он рассекречен), утвержденном президентом Г. Трумэном в сентябре 1946 года в качестве основополагающего документа, говорилось: «США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну против Советского Союза. Высокомеханизированную армию, перебрасываемую морем или по воздуху, способную захватывать и удерживать ключевые стратегические районы, должны поддерживать мощные морские и воздушные силы. Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружений».

В августе 1948 года Совет национальной безопасности США утвердил директиву № 20/1 «Цели США в отношении России». В

ней сказано:

«Наши основные цели в отношении России:

а) свести мощь и влияние Москвы до пределов, в которых она не будет более представлять угрозу миру и стабильности международных отношений;

б) в корне изменить теорию и практику международных отношений, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России».

Далее в директиве говорилось:

> «Речь идет прежде всего о том, чтобы Советский Союз был слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».

Таковы политические цели военной доктрины США, как их сформулировали вашингтонские руководители в секретных директивах конца 40-х годов. За этими целями стояли конкретные планы ведения войны против СССР, разработанные до деталей, вплоть до количества атомных бомб, которыми предполагалось уничтожить Москву, Ленинград и другие советские города. Так, уже в 1945 году Пентагон планировал атомную бомбардировку 20 советских городов. В 1948 году намечалось сбросить 200 атомных бомб на 70 советских городов (план «Чариотер»); в 1949 году — 300 бомб на 100 городов (план «Дропшот»); в 1950 году — 320 атомных бомб на 120 советских городов (план «Троян»).

Когда читаешь эти документы, невольно приходит мысль о том, какую участь миру США готовили практически сразу после окончания Второй мировой войны. Сегодня в Вашингтоне нередко говорят, что это все, мол, история. Но, во-первых, это было не так давно. А во-вторых, с тех пор мало что изменилось. Так, в ставшей известной всему миру президентской директиве № 59 (1980 г.) цель США была сформулирована еще откровеннее: уничтожение социализма как общественно-политической системы, применение ядерного оружия первыми, достижение превосходства над СССР в ядерной войне и ее завершение на выгодных для Соединенных Штатов условиях.

Таким образом, военная доктрина США ставила целью разломать СССР как государство, разрушить советскую экономику, уничтожить советскую мощь и ликвидировать коммунистическое мировоззрение, или, как сказал президент Р. Рейган, «списать коммунизм как печальную, неестественную главу истории человечества».

Эта глобальная стратегия милитаристского устрашения, как мы теперь убедились, не была на бумаге, а конкретно

проявлялась в организации подрыва СССР изнутри — поддержкой диссидентов, подготовкой агентов влияния «пятой колонны» и подталкиваемых к действиям против советского государства.

О соотношении стратегических ядерных вооружений СССР и США

Приведем некоторые факты. В начале 70-х годов в области стратегических ядерных вооружений СССР и США сложилось примерное равновесие как по их количеству, так и по качеству таких вооружений. В процессе подготовки советско-американского Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2) 1979 года соотношение стратегических вооружений сторон было тщательно выверено квалифицированными советскими и американскими экспертами. Договор зафиксировал примерное равновесие стратегических вооружений: по носителям (МБР, БРПЛ, ТБ) — примерно 2500 у СССР и около 2300 у США, но по числу ядерных зарядов на них преимущество было на стороне США (у СССР — около 10 000, у США — 14 800).

Договор ОСВ-2 был подписан руководителями СССР и США летом 1979 года. Однако вскоре после его подписания сменивший Дж. Картера в Белом доме Р. Рейган и представители его администрации стали утверждать, будто никакого паритета нет, дескать, СССР в области стратегических наступательных вооружений оставил США далеко позади. Много говорилось о том, что у США появилось некое «окно уязвимости», которое требовалось срочно «закрыть». Чем все это объяснить? Разве мыслимо за год-два добиться превосходства, тем более существенного, в стратегических вооружениях, на создание которых уходят многие годы? Или, может быть, вскрылись какие-то неожиданные факты, которые раньше не учитывались?

Нет, никаких новых фактов не появилось. Заявления об отставании США, об «окне уязвимости» понадобились для того, чтобы похоронить Договор ОСВ-2, который закреплял паритет, мешал протаскиванию через конгресс новых военных программ Пентагона.

О соотношении ядерных средств средней дальности в Европе

В этой области длительное время существовало примерное равновесие. Если взять всю совокупность имеющихся здесь таких

средств, то по одним видам оружия некоторое преимущество у Запада, по другим — у СССР. Но в целом уже с 70-х годов, то есть еще до принятия в декабре 1979 года сессией совета НАТО решения о «довооружении», стороны имели в Европе примерно по 1000 носителей средней дальности (ракет и самолетов).

Наличие военного равновесия в области вооружений средней дальности в Европе неоднократно признавалось многими официальными деятелями Запада. Так, бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт не раз заявлял, что одной из предпосылок процесса разрядки является сохранение равновесия сил в Европе и вне ее и что это равновесие продолжает существовать. В интервью газете «Кельнер штадт анцайгер» в феврале 1981 года, то есть уже после решения НАТО о «довооружении», он говорил, что, несмотря на развертывание ракет СС-20, изменения баланса сил в пользу Советского Союза не произошло. Неоднократно подтверждали равенство сил в Европе в то время и руководители США.

Но военное равновесие никогда не устраивало Соединенные Штаты. Используя миф о «советской угрозе», искажая реальное соотношение сил в Европе, им удалось навязать союзникам в декабре 1979 года решение, в соответствии с которым в Европе должны быть размещены 572 новые американские ракеты средней дальности.

Формальным поводом для такого решения послужило якобы развертывание советских ракет СС-20 взамен устаревших ракет средней дальности СС-4 и СС-5, существование которых, кстати, не вызывало на Западе никаких озабоченностей.

В действительности причиной решения НАТО о «довооружении» являлись отнюдь не советские ракеты СС-20 — это был только повод. Оказывается, первые контракты на разработку ракет «Першинг-2» были заключены еще в 1969 году, а крылатых — в начале 70-х годов. В 1975 году по требованию тогдашнего министра обороны США в бюджет Пентагона были включены дополнительные средства на эти цели. И в том же году, когда еще ни одной советской ракеты СС-20 не было развернуто, блок НАТО принял решение о модернизации своего ядерного потенциала в Европе.

О соотношении вооруженных сил Общего назначения НАТО и Варшавского Договора

Почему же проблема соотношения вооруженных сил общего назначения НАТО и Варшавского Договора приобрела особую остроту?

Дело в том, что простые, понятные и вместе с тем масштабные предложения Советского Союза в Рейкьявике открыли реальную перспективу безъядерной Европы и безъядерного мира, разрушили домыслы о «несговорчивости» русских, о их якобы нежелании разоружаться. Одновременно они разоблачили политические и военные амбиции руководителей США и НАТО, их двурушничество: стремясь во что бы то ни стало сохранить ядерное оружие и по возможности наращивать его запасы, они при этом лицемерно ссылаются на будто бы существующее превосходство СССР и Организации Варшавского Договора (ОВД) в обычных вооружениях. Дело изображается так: окажись Европа и мир без ядерного оружия, Запад может стать жертвой этого превосходства.

Между тем известно — об этом свидетельствуют такие авторитетные международные организации, как Лондонский международный институт стратегических исследований, Стокгольмский международный институт по исследованию проблем мира и другие (хотя и они не свободны от преувеличения данных относительно вооруженных сил стран Варшавского Договора), что никакого превосходства у Варшавского Договора над НАТО нет, а существует примерное равновесие в обычных вооружениях. В докладах Лондонского института уже в течение ряда лет указывается, что «общий баланс сил по обычным вооружениям (между НАТО и ОВД) все еще таков, что делает общее военное нападение весьма рискованным предприятием для любой из сторон, так как ни одна из сторон не располагает достаточной совокупной мощью для того, чтобы гарантировать победу». А ведь это и есть главный критерий оценки соотношения сил сторон. В одном из материалов Института Брукингса (США) прямо говорится, что «соотношение обычных сил не только ближе к паритету, но даже в пользу Запада».

Тем не менее определенные круги на Западе, используя имеющиеся частные диспропорции в структуре вооруженных сил сторон, которые, однако, не подрывают общего равновесия, иногда стараются выдать их за общее превосходство Варшавского Договора по обычным вооружениям.

Каким путем на Западе искажается действительность? Для США, к сожалению, все средства хороши, лишь бы оболгать Советский Союз.

Определенное представление о соотношении обычных вооружений сил сторон может дать сопоставление боеготовых дивизий. Именно боеготовых, так как только они без дополнительного проведения мобилизационных мероприятий

могут быть использованы для развязывания военных действий. В Европе имеются: у НАТО (с учетом Франции и Испании) — 94 боеготовые дивизии (включая около 60 отдельных боеготовых бригад), у Варшавского Договора— 78 дивизий. При этом численность развернутой американской дивизии составляет 16–19 тысяч, а дивизии ФРГ— более 23 тысяч человек, в то время как дивизия армий стран Варшавского Договора насчитывает максимум 11–12 тысяч человек. Следовательно, и по этому показателю НАТО имеет существенное преимущество.

Теперь вопрос о танках. У государств Варшавского Договора танков действительно было больше. Но со вступлением в НАТО Испании этот перевес значительно сократился. Руководители США и НАТО, когда им выгодно, подсчитывают у себя только те танки, которые находятся в подчинении объединенного командования вооруженных сил блока в Европе. Тем самым они занижают количество имеющихся у них танков (всего якобы 12–13 тыс.). На самом же деле непосредственно в войсках стран НАТО (с учетом Испании и Франции) находится более 18 тысяч танков. Кроме того, на складах в Европе сосредоточено около 4500 американских и почти 6000 танков западноевропейских стран. Следовательно, НАТО имеет около 30 тысяч танков. К тому же НАТО имеет в несколько раз больше противотанкового оружия.

Министр обороны США К. Уайнбергер в докладе конгрессу заявил, что «…соотношение обычных сил не требует равного количества танков, самолетов или численности пехоты».

Обратимся теперь к соотношению сил между НАТО и Варшавским Договором в области тактической авиации. Оно в пользу НАТО:

по боевым самолетам 1,2:1;
по вертолетам 1,8:1.

В докладе комитета начальников штабов вооруженных сил США конгрессу (1986) указывается, что НАТО продолжает сохранять преимущество над Варшавским Договором в истребителях-бомбардировщиках и штурмовиках, но все еще уступает ему в количестве истребителей-перехватчиков.

О военно-морских силах СССР и США

Давая оценку Советскому Военно-Морскому Флоту, руководители Пентагона утверждают, что он «превратился из прибрежного флота, имевшего в основном оборонительную направленность, в океанский флот, предназначенный для

глобального распространения советской военной мощи». В этом утверждении явно прослеживается желание приписать советскому флоту те основные черты и политическую роль, которые характерны для флотов США и других стран НАТО.

Простой экскурс в историю развития Советского ВМФ неопровержимо показывает несостоятельность подобных утверждений. Оборонительная направленность его строительства не вызывала сомнений даже у военных руководителей США. А вот в последующий период все ставится с ног на голову. Дело преподносится так, что СССР будто бы только и занимался наращиванием боевой мощи своего флота, а ВМС США, дескать, не развивались, стояли на месте.

Но факт, что ВМС США имеют в своем составе крупнейшие в мире авианосцы и авианесущие корабли, современные атомные подводные лодки, вооруженные баллистическими и крылатыми ракетами, крупные надводные корабли, в том числе линкоры, крейсеры, а также мощные амфибийные силы, способные одновременно поднять и перевезти на большие расстояния не менее экспедиционной дивизии морской пехоты (свыше 40 000 солдат с необходимыми для ведения наступательных операций оружием и боевой техникой).

Руководители Пентагона и не думают скрывать, что основные задачи, стоящие перед ВМС США, носят наступательный характер. Начальник штаба ВМС адмирал Дж. Уоткинс, выступая в 80-х годах в сенатском комитете конгресса США по ассигнованиям, прямо заявил, что «как и в прошлом, ВМС остаются главным инструментом США по реагированию на кризисы и чрезвычайные ситуации».

ВМС США предназначены для нанесения ударов не только и не столько по морским, сколько по наземным целям. Поэтому вполне естественным ответом СССР на создание и приближение к его рубежам ударного американского флота явилось оснащение советского флота кораблями, самолетами и оружием, способными нейтрализовать опасность со стороны ВМС США.

Таким образом, объективные данные показывают: и по ядерным, и по обычным вооружениям силы НАТО и Варшавского Договора примерно равны. Существующее примерное военное равновесие между СССР и США, между Варшавским Договором и НАТО — это объективная реальность, которую не могут не видеть руководители соответствующего ранга.

Задача заключается в том, чтобы, сохраняя равновесие, добиться радикального снижения уровня военного противостояния сторон и тем самым укрепления стратегической стабильности. СССР делает все для этого. США, наращивая

ядерные вооружения по всем направлениям, отказавшись от Договора ОСВ-2, встали на путь нарушения военного паритета, обеспечения для себя военного превосходства.

А в настоящее время, т. е. в 2001 году, США делают то же самое, грубо нарушая Договор по ВРО 1972 года.

Два направления в мировой политике

Безопасность, если говорить об отношениях между СССР и США, может быть только взаимной, а если брать международные отношения в целом — только всеобщей. Это значит, что необходимо научиться существовать, жить в мире на нашей планете, которая в современных условиях стала слишком хрупкой для войн и силовой политики.

Что касается Советского Союза, то он дает ясный и четкий ответ на кардинальный вопрос современности — чтобы укрепить мир на земле, обеспечить условия для мирного и созидательного развития всех государств и народов, надо положить конец процессу дальнейшего накапливания средств уничтожения, освободить человечество от бремени ядерных вооружений.

В послевоенное время США были инициаторами или участниками большинства военных конфликтов, которые унесли 10 млн. человеческих жизней. За период с 1946 по 1982 год (т. е. менее чем за 40 лет), по свидетельству начальника штаба ВМС США адмирала Дж. Уоткинса, Соединенные Штаты около 250 раз использовали свои вооруженные силы, или 6–7 раз в год. По американским данным, 19 раз на повестку дня в Вашингтоне ставился вопрос о применении ядерного оружия, в том числе в четырех случаях угроза адресовалась непосредственно СССР. Американские войска, самолеты и корабли оставили о себе недобрую память почти в каждом районе мира — в Европе, Африке, на Ближнем Востоке, в Азии, Латинской Америке и на Балканах.

Вот некоторые примеры.

1954 год — силы подготовленных ЦРУ мятежников при поддержке американской авиации вторглись в Гватемалу и свергли демократическое правительство Арбенса.

1958 год — при поддержке всей мощи 6-го флота США подразделения морской пехоты и сухопутных войск общей численностью 14 тыс. человек высадились в Ливане и оказали помощь реакционному правительству в борьбе против массовых выступлений народа.

1961 год — попытка вторжения на Кубу в целях свержения ее

революционного правительства.

1965–1972 годы — кровавая агрессия США против народов Индокитая, последствия которой дают о себе знать и в настоящее время. В ней участвовали войска численностью около 600 тыс. человек, поддерживаемые авиацией и боевыми кораблями.

1965 год — американская морская пехота и воздушные десантники вторглись в Доминиканскую Республику, подавили народное восстание и поставили у власти контрреволюционную хунту.

1973 год — в результате военного мятежа, подготовленного при участии ЦРУ, совершен фашистский переворот в Чили.

1982–1983 годы — под флагом «многонациональных сил по умиротворению» США совершили прямое вмешательство в дела Ливана. Карательные акции против национально-патриотических сил, обстрелы корабельной артиллерией и удары авиации по населенным пунктам в горном Ливане привели к массовым жертвам среди мирного населения.

1983 год — актом политики международного терроризма явилась неспровоцированная вооруженная интервенция против беззащитной Гренады. Оккупация страны, свержение ее законного правительства и насаждение угодного Вашингтону марионеточного режима преследовали цель превратить это государство в еще одну военную базу США.

1984–1986 годы — грубое вмешательство США в дела суверенных государств, которое активно продолжается и сегодня. США решили во что бы то ни стало задушить освободительное движение в странах Латинской Америки. Они организовали бойню в Сальвадоре, финансируют и оснащают самым современным оружием банды контрреволюционеров, ведущих по существу открытую войну против Никарагуа, организуют подрывные акции против национально-освободительных сил Гватемалы.

Американские действия в Центральной Америке — это настоящая необъявленная война против народов этого региона, которая весьма напоминает эскалацию войны во Вьетнаме. В ход идут все средства: и поставки оружия, и засылка наемников, и проведение подрывных акций. От этого до прямой агрессии — полшага.

Опасных масштабов достигли военные провокации и постоянные угрозы в адрес Кубы, нарастание агрессивных устремлений США в Африке, необъявленная война против Анголы. С помощью ЮАР Соединенные Штаты намерены дестабилизировать обстановку в соседних с Преторией странах, разгромить СВАПО, укрепить свои позиции на юге Африки.

1986 год — США совершили очередное пиратское вооруженное нападение на Ливию, еще раз обнажив имперское, разбойничье лицо своей неоглобалистской политики.

Эта акция США, в оправдание которой были сфабрикованы ложные обвинения против Ливии о якобы ее причастности к международному терроризму, явилась подтверждением агрессивного по своей сути американского подхода к независимым развивающимся странам, выражением безответственной политики провоцирования региональных конфликтов.

1986 года — США грубо вмешались в ирано-иракскую войну, пойдя на нарушение собственного эмбарго на поставки оружия Ирану, и тем самым подлили масла в огонь бессмысленного и кровопролитного конфликта.

Американская политика на Ближнем и Среднем Востоке резко осложняет обстановку в этом взрывоопасном районе. Весь мир видит, какие кровавые плоды приносит американо-израильское «стратегическое сотрудничество», которое все более превращается в инструмент прямого силового давления на страны этого региона. Действия Израиля и его покровителей (в первую очередь США) создают угрозу всем арабским государствам и превращают Ближний Восток в опасный очаг международной напряженности.

Всюду, в какой бы части планеты ни находились так называемые «горячие точки», непременно обнаруживается агрессивное присутствие США (прямое или косвенное). Но в какие бы маскирующие одежды американская пропаганда ни рядила империалистическую политику произвола и насилия, народы мира недвусмысленно и твердо требуют отказа от нее, утверждения норм и принципов мирного сосуществования на мировой арене.

Меры доверия, выработанные в Стокгольме, — это крупный шаг по сравнению с тем, что было достигнуто в 1975 году в Хельсинки, качественно новая ступень на пути создания атмосферы доверия и безопасности, отвечающая жизненным интересам всех европейских народов. Обеспечена большая открытость и предсказуемость в отношениях между государствами — участниками Стокгольмской конференции, что имеет существенное значение для преодоления взаимной подозрительности, уменьшения риска вооруженного конфликта.

В то же время следует отметить, что в ходе Стокгольмской конференции, как и на других переговорах, отчетливо выявились два подхода к решению проблем безопасности в Европе. Если Советский Союз и другие социалистические страны с первых дней работы конференции выступали за деловые переговоры, за

всесторонний охват мерами доверия и безопасности всей военной деятельности стран-участниц, то США и их ближайшие союзники по НАТО искали выгоды, стремились обеспечить себе односторонние преимущества, тормозили поиск взаимоприемлемых развязок.

В целом принятый в Стокгольме документ является первым крупным соглашением в военно-политической области со времени подписания советско-американского Договора ОСВ-2 1979 года. После столь длительного застоя стокгольмский документ представляет собой несомненную победу здравого смысла, политического реализма и чувства ответственности.

В заключение необходимо заметить следующее.

Самый главный вывод для нас из всего изложенного состоит в том, что книга Генерального штаба «Откуда исходит угроза миру» актуальна и сегодня. А выводы, которые там даны, применимы к современности. При этом надо иметь в виду, что Россия сегодня это не СССР в начале 80-х годов, а финансирование военного бюджета США сегодня остается таким, каким оно было и 10, и 20 лет назад.

Читателю в этой главе была предоставлена весьма общая и ограниченная возможность ознакомиться с фактическими данными книги «Откуда исходит угроза миру», позволяющими все-таки непредвзято оценить военно-политическую ситуацию в мире в 80-х годах, а также понять причины, вызывающие ее осложнение, дать ясный и объективный ответ на вопрос, кто угрожает миру.

Реальную угрозу миру представляли и представляют военная мощь США, практические действия правящих кругов США и реакционных сил других стран НАТО по дальнейшему наращиванию военных приготовлений, попытки распространить их на космос, постоянно вынашиваемые в стенах Пентагона сценарии различных агрессивных планов (последний из них — проявление на Балканах). А начиная с 11 сентября 2001 года под видом всеобщей борьбы с международным терроризмом США начинают весьма сложную и опасную «игру» с Россией, в основе которой продолжают оставаться прежние цели США — мировое господство.

Эти материалы и сегодня позволяют предметно видеть двуличие американской администрации, когда на публику говорится одно, а на практике делается другое.

Говорят о своей «приверженности делу мира», а на деле оказывают яростное сопротивление любым инициативам по сокращению и ликвидации ядерного оружия, снижению уровня военного противостояния, а если в этой области и делают что-то,

то не на принципах равной безопасности, а в ущерб России.

Говорят о готовности вести дело к ликвидации ядерных вооружений, а на практике открывают шлюзы для некоторых вассальных стран типа Пакистана.

Говорят о стремлении добиваться стратегической стабильности, «атмосферы доверия», а практически ведут линию на подрыв военно-стратегического равновесия, на достижение военного превосходства, усиление непредсказуемости в развитии стратегической ситуации. И уж никак не способствуют укреплению доверия, наоборот, налицо попытки вершить международные дела с позиции силы.

Если выстроить в ряд военные и внешнеполитические акции администрации США за последнее время, то картина складывается тревожная.

Это отказ от Временного соглашения ОСВ-1 1972 года и Договора ОСВ-2 1979 года, разрушение договорной структуры ограничения гонки вооружений, явное нежелание вести конструктивные переговоры в этой области. Реализация новых военных программ по наращиванию наступательных вооружений, как ядерных, так и обычных. Проведение ядерных взрывов до полного выполнения своей программы ядерных испытаний. Это и отказ от укрепления режима Договора по ПРО, от непроведения испытаний элементов ПРО в космосе, стремление побыстрее вывести оружие в космос. Это производство бинарного химического оружия. Это «неоглобалистские» действия против Гренады, Ливии, Никарагуа, Афганистана, Анголы, Мозамбика, Ирака, Ирана, Югославии. Проведение в международных отношениях политики вседозволенности вплоть до военного вмешательства в дела любой страны.

Наивно думать, что действия администрации США по наращиванию ядерных вооружений, созданию новых ударных космических средств и, так сказать, «противоракетного щита» над Америкой направлены в прошлом только против СССР, а сейчас против России (и якобы против третьих стран, имеющих ракету «Скад», которая, конечно, до США не долетит). Стремление США к господству в космосе, к мировой гегемонии несет прямую угрозу всем государствам, всему человечеству.

Изложенные факты дают возможность читателю убедиться в том, что до разрушения Советского Союза в мире существовало примерное военно-стратегическое равновесие (речь идет о начале 80-х годов. — Автор), которое служило сдерживающим фактором агрессивных действий империалистических кругов, их стремлениям «переписать» историю. Сейчас это равновесие нарушено.

Поэтому главной задачей наших дней является постоянное настаивание на прекращении США гонки вооружений на Земле и предотвращении ее в космосе, полная ликвидация ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

Книга «Откуда исходит угроза миру» была мною инициирована и создана в начале 80-х годов офицерами Генерального штаба Вооруженных Сил при особо активном участии Николая Федоровича Червова. Книга вызвала большой интерес и соответствующую реакцию. Поэтому Генштаб был вынужден ее переиздавать четыре раза тиражом от 50 до 100 тысяч.

Мне довелось проводить и презентацию этой книги. К этому времени уже функционировал новый пресс-центр МИДа на Зубовской площади. Коллеги из Министерства иностранных дел очень беспокоились, чтобы презентация прошла благополучно, поэтому в деликатной форме давали мне понять, что надо бы к ней хорошо подготовиться. Но я и сам это понимал — без яркой презентации книга не привлечет к себе должного внимания общественности. А поскольку я впервые участвовал в такого рода мероприятии всесоюзного масштаба с приглашением всех аккредитованных в Москве иностранных средств массовой информации, то я, конечно, готовился к нему капитально. Хотелось не только свободно обосновывать все цифры и все факты, изложенные в книге, но и как можно точнее отвечать на все самые острые и каверзные вопросы. Я в принципе представлял, какой направленности будут мысли у корреспондентов (особенно Запада), но все предусмотреть было невозможно.

Поэтому за неделю до презентации и пресс-конференции я пригласила к себе генерал-полковников Ивана Георгиевича Николаева и Николая Федоровича Червова и сказал им, что через два дня мы проведем предварительную пресс-конференцию у себя в Генштабе. «При этом в роли представителей Запада будете выступать вы, — сказал я своим коллегам. — Ваша задача подобрать еще пять-семь опытных умных офицеров и в течение двух дней составить перечень самых «убийственных» вопросов, после чего у меня в кабинете проведем эту встречу. Вы как оппоненты должны быть безжалостны. Вопросы, которые по моему и вашему мнению не получат должного ответа, мы обсудим все вместе».

Идея понравилась. Мои товарищи подобрали ударную группу, в которую вошли начальники управлений нашего Главного управления, а от Николая Федоровича — его ведущая сила — генерал Лебедев. Работа закипела — все они выключились из

«текучки» и занимались только этим.

Мне тоже надо было напрячься, и я, пригласив генерала Волошина — одного из самых подготовленных генералов ГОУ, составил перечень «своих» возможных вопросов и приступил к подготовке.

«Наша» пресс-конференция прошла отлично. Она помогла мне лично адаптироваться заранее к возможной обстановке, но самое главное — эта «семерка» высыпала мне вопросы, что раскаленные угли. Конечно же были и такие, которые пришлось систематизировать в отдельный список и разбирать их совместно.

На презентации книги и пресс-конференции желающих обсудить книгу собралось много. Как и следовало ожидать, зал был переполнен. Кроме журналистов приехало много представителей различных посольств (все от социалистических стран и многие — от стран Запада). От американцев, кроме корреспондентов, был какой-то чин от посла. Мы пошли в зал, как в «бой». С нашим появлением все притихли, стали с явным любопытством рассматривать «свежую» фигуру. После представления меня генералом Макеевым (он председательствовал), я сделал 20-минутное сообщение. Оно сохранилось в архиве, привожу его в кратком изложении.

«Публикуя книгу, мы хотели не просто дать ответ на всю ту массированную пропагандистскую кампанию относительно так называемой «советской военной угрозы», которой в Соединенных Штатах придан официальный характер. Мы ставили целью показать на фактах и в сравнении, какова же реальная картина соотношения военной мощи Соединенных Штатов и Советского Союза, НАТО и Варшавского Договора и откуда в действительности исходит угроза миру.

На Западе ради доказательства утверждения о якобы возрастающей военной опасности со стороны Советского Союза прибегают к различного рода подтасовкам, извращению действительности или умалчивают о том, что противоречит такому утверждению. Наша книга ставит своей целью дать читателю объективный фактический материал, на основании которого он мог бы сам сделать для себя вывод, ответить на вопрос, который содержится в ее названии.

Сегодня свою задачу мы видим не в том, чтобы излагать содержание книги, а в том, чтобы обратить внимание журналистов, читателей на некоторые основные моменты нашей публикации.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что материалы книги убедительно свидетельствуют, кто виновен в гонке вооружений, которая продолжается уже не одно десятилетие. Там показано,

что именно Соединенные Штаты не только первыми создали атомную бомбу, но и применили ее без какой-либо необходимости против мирного населения и тяжесть вины за это преступление они должны нести вечно.

Именно США были инициаторами строительства флота межконтинентальных стратегических бомбардировщиков и атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. Именно они первыми приступили к массовому развертыванию межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования. Ракеты, оснащенные разделяющимися головными частями, были созданы Соединенными Штатами в конце 60-х, а Советским Союзом — в 70-х годах. Затем Вашингтон объявил о решении перейти к полномасштабному производству нейтронных боеприпасов, принял программу развертывания многих тысяч крылатых ракет воздушного, морского и наземного базирования.

Мог ли Советский Союз в этих условиях сидеть сложа руки?

Нет!

Нам приходится реагировать на создаваемую Соединенными Штатами военную угрозу и со своей стороны развертывать необходимые вооружения. Но Советский Союз никогда не стремился и не стремится к достижению военного превосходства.

Советский Союз обладает крупным военным потенциалом. Любые попытки получить военное преимущество по отношению к нашей стране обречены на провал. По этому поводу Леонид Ильич Брежнев заявил: «Если уж понадобится, советский народ найдет возможности предпринять любые дополнительные усилия, сделать все необходимое для обеспечения надежной обороны своей страны».

Однако гонка вооружений — это не тот путь, который ведет к миру. Мы убеждены в том, что в интересах и Соединенных Штатов, и Советского Союза договориться об ограничении вооружений, их радикальном сокращении, уменьшении военной опасности. Именно эта программа— Программа мира на 80-е годы является государственной политикой Советского Союза.

Иной подход мы видим со стороны Вашингтона. В книге наглядно показано, что Соединенные Штаты задались целью сломать во что бы то ни стало существующий в мире примерный военный паритет. Эта политика находит наиболее откровенное выражение в астрономическом увеличении американской администрацией военных расходов (даже с учетом инфляции), в создании все новых видов стратегических вооружений.

Соответствующие цифры и факты, приведенные в книге, говорят сами за себя. Не буду на них подробно останавливаться. Хотелось бы лишь напомнить, что объявленная Белым домом так

называемая «всеобъемлющая стратегическая программа» на 80-е годы даже в самих Соединенных Штатах охарактеризована как самая крупная за последние 20 лет. При этом США не просто взвинчивают гонку вооружений. Их стремление к военному превосходству постоянно находит выражение в действиях Вашингтона на международной арене.

Американская администрация 80-х годов не скрывает, что ею взят курс на «прямое противоборство» с Советским Союзом в глобальном и региональном масштабах. Если говорить прямо, то военно-политические установки Белого дома нельзя расценивать иначе, как программу всесторонней подготовки материальной базы для развязывания войны или военного давления с целью достижения своих политических целей.

Руководство Советского государства не раз обращало внимание на опасный для дела мира характер такого рода военно-политических концепций.

Направленность военного строительства в Соединенных Штатах характеризуется стремлением использовать силу в попытках добиться такого решения международных проблем, какое устраивало бы Вашингтон.

Отсюда — курс на расширение военного присутствия в различных районах мира, создание сил быстрого развертывания, которые должны стать ударным отрядом для обеспечения так называемых «жизненных интересов» США на Среднем и Ближнем Востоке и в других регионах.

Приведенные в книге данные позволяют сравнивать военный потенциал Соединенных Штатов, НАТО с военным потенциалом Советского Союза и Варшавского Договора. Из них каждый может сделать вывод о реальном соотношении сил и убедиться: Советский Союз ничего не делает такого, что вело бы к нарушению сложившегося в мире военно-стратегического равновесия.

Сведения, опубликованные в книге, представлены компетентными советскими органами. Были использованы также материалы официальных американских правительственных учреждений и Лондонского института стратегических исследований.

В книге отмечается, что Советский Союз хотел бы надеяться, что те, кто определяет политику Вашингтона, сумеют взглянуть на вещи более реально. Безудержное запугивание народов мира мнимой «советской угрозой» исчерпало себя.

«Мы рассчитываем, что мировая общественность сумеет разобраться, откуда в действительности исходит

угроза мира, и хотели бы думать, что изданная нами книга поможет в этом».

Затем начались вопросы. Прогноз подтвердился — Запад задавал «злые», а Восток — лояльные вопросы. Но в принципе презентация прошла прекрасно. Как сказал начальник пресс-центра, «сверх всякого ожидания удивительная активность и интерес прессы — и блестящие ответы и парирование доводов оппонентов». А я про себя думал: «Еще бы! Ведь я какую школу прошел на «своей» пресс-конференции?!»

Тепло распрощались с руководством пресс-центра и другими товарищами. Вернулся в Генштаб — и сразу к Огаркову. А тот, улыбаясь, встретил меня возгласом: «Поздравляю, поздравляю. Дважды звонили из МИДа. Очень приятно, что все прошло так хорошо».

Итак, Генеральный штаб приобрел еще одно очко!

Думаю, что и политики, и дипломаты, а тем более военные этим шагом, т. е. пресс-конференцией, остались тогда довольны. Но еще большую гордость вызывало появление нашего исследовательского труда — книги «Откуда исходит угроза миру».

Глава III
Особые вопросы

Встречи с Андроповым. Его оперативность. Агенты влияния. Накал оси Устинов — Огарков. Раскол. Схватка с Устиновым. Учения и маневры — высшая форма подготовки Вооруженных Сил.

Личное знакомство с Юрием Владимировичем Андроповым — для меня область особых воспоминаний, потому что личность эта была неординарной. Кстати, в КГБ, в МИДе, у нас в Генштабе и в аппарате ЦК его называли — «Ю. В.». Коротко, но весьма уважительно. О нем я услышал впервые в момент назначения его председателем Комитета государственной безопасности в 1967 году. Я как раз был назначен командиром армейского корпуса в Архангельске. В этом же году первым секретарем Архангельского обкома партии стал Борис Вениаминович Попов, который некоторое время работал в аппарате ЦК КПСС, а перед Архангельском — шесть лет вторым секретарем ЦК Компартии Литвы. Уровень, конечно, высокий, и поэтому, естественно, у него было много каналов информации. В один из августовских дней 1968 года мы, сидя в кабинете у Попова, обсуждали в узком кругу события в Чехословакии — в связи с чем были введены на ее территорию войска ряда стран Варшавского Договора. Да, сделано это было по просьбе руководства ЧССР, все действия были четкими, и была полная уверенность в том, что порядок будет восстановлен. Но Попова возмущала инертность нашего посла в Чехословакии С. В. Червоненко. Оказывается, он со своей либерально-демократической позицией не только не держал наше руководство в курсе событий, но даже способствовал развитию негативных явлений в этой стране. Борис Вениаминович в сердцах говорил: «Послали этого философа в громадную страну — Китай — послом. И что он сделал полезного? Загубил все, что было в позитиве. И его после этого посылают послом в другую страну! Сейчас ясно, что и здесь загубил. А что будет дальше? Пошлют в следующую страну и тоже послом — ведь номенклатура! В этом наша беда».

И Попов был прав — дальнейшие события показали, что просчеты Червоненко в Чехословакии были явными и серьезными. Прав Попов оказался и в другом: через определенное время Червоненко назначают послом во Францию, где он, начиная с 1973 года, пробыл почти 10 лет. Эти годы были не самыми

лучшими в наших отношениях с Францией. Она все время вихляла в сторону США.

Однако самое интересное в этом разговоре с Поповым было всё, связанное с Ю. В. Андроповым. Упрекая Червоненко в его неповоротливости и особенно в том, что руководители Советского Союза не имели нужных данных, чтобы провести мероприятия, которые бы исключили ввод союзных войск, Попов резонно заметил, что у нас уже был опыт ввода войск в Венгрию (1956 год), но должного вывода мы не сделали. И вот здесь-то он подробно и рассказал о Ю. В. Андропове, его деятельности, начиная с 1954 года, т. е. с момента назначения его на пост посла. «Ю.В.» систематически посылал в Москву глубокий анализ положения в стране и вокруг нее, о расстановке сил, о том, что контрреволюция Венгрии с помощью западных спецслужб все больше и больше поднимает голову, и в связи с этим давал конкретные рекомендации, чтобы предотвратить назревающий международный контрреволюционный мятеж. Однако в Москве первоначально посчитали, что Андропов преувеличивает. Лишь когда «Ю.В.» в начале 1956 года поставил вопрос: или — или! — руководство СССР зашевелилось, но было уже поздно. Принятые в течение лета меры ничего не дали, точнее, только обострили ситуацию, поэтому ничего другого не оставалось, как согласиться с патриотическими силами Венгрии о подавлении мятежа. Твердость и мужество, проявленные лично Андроповым, возвысили его в глазах всей международной общественности. А в Москве авторитету Андропова еще прибавляли те прогнозы, которые «Ю. В.» давал на протяжении двух лет. Позиции «Ю. В.» накануне и в ходе венгерских событий сыграли решающую роль в судьбе Андропова. В 1957 году он становится заведующим Отделом ЦК КПСС, а через пять лет — еще и секретарем ЦК. Поэтому, хорошо зная к моменту своего назначения на пост председателя КГБ, проблемы нашей страны и всё, что творится вокруг нее, а самое главное — обладая необходимым даром, Андропов вступил в должность, глубоко осознавая проблемы государственной безопасности. Завершая свой рассказ, Попов сказал, что Андропов, конечно, оправдает наши надежды.

Старшее поколение помнит, как спецслужбы США, да и некоторых других стран, тесно сотрудничающих с последними, запускали все глубже и глубже свои щупальца в Советский Союз, стремясь путем создания пятой колонны расшатать наши устои. Были крупные и мелкие скандалы на этой почве. Чтобы расчистить поле для своих действий и создать необходимые социально-политические условия для всех подонков, выступающих против советского социалистического строя, США

организовали под лозунгом нарушения прав человека мощный международный накат на Советский Союз.

Ровно через 10 лет своего председательства, в 1977 году Андропов делает на заседании Политбюро ЦК КПСС доклад, в котором описывает сложившуюся в стране ситуацию. Его вывод: «…спецслужбами Запада в Советском Союзе создаются агенты влияния. Цель их создания — разрушить страну изнутри».

Руководством страны было принято решение довести суть доклада через членов и кандидатов в члены Политбюро до определенного состава руководителей. Вот почему вскоре Владимир Васильевич Щербицкий, при очередном моем посещении Киева (к этому времени я уже командовал военным округом на Украине) передал мне содержание этого доклада Андропова. Закончив повествование, Щербицкий закурил очередную сигарету (курил непрерывно) и заключил: «Это очень серьезно. Мы перед лицом реальной опасности. Но почему допустили до этого?»

Действительно, почему стало возможным появление в нашей стране агентов влияния? Даже если взять только период пребывания Ю. В. Андропова на посту председателя КГБ. Ведь целых 10 лет! В условиях, когда все органы Комитета классически организованы и исключительно эффективны, когда сам председатель на должной высоте, когда все органы власти и граждане страны представляют Комитету везде и всюду зеленую улицу, вдруг обнаруживается, что страна больна — у нее злокачественная опухоль. Причем первоначально опухоль была не опасной, а лишь предупреждающей. Но, очевидно, из-за отсутствия оперативных мер переросла в злокачественную. Однако почему они отсутствовали, эти меры? Неужели те, от кого эти меры зависели, намеренно ждали перерождения?! Этот тяжелый вопрос до сих пор остается без ответа.

Конечно, сегодня легко критиковать, что было 20–30 лет тому назад. Но ведь и тогда не было объяснений этому явлению, как и сегодня. Это же громадный провал в государственной безопасности — в стране появились и пустили корни в различных социальных слоях силы, которые имели цель ликвидировать существующий строй. В этих условиях органы КГБ, на мой взгляд, не просто должны были усилить контроль всех, всего и вся, но и сосредоточить внимание на интеллигенции, на высших учебных заведениях, на всех институтах Академии наук СССР, особенно на Институте Соединенных Штатов и Канады, на Институте Ближнего и Среднего Востока, да и на самой Академии наук, на других институтах и академиях Центра, на журналах, особенно такого типа, как «Коммунист», «Вопросы философии», «Новое

время», «Проблемы мира и социализма», «Огонек», издательство «Иностранная литература», на высших органах государственного аппарата и конечно же на работниках ЦК КПСС. Странно, но факт: когда какого-то работника выводили на высшую партийную орбиту и он становился сотрудником ЦК КПСС, то по каким-то неписаным законам сразу окружался ореолом неприкосновенности, таинственности, могущества и вседозволенности. Почему? Одна фраза — «Он из ЦК!» — уже повергала всех в трепет и нагоняла тревогу на работника любого ранга. Что касается военных, то они знали, что работник ЦК какую-либо протекцию не составит, а вот напортить может (к примеру, моя история с попыткой исключения из партии).

Но сами-то работники ЦК — кто они? Конечно, подавляющее большинство — это честные, добросовестные люди, преданные идеалам коммунизма, достойно выполняющие свой долг. Однако было немало и случайных лиц. В том числе и на ответственных постах, с которых они впоследствии переместились на самые высокие ступени, куда уже и КГБ не мог добраться.

Наконец, особый интерес в этих условиях должна была представлять та категория работников, которая прямо или косвенно имеет контакты с иностранцами. Причем эти контакты официальные, по долгу службы и служебным обязанностям. А ширма официальности могла прикрыть что угодно, когда угодно и сколько угодно.

Взять, к примеру, Институт Соединенных Штатов и Канады при Академии наук СССР и его директора (с 1967 года) Георгия Аркадьевича Арбатова. Кстати, в соответствующих анкетах в графе «национальность» он пишет: русский (?!). Но он такой же русский, как я — китаец. Правильно в свое время говорил мой любимый артист, неповторимый по своему таланту, Леонид Осипович Утесов: «Мы все в Одессе, как и в Херсоне, — русские». Даже американцы ухмыляются, когда кто-то из наших хитрит. Вот пример. Как-то после очередной поездки в США вместе с нашей командой от СССР ко мне зашел генерал-полковник Николай Федорович Червов. Рассказав о деловой части поездки, начал выкладывать разные байки. В том числе и такую: «Дело происходит в Вашингтоне. В перерыве заседания стоим мы как-то в вестибюле с Г. А. Арбатовым, и еще кто-то третий. Вдруг к нам подходит улыбающийся Киссинджер (как известно, он еврей). После теплых приветствий и похлопывания по плечу он, вдруг сбросив улыбку и обращаясь к Арбатову, спрашивает:

— Слушай, ты кто?..

Мы как-то растерялись и уставились на Арбатова. А тот, не моргнув глазом, отвечает:

— Как кто? Советский!

Киссинджер опять заулыбался:

— Хм… а я американский!

Все расхохотались.

Действительно, зачем эти неуклюжие ужимки? Недавно умер трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, гениальный ученый в области экспериментальной и теоретической физики Юлий Борисович Харитон. По национальности — еврей. Об этом он говорил везде и спокойно. Я его ставлю рядом с Игорем Васильевичем Курчатовым — основателем первого Института атомной энергии, главным организатором и руководителем работ по атомной физике и технике. Это их гений позволил создать СССР еще в 1946 году первый в Европе ядерный реактор, а в 1949 году — атомную бомбу. Это они еще при Сталине создали первую в мире термоядерную бомбу, а в 1954 году — тоже первую в мире — атомную электростанцию. Мы вечно будем гордиться такими сынами Отечества независимо от их национальности.

А вот такие, как Арбатов, конечно, самая верная и самая удобная цель для спецслужб Запада. Но сам он умный и хитрый, поэтому и не пойман, а то, что он давным-давно действует по рецептам США, так это видно по «детям Арбатова»: Горбачеву, Яковлеву, Шеварднадзе и т. д. Мы говорим, что это «дети Арбатова» потому, что в них он вложил свою школу — то, что надо спецслужбам США.

Как это сделано — непосредственно или через третьи лица, другой вопрос. Главное — цель достигнута. А что касается Института США и Канады, то он, конечно, был и остается важнейшей базой американских спецслужб. Так же как в свое время «Саюдис» в Прибалтике и «Рух» на Украине.

Однако лично сам Георгий Аркадьевич Арбатов заслуживает нашего особого внимания. Взгляните на него в период самой активной фазы так называемой перестройки в 1989 году. Уже всем было ясно, что страна этой перестройкой была ввергнута в глубокий экономический и социально-политический кризис. Падало производство, рушились экономические связи, в магазинах были совершенно пустые полки, теневая экономика взяла страну за горло. На пути полного развала государственной системы управления стояли два (кроме КПСС) крупнейших препятствия: Вооруженные Силы и военно-промышленный комплекс (последний, несмотря на тяжесть своего положения, даже тогда давал в казну 15 млрд. долларов чистой прибыли в год). Что в этих условиях делает Георгий Аркадьевич? Являясь народным депутатом, он везде и всюду, буквально на каждом

углу распинается и «доказывает», что нам не нужны такие Вооруженные Силы и тем более такая военная промышленность. Обычно свои выступления начинал приблизительно так: «Скажите, кто нам угрожает? Ну, скажите, пожалуйста, кто на нас собирается нападать?» Это была явная неприкрытая провокация — в условиях, так сказать, «потепления», которое из-за предательства Горбачева стоило нам одностороннего, по сути дела, разоружения, мы не могли открыто говорить, что потенциальный противник все-таки остается и таковым в первую очередь являются США. Это просто психологически уже не могло быть воспринято, потому что Горбачев, Яковлев (со своей пропагандой) и Шеварднадзе уже сформировали в лице США образ «верного друга СССР». А для народов Советского Союза в годы «холодной войны» важнейшим вопросом был один— будет война или не будет? Пережив тяжелые испытания, народы СССР принимали любые, даже противоречащие интересам нашего государства, весьма ущербные для нас, наконец, даже преступные шаги, которые обеспечивали бы «потепление». Фактически же шел колоссальный обман нашего народа — разрушая страну, внося смуту в межнациональные и межреспубликанские отношения, односторонне разоружая наше государство и делая из Великой Сверхдержавы страну полуколониального типа, полностью зависимую от международного капитала (МВФ, а точнее, от доллара США), Запад с помощью и благодаря арбатовым, горбачевым, яковлевым достигал своих целей.

Кстати, Георгий Аркадьевич может гордиться — теперь уже появились и «внуки Арбатова». Не по возрасту, нет — по ступеням падения нашей страны. Как-то в 1996 году, когда телевидение транслировало заседание правительства, проводимое Черномырдиным, его лицо показывали на весь экран. Он говорил: «Я недавно был на Волге, на одном оборонном заводе. Все цеха и все дворы завода забиты гаубицами. Спрашивается, кому нужны эти гаубицы? Кто на нас собирается нападать?» И телекамера, медленно обшаривая присутствующих, останавливает свое внимание на лице Грачева с жалкой виноватой улыбкой. Нет, министр обороны не сказал, что эти гаубицы — лучшие в мире и любая страна, кому дорога своя независимость и кто заботится об обороне, — купит их. Другое дело, что мы утратили мировые рынки торговли оружием — их захватили США. А что касается нападения на нас, так ведь даже идиоту ясно, что США (и Запад в целом) никогда не откажутся от своей заветной мечты овладеть богатствами России — другое дело, как и каким методом они будут действовать. Именно в этих целях НАТО и расширяется, плюя на «грозное» рычание Ельцина. Всем понятно, что его

«несогласие» — только для вида, инсценировка для нашего народа, фактически же все будет сделано в угоду Западу.

Так вот, Георгий Аркадьевич может гордиться — уже есть и «внуки». И не только Черномырдин, но и Чубайс, и Гайдар. Когда стало известно, что назначение Гайдара на пост председателя правительства России происходило в бане, то не ясным оставалось только одно — как мог Борис Николаевич ориентироваться: где у этого «кадра» кончается марксизм и где начинается демократизм?

В общем, Ельцин действовал по принципу: «Назначим, а там видно будет». И вот вскоре мы всё и увидели. Всё то, что нужно было Западу. Вернее — произошло то, о чем Запад и не мечтал. Очень точно по этому поводу высказался бывший директор ЦРУ того времени Роберт Гейтц: «Мы стремились к крупным изменениям, но то, что у вас происходит в России, — это кошмар». Верно, кошмар. И всё это творят «дети и внуки Арбатова». Я прекрасно понимаю, какую неоценимую услугу я оказываю и Георгию Аркадьевичу, его «детям» и «внукам». Ведь Запад никогда не оказывался в долгу перед теми, кто усердно исполнял их планы. И если вдруг когда-то за океаном вздумают создать портретную галерею лиц, разрушивших Советский Союз, то по одну сторону, очевидно, будут фигуры Запада типа Даллеса, Трумэна, Маршалла, Картера, Бжезинского, Рейгана, Шульца, Буша, Бейкера, Клинтона, а по другую (визави) — фигуры типа Горбачева, Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина, Кравчука, Шушкевича, Кучмы, Гайдара, Бурбулиса, Чубайса, Черномырдина. Но первым во втором ряду заслуженно должен стоять Г. А. Арбатов.

Правда, Георгий Аркадьевич Арбатов, у которого политический нюх сочетается с умением предвидеть (и довольно верно) развитие событий, сегодня усиленно вживается в образ «верного Отечеству патриота». Почему? Да потому, что хаос у нас в стране, который организовал он, его «дети и внуки», превзошел не только все ожидания американцев, но и ожидания его самого. Он понимает, что даже среди богатых и сверхбогатых есть люди, которые не позволят накинуть хомут на Россию, лишить ее экономической, финансовой, военной и политической самостоятельности, погубить страну и народ. Следовательно, надо показать (хотя бы показать), что… «Я за суверенитет и благополучие нашего Отечества! И вообще я всю жизнь стоял на этих позициях!» Вот так всю жизнь! А если быть точным, то в годы Великой Отечественной войны — это точно! Воюя в Гвардейском минометном полку «Катюш» на Калининском, Степном, Первом и Втором Украинском фронтах, офицер Арбатов был на высоте. Но,

видно, молодой Гоша никогда не мог и подумать, что его к старости так занесет. Он тогда, как и весь наш народ, встал на защиту своей Родины. Его лозунгами были: «Смерть немецким оккупантам!», «За Родину, за Сталина!», «Враг будет разбит, победа будет за нами!», «Ни шагу назад!», «Вперед, на Запад!» Да и в трудные послевоенные годы, попав благодаря Советской власти в Московский государственный институт международных отношений и окончив его в 1949 году, упорно трудился на благо Отечества. Однако первые его журналы «Вопросы философии», «Коммунист», «Новое время», где он работал, как и издательство «Иностранная литература», уже позволили свободолюбивой душе и в то же время практичной натуре удобрить почву своих марксистско-ленинских убеждений социал-демократическим (точнее, оппортунистическим) перегноем. А уж журнал «Проблемы мира и социализма» добавил еще большую порцию сего «компоста». Потому как эти журналы были совершенно бесконтрольны, а их руководители считали, что они «сами с усами» и никто им не указ. Правда, в короткий (два года) срок пребывания в «Коммунисте» Виктора Григорьевича Афанасьева дела стали поправляться, но в 1976 году он ушел на «Правду», которой до этого одиннадцать лет прекрасно руководил Михаил Васильевич Зимянин. И «Коммунист» опять встал «на свое место». К сожалению, М. Суслову, а тем более Л. Брежневу было не до него.

Георгий Аркадьевич Арбатов к тому времени, конечно, уже был маститым и известным. А работа в Институте мировой экономики, а потом в аппарате ЦК КПСС (тоже в этой области) позволила ему закрепиться «дома» и пробить себе окно не только в Европу, но и в Америку. Получив пост директора Института Соединенных Штатов и Канады, Георгий Аркадьевич почувствовал себя как щука в море. А вот в отношении его самого не было той «щуки», которая бы глубоко и объективно контролировала его действия. Возможно, это КГБ было и не под силу. Во всяком случае он действовал так, как считал нужным, а не так, как требовалось нашему государству.

Мне пришлось подробно остановиться на личности Арбатова потому, что, во-первых, было бы несправедливо обойти его «заслуги» в тех потрясениях, которые обрушились на нашу страну, и, во-вторых, на примере этой личности показать, что на глазах у наших органов государственной безопасности вырастали такие уникальные фигуры, а Комитет и пальцем не повел, чтобы уберечь государство от их разрушающего влияния. Мало того, они, эти фигуры, консолидировались, сбивались в стаи по интересам. А интерес был один — разрушить нашу страну и

социализм, внедрить на российской почве западные ценности. Уверен, что этого бы не произошло, если бы (повторяю) все институты, в первую очередь институты Академии наук СССР, были бы под должным контролем КГБ. Характер работы Института мировой экономики и международных отношений и Института Соединенных Штатов и Канады предполагал самый широкий контакт их сотрудников со всеми странами мира, в том числе и в первую очередь с США. Без чего этим институтам просто невозможно было бы выполнить свои функции. Тем более всё это требовало жесточайшего контроля. У нас же, на мой взгляд, были какие-то странности в этой области.

Взять, к примеру, Яковлева. В первую свою длительную поездку в 50-е годы в США на учебу он был полностью предоставлен себе. Он и после, являясь уже ответственным работником ЦК КПСС, никем не контролировался. А когда стал чрезвычайным и полномочным послом в Канаде (что, на мой взгляд, могло произойти с очень аккуратной, совершенно закрытой помощью ЦРУ), то Яковлев вообще всячески хотел избавиться от представителей КГБ в советском посольстве. И ему в какой-то степени удалось снизить контроль над собой.

Работая с 1973 года по 1983 год послом в Канаде, Яковлев окончательно определился в своих убеждениях и стал на позиции предателя. Естественно, что он должен был блестяще взаимодействовать с директором Института Соединенных Штатов и Канады Академии наук СССР Арбатовым, который руководил этим «гнездом» более 20 лет. Точнее, даже не взаимодействовать, а придерживаться «советов». Вначале, конечно, эти «советы» следовали еще до отъезда его в Канаду. А потом он получал их, уже находясь в должности посла.

Надо отметить любопытную ситуацию. Когда в 1983 году, через 10 лет посольской службы, Яковлева все-таки вернули в Советский Союз, то он попал, не без усилий определенных сил, на пост директора Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, в котором несколько раньше работал и «прозревал» Арбатов. Но Институт США и Канады и Институт мировой экономики — это два близнеца-брата, и один отлично дополнял другого. Однако их «смычка», так сказать, «взаимодействие», к сожалению, не стали предметом внимания наших органов.

В 1967 году Ю. В. Андропов стал председателем КГБ, а до этого несколько лет работал в стенах ЦК одновременно с Г.А. Арбатовым, который тоже занимал ответственные посты. Несомненно, друг друга они знали, тем более что «Ю.В.» был человеком весьма доступным и общительным.

Обращение Андропова в 1977 году в Политбюро ЦК с докладом о создании спецслужбами Запада сети агентов влияния на территории СССР стало, на мой взгляд, громом с ясного неба. Если это так, то тем более надо было не только креститься (как это делают все нормальные православные люди), но, во-первых, разобраться, почему это явилось для нас неожиданностью, и, во-вторых, принять самые решительные и эффективные меры по пресечению поднимающей голову контрреволюции — ведь она несла смерть!

Однако история об этом умалчивает. А ведь ответственные работники КГБ СССР могли и должны были осветить эту проблему — почему в конце 70-х не были приняты эффективные меры по выкорчевыванию агентов влияния, значительное количество которых уже окопалось у нас в стране? Почему? Тем более было такое мощное заявление Председателя КГБ Ю. В. Андропова. Я понимаю: если это затрагивает престиж Комитета и бросает тень на некоторые фигуры, то написать обо всем будет не просто. Автор встанет перед дилеммой: а что скажут друзья-товарищи, что подумают о нем патриоты и надо ли было выгребать этот сор из избы? Да и где был сам автор? Так, может, пусть лучше всё уходит в могилу вместе с теми, от кого зависело разрешение этих проблем…

Но возникает вопрос — нет, уже не о чести и даже не о совести — а о том, кто, как не мы, должны оставить для наших детей и внуков правду истории нашего времени, чтобы они сделали выводы из наших ошибок и чтобы в будущем не проливалась бы кровь понапрасну? Не сказав об этом, мы порождаем почву для процветания лжи, полуправды, которая опаснее лжи, для предательства и измены. А кто, как не мы, наше поколение, должны в полную меру позаботиться о будущем России? Поэтому чем-то личным надо пожертвовать — во имя более значимого, общегосударственного.

Моя первая близкая встреча с Юрием Владимировичем Андроповым произошла в сентябре 1979 года в кабинете министра обороны СССР. Кроме Устинова и Андропова еще присутствовали Огарков, Ахромеев и один из помощников министра. Обсуждался вопрос об ОСВ-2. Что можно было бы сделать, чтобы побудить США к ратификации этого уже подписанного договора и оторвать их от «связки» этой проблемы с пребыванием кубинцев в Анголе, а нашей бригады — на Кубе, с событиями в Эфиопии и с так называемым нарушением прав человека в СССР и как окончательно похоронить «хвост», который тянулся за Брежневым после его встречи в Вене? Дело в том, что Картер вручил неофициально записку, в которой предлагалась

перспектива значительного сокращения стратегических вооружений и приводились цифры. Не реагировать на это обращение президента США, хоть оно и не было официальным, не представлялось возможным. И хотя первоначальная ответная реакция нашего руководства американцам была известна — она была мягко-отрицательной, все же вопрос о более глубокой проработке картеровских предложений снят не был (хотя бы потому, что нам могли подвесить в очередной раз ярлык противников сокращения стратегических ядерных сил).

Юрий Владимирович Андропов перед приездом в Министерство обороны позвонил Дмитрию Федоровичу Устинову и сказал, что хотел бы встретиться по этим вопросам и обсудить их для доклада Леониду Ильичу Брежневу. А после встречи в Министерстве обороны он намерен по этому же поводу повидаться в МИДе с Андреем Андреевичем Громыко и его соратниками. Видимо, Леонид Ильич поручил ему эту миссию, хотя этот вопрос касался КГБ косвенно.

Вот так мы все оказались в кабинете Устинова, и я впервые увидел Андропова. Сразу бросилось в глаза, что в свои 65 лет Юрий Владимирович был исключительно энергичным, подвижным и деятельным человеком. Это был высокий, налитый физической силой, с юношеским румянцем на лице мужчина. Уверен, чт о никто не мог себе представить, что этот цветущий человек не доживет даже до 70 лет. Я с любопытством и удовольствием рассматривал «Ю.В.», внимательно его слушал и невольно проникался чувством глубокого к нему уважения, испытывая удовлетворение от того, что у нас в руководстве такие сильные личности. Задавал он вопросы четко и ясно. Любую проблему освещал коротко, доступно и понятно. У него была голова, конечно, государственника. Здоровье — нормальное. Вспоминается, что такие встречи у министра нередко затягивались. Поэтому нам приносили чай и бутерброды. Юрий Владимирович в ходе разговора выпивал пару стаканов сладкого чая и с аппетитом съедал несколько бутербродов с колбасой и сыром.

В его рассуждениях не было и малейших признаков схоластики — по каждому вопросу принималось конкретное, продиктованное жизнью решение. Он исключительно оперативно организовывал исполнение каждого решения. При этом, если дело касалось Министерства обороны, то он названивал не столько Устинову (в целях ускорения выполнения задачи), сколько Огаркову.

Вот и на первой встрече он произвел на меня впечатление очень энергичного и оперативного руководителя. Разобрав с нами

все вопросы и придя к конкретным выводам и решениям, он, поднявшись, сказал:

— Всё прекрасно. Полное единство взглядов. Сейчас еду к Андрею Андреевичу. Разберу это же с ним. Думаю, что все будет нормально.

В нашем присутствии переговорил с министром иностранных дел А. А. Громыко и отправился на Смоленскую площадь. Когда мы шли с Огарковым от министра к себе, Николай Васильевич на ходу бросил:

— Вот так надо работать.

Это было сказано с весьма прозрачным намеком на Дмитрия Федоровича Устинова, который обычно затрачивал на обсуждение очень много времени, но, к сожалению, эффективность была, мягко говоря, недостаточной. Не за свое дело взялся. Любой военный вопрос — для него проблема. А чтобы несведущему человеку разобраться с проблемой — потребуется время. И он это время — и свое, и своего окружения, которое вводило его в курс дела, тратил весьма расточительно. Зато совершенно иначе он чувствовал себя, когда речь шла о чисто технических вопросах. Здесь он был — как рыба в воде.

Мы шли с Николаем Васильевичем по коридору министерского этажа — каждый со своими мыслями. Я был под впечатлением первой близкой встречи с Андроповым.

Шел и думал: чем объяснить, что такой мощный председатель КГБ, такой сильный и прозорливый государственный деятель не «прижмет» эту контрреволюцию, почему он не ликвидировал агентов влияния Запада? Конечно, у нас не та ситуация, что была в Венгрии в 1956 и в Чехословакии в 1968 году, но доводить-то до этого нельзя!

Подошли к лифту. Николай Васильевич предложил зайти к нему. Без дипломатических подходов, под впечатлением проведенного совещания, сразу начал с главного:

— Думаю, что у нашего руководства идет трансформационный процесс в отношении уже принятых решений. Вы заметили, что сказал Андропов, разбирая ситуацию вокруг Кубы, Анголы и Эфиопии. «Если мы на каждый чих американцев будем поджимать свой хвост, то они заберутся на шею. Обратите внимание, как динамично развиваются события в Афганистане. А ведь мы пока ничего не предпринимаем. Помощь одними словами — недостаточна. Надо внимательно всмотреться в Афганистан».

Вот так — всмотреться! Чувствую, что здесь могут быть подвижки. Руководство, наверное, убедилось, что беспомощный Тараки к хорошему не приведет.

— А у вас с министром обороны на афганскую тему был разговор? — спросил я.

— В том-то и дело, что у меня почти ежедневно идет обсуждение по Афганистану, но он, кажется, придерживается прежних позиций. Хотя вчера мне говорит: «Не пойму, почему мы уперлись рогами в одно: войска вводить не будем? А что будем?» Но дальше этой фразы он не двинулся, хотя я его не перебивал, давая возможность высказаться. Однако даже это, плюс то, что сказал Андропов, свидетельствует о степени брожения среди руководства. Возможно, у Андропова и Устинова уже был разговор на эту тему наедине.

— Но можно же с ним поговорить откровенно! Ведь Генштаб должен знать ту часть, которая может коснуться наших военных советников, а тем более наших Вооруженных Сил.

— Вы, наверное, почувствовали уже, что, к сожалению, у нас с Дмитрием Федоровичем отношения очень изменились — к худшему. Поэтому он, конечно, ничего мне не скажет. Тем более не будет откровенничать.

— На мой взгляд, ярко выраженных плохих отношений нет. А если что-то назревает, то можно было бы устранить первопричины, — заметил я.

— Все не так просто. Эти первопричины повсюду, в том числе проявляются и за рубежом. Взгляните, что подкидывают иностранные журналы, — Николай Васильевич взял со стола уже развернутый журнал, кажется, это был «Штерн», и, вынув из него два печатных листа, дал мне, а сам отошел к окну. У него была привычка ходить по кабинету или подходить к окну — хоть глянуть: какая она, жизнь, у нормальных людей?

Я взял листы и быстро пробежал подчеркнутые строки. Речь там шла о том, что назначение Устинова министром обороны — это ошибка Брежнева, что уже прошло три года, как Устинов на своем посту, но никак себя не проявил и не проявит, и что рядом с ним начальник Генерального штаба — это одаренный человек. Было сказано прямо: «Огарков — восходящая звезда».

— Да, это мощная провокация, — нарушил я молчание. — Она рассчитана на то, чтобы столкнуть министра с начальником Генштаба.

— Они уже столкнули. Мне принес это Петр Иванович Ивашутин (начальник Главного разведывательного управления Генштаба). Сообщил, что Дмитрий Федорович дал ему задание отыскать этот журнал, сделать перевод и доложить ему. Что и было сделано. Мне начинать разговор на эту тему неудобно, а он молчит.

— Конечно, с характером нашего министра обороны устоять

перед этой провокацией не просто.

— Да, если бы эти «сюрпризы» приходили только из-за рубежа… У нас в Генштабе на втором и третьем этажах тоже есть их «любители». Имеются таковые и среди кремлевских фигур.

Я начал прикидывать — кто же в здании Генштаба мог настраивать Дмитрия Федоровича Устинова против Огаркова? На втором этаже располагаются сам министр обороны, два его помощника, канцелярия министра, а также два первых заместителя министра обороны — маршал Виктор Георгиевич Куликов, он же Главком Объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского Договора, и Сергей Леонидович Соколов. Все! Больше никого на этом этаже не было. Разумеется, помощники министра просто по своему положению обязаны «подпевать» своему шефу и вздыхать вместе с ним. Что же касается Виктора Георгиевича и Сергея Леонидовича, то я в тот момент, конечно же, не мог их подозревать в антиогарковских деяниях. А на третьем этаже находились начальник Генштаба, его помощники и канцелярия, первый заместитель начальника Генштаба генерал армии Сергей Федорович Ахромеев и часть Главного организационно-мобилизационного управления (сам начальник сидел в другом здании вместе с главными силами управления). Среди них, на мой взгляд, вообще не могло быть интриганов. А к четвертому и пятому этажам, где располагалось Главное оперативное управление, которым руководил я, у Николая Васильевича вообще не было претензий.

— Все началось с исследовательских учений, которые были проведены на базе Прибалтийского и вашего Прикарпатского военного округа, — пояснил между тем Огарков. — Сергей Леонидович, как известно, полностью оставался на своих позициях и категорически возражал против введения любых изменений в организационно-штатную структуру войск и сил флота, их группировку и систему управления Вооруженными Силами. К нему примкнул и Сергей Федорович Ахромеев — это было делом рук помощников министра: они его перетянули. Вместе с этими дискуссиями, точнее — вместе с этой тяжбой, и возрастало противостояние. Мои попытки объясниться по этому вопросу с Дмитрием Федоровичем один на один не увенчались успехом: каждый раз он приглашал своих помощников, а иногда и Соколова, и они все вместе выступали против моих выводов. С вашим приходом в Генштаб чаши весов несколько выровнялись, но позиции министра пока полностью на той стороне. Однако я намерен все-таки через два-три месяца подписать у него директиву, которая бы положила конец эпопее со структурой. В войсках не должно быть неопределенности. Главнокомандующие

видами Вооруженных Сил и командующие войсками военных округов и сил флота постоянно задают вопросы по поводу проведения реформ в Вооруженных Силах.

— Возможно, за это время можно было бы смягчить обстановку, — предположил я.

— Конечно, это было бы хорошо, — согласился Огарков. — И если у нас нашелся бы способ разрядить противостояние, то это пошло бы на пользу делу.

Я понял, что Николай Васильевич рассчитывает в этом отношении на меня лично. Поднявшись к себе, я начал обдумывать, что можно было предпринять, чтобы посодействвовать сближению министра обороны и начальника Генерального штаба. Однако какой бы я вариант ни рассматривал, все же того единственно верного решения не находил.

Уговаривать помощников министра всем вместе взяться за «примирение» — нет никакого смысла. Хотя и относились они ко мне внимательно и весьма любезно, часто приходили, особенно генерал Илларионов, с различными вопросами и документами, но позиция их была выражена ясно: министр есть министр, а все остальные должны идти к нему на поклон. Вдобавок, когда в их «лагере» (т. е. вместе с Устиновым и Соколовым) оказался и Ахромеев, — прекрасно подготовленный генерал, который мог «обосновать» любую позицию, которую Сергей Леонидович Соколов навязывал министру, они стали «независимы» в военно-теоретическом и организационно-практическом отношениях.

Склонять же Николая Васильевича Огаркова к компромиссу либо к «смирению» и «покорности» в отношении взглядов на реформу Вооруженных Сил было совершенно бесполезно: в своих убеждениях он был тверд до упрямства. И когда кто-то хотел его переубедить в чем-либо, то лицо мгновенно становилось скучно-безразличным. А по выражению глаз можно было понять: он просто сожалеет, что собеседник так и не поднялся до нужной степени понимания этой проблемы. Даже мы с генералом В. Я. Аболинсом — полные сторонники начальника Генерального штаба — и то пока не знали, как его убедить в том, чтобы он не настаивал на объединении должности военного комиссара области, края и республики с должностью начальника гражданской обороны этих административных единиц. Мы были намерены отговорить его отказаться и от включения войсковой и флотской противовоздушной обороны в ПВО страны. Но все это представляло для нас большую трудность. Однако, забегая вперед, должен отметить, что с первым нашим предложением он все-таки согласился, во втором же случае он настоял на своем,

что и было осуществлено. Но через три года Николай Васильевича сам признал, что это была ошибка (такое признание может сделать только умный и мужественный человек), — войсковую и флотскую ПВО вернули обратно. Однако в масштабе каждого военного округа, каждого флота все силы и средства ПВО четко взаимодействовали и управлялись соответствующим командующим войсками военного округа и командующим силами флота.

Итак, склонять Н. В. Огаркова было бесполезно. Также бесполезно говорить и с С. Л. Соколовым. Тем более что он стал уже маршалом Советского Союза. Поскольку он был главным из тех, кто старался сохранить все без изменений, и именно он внушал Д. Ф. Устинову не поддаваться давлению Генштаба, нетрудно было предвидеть, что даже малейшая попытка начать разговор на эту тему была бы отвергнута. Что касается Сергея Федоровича Ахромеева, то было очевидно: с ним тоже не следовало начинать разговор на эту тему, потому что он полностью был по ту сторону баррикад. Когда я пришел в Генштаб, он мне сказал: «Дела принимай у генерал-полковника Николаева. Функции все расписаны в соответствующем документе. Но главная задача — это всяческая помощь министру обороны». Думаю, что последние слова из этих лаконичных пожеланий означали приглашение к выбору: либо с министром, либо с начальником Генштаба. Один лишь намек на то, что я должен буду сделать выбор, сразу создал между нами невидимую стену. Разве мог я быть не с тем, с кем мои мысли совпадали?

Хотя в целом отношения на протяжении всех десяти лет службы в Генштабе у нас были нормальные, без срывов, но объяснения по принципиальным вопросам иногда бывали.

Лично у меня остались хорошие воспоминания о Сергее Федоровиче Ахромееве как о военном и государственном деятеле. Это был умный, весьма энергичный и преданный делу военачальник. Он располагал большим опытом и весьма ценными знаниями, которые умело применял в своей деятельности. И хотя ему не довелось командовать войсками военного округа, он прекрасно знал жизнь войск и их проблемы. Единственно что, на мой взгляд, было не в его пользу, так это то, что он мог быстро «завестись», вспыхнуть при остром разговоре или неординарной ситуации. Его нервозность, разумеется, передавалась подчиненным. А Генштаб — такой орган, где обстановка должна быть стабильной, спокойной и уверенной. Конечно, можно работать ночами (что у нас и бывало, когда накатывался «девятый вал» работы), но все должно решаться по-деловому, без беготни и суеты, без окриков и тем более брани. Именно этим всегда брал

наш Генштаб. Ну, естественно, умом и прозорливостью, исключительной организованностью и высокой оперативностью.

В период моего начального пребывания в Генштабе и адаптации я не мог не почувствовать, что у Сергея Федоровича не было желания растолковывать мне все тонкости генштабовской службы (а Огарков, видимо, рассчитывал, что все это мне расскажет Ахромеев). Я чувствовал, что Ахромеев хочет понаблюдать за мной со стороны: сломаюсь я или вытяну? Или, возможно, ждал моего особого к нему обращения. Но после его странного «напутствия» при принятии дел и должности у меня и в мыслях не было обращаться к нему за какой-либо помощью. Наоборот, я весь собрался, чтобы все делать правильно и не оступиться.

Сергей Федорович Ахромеев, окончательно став «под крыло» министра обороны, конечно, был превознесен: получил Героя Советского Союза, члена ЦК КПСС и должность начальника Генерального штаба. А присвоение первому заместителю начальника Генерального штаба звания «маршал» — это было неслыханно! Даже генерал армии Антонов, находясь на этой должности три года в войну и фактически неся на своих плечах Генштаб (начальник Генштаба постоянно посылался Сталиным на фронты в качестве представителя Ставки ВГК), да еще три года после войны, не был пожалован Сталиным в маршалы. А вот Устинов Ахромеева пожаловал. Мало того, «в гроб сходя благословил» (как писал Пушкин о Державине) — за три месяца до своей смерти снял Огаркова, а Ахромеева назначил вместо него начальником Генштаба. Дмитрий Федорович Устинов любил преданных людей. Видимо, и общие национальные мордовские корни тоже имели значение.

Таким образом, и с Ахромеевым связывать возможность смягчения обстановки на высшем военном уровне было абсолютно бесперспективно. Но что же делать? Просить кого-нибудь со стороны, за пределами Генштаба, например, Виктора Георгиевича Куликова или кого-то из главкомов видов Вооруженных Сил, было неудобно, поскольку этот человек просто попал бы — в глазах министра обороны — в сложное положение.

Через несколько дней я пришел к Николаю Васильевичу и, изложив свои доводы, сказал, что лучше всего было бы все-таки попытаться ему самому чисто по-человечески объясниться с Устиновым и, может быть, за пределами Генштаба. Ведь от них обоих очень многое зависит в деятельности Вооруженных Сил.

— Это исключено. Никакого специального разговора на эту тему не будет! — отрезал Николай Васильевич. — А вот постоянно и настойчиво разъяснять ему все то, что заложено в

директиву по реформированию Вооруженных Сил, можно и нужно. Это — я гарантирую.

Мы и потом еще несколько раз возвращались к этой теме, да и сама жизнь толкала к этому: сдвигов к лучшему не было, а накал в отношениях Устинова и Огаркова нарастал. Первый раз их скрытый конфликт бурно проявился в декабре 1979 года, что само по себе было весьма неприятно — ведь вместе с начальником Генштаба отторгался и сам Генштаб.

Как и предполагал Огарков, руководство страны под давлением обстоятельств, которых я коснусь в специальной главе, вынуждено было изменить свое первоначальное решение о вводе наших войск на территорию Афганистана. 12 декабря 1979 года узкий круг членов Политбюро ЦК КПСС — Андропов, Громыко, Устинов — письменным докладом предложили Брежневу ввести войска в Афганистан — по просьбе руководства этой страны и с учетом обострения обстановки в этом районе. Брежнев согласился. Как и следовало ожидать, все остальные члены Политбюро, рассмотрев в рабочем порядке этот документ, тоже согласились с ним и завизировали, за исключением Косыгина. Алексей Николаевич категорически возражал против такого шага. Он полностью поддерживал любые другие действия, в том числе материальные и финансовые затраты, но только не ввод наших войск. Не подписал этот документ и оказался прав. Но с этого момента у него произошел полный разрыв с Брежневым и его окружением, что привело к его полной самоизоляции, и ровно через год он умер. Это произошло на 17-м году его руководства Советом Министров СССР (с октября 1964-го по декабрь 1980 года). Несмотря на свой возраст и полученную во время физических занятий (занимался греблей) травму, он был крепкий, а главное — он обладал ясным умом и кипучей энергией, благодаря чему работал ежедневно не менее десяти часов. Он вполне был способен руководить правительством и дальше, но психологические потрясения оказались для него роковыми.

Решению Политбюро предшествовала лихорадочная подготовительная работа. Очевидно чувствуя, что вокруг решения о вводе наших войск идет закулисная возня, и понимая, что в лице Устинова приобрести союзника невозможно, Косыгин позвонил Огаркову и открытым текстом сообщил, что готовится решение о вводе советских войск в Афганистан.

— Как вы лично и Генеральный штаб смотрите на этот возможный шаг? — спросил он Огаркова.

— Отрицательно, — сразу же ответил Николай Васильевич.

— Если отрицательно, то убедите Дмитрия Федоровича Устинова, что делать это нельзя.

Сразу после разговора с Косыгиным Николай Васильевич вызвал меня и подробно передал его содержание. Мы обсудили план наших дальнейших действий. Главное — убедить министра не соглашаться с вводом войск. Я подготовил для Николая Васильевича справку-обоснование, которую он посмотрел при мне и, как всегда, добавил кое-что от себя, после чего мы посчитали, что ему надо выходить на министра. Огарков тут же позвонил Устинову, сказав, что ему надо доложить ряд документов. Тот ответил, что готов встретиться.

Через час Николай Васильевич неожиданно появился у меня в кабинете (он редко ходил к кому-нибудь, кроме министра). Вижу, лицо его покрылось красными пятнами, сам взбешен. Бросил папку на стол. Я к нему:

— Что случилось?

— Скандал. В полном смысле слова скандал. Вначале все шло мирно — я ему докладывал ряд документов на подпись, разъяснял необходимость их подписания и так далее. В общем, как обычно. Вопрос об Афганистане я оставил на конец нашей встречи, так как предвидел, что могут быть трения. Но такое было впервые. Когда я начал обосновывать, почему нам нецелесообразно вводить войска в Афганистан, он вдруг взорвался и начал орать. В буквальном смысле орать: «Вы постоянно строите какие-то козни! Вы систематически саботируете мои решения! А сейчас вам уже не нравится то, что готовит руководство страны. Не ваше дело, что решается в Политбюро. Ваше дело — штаб».

Когда он сказал это, я вынужден был ответить, что он заблуждается, Генеральный штаб Вооруженных Сил не канцелярия министра, а главный орган государства по управлению армией, флотом и обороной страны в целом как в мирное время, так и в военное время. И Генштаб обязан всегда знать все, что касается Вооруженных Сил. Кстати, в военное время должность министра не предусмотрена, а Генштаб подчиняется Верховному Главнокомандующему, которым становится глава государства.

Видели бы вы, что после этого там было! В чем он меня только не обвинял! Хорошо хоть, что мы были с ним только вдвоем. Под конец он сказал, что больше разговаривать не намерен, и ушел в комнату отдыха. Мне ничего не оставалось делать, как тоже уйти. Это полный раскол.

— Товарищ маршал, — начал я успокаивать Николая Васильевича, — что министра прорвало, этого следовало ожидать. Конечно, это неприятно и ему, и вам, но когда-то это должно было случиться. Он успокоится, и отношения станут хотя

бы внешне нормальными. Зато теперь вы знаете, что у него в голове. Да и ему, наконец, стало ясно, что такое Генштаб. В этой обстановке, я думаю, вам было бы удобно позвонить Громыко или Андропову, а может быть, тому и другому, и предложить, чтобы они на одном из заседаний или встрече выслушали вашу позицию и ее обоснования. При этом можно было бы намекнуть, что одному Дмитрию Федоровичу делать выводы по вашему докладу будет неудобно, так как здесь затрагиваются политические аспекты.

— Да, очевидно, мне надо с ними переговорить именно сейчас, до разговора с ними министра, — согласился Огарков.

Что он и сделал. А на следующий день утром министр обороны позвонил Огаркову и сказал, чтобы тот к 11 часам был в Кремле, в Ореховой комнате (она располагалась сразу за кабинетом заседаний и в ней обычно собирались члены Политбюро до начала совещания. Сказал, что состоится встреча ряда членов Политбюро и что начальнику Генштаба надо будет доложить свои взгляды на афганскую проблему.

Николай Васильевич вернулся к обеду, пригласил Ахромеева, меня и подробно рассказал о встрече.

Собрались три члена Политбюро: Андропов, Громыко и Устинов. Затем подошел Суслов.

— Я двадцать минут докладывал и час отвечал на вопросы, — начал рассказывать Огарков. — Активно себя вел Андропов. Громыко задал всего три-четыре вопроса. Устинов вообще ни о чем не спрашивал — ему «все ясно». В итоге Юрий Владимирович и Андрей Андреевич меня поблагодарили и я уехал, а они остались.

— Наверное, можно было бы сообщить Алексею Николаевичу Косыгину о вашей встрече? — спросил я Николая Васильевича.

— Да, я намерен позвонить и ему, и Георгию Марковичу Корниенко (первый заместитель министра иностранных дел). Надо не только проинформировать их о состоявшейся беседе, но и попытаться убедить их — может, все-таки нам удастся избежать ввода.

О том, что 12 декабря решение Политбюро ЦК о вводе наших войск в Афганистан все-таки состоялось, мы узнали гораздо позже. А тогда, буквально через день после встречи с тремя членами Политбюро, Огарков пригласил Ахромеева и меня к себе в кабинет и дал нам ознакомиться и подписать доклад министру обороны об оценке обстановки в Афганистане и вокруг него, а также наше предложение. Доклад заканчивался словами: «Учитывая, что исчерпаны еще не все возможности самого правительства Афганистана по созданию стабильной обстановки

в стране, Генеральный штаб считает, что от ввода наших войск на территорию этого суверенного государства можно было бы воздержаться, что соответствует ранее принятому по этому вопросу решению руководства СССР и позволит избежать тяжелых политических, экономических, социальных и военных последствий».

Подпись Огаркова уже стояла. Пока Сергей Федорович молча подписывал документ, я многозначительно взглянул на Огаркова. Тот улыбнулся и кивнул головой в сторону Ахромеева. Я понял, что это продуманный маневр. Затем он предложил нам пройти к министру:

— Я с ним уже договорился, что придем втроем. Правда, я не говорил, по какому поводу.

И мы отправились к Устинову. Министр выглядел уставшим и вялым, говорил нехотя. Было видно, что он болен. Николай Васильевич сказал, что мы вместе подготовили документ на его имя, и подал ему доклад. Дмитрий Федорович начал медленно читать, делая на полях пометки. Вначале, с учетом опыта и рассказа Николая Васильевича, я думал, что реакция будет бурной. Однако Устинов внешне был спокоен, хотя интуитивно чувствовалось грозовое напряжение. Закончив читать, Устинов взял у себя на столе какие-то корочки и вложил туда два листа доклада. Затем, подумав, расписался вверху на первой странице, приговаривая: «Это вам для прокурора». Закрыл корочки и спокойно вернул доклад Огаркову:

— Вы опоздали. Решение уже состоялось.

— Дмитрий Федорович, — начал Огарков, — но Генштабу ничего по этому поводу не известно. Ведь наши действия в мире могут быть расценены как экспансия.

— Еще раз вам говорю, что решение о вводе состоялось. Поэтому вам надо не обсуждать действия Политбюро, а их выполнять, — уже нервно добавил министр и дал понять, что разговор окончен. Мы вышли из его кабинета. Сергей Федорович остался в приемной министра, затеяв разговор с помощником Устинова, а мы молча двинулись к себе.

— Если состоялось решение, то надо готовить директиву в войска, — заметил Николай Васильевич.

— У меня такое впечатление, что инициатор всей этой затеи с Афганистаном — наш министр, — сказал я.

— Вполне вероятно. Время покажет. Да и вы сами говорили, что он хоть и поддерживал предложение воздержаться от ввода наших войск, но без энтузиазма и только когда к нему обращались непосредственно.

— Да, я сам дважды присутствовал и наблюдал такую

картину. И мне передавали это, причем передавали и удивлялись.

Мы отправились по кабинетам. Захожу к себе, а у меня уже «разрывается» прямой телефон от начальника Генштаба:

— Валентин Иванович, пока вы поднимались, я уже переговорил с министром. Точнее, он мне позвонил и приказал: «Пишите директиву о вводе наших войск в Афганистан». Видно, Сергей Федорович остался, чтобы подсказать помощникам, что такой документ нужен. Я сейчас дам команду Аболинсу. Когда у него все будет готово, посмотрите проект директивы, а затем вместе с ним заходите ко мне.

О событиях в Афганистане мною написана книга, пока же сообщу о втором резком столкновении с министром обороны, но уже моем и в присутствии свидетелей. У министра обороны обсуждался вопрос о назначении командующего войсками Прибалтийского военного округа генерала армии А. М. Майорова Главным военным советником в Афганистан. Вначале этот вопрос потихоньку «тлел». Огарков несколько раз советовался со мной и с другими ответственными работниками Генштаба. Речь шла о статусе Главного военного советника: будет ли ему подчиняться только наш советнический аппарат, или к этому надо добавить и властные функции Главного военного советника и по отношению к 40-й армии, которая уже перешла границу соседней страны. Нашего Главного военного советника генерал-лейтенанта Л. Н. Горелова, который был в Афганистане до ввода войск, отозвали, а вместо него был срочно назначен генерал-полковник С. К. Магометов. В свое время расчет на него был простой — мусульманин с мусульманами договорится быстрее. Но жизнь показала, что в первую очередь необходимо другое и главное: чтобы советник обладал прозорливостью, твердостью и сильными организаторскими качествами. Поэтому и решено было подобрать одного из опытных командующих войсками. Выбор пал на А. М. Майорова.

Как-то звонит мне Николай Васильевич и говорит, чтобы я спускался на второй этаж, пойдем к министру. Не зная, о чем пойдет речь, я на всякий случай прихватил с собой свою «дежурную» папку со всеми необходимыми справками. Огарков меня уже ждал.

— Там уже собрались, — коротко сказал он. — Министр решил обсудить будущий статус Майорова. Будем придерживаться прежней позиции?

— Конечно. Если не предполагается, что наша оперативная группа Министерства обороны будет там на постоянной основе, то ему, кроме функций Главного военного советника, надо дать и полномочия военачальника, который имел бы право отдать

распоряжение командующему 40-й армии.

— Согласен, так и буду докладывать.

Заходим в кабинет министра, представляемся. Министр сидит на своем обычном месте. Справа от него — С. Л. Соколов, В. Г. Куликов, А. А. Епишев, С. Ф. Ахромеев и помощники министра И. В. Илларионов и С. С. Турунов. Левая сторона полностью свободна. Для нас. А нас всего двое. Чтобы создать видимость равновесия, Огарков садится к столу, отступив несколько от министра. Я тоже сел через стул от начальника Генштаба. В кабинете было жарко, поэтому все присутствующие свои кители сняли и повесили на спинки стульев. После приветствий заседание началось. Министр начал издалека, описывая обстановку в Афганистане в целом. Когда он добрался до Главного военного советника, его роли и месте в общей системе всех наших военных в этой стране, то я никак не мог понять — к чему было все сказано ранее и так много потрачено времени. Очевидно, он умышленно тянул, прикидывая, как ему поступить в этой противоречивой ситуации. Наконец, Устинов произнес главное:

— Есть два мнения в отношении прав и обязанностей Главного военного советника в Афганистане. Первое — оставить ему прежние функции: он должен заниматься только нашими военными советниками и специалистами, оказывая помощь в строительстве национальных Вооруженных Сил Афганистана. Второе мнение — Главному военному советнику плюс к этому дать права отдавать распоряжения 40-й армии. В связи с этим и одновременно назначить его на должность первого заместителя Главнокомандующего Сухопутными войсками наших Вооруженных Сил. Прошу высказаться по этому поводу. Начнем с вас, Сергей Леонидович, — обратился он к Соколову.

Сергей Леонидович и Сергей Федорович Ахромеев к этому времени уже имели значительный опыт ввода наших войск в Афганистан, их устройства, ведения первых боевых действий, а также изучения обстановки в афганской армии и в стране в целом. Они только что, после двух месяцев пребывания в Афганистане, вернулись в Москву для доклада и решения своих функциональных задач — тоже приблизительно в течение двух месяцев. И такой порядок был сохранен на весь период их пребывания в Афганистане (для Ахромеева — до 1983 года включительно, для Соколова — до осени 1984 года).

С. Л. Соколов, как и следовало ожидать, считал, что нет необходимости назначать Майорова одновременно и заместителем Главнокомандующего Сухопутными войсками. Главный военный советник должен заниматься своим делом, а 40-

й армией есть кому командовать — командующий войсками Туркестанского военного округа, которому она непосредственно подчинена, хоть и базируется в Ташкенте, но часто бывает в Афганистане. Да и телефонная связь гарантийно обеспечит надежное управление. Оперативная группа Министерства обороны представлена в Афганистане достаточно хорошо. Что же касается взаимодействия между 40-й армией и правительственными войсками, то Главный военный советник всегда найдет общий язык с командармом по вопросам совместных действий.

Приблизительно так же выступали и все остальные, кто сидел в одном ряду с Соколовым, лишь оттеняя те или другие детали. Например, Сергей Федорович Ахромеев, поддерживая в целом идею Соколова, подчеркнул, что командующему армией будет сложно ориентироваться: у него есть непосредственный начальник — командующий войсками ТуркВО, и вдруг в Кабуле объявляется еще один начальник в лице Главного военного советника. Это может внести путаницу в управление.

Министр обороны никого не перебивал, иногда задавал вопросы, но всем дал возможность высказаться полностью. Выслушав одну сторону, перешел ко второй. Н.В.Огарков, как мы и договаривались, отстаивал двойную должность для Майорова, логически обосновывая это предложение в том числе и тем, что такая должность определяется именно и только генералу армии Майорову, чтобы он, отбыв в Афганистане свой срок — два года, мог продолжить службу в должности первого заместителя Главнокомандующего Сухопутными войсками. «К этому времени 40-я армия, будем надеяться, вернется на Родину и функции по руководству этой армией у Майорова отпадут сами собой. Ну а главное — оперативность: никого дополнительно не привлекая на месте, Главный военный советник— первый заместитель Главкома Сухопутных войск принимает решение в отношении использования правительственных войск и войск 40-й армии. В этих условиях задачи будут решаться оперативно, а не затягиваться. Это очень удобно», — подчеркнул Огарков.

Министр обороны слушал, но смотрел куда-то мимо Огаркова. По лицу было видно, что он уже «заводится». Я понял, что разрядка нарастающего напряжения может наступить уже по окончании доклада начальника Генштаба. Но Устинов стерпел.

— Какое ваше мнение? — обратился министр ко мне.

Я ответил, что целиком разделяю мнение начальника Генерального штаба и считаю, что это общее мнение Генштаба (при этих словах С. Ф. Ахромеев поднял брови, но промолчал). В это ответственное время необходимо ежедневно, а иногда и

ежечасно организовывать взаимодействие между 40-й армией и афганскими войсками. Поэтому, конечно, крайне необходимо сосредоточить в руках генерала Майорова те функции, о которых говорил маршал Огарков. Подчеркнул также, что если бы наша оперативная группа Министерства обороны находилась в Афганистане на постоянной основе, то этот вопрос мог отпасть, а поскольку она будет в Афганистане наездами, и командующий войсками ТуркВО также не сможет там сидеть постоянно, то необходимую власть, тем более сейчас, Майорову надо дать. Это не внесет хаоса в управление, а даже наоборот. Прибытие первого заместителя Главкома Сухопутных войск в любую общевойсковую армию только подтягивает войска, а отношения строятся по уставу.

Д. Ф. Устинов не выдержал и, перебив меня, начал раздраженно говорить, все больше закипая. Он говорил в основном о том, что Генштаб, оказывается, не только не поддерживает мнение министра обороны, он не считается и с мнением остальных. Затем резким движением руки подтянул к себе проект приказа, который подготовил ему Огарков, и, подписав, буквально швырнул его Николаю Васильевичу (т. е. подписал все-таки наш вариант). А дальше продолжал «крестить» Генштаб. И, наконец, перешел к довольно прозрачной критике непосредственно в мой адрес. Видать, все зло, которое он питал ко мне, в связи с тем, что министр Гречко относился ко мне благожелательно, наконец выплеснулось наружу. Заканчивая свою гневную тираду, Устинов сказал:

— И вообще, за последнее время чувствуется распущенность даже среди генералов большого ранга. Надо наводить порядок. Им предлагают должности, а они носом крутят — не нравится им это, не нравится то, не нравится, видите ли, Забайкалье…

Я резко встал:

— Товарищ министр обороны, зачем же намекать? Это касается меня лично! Вы и назовите меня. Но при чем здесь Афганистан, который сейчас обсуждается? Однако если вам не нравится мое решение относительно Забайкалья, а я действительно отказался, то должен доложить следующее. Ведь речь идет о перемещении командующего войсками округа. Я несколько лет неплохо командовал Прикарпатским военным округом. Разве нельзя было кому-нибудь из заместителей министра обороны предварительно поговорить со мной? Да и министр обороны мог бы побеседовать. Почему начальник управления кадров должен решать мою судьбу, не считаясь с моим мнением и прохождением службы? Я сказал генералу армии Шкадову (начальник Главного управления кадров

Министерства обороны), что я прослужил пятнадцать лет на Севере, в основном в Заполярье, а вы хотите вместо меня назначить генерала Беликова, который вообще пока не видел сложной службы. Вот и назначайте его сразу на Забайкальский военный округ! Считаю, что поступил правильно.

— Совещание закончено, — объявил Устинов.

Все встали и, быстро надев кители, молча направились к выходу. Встал и министр. Я оказался последним и ближе всех к министру. Но когда я надевал китель (а делал я это со злостью, внутри все кипело), то воротник сзади поднялся, чего я не заметил. Ко мне подошел Устинов.

— У вас воротник, — сказал он и хотел мне помочь поправить.

Я отошел и, поправляя, сказал:

— Все сделаю сам! — и добавил: — А вы несправедливый человек!

Это было сказано громко и резко. Все быстро-быстро заторопились к выходу. Министр смолчал. Когда я оказался в приемной, все на меня зашикали:

— Что ты?! Что ты?!

— Это же министр обороны…

— Разве такое допустимо?

— Надо сдерживать себя!

И так далее в таком же духе. Один Огарков стоял в стороне и молчал. Я развернулся к выходу и, бросив на ходу: «Это мое личное дело!» — отправился к себе. Сказал своим в приемной, что если кто-то будет интересоваться, то пусть приходит после обеда. Подошел к огромной карте Советского Союза и Европы, нашел Львов и подумал: какая прелесть работать на самостоятельном участке! Там весь отдаешься работе.

Отыскал Магдебург, где командовал армией; Архангельск, который мне напомнил корпус; Кандалакшу, мою дивизию; Мурманск, полуостров Рыбачий, «Спутник» и Печенгу, где посчастливилось командовать полками. Никаких интриг, вся энергия идет на дело. А тут… Если в связи с этим эпизодом из Генштаба министр меня выдворит, то этому надо будет только радоваться. Однако в этом случае надо будет настаивать, чтобы вернули меня на округ. Желательно, конечно, чтобы находился он где-нибудь от Урала и далее на восток — подальше от этой грязи.

Ясно, схватка с Устиновым ничего хорошего мне не сулила, но в то же время она была кстати, поскольку раскрыла карты. А что касается суровых нападок заместителей министра и других, то такая реакция с их стороны была продиктована не чем иным, как только страхом за себя лично. Ведь они стали невольными

свидетелями моего «нетактичного» поведения, и это свидетельство Устинову могло не понравиться.

Прошел день. Затем — второй. В конце второго дня мне становится известно, что министр после этого эпизода пригласил к себе своих помощников Илларионова и Турунова и обсудил случившееся. Между прочим, якобы сказал: «А может быть, Варенников действительно прав? Во всяком случае ненормально, что с командующими войсками округов беседу проводит всего лишь начальник управления. Надо начальника Главного управления кадров ввести в ранг заместителя министра обороны».

Это, называется, «сделал выводы». И действительно, через месяц должность генерала армии И. Н. Шкадова уже именовалась: «Заместитель министра обороны по кадрам— начальник Главного управления кадров Министерства обороны».

Кстати, поневоле я стал причиной и других подобного рода событий. Например, присвоения помощникам министра обороны высокого полководческого звания «генерал-полковник». Произошло это так. В штатном расписании Главного оперативного управления первый его заместитель и все семь начальников управлений Главного управления были генерал-полковники. Но, кроме того, была должность — «помощник начальника Главного оперативного управления» и категория «генерал-лейтенант». Эту должность занимал Андриан Александрович Данилевич — уникальная неповторимая личность. Военного теоретика более высокого класса у нас в Вооруженных Силах в то время не было. Фактически он выполнял не функции помощника начальника Главного оперативного управления, а был первым его заместителем по разработке военной теории. Он же участвовал в разработке всех крупнейших учений, а на этих учениях возглавлял группу разбора и создавал все необходимые для этого документы. Это он, Данилевич, явился главным создателем важнейшего труда— «Основы подготовки и ведения операции». В пяти объемных томах подробно разбирались все виды операций. Разумеется, свои предложения и замечания делали многие, в том числе Огарков, Ахромеев, Варенников, Грибков, Гареев, Николаев, Ивашутин, Аболинс, Белов, Голушко, главнокомандующие видами Вооруженных Сил и их главные штабы, начальники родов войск и служб, некоторые командующие войсками военных округов и командующие флотов. Однако этот основополагающий труд был творением именно Данилевича.

Не могло быть никакого сомнения в том, что этот труд заслуживает самой высокой оценки (как минимум — звания

лауреата Ленинской премии). Но мои выходы на эту тему не давали должного результата и в первую очередь потому, как мне разъяснил Николай Васильевич Огарков, что министр обороны и слышать не хотел об этом. Вполне вероятно, что, не представляя вообще сущности военной науки в целом, он не мог правильно оценить и то, что было создано Данилевичем.

Тогда я решил «пробить» присвоение ему звания «генерал-полковник». Раскрутил эту тему максимально. Когда нашел поддержку практически среди всей Коллегии Министерства обороны (за исключением С. Л. Соколова и А.А.Епишева), то начал «давить» на Главное управление кадров, чтобы там согласились с моим представлением. Иван Николаевич Шкадов предложил мне переговорить на эту тему с председателем высшей аттестационной комиссии маршалом С. Л. Соколовым. Встречаюсь с Сергеем Леонидовичем, выкладываю свои доводы.

— Но ведь Данилевич у тебя на должности помощника, а это — генерал-лейтенант. И у министра обороны помощники — генерал-лейтенанты, — стал разъяснять Сергей Леонидович.

— Верно, — отвечаю я, — но помощники министра обороны действительно выполняют функции именно помощников. А Данилевич создает особой важности труды. Он сделал то, чего никто другой сделать не может. Именно только он! Фактически он не помощник начальника ГОУ, а главный военный теоретик Вооруженных Сил и, конечно, заслуживает присвоения ему звания «генерал-полковник».

Дискуссия с Сергеем Леонидовичем была непродолжительной. Каждый из нас преследовал свою цель: я — чтобы было присвоено звание Данилевичу, а он — чтобы одновременно было присвоено это высокое звание и помощникам министра обороны. Хотя если быть объективным, во все времена у министра обороны был только один, а не два помощника. И высшим званием у них всегда было только «генерал-лейтенант».

Как и следовало ожидать, вскоре после нашего разговора состоялось решение (буквально на несколько человек) о присвоении очередного генеральского звания. Илларионов, Турунов и Данилевич получили «генерал-полковника». Присвоение такого звания Андриану Александровичу Данилевичу вызвало искреннее одобрение не только в Генштабе и в центральном аппарате в целом, но и в войсках, точнее — у руководства военных округов, флотов армий, флотилий. То есть у той категории офицеров, которым эта личность была известна. Особенно был рад этому событию Николай Васильевич Огарков. Он питал к Данилевичу исключительное уважение. Они вдвоем могли часами обсуждать какую-нибудь проблему (отбросив в

сторону чинопочитание и субординацию, но при этом соблюдая такт), обогащая друг друга и в итоге разрешая все-таки важный вопрос.

Та беседа «со вспышками» у министра обороны по истечении времени зарубцевалась, о ней никто не вспоминал, но в памяти каждого наверняка сохранилась и, разумеется, могла быть поднята из архива в любое время. А пока жизнь продолжалась и ставила перед нами новые насущные проблемы. В частности, возникала необходимость проведения крупных учений в соответствии и в развитие тех теоретических положений, которые были заложены в «Основы подготовки и проведения операций».

Несколько мыслей об учениях и маневрах. Вообще об их роли для ВС.

Это был один из важнейших разделов деятельности Генерального штаба на протяжении всей его истории, а в период пребывания на посту начальника Генштаба маршала Н. В. Огаркова — он приобрел особое значение. Естественно, в моей жизни и службе проводимые Генштабом учения заняли большое место. Но описывать их буду кратко.

Много, интересно и напряженно проводились учения в свое время и министром обороны маршалом А. А. Гречко. Но при Огаркове учения имели особый смысл — они давали питательную струю для развития теории и в то же время сами являли собой проявление теории в практике.

Я не сторонник забивать свои выступления или публикации тезисами классиков. Но в данном случае хотелось бы обратить внимание читателя на то, что невоенный В.И.Ленин (хотя он, конечно, великий стратег) дал четкую, ясную и постоянно действующую установку для военных. В своей работе «Что делать?» (т. 6, с. 137) он пишет: «…всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства уменьшить эту возможность, как организованная подготовка сражения». Другими словами, если мы не хотим проиграть сражение, а это в потенциале может быть, то обязаны к нему всесторонне готовиться и в мирное время, и во время войны. А лучшей и наиболее эффективной формой подготовки Вооруженных Сил к сражениям и к войне в целом как раз и являются учения и маневры. Они как в зеркале отражают возможности и способности всех — от солдат и офицеров, подразделений и частей — до военного округа, вида вооруженных сил и Вооруженных Сил в целом.

Естественно, что для достижения победы в современной войне, кроме чисто военного превосходства, потребуется еще не только материальное, военно-техническое, но и духовное, и морально-политическое превосходство над противником. Духовные силы армия черпает у своего народа. Все перечисленные аспекты вместе взятые и составляют основу морально-политических возможностей государства. Почему я особо выделяю этот фактор? Да потому, что ему в Вооруженных Силах СССР уделялось такое же большое внимание, как и вопросам освоения боевой техники и оружия, их боевого применения.

Партия и правительство требовали от нас, чтобы Вооруженные Силы всегда были готовы отразить возможное нападение агрессоров. И это требование лежало в основе подготовки войск. В докладе о 50-летии Советской Армии и Военно-Морского Флота министр обороны маршал А.А.Гречко заявил: «Советские Вооруженные Силы способны вести успешные боевые действия в любых условиях — на земле, в воздухе и на море, днем и ночью, как с применением, так и без применения ядерного оружия». Это заявление не было голой декларацией. Гречко говорил истину. И в основе высокой боевой готовности Вооруженных Сил СССР были результаты учений и маневров, глубоких и всесторонних проверок войск и флотов. Действительно, учения, которые проводились в бытность его министром, и тем более если они проводились под его личным руководством, давали полное основание говорить о готовности наших войск и флотов к ведению боевых действий в любых условиях, при этом Вооруженные Силы гарантированно защитят Отечество, откуда бы и в каком составе ни исходила агрессия.

А. А. Гречко привил традицию — хорошо и всесторонне готовить учения и проводить их без послаблений. Естественно, учения должны быть приближены максимально к боевым условия. Эти традиции прекрасно хранил и развивал Н. В. Огарков. В условиях же, когда министром обороны был человек в маршальском мундире, считавший учения или маневры не чем иным, как забавой или мальчишеской игрой в «казаки-разбойники», проводить в жизнь план каждого учения ему было не просто трудно, а крайне тяжело. Надо отдать должное окружению начальника Генштаба: все они были единомышленниками и надежной опорой в подготовке и проведении крупных учений, а тем более маневров. В связи с этим особенно хотелось вспомнить таких генштабистов, как М. Гареев, И. Николаев, А.Данилевич, Н. Амелько, В. Кузнецов, А. Богданов. В этом отношении Генштаб также полностью

поддерживал главкомов видов Вооруженных Сил.

Каждый из нас ясно понимал, что в итоге любой войны будут победители и побежденные. А «новомодные» заявления о том, что «в этой войне не будет победителей и побежденных» — это блеф. Так любил говорить в свое время Горбачев относительно «холодной войны». Ему просто не хотелось причислять себя к побежденным, хотя он стал не только таковым, но еще и униженным, как и вся наша страна.

Исключением, конечно, может быть только мировая война с применением ядерного оружия. Здесь действительно не будет ни победителей, ни побежденных, а будет мировая катастрофа для всего человечества. От радиации погибнут даже те, кто был далек от ядерных ударов. Все помнят, что стоило даже не взорваться, а только «пыхнуть» в Чернобыле, как потоки воздушной массы разнесли радиоактивные частицы на тысячи километров, даже на Скандинавский полуостров.

В последнее время военная техника усовершенствовалась, шагнула в новую эру. Вместе с нею получило развитие и военное искусство, появились новые способы ведения боевых действий. Всё это требовало соответствующих форм и методов обучения и подготовки войск. Надо было знать, чему конкретно учить войска и органы управления и как, каким методам их учить, какую форму должно нести то или иное занятие, учение и маневры.

Конечно, надо учитывать опыт прошлой войны. Однако новая война, если ее развяжут агрессоры, будет вестись по новым канонам, следовательно, надо еще в мирное время заглянуть туда, в войну будущего, и соответственно готовить к ней войска и флоты. Важно, что все офицеры во все времена прекрасно понимали, что подготовка войск и в первую очередь учения — это самое главное во всей деятельности Вооруженных Сил.

Обучение должно проходить в условиях, максимально приближенных к боевым, к реальной боевой действительности. Любая война — это суровое испытание для каждого воина, для Вооруженных Сил и для государства и народа в целом. Она создает максимальное напряжение. Проверяются на прочность экономика, материальные и духовные силы общества, моральные и физические возможности каждого человека.

Важнейшую роль в том, что наши Армия и Флот СССР являлись лучшими в мире, играли, конечно, не только оснащение суперсовременным вооружением и боевой техникой, внесение в их жизнь и деятельность современной военной мысли, но и правильная организация и проведение их подготовки. При этом главное внимание уделялось оперативно-тактической и технической подготовке, как основе всей подготовки войск.

Оперативно-тактическая подготовка не только не исключала других видов подготовки, а наоборот — фактически аккумулировала в себе все ее виды. Подразумевалось, что до выхода, к примеру, на тактические учения солдат или подразделение уже умеют стрелять, правильно оборудовать окоп-позицию, что они будут физически выносливыми и сноровистыми.

И, конечно, никакие самые веские причины, никакие доводы или ухищрения выше- и нижестоящих военачальников не должны были служить для командира любого ранга основанием о допущении на учениях каких-либо послаблений, сокращении их протяженности, а тем более для отмены учений.

На тактические учения все должны идти как на праздник. Такое у нас было правило.

Естественно, должны были выполняться и заповеди наших великих личностей: «Тяжело в учении — легко в бою!», «Учиться военному делу настоящим образом!», «Учить тому, что надо на войне!». Между прочим такой подход существовал не только в годы Советской власти в наших Вооруженных Силах. Таковы были традиции Русской, Российской армии.

Поскольку Россия не имела выхода к морю ни на западе (где Балтику оседлала Швеция), ни на юге в районе Черного моря, Петр Великий, готовясь к будущим военным действиям, провел реформы в армии и создал регулярное войско. И готовил его не для парада, а для настоящей войны, понимая, что сражаться придется с весьма сильным противником.

Исходя из этого и готовился воин, способный отстоять интересы Отечества. Петр Великий лично (или по его поручению) писал инструкции и артикулы типа уставов и наставлений для подготовки солдат, офицеров, части в целом, для проведения учений, в том числе совместных пехоты, конницы и артиллерии и т. д. Особое внимание уделял подготовке войск для штурма крепостей. Учение проводилось двустороннее: в крепость сажали гарнизон, который обязан был удерживать ее, не щадя живота своего, а штурмующие должны были сломать сопротивление гарнизона и овладеть крепостью. Все было как в бою. Не разрешалось только стрелять из оружия и колоть штыком, рубить саблей. Дрались в основном палками. Однако при этом были не только раненые, но и убитые.

Важно отметить, что Петр Великий, присутствуя на таких учениях и сам проводя их, не терпел формализма. Если где-то допускались послабления, он останавливал учение, разводил стороны в исходное положение, делал разбор ошибок и затем начинал все заново. Исключительные учения были проведены им

при подготовке к сражению у Полтавы. Да и в ходе этой битвы он отдельно готовил некоторые части перед тем, как бросить их в бой.

Особо хотелось бы отметить высокую школу подготовки войск к боевым действиям фельдмаршала Петра Александровича Румянцева, которого называли Задунайским в честь его побед на Дунае и который являлся учителем и наставником многих русских полководцев, в том числе Суворова и Кутузова. Это был прекрасный теоретик, замечательный педагог, блистательный полководец — практик и чудесный человек. Уставы Русской армии, а также организация самой армии во многом отражали мысли П.А.Румянцева, который впоследствии незаслуженно попал в тень. Особо он отличился в сражении на реке Кагул — левом притоке Дуная, где он, имея армию в 38 тысяч человек и 149 орудий, разгромил в прах главные силы турецкой армии великого визиря Халиль-паши, который располагал армией численностью 150 тысяч человек (т. е. в 3,5–4 раза больше) и 180 орудиями. Турки в этом сражении потеряли 20 тысяч, а русские — только полторы тысячи. Главный секрет этого успеха состоял не только в том, что Румянцев талантливо сосредоточил основные усилия на главном направлении, а также провел искусный маневр на поле боя, а и в том, что войска проявили исключительную подготовку, выносливость и мужество. А все это вместе взятое и есть результат проведенных до этого учений и тренировок. Румянцев требовал, чтобы занятия по тактике проводили офицеры, которые обязаны были проводить разбор учений, раскрывать солдатам смысл проводимых действий, чтобы подчиненные понимали их полезность и необходимость.

У А. В. Суворова есть много ярких высказываний по поводу учений: «Хорошо обученные войска должны только побеждать», «Свалиться на противника внезапно, как снег на голову» и т. д. Все они понятны и солдату, и офицеру, и полководцу.

Особое внимание на учениях Суворов придавал сквозным штыковым атакам — штыки поднимались вверх только в момент полного сближения. Они, несомненно, вырабатывали у воинов высокие морально-психологические качества. Исключительное внимание генералиссимус уделял также походам, точнее, переходам или совершению форсированных маршей. Его подготовленное войско часто появлялось там и в то время, где и когда его никто не ждал и даже не предполагал, что он может здесь появиться и сразу с ходу обрушить сокрушительный удар.

При одном упоминании имени «Суворов», естественно, сразу в памяти встает полководец, который не знал ни одного поражения. А в скольких сражениях он участвовал! Семилетняя

война, война с турками, победы у Фокшан и Рымнике, штурм Измаила, походы на юге, в Финляндии, Польше и на Украине. А итальянский поход и блистательные победы на реках Адда и Треббия, а битва при Нови! На реке Треббия была разгромлена армия маршала Франции Макдональда, численность которой во много раз превышала войска Суворова. Вершиной полководческого искусства Суворова был швейцарский поход 1799 года. А ему шел тогда уже 70-й год.

Кутузов, участвуя во многих походах Суворова, конечно, многому у него научился, особенно тому, как надо готовить войска к войне вообще и, в частности, к каждому конкретному сражению. Особо обращает на себя внимание подготовка войск, отмобилизованных по России и сосредоточенных в районе Нижнего Новгорода, Арзамаса и Мурома. Проведенные с ними здесь учения и различные занятия, несомненно, помогли Кутузову успешно провести сражение на Бородинском поле, совершить Тарутинский маневр и тем самым нанести поражение армии Наполеона. В ходе этого маневра только город Малоярославец восемь раз переходил из рук в руки. А в итоге наши войска добились победы и, разгромив наполеоновский авангард, вынудили французские войска отступать по старой смоленской дороге, которая была разорена, и замерзающей французской армии нечем было здесь поживиться и поддержать свои силы, а запасы были исчерпаны. После этого сражения стратегическая инициатива полностью перешла в руки Кутузова и оставалась у него до конца войны.

Очень важно отметить, что вся система обучения и воспитания строилась на системе сознательности, а не муштры.

Сейчас, оглядываясь на те годы, в душе благодарим и монархов, и полководцев, которые творчески мыслили и настоятельно проводили в жизнь линию — «учить войска тому, что нужно на войне!». И в то же время с сожалением отмечаем, что ряд царей и некоторые командующие нашей армии (например, Миних, ставший во главе русской армии после смерти Петра I) не только растеряли прежний богатейший опыт и не внедрили его в плоть и кровь армии, не сделали это традицией, а, наоборот, даже усердно выкорчевывали все лучшее. Поэтому у нас и появились провалы типа поражения в Русско-японской войне 1904–1905 годов.

Но были и яркие всплески. Например, всем известный, оставшийся навечно в истории Брусиловский прорыв, совершенный в ходе Первой мировой войны. Генерал Алексей Алексеевич Брусилов, являясь главнокомандующим Юго-Западным фронтом, провел успешное наступление, прорвав

оборону противника. Это всех ошеломило. Дело в том, что к тому времени характер боевых действий на фронте принял тягучий вид, обе стороны понимали тупиковую ситуацию, а тут вдруг не только попытка наступать, но осуществлен прорыв хорошо подготовленной обороны.

Как же удалось это сделать Брусилову?

В тылу войск он построил оборону противника точь-в-точь как перед прорывом их фронта, в том числе и инженерные заграждения (колючая проволока, спираль, минные поля и т. д.). Затем сосредоточил там войска, которым предстояло прорвать оборону противника, провел всю организационную работу по предстоящим боевым действиям. Все подразделения и части провели многократные тренировки. Особое внимание уделялось взаимодействию: пехоты с саперами, которые должны были проделать огромные проходы в минных полях для подготовки атаки и пропустить всю пехоту через эти проходы; пехоты с артиллерией, которая огнем прямой наводки с закрытых позиций вначале подавляла и уничтожала все, что было на переднем крае и в ближайшей глубине, затем орудия сопровождения совместно с пехотой должны были преодолеть передний край, закрепиться и быть готовыми открыть огонь по первой же проявившей себя цели.

Такие занятия, несомненно, предопределили успех действий во время прорыва обороны австро-венгерских войск. Юго-Западный фронт в полосе 550 км продвинулся от 60 до 150 км. При этом был нанесен огромный урон противнику — они потеряли около 1,5 млн. человек (а наши — в три раза меньше, хотя наступающая сторона всегда несет в два-три раза большие потери). К сожалению, из-за отсутствия резервов и вторых эшелонов наступление не было развито. Фронтового резерва не было вообще, а стратегический резерв — Особая армия был выделен для развития успеха очень поздно, потому наступление и «заглохло». Но и то, что было сделано, произвело потрясающий переполох. С западного и итальянского направлений сюда было срочно переброшено более 30 дивизий.

В итоге этого прорыва в ходе Первой мировой войны наступил коренный перелом в пользу Антанты, куда входила и Россия. Мало того, Румыния тоже перешла на сторону Антанты. А итальянская армия в районе Тфентино была спасена от полного разгрома.

Важно отметить, что на вооружение практически всеми армиями мира были взяты не только способ осуществления прорыва генералом Брусиловым, но и методы подготовки к этим действиям, т. е. учения и тренировки, которые проводились с

войсками в тылу.

Что касается советского периода развития нашей армии и флота, то стабильная боевая учеба началась уже в 1924–1925 годах. А уже в начале 30-х годов во многих военных округах проводятся крупные исследовательские и опытные учения. Идет поиск форм и способов действий с учетом появления новых видов боевой техники и вооружения (артиллерии, бронетанковых войсках, авиации).

К этому времени была разработана теория глубокой операции. Ее авторы — офицеры царской армии А. Свечин и Г.Иссерсон. Оба затем служили в Красной Армии и, находясь впоследствии на педагогическом поприще, внесли значительный вклад в дело подготовки наших кадров. Оба— сильные теоретики и богатые практики. Например, Александр Андреевич Свечин в годы Первой мировой войны был начальником штаба армии, затем — начальником штаба фронта. Имел много трудов по тактике и стратегии и особенно по военной истории. Вполне согласен с теми, кто называет Александра Андреевича Свечина русским Клаузевицем. Очевидно, пришло время издать его труды и вывести эту исключительную личность из тени, которая несправедливо была создана в 1937 году.

Сущность глубокой операции состояла в том, что оборона противника одновременно подавляется на большую глубину огнем нашей артиллерии и авиации. Создав ударные группировки на направлении главных ударов, наши силы решительно прорывают оборону противника, после чего в прорыв немедленно вводится мощная подвижная группа, состоящая из танков и бронеавтомобилей (БТР тогда не было). С вводом этой группы развивается тактический успех в оперативный. На направлении главного удара— в глубину обороны противника выбрасывается воздушный десант, который захватывает узлы дорог, важные объекты и удерживает их до подхода главных сил наступающих войск.

В соответствии с этими положениями были подготовлены и в 1935 году проведены маневры Киевского военного округа. А в 1936 году, тоже базируясь на новой теории глубокой операции и с учетом опыта киевских маневров, были подготовлены и проведены маневры Белорусского военного округа. На этих и последующих маневрах осваивались новая боевая техника и вооружение. При этом надо отметить, что боевая техника применялась в больших до того времени количествах. Так, в белорусских маневрах участвовало 1300 танков, около 650 самолетов и несколько тысяч автомобилей.

А в следующем, т. е. в 1937, году маневры были проведены в

Закавказском военном округе. И тоже с учетом новых взглядов на операцию, но уже применительно к горным условиям.

В формировании у командного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота правильных и необходимых принципов подготовки Вооруженных Сил к настоящей войне большую роль сыграли два события, которые имели место в 1940 году.

Первое — проведение И. В. Сталиным Главного Военного Совета. Выступая перед руководящим составом армии и флота с обстоятельным докладом, Сталин очень резко подчеркнул недостатки в подготовке войск. Особое внимание обратил на увлечение показной стороной проведенных маневров. Он требовал максимально приближать маневры к боевой обстановке. Исключительное внимание уделял необходимости тщательной организации взаимодействия между соединениями и объединениями, а также между пехотой, артиллерией, танками и авиацией. Отдельно и подробно остановился на вопросах материально-технического обеспечения войск в ходе наступления.

Говоря об этом, мне хотелось бы обратить внимание читателя на государственную мудрость Сталина. Индустриализацией народного хозяйства, коллективизацией сельского производства и культурной революцией он не только подвел материальную базу для процветания страны и народа, но и обеспечил материально-технически и интеллектуально оборону нашей страны. И в то же время он лично занимается вопросами боевой и оперативной подготовки армии и флота, следит и анализирует учения и маневры и как знаток дает подробные и конкретные указания.

В связи с этим хотелось бы напомнить об одном факте: в 1989 году мы, военные, фактически взбунтовались и потребовали, чтобы Горбачев, как Верховный главнокомандующий, провел бы Главный военный совет страны, где мы намерены были ему сказать о бедственном положении Вооруженных Сил и военно-промышленного комплекса, но далось нам это с большим трудом. Мы лишь уговорили его провести это мероприятие, но практически он так ничего и не сделал в интересах армии и военной промышленности. Как видите, читатель, совершенно противоположные позиции.

Вторым важным событием для руководящего состава военных в 1940 году было совещание начальствующего состава Красной Армии, проведенное Сталиным 17 апреля 1940 года в связи с завершением военной кампании на северо-западном направлении страны (война с Финляндией).

Полагаю, что весь доклад Сталина излагать не следует, приведу лишь фрагменты. Но если читатель на этом фоне представит Горбачева и Ельцина, то ему нетрудно будет увидеть

полное их ничтожество.

Вот эти фрагменты.

Сталин задает вопрос: можно ли было обойтись без этой войны? И сам же отвечает — сделать это было невозможно. Требовалось обеспечить безопасность Ленинграда — нашей второй столицы и мощного научного и военно-промышленного центра. «Безопасность Ленинграда — это безопасность нашей страны». А мирные переговоры, по которым мы хотели улучшить наше стратегическое положение на этом направлении, ни к чему не привели.

Далее Сталин спрашивает: а не поторопилось ли наше правительство объявить войну именно в конце ноября? И отвечает: нет! Поступили совершенно правильно. Почему? Да потому, что в это время «на Западе три самых больших державы вцепились друг другу в горло — когда ж решать вопрос о Ленинграде, если не в этих условиях… Было бы большой глупостью и политической близорукостью упустить момент…»

Затем Сталин спрашивает: правильно ли наши военные руководящие органы создали группировки войск — было пять основных направлений. И отвечает: правильно! На Карельском перешейке надо было взять Выборг. Севернее Ладожского озера — выйти в тыл линии Манергейма. На Торнео и южнее — вести разведывательные действия и, наконец, нанести удар по Петсамо. Он напомнил, что Петр Великий воевал на этом направлении 21 год, его дочь Елизавета — 2 года, Екатерина II — 2 года, столько же вел войну Александр I и завоевал Финляндию (кстати, в Хельсинки стоит ему величественный памятник и построен прекрасный собор).

Далее Сталин говорит, что мы знали, что финнов поддерживают Франция, Англия, Германия, Америка, Канада и соседи — шведы и норвежцы. Но они были в это время заняты другими заботами. А нам надо было решить проблему с Ленинградом. Поэтому финнам было поставлено условие — либо они согласятся пойти на уступки, либо мы будем принимать иные меры.

Пришлось вести войну. Она кончилась за три месяца и 12 дней. Армия хорошо решила свои задачи, а наш политический бум тоже возымел результат.

Сталин спрашивает: почему у нас было так много ошибок в этой кампании? И отвечает: «Это созданная предыдущей кампанией психология в войсках и командном составе— шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и готовились речи, что наша Красная Армия непобедима, что нет ей равной, что у нее

есть всё, никаких нехваток нет, не было и не существует. Что наша армия непобедима». И далее он говорит, что с этой шапкозакидательской психологией надо покончить — надо сделать всё, чтобы наша армия была современной».

И, заключая свое выступление, Сталин говорит: «Мы разбили не только финнов — это задача не такая большая. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являются учителями финнов. В этом основная наша победа».

Всё четко, конкретно и понятно. Кто мог бы еще так сказать после Сталина? А самое главное — кто мог бы все сказанное реализовать, претворить в жизнь? После него я не вижу таких, а что касается периода начиная с 1985 и до 2000 года, так здесь одно только предательство.

А Сталин сказал, сам же все организовал и сам добился выполнения.

Наши же правители в лице Ельцина, Черномырдина и других организовали и устроили настоящую бойню в Чечне, послав туда неподготовленные, необученные войска. Хоть кто-нибудь из них попытался проанализировать все, что произошло, и выступить перед народом, перед парламентом или хотя бы только перед военными? Да нет. Они не пытались и не способны были на такой шаг.

Ведь когда президентом России стал Ельцин, не проводились не только учения или маневры, но даже занятия с применением боевой техники. Танки и бронетранспортеры не ходят, самолеты и вертолеты не летают, корабли в море не выходят. Наступил настоящий паралич. Это даже не «потешное войско» времен Петра Великого. У него это войско и в учениях участвовало, и его своевременно кормили, а у нас при Ельцине и этого не было. Офицеры месяцами не получают денежного содержания. Голодные офицеры стреляются. Стреляются или идут внаймы к «новым русским», которых породил Ельцин, или к иностранцам — днем служат в части, а ночью — сторожем или грузчиком. А, так сказать, «гарант конституции» сидит с самодовольным видом в Кремле или в какой-нибудь из многих загородных резиденций и считает, что у него все в порядке.

Поскольку эта глава посвящена периоду моей службы в Генеральном штабе, то я позволю кратко остановиться на некоторых учениях и маневрах, которые готовились и проводились Генеральным штабом в то время. Принципиально Генеральный штаб подготовил и провел стратегические учения на всех направлениях: западном (дважды), южном и дальневосточном (дважды). И все это с 1980 по 1984 год (не

считая отдельных фронтовых учений, различных тренировок и т. п.).

Конечно, с того времени прошло 20 лет и многое в мире изменилось (в т. ч. цифры), но наши взгляды и методы прошлого должны быть интересны и сегодня.

Первым крупным учением было учение «Юг-80».

Казалось бы, крупные стратегические учения надо начать с главного, т. е. западного направления. Но Юг избран по трем соображениям.

Во-первых, на этом направлении стратегическое учение группы фронтов ни разу не проводилось. И организация управления этой группировкой на огромном пространстве, а также организация взаимодействия между фронтами, видами Вооруженных Сил и родов войск, конечно, представлялась туманно, хотя Ближний и Средний Восток давал о себе знать все больше и больше. Да и наши войска уже были введены в Афганистан.

Во-вторых, напряженная внутриполитическая обстановка в Иране привлекала внимание многих стран мира. При этом существовали полярно противоположные позиции. США старались принять все меры, чтобы подавить революционный процесс, возглавленный духовенством в этой стране. Мы, естественно, не могли оставаться сторонними наблюдателями, когда во внутренние дела наших соседей вмешиваются пришельцы из-за океана.

В-третьих, по результатам этого учения Генеральный штаб должен был определиться в отношении системы управления этой группировкой войск и сил флота. Возможно, придется здесь создавать оперативно-стратегический орган типа Главного командования Южного направления, что, кстати, в последующем и было сделано.

Предварительно проведя рекогносцировку, мы пришли к выводу, что штаб руководства учением целесообразно расположить ближе к Ирану, в Баку. Штаб руководства выступал в роли Главного командования Южного направления, которое имело основной командный пункт в Баку, т. е. на иранском направлении, и вспомогательный пункт управления в Термезе, т. е. на афганском направлении.

Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. Алиев любезно предложил нам помещение для штаба руководства. Кстати, Н. В. Огарков и я в ходе учения посетили руководителей Закавказских и Среднеазиатских республик, информируя их о целях проводимых мероприятий. В свою очередь каждый из них рассказывал нам о жизни республики. Должен заметить, что

Гейдар Алиев и Шараф Рашидов своим глубоким знанием обстановки в своих республиках произвели на меня высокое впечатление. Особенно убедительно они говорили о перспективах развития народного хозяйства. И когда в последующем об этих лицах начали появляться в разговорах высших кругов и даже в прессе некоторые негативы, то лично я сомневался в их достоверности.

Итак, учение «Юг-80».

Двухстепенное оперативно-стратегическое командно-штабное учение «Юг-80» стало одним из основных мероприятий оперативной подготовки 1980 года. Учение проводилось с реальным выходом штабов на пункты управления и развертыванием системы связи, а также частичным привлечением войск.

Тема учения «Подготовка и ведение операции на Южном направлении». В рамках ее отрабатывались вопросы: 1) перевод войск и сил флота с мирного на военное положение; 2) планирование ввода войск на территорию сопредельных государств (с соответствующей договоренностью с каждой страной); 3) оперативное развертывание и управление войсками при подготовке и в ходе ведения операции на ближневосточном и средневосточном театрах военных действий.

Учебными целями ставились: изучение тенденции развития военно-политической обстановки на Ближнем и Среднем Востоке, возможных условий развязывания и ведения войны; исследование особенностей подготовки операций; способов их ведения; организации управления группировками Вооруженных Сил на ТВД с созданием Главного командования, а также всех видов обеспечения войск. Кроме того, ставились задачи дать возможность командующим, командирам и штабам приобрести практику управления войсками и силами при переводе их с мирного на военное положение, подготовке и ведении операций на разобщенных направлениях с широким использованием воздушных и морских десантов и переброской крупных сил по воздуху для захвата важных районов на большой глубине.

На учение привлекались: управления Северо-Кавказского, Закавказского и Туркестанского военных округов соответственно в роли управлений 1-м, 2-м и 3-м Южных фронтов, управлений округов мирного и военного времени; управления трех общевойсковых армий и трех армейских корпусов этих военных округов, а также оперативные группы Черноморского флота, Каспийской флотилии, 46-й Воздушной армии ВГК, управления Закавказского и Среднеазиатского пограничных округов.

Район учений охватывал Ближневосточный и

Средневосточный театры военных действий, часть территории Африканского континента и акваторию Индийского океанского ТВД. Как известно, эти театры располагаются на стыке трех континентов. В их границах находятся более двух десятков государств различной политической ориентации. Здесь живет около полумиллиарда человек, размещаются важные административно-политические центры, экономические районы и военные объекты. Все эти страны объявлены Соединенными Штатами как страны, входящие в зону национальной безопасности США.

Можете себе представить, читатель, какая здесь зависимость, когда страны находятся за океанами на расстоянии более десяти тысяч километров.

В то время Генеральным штабом характеризовался этот театр военных действий приблизительно так.

В советской части театров находились пять Советских Социалистических Республик с населением более 30 млн. человек, расположен ряд крупнейших индустриальных центров, районов нефтедобычи и нефтепереработки, производства хлеба, хлопка и других видов сельскохозяйственной продукции.

Зарубежная часть театров — важнейшая энергетическо-сырьевая база капиталистического мира. На долю этого района приходится 67 процентов всех разведанных запасов нефти и около одной трети ее годовой добычи. Это и является для США вопросом номер один.

В границах театра развернуты значительные группировки вооруженных сил сопредельных государств. Общая численность регулярных армий антисоветской коалиции достигает почти двух миллионов человек. В их составе около 60 дивизий, более 100 отдельных бригад, 12 тысяч танков, 18 тысяч орудий и минометов, 3,5 тысяч боевых самолетов, 600 боевых кораблей и катеров. Наиболее многочисленными и боевыми являются вооруженные силы Турции, Пакистана, Израиля и Египта. Фактически вассалы США.

Арабские страны региона располагают значительными мобилизационными ресурсами, превышающими в общей сложности 25 млн. человек. Они могут быть использованы натовцами для восполнения потерь и развертывания новых резервов в случае поставки техники из США и НАТО.

США и другие страны НАТО постоянно содержат на этих театрах крупные авиационные и военно-морские силы: до 400 самолетов, 2 авианосные многоцелевые группы и амфибийно-десантную группу. Сюда предназначается также создаваемый американцами корпус «быстрого реагирования».

В основу замысла учений был положен один из возможных вариантов, когда империалистическими державами сначала развязывается война в Европе, а затем на Юге и в других районах мира. Поэтому нашим планом учения условно предусматривалось следующее (при этом учитывались реальные межгосударственные отношения на то время).

«Западные» (США и блок НАТО) в начале августа, под видом учений, приступили к скрытому отмобилизовыванию и развертыванию группировок своих вооруженных сил в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, к наращиванию военно-морских сил в Северной Атлантике, на Средиземном море, в северной части Индийского океана.

«Южные» под эгидой США сколотили агрессивный блок, в который вошли Турция, Египет, Израиль, Саудовская Аравия, Пакистан и Оман. Блок начал активно осуществлять мероприятия, направленные на ликвидацию прогрессивных режимов. С этой целью были развязаны локальные военные конфликты Израиля с Ливаном, Саудовской Аравии с НДРЙ и ЙАР. Расширились масштабы военных действий против Афганистана, где под видом мятежников начали использоваться также регулярные войска Пакистана. В Иране обострилась внутриполитическая борьба между буржуазией и духовенством и активизировалась деятельность реакционных сил, направленная на подготовку государственного переворота.

«Восточные» (Китай и Япония), используя общее обострение положения в мире, активизировали свои военные приготовления. Китай усилил оборону северных границ с СССР и МНР.

«Северные» (СССР и страны Варшавского Договора) совместно с другими союзными государствами в Азии, на Ближнем и Среднем Востоке в ответ на агрессивные приготовления США и стран НАТО, а также в связи с обострением обстановки усилили подготовку вооруженных сил к отражению возможной агрессии. Их войска и силы флота на театрах военных действий, оставаясь в пунктах постоянной дислокации, в течение трех суток проводили мероприятия по повышению боевой готовности. В Афганистане отдельные части и подразделения совместно с афганскими войсками участвовали в боевых действиях по ликвидации бандформирований.

В целях повышения устойчивости управления Вооруженными Силами были развернуты главные командования на Западном и Юго-Западном ТВД. Одновременно решением Ставки ВГК было создано Главное командование войсками на юге, в подчинение которому поступили Закавказский, Туркестанский, Северокавказский военные округа, 46-я Воздушная армия ВГК,

дивизия разнородных сил Черноморского флота и Каспийская флотилия.

Такой была политическая и общая стратегическая обстановка накануне предположенной агрессии «противника». Завершался процесс размежевания военно-политических сил. Большинство государств определили свои позиции. Военные приготовления получили большой размах и по существу уже приобрели необратимый характер.

Планы сводились к следующему.

Антисоветская коалиция намечала объединенными усилиями нанести поражение странам Варшавского Договора, лишить Советский Союз союзников и согласованными ударами с различных направлений разгромить его.

Ближайшей целью антисоветская коалиция ставила:

— в Европе создать взрывоопасную обстановку в ряде стран Варшавского Договора, под предлогом «оказания помощи» этим странам развязать войну, внезапными ударами войск НАТО с суши, воздуха и моря разгромить вооруженные силы «Северных» в ГДР, ЧССР, ПНР и ВНР, овладеть их территориями и выйти к западным границам СССР;

— на Юге, используя армии блока «Южных» и силы быстрого реагирования США, ликвидировать прогрессивные режимы в Афганистане, Сирии, НДРЙ и других арабских государствах, осуществить реакционный переворот в Иране и, выдвинув основные силы блока «Южных» к границам с Советским Союзом, перейти к обороне с расчетом сковать силы «Северных» и тем самым создать благоприятные условия для действий войск НАТО в Европе. При благоприятной обстановке провести частные наступательные операции с ограниченными целями.

Замыслом учений предполагалось, что дальнейшей стратегической целью антисоветская коалиция ставила: объединенными ударами одновременно с различных направлений, с применением ядерного оружия разгромить Вооруженные Силы СССР, разрушить его основные экономические центры и вывести Советский Союз из войны.

«Северные», т. е. Советский Союз и его союзники, в такой обстановке предусматривали: отразить вторжение агрессора, сорвать его попытки захватить социалистические государства и последовательным проведением крупных стратегических наступательных операций разгромить противника на различных ТВД, сосредоточив основные усилия против вооруженных сил США и стран НАТО.

Эти задачи «Северные» решали с учетом конкретно сложившихся условий на каждом ТВД.

На Западе предусматривалось отразить вторжение противника и переходом в контрнаступление разгромить ОВС НАТО в Европе.

На Юге в качестве первоочередной задачи планировалось вводом войск «Северных» в Иран сорвать использование противником его территории в качестве плацдарма против СССР, обеспечить надежную оборону южных границ Советского Союза, ДРА и безопасность других стран региона с прогрессивными режимами. Для этого предусматривалось: проведение операции по вводу войск в Иран (согласно существующей договоренности с этой страной), перегруппировка сил для усиления турецкого направления, а также активизация действий против бандформирований на территории Афганистана. Одновременно намечалось подготовить и при необходимости провести стратегическую наступательную операцию на ТВД с целью разгрома вооруженных сил блока «Южных», овладения их территорией и вывода этих стран из войны. Эта операция планировалась с учетом возможности ее проведения как после выполнения задач по вводу наших войск в Иран, так и одновременно непосредственно из исходной позиции группировки войск.

На Востоке предусматривалось ведение стратегической обороны, не давая повода для конфликта. В принципе военные действия намечалось провести с применением обычных средств поражения, держа ядерное оружие в постоянной готовности к немедленному использованию.

К стратегической наступательной операции на Юге привлекались войска трех фронтов, воздушно-десантные войска, часть сил Черноморского флота, оперативная эскадра в Индийском океане, Воздушная армия ВГК, а также другие объединения различных видов ВС. Операция планировалась на всю глубину театра.

Учение проводилось в три этапа. На первом этапе осуществлялось планирование и развертывание группировок ВС на ТВД.

На втором этапе отрабатывались вопросы планирования и подготовки оборонительных и наступательных операций фронтов и сил флота. На третьем этапе изучались вопросы управления войсками (силами) в ходе первых операций и планирования последующих фронтовых операций в условиях непосредственной угрозы применения ядерного оружия.

Весьма примечательно, что в период проведения нами этого учения, т. е. в начале августа 1980 года, президент США подписал Директиву № 59 и дополнения к ней, в которых излагается так

называемая «новая ядерная стратегия» США. Спустя некоторое время руководитель Пентагона Г. Браун направил министрам обороны стран НАТО послание, в котором официально уведомил своих союзников по блоку об этой «новой ядерной стратегии» США. Все эти документы были преданы самой широкой гласности, в пожарном порядке был запущен весь американский пропагандистский аппарат по ее афишированию. Естественно, это стало известно и нам, что, конечно, было использовано на учении.

На что же направлена данная ядерная стратегия Вашингтона и что в ней нового?

Известно, что с 1945 до 1950 года США исповедовали стратегию «массированного возмездия»; с 1961 по 1970 год — «гибкого реагирования, с 1971 по 1980 год — «реалистического сдерживания». А что же теперь? Чего они добиваются? Им нужно господство.

Оценивая военно-политическую обстановку в мире, мы должны четко представлять, что определяющим районом для международной стабильности, безопасности и обеспечения обороны СССР и стран Варшавского Договора был и остается Запад. Но наряду с этим возрастает значение также и других районов, в частности Юга, и конкретно Ближнего и Среднего Востока.

Главной причиной напряженности на Ближнем и Среднем Востоке является агрессивная политика США, намерение американцев любыми средствами утвердиться в этом районе. Настойчиво пытаются проникнуть сюда Великобритания, Франция и ФРГ.

&n bsp; Раньше мы считали это направление относительно безопасным, исходя из того, что здесь нашим Вооруженным Силам будут противостоять разрозненные группировки сравнительно слабых, в том числе в техническом отношении, вооруженных сил. Соответственно на юге было развернуто ограниченное количество наших сил и малочисленные органы управления. Предусматривалось даже, что определенная часть войск с этого направления может быть переброшена на другие театры.

При изменившейся обстановке требовалось переоценить это направление и уточнить взгляды на масштабы и возможный характер военных действий Вооруженных Сил.

Условия развязывания и характер войны на Юге, безусловно, нельзя рассматривать изолированно от военно-политических событий на Западе и Востоке. Поэтому мы рассуждали так, что если империалисты навяжут нам войну одновременно на ряде

ТВД, то не исключено, что на Юге первоначально придется вести стратегическую оборону с последующим переходом в контрнаступление. Но прежде всего наши Вооруженные Силы, используя преимущество в технике и подготовке войск, должны быть готовы в первые же дни, как только агрессор начнет действовать, нанести противнику сокрушительные удары.

Сами учения мною не разбираются, но подчеркивается, что в итоге этого учения сделан ряд крупных выводов: о возможном составе группировок наших ВС на южном ТВД, о построении стратегической операции на южных ТВД, о характере действий войск и способах выполнения ими задач, о способах разгрома войск «быстрого реагирования» и других экспедиционных сил противника, уточнялись вопросы обеспечения операций и, конечно, разбирались вопросы совершенствования управления группировками Вооруженных Сил с учетом большого пространственного размаха и масштаба операции.

Это всё, читатель, было 21 год назад. А сегодня, т. е. в июле 2001 года, президент Украины Л. Кучма проводит на Юго-Западном стратегическом направлении совместные учения с НАТО. Войска и флоты США, Турции и Украины отрабатывают вопросы спасения «Рідной Україні» от противника (надо понимать, от «москалей» — других нет). Как видите, у Кучмы самые близкие теперь братья это турки и американцы.

Но продолжим об учениях тех времен.

О маневрах «Запад-81»

В начале 1981 года на одном из заседаний Совета обороны Д. Ф. Устинов и Н. В. Огарков доложили Л. И. Брежневу о том, что есть необходимость на Западном направлении провести крупные маневры войск. Предполагалось также, чтобы Леонид Ильич принял участие и, возможно, выступил бы перед руководящим составом Вооруженных Сил. Л.И.Брежнев в принципе согласился. Затем, подумав, сказал: «А почему у нас так давно не проводились маневры?» Все молчали. Но действительно — почему? Крупные учения, в том числе с привлечением значительных войск были (в том числе и предыдущее, т. е. «Юг-80»), однако маневры с боевым применением оружия и боевой техники с участием больших масс войск после А. А. Гречко не проводились.

В августе 1981 года Л. И. Брежневу была доложена справка следующего содержания (привожу с сокращением):

«В период с 4 по 12 сентября с. г. в Вооруженных Силах будут проведены маневры войск и сил флота. В печати объявлено.

Порядок проведения маневров:

— с 4 по 8 сентября — подготовка боевых действий;

— 9 сентября — прорыв обороны с боевой стрельбой артиллерии, бомбометанием, пуском ракет и штурмовыми действиями авиации на направлении главного удара фронта (Дретуньский полигон вблизи г. Полоцка), форсирование дивизиями первого эшелона р. Западная Двина;

— 10 сентября — высадка воздушного десанта в составе воздушно-десантной дивизии в районе Минска (на Минском полигоне) и действия войск в глубине обороны противника с форсированием р. Березина, ведение встречного сражения (три танковых дивизии на Борисовском полигоне);

— 11 сентября — высадка морского десанта в составе бригады морской пехоты и мотострелковой дивизии; противодесантная оборона на побережье Балтийского моря в районе Калининграда;

— 12 сентября — завершение действий войск и разбор маневров на учебном центре в районе Минска (Колодищи);

— 13 сентября — полевой смотр войск — на Минском полигоне, шесть дивизий (только полного состава) и шесть отдельных частей, плюс пролет авиации».

Далее говорилось, что на маневры предлагается пригласить: министров национальной обороны государств — участников

Варшавского Договора, министров обороны Кубы, Вьетнама, Монголии; руководящий состав основных отраслей оборонной промышленности и некоторых товарищей из ЦК КПСС, а также весь руководящий состав Вооруженных Сил СССР (всего около 300 чел.).

Таким образом, маневры предусматривалось провести на основном Западном стратегическом направлении. Что в полной мере отвечало и военно-политической обстановке в целом и необходимости поддержания нашей группировки на этом ТВД на высоком уровне, тем более что НАТО проводили в то время учения в Европе и Атлантике непрерывно.

Не раскрывая подробно военно-политическую обстановку по замыслу учения, т. к. она фактически соответствовала реальной ситуации, сложившейся тогда на Западных ТВД («холодная война» была в разгаре), перехожу сразу к сути маневров. Действовало две стороны — «Северная» и «Южная». В результате внезапного нападения «Южных» «Северные» были вынуждены отходить, но на определенном этапе операции контратаками и контрударами остановили «Южных». Проведя перегруппировку и получив сильные резервы, «Северные» готовят контрнаступление. «Южные», ведя разведку, временно перешли к прочной обороне.

Темой проведения маневров было:

— для «Северной» стороны: «Подготовка и ведение наступательной операции с прорывом подготовленной обороны и стремительным развитием наступления в глубине путем широкого применения воздушных, морских десантов и оперативных маневренных групп»;

— для «Южной» стороны: «Подготовка и ведение оборонительной и противодесантной операций».

Целью маневров ставилось:

1. Практически отработать и показать руководящему составу Вооруженных Сил способы подготовки и ведения современных операций в соответствии с требованиями «Основ подготовки и ведения операций Вооруженных Сил СССР».

2. Изыскать способы наиболее полного и эффективного использования возросших боевых возможностей войск. Практически проверить боевой стрельбой возможность повышения эффективности огневого поражения при прорыве подготовленной обороны противника (оборона была построена в инженерном отношении и наполнена на 100 процентов мишенями в строгом соответствии с требованиями уставов вероятного противника).

3. Дать практику командующим (командирам) и штабам в управлении войсками, силами флота при подготовке и ведении

современных операций, в том числе десантных и противодесантных, а также в применении оперативных маневренных групп и борьбы с ними.

4. Совершенствовать полевую, воздушную, морскую выучку войск и сил флота, морально-боевую закалку личного состава в условиях реального применения боевых средств.

Кроме того, в ходе маневров требовалось исследовать вопросы огневого поражения противника, прорыва его подготовленной обороны и способов развития наступления в глубине с использованием фронтовой и армейской авиации, оперативных маневренных групп и охватом противника по воздуху с широким применением воздушно-десантных, десантно-штурмовых частей и морских десантов.

С обеих сторон выступали реальные фронты в полном штатном составе. При этом они получали дополнительно силы и средства от Ставки ВГК. Кроме того, и тот, и другой фронт по оперативной обстановке имел соседей, резервные войска, тыл центра и высшие военные органы управления — роль всех перечисленных выполнял штаб руководства учением (были созданы соответствующие оперативные группы со средствами связи).

Маневры проводились на территории Белорусского, Прибалтийского военных округов и в юго-восточной части Балтийского моря.

Стороны на маневрах были представлены в следующем составе:

1. «Северные»:

— 1-й Белорусский фронт (на базе Белорусского военного округа): двух танковых, одной общевойсковой и одной воздушной армий, плюс — воздушно-десантная дивизия, отдельная десантно-штурмовая бригада, ВВС фронта, артиллерийская дивизия, ракетная бригада, артиллерийская бригада большой мощности, две истребительно-противотанковых бригады, зенитно-ракетная артиллерийская дивизия и зенитно-ракетная бригада.

Всего в составе фронта: ракетных пусковых установок— более 160, танков — более 6 тысяч, орудий и минометов— 6 тысяч, боевых самолетов — более 400.

— Балтийский флот: Северная флотилия, Ленинградская военно-морская база, эскадра подводных лодок, эскадра десантных кораблей, дивизия ракетных катеров, отдельная бригада морской пехоты, ВВС флота.

Всего в составе флота: надводных кораблей и подводных лодок — около 300, боевых самолетов — более 150.

2. «Южные» — 2-й Прибалтийский фронт (на базе Прибалтийского военного округа): одна танковая, одна общевойсковая и одна воздушная армия, отдельная десантно-штурмовая бригада, артиллерийская дивизия, ракетная бригада, артиллерийская бригада большой мощности, две истребительно-противотанковых бригады, корпус ПВО, зенитно-ракетная артиллерийская дивизия и зенитно-ракетная бригада. В принципе сил и средств было в два, а по некоторым показателям в три раза меньше в сравнении с «Северными».

Общим замыслом действий «Северных» на театре военных действий предусматривалось в ходе завершающейся оборонительной операции перегруппировать войска и решительным массированием сил создать ударные группировки в составе: на Приморском — 9, Минском — 21, Витебском — 5, Киевском — 15 дивизий.

В этих целях только в полосе 1-го БФ на направлении ударов намечается перегруппировать до 12 мотострелковых и танковых дивизий, действовавших в первых эшелонах армий.

«Северные» в целях рассечения группировки «Южных», окружения и последующего разгрома их основных сил севернее и северо-западнее Киева с одновременным развитием наступления в глубину силами 1-го, 2-го Белорусских фронтов удары планируют нанести: главный — Полоцк, Минск, Варшава, Берлин; другой — на Киев, Львов.

Вооруженные Силы на ТВД к концу первых фронтовых операций (на 12–15-й день операции) выходят на рубеж Гданьск, Радом, Луцк, Кривой Рог и силами Балтийского флота завоевывают господство на Балтике до рубежа Охюс, Леба. Ввод в сражение 2-го БФ предусматривают осуществить из районов южнее или юго-западнее Варшавы. Перед началом стратегической операции «Северные» планируют провести воздушную операцию с целью ослабления ракетно-ядерной и авиационной группировок противника. Одновременно готовят воздушно-десантную и морскую десантную операции.

Оперативное построение ВС на ТВД — в два эшелона: в первом — 1-й БФ, ЦФ; во втором — 2-й БФ.

1-й Белорусский фронт (реально действующий) получил задачу: во взаимодействии с Балтийским флотом и войсками Центрального фронта провести наступательную операцию на приморском и варшавском направлениях с целью разгрома основных сил 2-го Прибалтийского фронта «Южных» и выхода на 12–15-й день операции на рубеж Гданьск, Радом, Луцк в готовности к проведению последующих операций на берлинском направлении. Для этой цели в состав фронта дополнительно

передаются две общевойсковые армии, армейский корпус ВГК и ряд соединений и частей родов войск.

Оперативное построение фронта — в два эшелона. Глубина фронтовой операции — 600–700 км, продолжительность — 12–15 суток, средний темп наступления — до 50–55 км в сутки.

Балтийский флот получил задачу во взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта провести операцию с целью разгрома основных сил 1-го флота «Южных», содействия войскам 1-го БФ в наступлении на приморском направлении и завоевания на 12–15-й день операции господства в центральной части Балтийского моря до рубежа Охюс, Леба, в готовности к проведению последующей операции по завершению разгрома сил «Южных» на Балтийском море. Быть готовым на 4-й день наступления войск фронта высадить морской десант на Земландский полуостров в составе бригады морской пехоты и мотострелковой дивизии.

«Южные» предусматривают основной группировкой своих вооруженных сил на ТВД перейти к обороне, сосредоточивая основные усилия на киевском и минском направлениях. Частью сил продолжать наступление с целью завершения разгрома группировки «Северных» в районах Вязьма, Ржев и создания благоприятных условий для проведения последующей наступательной операции на московском направлении. В ходе оборонительной операции «Южные» планируют осуществить мобилизационное развертывание 20–30 дивизий.

Оперативное построение ВС на ТВД — в один эшелон: в первом — 1-й Южный фронт, 2-й Прибалтийский фронт; в резерве общевойсковая армия и армейский корпус.

2-й Прибалтийский фронт (реально действующий) переходит к обороне в полосе Нелидово, Смоленск, Бобруйск, Рига, Калининград. Полоса боевых действий фронта увеличивается на 120 км за счет передачи в его состав армии 1-го Южного фронта. Сосредоточивает основные усилия на минском направлении. Одновременно во взаимодействии с 1-м флотом готовит и проводит противодесантную операцию.

1-й флот получил задачу — во взаимодействии с войсками 2-го Прибалтийского фронта удерживать господство в центральной части Балтики и содействовать войскам фронта в обороне морского побережья.

Боевые действия развивались следующим образом.

«Северные», перейдя в наступление, ко второй половине дня 9 сентября прорвали главную полосу обороны «Южных» на каунасском, минском и киевском направлениях, а к исходу дня завершили прорыв тактической зоны обороны. Наибольшего

успеха добились на минском и киевском направлениях, где высадили воздушные десанты и форсировали реку Западная Двина. К районам наибольшего успеха начали подтягивать армейские оперативные маневренные группы и вторые эшелоны. На московском направлении продолжали отражать удары «Южных».

Войска 1-го Белорусского фронта приступили к непосредственной подготовке к проведению с утра 10 сентября воздушно-десантной операции. Оперативная маневренная группа фронта — 17-я танковая армия с 21.00 9 сентября совершает марш в район Полоцка. Балтийский флот начал проведение операций, оказывает содействие войскам фронта в наступлении, продолжает погрузку войск морского десанта на корабли и транспортеры.

«Южные» маневром сил с второстепенных направлений, массированными ударами авиации стремятся не допустить прорыва «Северных» в оперативную глубину. На направления действий ударных группировок «Северных» выдвигают оперативные резервы, а также противотанковые и специальные резервы. Одновременно продолжают развивать достигнутый успех на московском направлении.

1-й флот частью сил (подводными лодками) и авиацией нанес удары по кораблям и транспортам «Северных», сосредоточившимся у побережья острова Хиума, Сааремаа и в Таллинском заливе. Южная флотилия проводит постановку минных заграждений на подходах к Клайпеде, у побережья Земландского полуострова и в Гданьском заливе.

«Северные» на направлениях главных ударов прорывают армейский оборонительный рубеж «Южных». В течение 10 сентября проводят воздушно-десантную операцию и высаживают воздушно-десантную дивизию в районе Минска. 10–12 сентября вводят в сражение вторые эшелоны армий и оперативные маневренные группы фронтов: в 1-м Белорусском фронте 17-ю танковую армию. А затем отражают контрудары на каунасском, минском и гомельском направлениях. В районах юго-восточнее и восточнее Ржева под ударами «Южных» отошли на 40–60 км. В целях ликвидации прорыва «Южных» в район Волоколамска выдвигают оперативные резервы. В состав Центрального фронта передается армия из резерва ВГК. В районе Борисова развернулось встречное сражение между соединениями 17-й танковой армии (ОМГ фронта) «Северных» и армейским корпусом «Южных». ОМГ фронта с 17.00 11 сентября осуществляет маневр с целью переноса усилий в обход Минска с северо-востока. Балтийский флот во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом

завершает морскую десантную операцию и высаживает морской десант на побережье Земландского полуострова. Войска десанта во взаимодействии с десантно-штурмовой бригадой и силами 1-го Балтийского флота к исходу 12 сентября овладевают западной частью Земланского полуострова и военно-морской базой Балтийск.

«Южные» в ходе оборонительной операции нанесли контрудары на каунасском, минском и гомельском направлениях. 11 сентября наносят массированные авиационные удары по действующим в тылу соединениям Оперативной маневренной группы 1-го БФ «Северных». Одновременно в район Борисова выдвигают резерв ГК на ТВД — армейский корпус.

Поставленные задачи выполнены.

За этим скупым схематичным изложением хода «боевых действий» кроется огромная работа коллективов офицеров Белорусского военного округа под руководством генерала армии Е. Ивановского, Прибалтийского военного округа под руководством генерал-полковника С. Постникова, Балтийского флота под руководством адмирала И. Капитанца. И конечно же, самих войск и сил флота. А сколько переживаний, бессонных ночей…

Что реально означал прорыв обороны противника силами войск Белорусского округа.

Во-первых, о самой обороне. Тактическая зона обороны, которая в основном наполняется дивизиями первого эшелона обороняющихся войск, была оборудована на Дретуньском полигоне (Белоруссия) по всем правилам военной науки. Учитывая, что реальное боевое применение артиллерии, авиации и стрелкового оружия будет проводиться именно по тактической зоне, то, естественно, войск здесь «Южной» стороны не было, но вся оборона была отлично исполнена в инженерном отношении (траншеи, огневые позиции, ходы сообщения, блиндажи, наблюдательные и командные пункты), в т. ч. установлены и построены все виды заграждений за исключением противотанковых и противопехотных мин — вместо них установлены сигнальные мины, которые при нажатии со свистом выбрасывают серию цветных ракет. В обороне установлены трехмерные мишени, которые обозначали живую силу противника, его оружие и боевую технику. На подавляющем большинстве огневых средств противников были установлены устройства, которые по радиосигналу имитировали свою стрельбу.

Во-вторых, прорыв осуществлялся на фронте в несколько километров с плотностью огня 300 орудий на 1 км фронта — в

период артиллерийской подготовки атаки. Авиация поражала цели в основном на второй позиции.

В-третьих, когда танки и БМП пошли в атаку, артиллерия перешла к двойному огневому валу. То есть передний край и ближайшая глубина обороны противника сплошь накрываются шквалом огня орудий и минометов, а когда танки приближаются к стене разрыва снарядов на 200 метров (а это видят с наблюдательных пунктов и передают сами танкисты), то огонь артиллерии переносится на следующий рубеж скачком 300 метров и т. д. В это время, если появляются («оживают») цели, то их огнем с хода должны уничтожать танки и БМП, а также орудия прямой наводки.

Это исключительно сложный вид действий и в войну, и в мирное время на маневрах. Особая забота — меры безопасности (к счастью, у нас все обошлось благополучно).

В-четвертых, после прорыва первой полосы противник решил провести танковую контратаку по левому флангу наступающих войск. К этому времени наш командный пункт (штаба руководства) переместился на следующую точку, откуда открывалась отличная панорама вокруг на 5–8 километров.

Контратаковали «живые» настоящие 40 танков, но без экипажей, а с радиоуправлением. По нашему сигналу они ринулись в атаку, имитируя стрельбу. Противотанкисты на большой скорости разворачивали свои орудия и били танки бронебойными и подкалиберными снарядами. Это был настоящий бой, каких было немало в годы войны.

В-пятых, был осуществлен ввод в сражение Оперативной маневренной группы фронта — это свыше тысячи танков, БМП и БТР. Ее стремительное движение к воздушному десанту, который высадили в районе Минска, прорывается встречным сражением. Прикрывшись частью сил ОМГ, обходит Минск и достигает своей цели. Но какое это напряжение?! Так же как и высадить воздушный десант свыше 10 тысяч человек или морской десант тоже в несколько тысяч человек. Все связано с большим риском для жизни, тем более что все было максимально приближено к боевым условиям.

На разборе маневров с докладами выступили: в начале — начальник Генерального штаба Н. В. Огарков, который затронул военно-теоретические вопросы и раскрыл порядок действий сторон; затем доклад сделал министр обороны Д. Ф. Устинов, который остановился на военно-политических аспектах.

Наиболее важные моменты в докладе Н. В. Огаркова

Первое — подробное изложение прорыва подготовленной обороны противника броневым первым эшелоном после мощной артиллерийской и авиационной подготовки атаки и сопровождения атаки огневым валом. При этом на цифрах (по результатам подсчета пораженных реально целей — мишеней) было показано, что при избранном методе возможно поразить не менее 60 процентов целей только огнем артиллерии и ударами авиации.

Второе — выброска оперативного воздушного десанта, высадка морского десанта и в его интересах — воздушного десанта и ввод в сражение Оперативной маневренной группы после прорыва тактической зоны обороны. Эта группа могла отрываться от главных сил фронта до 100 км, не теряя управления и постоянно получая от командующего войсками фронта необходимую авиационную поддержку, а также получая директивы с уточненными задачами.

Третье — проведение решительного маневра наступающих в оперативной глубине (особенно в обход Минска).

Четвертое — было показано исключительное творчество обороняющихся в стремлении сделать оборону маневренной и максимально активной (так сказать, держаться до последнего патрона).

Наконец, пятое — было умело раскрыто, как на маневрах претворялись на практике главные положения «Основ подготовки и ведения операций Вооруженными Силами».

Естественно, по определенным причинам я не имею права раскрывать все подробности, хотя уже и прошло много лет и наши Вооруженные Силы утратили почти всё, что было приобретено огромным трудом и колоссальными затратами материальных средств.

Затем выступил Д. Ф. Устинов.

Учитывая, что его доклад — это творческий труд коллектива Генерального штаба (в первую очередь Главного оперативного управления — А. Данилевича, М. Гареева и др.) и непосредственно самого начальника Генерального штаба, есть необходимость привести некоторые его фрагменты. Министр обороны отметил следующее (разумеется, что все изложенное касается именно того времени).

Миролюбивому курсу Советского Союза, братских социалистических государств противостоит линия воинственно настроенных милитаристских кругов во главе с американским империализмом (он прав: вспомните Картера и Рейгана). В последнее время агрессивность империализма по отношению к СССР и в целом к странам социалистического содружества резко

усилилась. В США разработана так называемая «новая военная стратегия» на 80-е годы, которую министр обороны этой страны охарактеризовал как стратегию «прямого противоборства» между США и СССР. В ней делается ставка на ведение как глобальной, так и «ограниченной» ядерной войны против государств Варшавского Договора. Одновременно США уделяют большое внимание подготовке вооруженных сил к ведению войны с применением лишь обычных средств поражения. При этом администрация Вашингтона недвусмысленно заявляет о своей готовности распространить военный конфликт из любого региона мира на все другие театры и превратить его во всеобщую войну.

США взяли открытый демонстративный курс на достижение военного превосходства над СССР и другими странами Варшавского Договора. Это проявляется в первую очередь в небывалом росте военных расходов. В ближайшее пятилетие они достигнут полутора триллионов долларов. Такая сумма израсходована Пентагоном за предыдущие 12 лет.

Под давлением США осуществляется наращивание военных приготовлений и другими странами НАТО. Вооруженные Силы этого блока насчитывают сейчас более пяти миллионов человек. Они развернуты крупными боеготовыми группировками. Ускоренными темпами идет подготовка к размещению на территории Западной Европы около 600 американских ракет средней дальности. Продолжаются крупномасштабные доставки новых танков, самолетов, кораблей и другого вооружения в войска и на флоты стран НАТО. Увеличиваются стратегические запасы, предпринимаются интенсивные меры по повышению мобилизационных возможностей блока, укрепляются его северные и южные фланги.

Серьезную опасность представляет собой решение президента США о полномасштабном производстве нейтронного оружия. Этим открывается еще один канал для наращивания оружия массового поражения и создается новый, более изощренный способ развязывания ядерной войны.

Наряду с попытками достижения военного превосходства над Советским Союзом и другими странами Варшавского Договора, США стремятся обеспечить более выгодное стратегическое положение своих войск. Они настойчиво расширяют сеть военных баз вокруг СССР и других социалистических стран, увеличивают количество соединений и частей «двойного базирования».

Одновременно усиливается подготовка Объединенных вооруженных сил НАТО к войне.

Становятся все более заметными изменения и в военно-политической направленности блока НАТО. США добиваются

расширения его функций, стремятся распространить экспансию на все районы мира. Пытаясь ограничить влияние СССР и других стран социалистического содружества на развитие международных событий и восстановить утраченные позиции для завоевания мирового господства, Вашингтон объявляет различные регионы сферой «жизненных интересов США».

Наряду с активизацией милитаристской деятельности и расширением существующих блоков США, их партнеры по НАТО сколачивают новые агрессивные военно-политические союзы.

США прилагают немалые усилия к тому, чтобы сформировать новый антисоветский военно-политический блок на Ближнем Востоке в составе Саудовской Аравии, Омана, Объединенных Арабских Эмиратов и некоторых других стран.

Активизируются происки американского империализма и на Среднем Востоке. Президент Рейган несколько раз открыто заявлял, что США будут и впредь вооружать контрреволюционные банды в Афганистане.

Под воздействием США форсируют милитаристские приготовления правящие круги Японии.

С помощью Таиланда и стран АСЕАН США пытаются создать в Юго-Восточной Азии новый очаг агрессии против Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

Объектом непрекращающихся происков империализма является и Латинская Америка. США подталкивают реакционные режимы этого континента к борьбе против национально-освободительных движений. Одновременно они оказывают все возрастающее военное давление на социалистическую Кубу.

Усиливается вмешательство империализма во внутренние дела некоторых социалистических государств с целью подрыва изнутри основ их общественного строя. Примером этому служат события в Польше.

Очевидно, что накал современной военно-политической обстановки в мире становится все более опасным. Но как она ни сложна, драматизировать ее не стоит. Мы переживали времена и похуже нынешних. Справимся и с теперешними сложными проблемами, действуя дружно и согласованно с братскими социалистическими странами и их армиями.

В условиях усложнения международной обстановки, нарастания угрозы империалистической агрессии наша партия и ее Центральный Комитет постоянно держат в поле своего зрения вопросы укрепления оборонного могущества нашей страны, Советских Вооруженных Сил.

Войска и силы флота оснащаются новым оружием и техникой, улучшается их организационная структура,

повышаются боевая готовность, способность успешно решать самые сложные задачи в условиях современной войны.

Первостепенное внимание мы уделяли и уделяем нашим стратегическим ядерным силам. Именно они выступают основным фактором, сдерживающим США и НАТО от агрессии, служат общим интересам всего социалистического содружества, являются его надежным щитом.

На этом учение было завершено.

Имея значительный боевой опыт, а также большую практику в подготовке войск и проведении учений, я испытывал настоящее удовлетворение маневрами. Они внесли весомый вклад в развитие Вооруженных Сил и стали серьезным политическим актом.

В 1982 году проведено стратегическое командно-штабное учение «Центр-82».

Фактически идея проведения мероприятия такого типа вынашивалась с конца 1980 года. Дело в том, что на горизонте политической жизни США замаячила на пост президента фигура Р. Рейгана. Его предшественник — Картер— не мог дать миру и своему народу ничего утешительного в плане миролюбивых шагов, хотя он и пытался что-то предпринять. Но и сам Картер, и европейская пресса недооценивали Рейгана, однако харизматичные телевизионные проповедники подали Рейгана как надо. В руководстве же СССР его оценили верно: за его плечами было 30 лет в Голливуде, он обладал большим опытом публичной деятельности в качестве телекомментатора и президента профсоюза киноартистов, он мог владеть публикой. Что касается влияния на нее, то он четко усвоил основные «рецепты»: уметь устанавливать приоритеты; идти на компромиссы, но прагматично, уметь устанавливать консенсус; создавать коалиции, объединять вокруг себя большинство (в том числе в конгрессе и своей администрации), уметь убедить людей.

А самое главное — еще в ходе предвыборной кампании он проявил себя как ярый антисоветчик, убежденный враг всего и вся, что касалось Советского Союза и стран Восточной Европы. Естественно, в этих условиях ничего хорошего нам, как и миру в целом, ждать было нечего. Учитывая же, что артист мало что смыслил в войне, то нам надо было проявлять бдительность, быть начеку. Тем более что команда, которая должна была прийти с Рейганом, способна была делами подкрепить его политику антисоветизма.

Поэтому мы и задумали проведение учения с участием в нем всего руководства страны, начиная от Верховного

главнокомандующего, всего руководства Вооруженных Сил, Госплана и Госснаба СССР, ряда промышленных министерств, Министерства внутренних дел и Пограничных войск, что способствовало бы предметному изучению всего спектра вопросов, с которыми нам, возможно, придется столкнуться в случае войны.

Темой стратегического командно-штабного учения (КШУ) было «Управление Вооруженными Силами при их стратегическом развертывании и в ходе войны».

По понятным соображениям я не раскрываю все содержание и ход учений. Отмечу лишь некоторые моменты.

О военно-политической обстановке того времени.

Некоторые государства Запада прибегли к так называемым «санкциям», которые по сути дела означают развертывание экономической войны против СССР и других стран социализма. Одновременно ими предпринимаются попытки дискредитировать социалистическую систему в целом.

В последнее время Вашингтон с помощью миротворческих фраз пытается обмануть мировую общественность относительно своих агрессивных устремлений. На это рассчитаны предложения о так называемом «нулевом варианте» сокращения ядерных средств средней дальности в Европе. На это же нацелен и широко разрекламированный «новый подход» США к ограничению и сокращению стратегических вооружений.

Свою главную ставку США по-прежнему делают на военную силу. Реализуются все новые программы наращивания ядерных и обычных вооружений.

Для участников учения было показано, что современная война — это не только противоборство вооруженных сил, но и противоборство экономик воюющих государств. В такой войне экономическая организация имеет решающее значение.

Уже в мирное время экономика должна обеспечить содержание достаточных Вооруженных Сил, оснащение их разнообразными видами оружия, боевой техники и постоянное обновление вооружения опережающими вероятного противника темпами.

В ходе учения заслушивались доклады о переводе промышленности на производство по плану расчетного года. В докладе Л. А. Воронина (Госплан СССР) подробно были отражены вопросы мобилизационной готовности промышленности страны и ее перевода на работу по условиям военного времени.

С учетом фактических потребностей Вооруженных Сил в условиях ведения войны показаны пути увеличения выпуска остродефицитных образцов вооружения и военной техники, меры, которые намечаются Госпланом, Госснабом СССР и отдельными министерствами для более полного удовлетворения потребностей войск и флотов в военной технике и оружии.

В докладах И. С. Силаева (Минавиапром), П. С. Плешакова (Минрадиопром), Э. К. Первышина (Минпромсвязи), В. В. Бахирева (Минмаш), П. В. Финогенова (Миноборонпром), М. В. Егорова (Минсудпром), А. И. Шокина (Минэлектронпром) оценивались возможности промышленных предприятий по выпуску военной продукции и определялись мероприятия по обеспечению ее наращивания по плану расчетного года и восстановлению нарушенного производства.

В докладах А. А. Ежевского (Минсельхозмаш) и Р. Н. Арутюнова (Минтяжмаш) было видно, что этим министерствам предстоит усилить работу по дальнейшей конкретизации мер для подготовки производства танков в расчетном году.

Из доклада Г. П. Вороновского (Минэлектротехпром) было видно, что министерству предстоит большая работа по повышению мобилизационной готовности отрасли.

Проведенный в ходе учения анализ подтвердил, что Госпланом и промышленными министерствами проделана большая работа по наращиванию производства вооружений и военной техники как в мирное, так и в военное время. Повысилась мобилизационная готовность всего народного хозяйства.

Учение в целом прошло поучительно и было полезным. Поставленные учебные и исследовательские цели в основном достигнуты. Подробно рассмотрены важные теоретические и практические вопросы.

И хотя сегодня прямой угрозы военного нападения на Россию мы не отмечаем, однако хотя бы в таком объеме, как здесь представлено, руководителям нашего правительства проблемы знать надо.

К сожалению, по состоянию здоровья Верховный главнокомандующий принять участие в учении не смог. Руководителем учения был его заместитель — министр обороны и оперативная группа от Генерального штаба ВС.

1983 год ознаменован исследовательским учением, которое было проведено на базе Прибалтийского военного округа и Балтийского флота, а также ряда объединений других видов Вооруженных Сил.

Чем было вызвано такого типа учение? Во-первых, требовалось единство взглядов в вопросах перевода войск и сил флота в различные степени боевой готовности. Во-вторых, они нуждались в рекомендациях о действиях в принципиально различных способах начала войны — после периода постепенного накала обстановки или в результате внезапного нападения. Наконец, в-третьих, появление новых средств вооруженной борьбы также требовало соответствующих исследований. В связи с этим Главное оперативное управление Генерального штаба вышло с этой инициативой. Начальник Генштаба поддержал, а министр обороны такое учение утвердил. Надо прямо сказать, что это учение целиком является детищем Главного оперативного управления Генштаба и, естественно, я этим горжусь. Хотя и в других учениях мы играли «главную скрипку».

Его тема: «Подготовка и ведение первых операций в начальном периоде войны в условиях применения высокоточных средств поражения».

Были поставлены следующие цели учений: практически проверить и исследовать вопросы дальнейшего совершенствования боевой готовности войск и сил флота с учетом новых методов развязывания войны противником (в том числе внезапного его нападения в ходе проведения крупного стратегического учения), а также способы подготовки и ведения операций в условиях применения новых видов высокоточного оружия и средств радиоэлектронной борьбы. Изучить способы борьбы с разведывательно-ударными комплексами противника. Изыскать целесообразную структуру и уточнить оперативно-тактические требования к нашим разведывательно-ударным комплексам (а они только появлялись), разработать порядок планирования их применения и управления в ходе операции. Совершенствовать подготовку, полевую, воздушную и морскую выучку привлекаемых на учение органов управления и войск (сил) с учетом новых средств борьбы.

На мой взгляд, для читателя, особенно военного, представит интерес метод проведения учения. Обращаю внимание на два момента.

Первый. Поскольку нам предстояло учить командование, штабы и войска (силы флота) именно тому, что надо делать и как действовать на войне и, следовательно, готовить всех и все (особенно в приграничной зоне) в соответствии с теми оперативными планами, которые у нас имеются во всех звеньях на случай войны, то пришлось еще за три месяца до учений разработать, а за месяц до начала учений выдать всем участникам учебные оперативные планы. Учения планировались не на

границе, а внутри страны, поэтому надо было определять условную государственную границу, создавать группировку «противника» по одну сторону и выводить в исходное положение наши войска — на другую. Месяца для изучения обстановки и, так сказать, «врастания» в нее было достаточно. А уже за три дня до начала учения все войска и штабы заняли исходное положение согласно врученного задания. Что же касается состава войск и сил флота, то они были в соответствии с реальными штатами и табелями.

Второй момент — это отработка вопросов по оборонительной теме в условиях начала войны. А затем требовалось отработать и исследовать вопросы в наступательной операции. То есть «войну» надо было начинать два раза. Поэтому после отработки всех учебных вопросов по оборонительному плану мы объявляли отбой (перерыв) учениям на сутки, разводили войска на свои исходные места согласно обстановке по исходному положению, затем, убедившись, что войска и штабы готовы, приступали к отработке наступления.

Кстати, и в первом, и во втором случае (т. е. в обороне и в наступлении), если какой-то важный вопрос, для исследования, не получался, то мы также делали частный отбой и повторяли эпизод еще раз (т. е. почти тактико-строевым методом, хотя это для фронта звучит неприемлемо).

Учение имело три этапа действий.

Первый этап: «Отражение вторжения противника — ведение оборонительной операции» — двое суток. Кратко обстановка выглядела так: «Западные», скрытно сосредоточив ударные группировки под видом проведения учений, совершают внезапное нападение на страны Варшавского Договора. Вторжение начинается с воздушной наступательной операции с одновременным развертыванием военных действий на суше и на море с широким применением разведывательно-ударных комплексов.

«Восточные» в Прибалтике, способные только занять заранее подготовленные по плану позиции, отражают внезапное вторжение противника путем проведения фронтовой оборонительной операции, активными действиями флота и проведением противовоздушной операции. Особое внимание уделяется борьбе с системой «Авакс» и разведывательно-ударными комплексами противника, а также нанесению максимального поражения его ударным группировкам.

В конце первого этапа объявляется частный отбой на 12 часов для совместного рассмотрения с обучаемыми результатов исследования на первом этапе учения и возвращения войск в

исходное положение.

После этого обучаемым вручается другая обстановка — положение сторон за двое суток до начала войны.

«Западные» под видом учений подготавливают агрессию с целью внезапного нападения на страны Варшавского Договора и разгрома их Вооруженных Сил. Но их подготовка на этот раз становится достоянием нашей разведки.

«Восточные», своевременно установив намерения «Западных», получают задачу в короткие сроки (в течение двух суток) завершить подготовку наступательной операции и внезапным ударом сорвать нападение противника. Ставилась задача — в ходе наступательной операции полностью разгромить группировки противника на ТВД.

Второй этап: «Подготовка наступательной операции» — двое суток (т. е. действия идут час за час). Кроме обычных в этих случаях учебных вопросов особое внимание обращается на изыскание способов защиты войск и органов управления от высокоточного оружия противника. Это была совершенно новая проблема, и мы все, в том числе и я, находились в поиске решений.

Третий этап: «Ведение наступательной операции» — двое суток.

Отрабатываются вопросы перехода войск в наступление и ведение встречного сражения, организация и осуществление огневого поражения с боевой стрельбой, ввод в сражение и боевые действия Оперативной маневренной группы фронта, высадка воздушно-десантной дивизии, поражение объектов противника авиацией ВВС фронта.

На третьем этапе продолжается исследование способов борьбы с разведывательно-ударными комплексами противника и его резервами, а также применение нашего высокоточного оружия и средств управления ими.

Не разбирая подробно проведенное учение, остановлюсь лишь на некоторых аспектах, касающихся подведения итогов.

Итак, главной целью исследовательского учения было детальное изучение наиболее важного начального периода современной войны, способов подготовки и ведения первых операций с применением новых перспективных видов оружия.

Опыт говорит, что ошибки и просчеты нередко начинались именно с неправильной оценки условий вступления Вооруженных Сил в войну. В результате в прошлом многие армии терпели серьезные неудачи.

С появлением новых средств борьбы (высокоточного оружия) просчеты могут быть особенно тяжелыми. Поэтому крайне

необходимо хоть в какой-то степени разрешить такие проблемы именно сейчас. Дать точный прогноз вероятного способа начала войны и определить характер ее первых операций. Детальный разбор и исследование даже одного варианта уже позволяют развивать мышление офицерского корпуса. Многие вопросы, которые отрабатывались и исследовались на этом учении, на мой взгляд, актуальны и сегодня, тем более в условиях расширения и укрепления блока НАТО, приближения его к границам России.

Развернутая к 1983 году Рейганом и его администрацией антисоветская истерия обязывала нас внимательно следить за всеми событиями и требовала дальнейшего укрепления обороноспособности страны. Небывалое обострение по вине США и других стран НАТО международной обстановки вызывало у народов мира и особенно Советского Союза большую, день ото дня растущую тревогу. В проводимой Соединенными Штатами Америки внешней политике все больше проявлялись крайняя агрессивность и безрассудный авантюризм. Объявленный американским президентом «крестовый поход» против СССР имел целью ликвидацию социализма как общественной системы и служил обоснованием для невиданного усиления гонки вооружений, развертывания торгово-экономической и психологической войны. США прилагают настойчивые усилия и все меры к тому, чтобы ослабить наш экономический потенциал, истощить ресурсы и дестабилизировать обстановку в дружественных странах. Кстати, в отношении наших ресурсов США своей политики не изменили и сейчас и никогда ее не изменят, хотя мы и разрушили социалистическую систему и рухнули в дикий неуправляемый капитализм.

Под нажимом вашингтонской администрации в 80-х годах в военные приготовления активно включились европейские страны НАТО и Япония. Проходило, по существу, сколачивание новой военно-политической коалиции всех империалистических и реакционных сил. Естественно, все это серьезно накалило обстановку и усиливало опасность войны. Но было бы ошибкой думать и тогда, и сейчас, что развитие событий уже приобрело необратимый характер, что мы утратили рычаги воздействия на них. Такие рычаги и возможности по-прежнему имелись, и они были эффективны.

Конечно, в целом американская и натовская политика глобальной конфронтации имела серьезные внутренние слабости и противоречия. Однако когда речь шла о классовых интересах капитализма, о противоборстве с СССР и другими странами социалистического содружества, то все «домашние распри» в Североатлантическом альянсе сглаживаются и входящие в него

страны выступают в единой упряжке под эгидой США.

Претендент на мировое господство — Соединенные Штаты Америки уже тогда планировали в ближайшие годы на целое поколение опередить Советский Союз как в ядерном, так и в обычном оружии. США открыто старались создать такие боевые средства, которые, по их расчетам, позволяли бы добиться решающих результатов в самом начале войны.

Главная ставка ими делается на нанесение внезапных, так называемых «разоружающих» ударов, на разработку и проведение таких действий, которые должны обеспечить им победу как в ядерной, так и в обычной войне в короткие сроки.

Иллюзорность подобных планов была очевидна уже тогда. Однако недооценивать их было нельзя. Если «ястребы» США посчитают, что они обладают возможностью «обезоруживающего» удара, то где гарантии, что они не воспользуется этим, не попытаются сыграть, как говорят, ва-банк? Вся история даже только XX века подтверждает возможность такой авантюры. Поэтому мы обязаны были принять своевременные эффективные меры, ограждающие безопасность СССР и его союзников.

Как известно, начальный период войны всегда имел большое, а в современных условиях приобрел исключительное значение. Появление в Вооруженных Силах в массовом количестве новых видов высокоточного оружия позволяет достичь решительных результатов сразу же с началом войны. Решающая роль в этом будет принадлежать, естественно, первым операциям. Они могут начаться и вестись в исключительно сложных условиях, особенно если противнику удастся осуществить внезапное нападение и даже предопределить исход войны (учитывая, что высокоточное оружие простреливает тысячи километров).

Переход войск к обороне в начальный период войны, несомненно, будет проходить в сложной обстановке и в небывало динамичных формах. Важнейшее значение будут иметь: немедленное использование дежурных средств, нанесение ударов по первоочередным объектам и дезорганизация управления противника (с учетом того опыта, который мы приобрели в Сирии), максимальное сокращение сроков развертывания главных сил и организованный ввод их в действие, упреждение противника в наращивании усилий из глубины, умелое сочетание оборонительных и наступательных действий, гибкий и своевременный маневр войсками, силами и средствами.

Исключительное значение приобретает успешное отражение первого массированного авиационного удара противника, организация нанесения удара по уничтожению первоочередных объектов противника, а также управление войсками при

отражении первых его атак.

Несколько слов о переходе в наступление с целью срыва готовящегося нападения и ведении наступательной операции. На этом учении мы опробовали (это было впервые после войны) вариант действий наших Вооруженных Сил в начале войны, когда с получением достоверных данных о готовящейся агрессии решением высшего военно-политического руководства страны организуется и осуществляется внезапный удар всеми возможными огневыми средствами (артиллерия, авиация и т. д.), а также проводится наступательная операция с целью срыва нападения противника и разгрома его войск. То есть нанести превентивный удар.

Главная особенность такой операции заключается в том, что ее надо было подготовить в кратчайшие сроки и обеспечить полную внезапность. И, на мой взгляд, это было сделано правильно, хотя далеко не все разделяли нашу принципиальную линию (даже в руководстве Министерства обороны).

Оппоненты считали, что такого характера действия могут вызвать у народов мира отторжение и неверие в нашу миролюбивую политику, нас обвинят в агрессии. В связи с этим у нас к ним (оппонентам) были встречные вопросы: для нас не является уроком начальный период Великой Отечественной войны и нам надо, чтобы это повторилось? А бандитские действия США во Вьетнаме, Гренаде, Гватемале, Ливии, а сейчас и на Балканах? Это для нас не уроки? А удары авиации США по мирным жителям Багдада для нас тоже ничего не значат? Сегодня США вообще могут наносить любые удары по любому государству и в любом объеме, лишь бы американская «общественность» в большинстве своем поддержала эту политику. А что касается мирового общественного мнения, то администрации США на него наплевать — зонами национальных интересов Штатов объявлены все районы мира, в том числе в прежнем СССР, который они развалили. Есть они сейчас и в России, в отношении которой их курс не изменился.

Что же касается нашего упреждающего удара в целях разгрома ударной группировки агрессора, который изготовился в приграничной зоне для нападения на нашу страну, то действовать вероломно мы не намерены: предварительно по дипломатическим каналам, конечно, будет сделано предупреждение с категорическим требованием— немедленно отвести войска и прекратить подготовку нападения. Если это требование выполнено не будет, угрозу, которая нависла над Отечеством, мы обязаны снять любыми средствами.

На мой взгляд, целесообразно остановиться еще и на

вопросах высокоточного оружия, особенно разобраться — что это такое, как и по каким целям оно должно применяться.

Дело в том, что высокоточное оружие — это не только разведывательно-ударные и разведывательно-огневые комплексы. К нему относятся также новые виды самонаводящихся и управляемых средств поражения, управляемые артиллерийские снаряды и мины, новые баллистические и крылатые ракеты всех видов базирования, наводимые на траектории, в том числе с кассетными боеголовками и самонаводящимися убойными элементами. Это также управляемые бомбы, дальнобойные авиационные управляемые ракеты, дистанционно-управляемые летательные аппараты, новые и перспективные системы управляемого морского оружия. В 80-х годах это оружие активно внедряется во все виды Вооруженных Сил в самых различных формах.

Причем дело не ограничивается только повышением точностных характеристик. Одновременно идет наращивание мощности боеприпасов, их эффективность начинает приближаться к тактическому ядерному оружию. Коренным образом изменяются средства разведки. Появляются технические разведывательные комплексы, в том числе космические, позволяющие выявлять на больших пространствах цели и объекты в реальном масштабе времени, с точностью в несколько метров. А самое главное — идет автоматизация управления войсками и оружием, начиная от высших звеньев до боевых систем, чем создаются реальные условия для реализации принципа «разведал — выстрелил — поразил».

Поскольку высокоточное оружие обладает огромными возможностями, то, конечно, оно будет сторонами применяться, в первую очередь, против наиболее важных и особо опасных объектов противника: против государственных и военных органов управления (управление должно быть полностью парализовано); против всех средств ядерного нападения (в том числе тактического и оперативно-тактического звена); против таких же средств высокоточного оружия; против разведывательных средств, связи и радиоэлектронной борьбы. На поле боя оно должно бить по командным пунктам, самолетам, танкам и артиллерийским батареям. Разумеется, высокоточное оружие должно быть надежно скрыто, защищено, применяться внезапно и возможно раньше (с первым выстрелом начала боя).

Учение «Запад-83» подтвердило правильность сложившихся у нас взглядов на характер будущей войны, способы ее развязывания и ведения. Тем не менее по ряду вопросов пришлось сделать уточнения и оценить их с более далекой

перспективой.

Исследования показали, что применение высокоточного оружия придает боевым действиям почти такой же истребительный и разрушительный характер, как и использование ядерного оружия. Это требует внесения необходимых уточнений в наши уставы и наставления.

Нуждалась в дальнейшем совершенствовании существовавшая система боевой готовности. Учение позволило установить ряд новых требований по взглядам ведения первых операций начального периода войны.

Мне хотелось бы из числа действовавших на учении особо выделить таких офицеров из управления, как командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал-полковник С. И. Постников и штаб округа; командующий Балтийским флотом адмирал И.М.Капитанец и штаб флота, а также генералы В.И.Платонов и Г. Ф. Моисеенко, полковники М. В. Патин, Г. И. Шпак, В.П.Иванников, контр-адмирал А. Г. Олейник.

На учении присутствовали представители от нашей военной промышленности, которые приняли самое активное участие в исследовании возможностей представленных новых видов оружия и боевой техники.

Коротко об учениях Вооруженных Сил 1984 года. Летом было проведено учение на Западном стратегическом направлении под кодовым названием «Запад-84», а осенью того же года — на Востоке под названием «Восток-84».

Учение «Запад-84» фактически являлось логическим продолжением учений «Запад-81» и «Запад-83». Генеральный штаб совместно с главкомами видов Вооруженных Сил весьма целенаправленно провели это одно из крупнейших учений, которое позже мы назвали лебединой песней Николая Васильевича Огаркова (в 1984 году Огаркова сняли с поста начальника Генерального штаба, хотя он был одним из самых выдающихся начальников Генштаба, однако, непокорный, он имел свое мнение и не соглашался с тупыми решениями, за что и пострадал).

Учение охватывало огромные территории от Волги до Эльбы включительно, где реально включались в действие войска, силы флота и органы управления, а также вся система материально-технического обеспечения. На учение привлекалась вся Западная стратегическая группировка войск и стоящие ей в затылок второй стратегический эшелон и резервы Верховного главнокомандующего. Таким образом, непосредственными участниками были: Западная (на территории ГДР), Северная (на

территории Польши) и Центральная (на территории ЧССР) группы наших войск, Прибалтийский, Белорусский, Прикарпатский, Московский и Приволжский военные округа, Балтийский флот, ряд отдельных армий ВВС, ПВО, а также РВСН. Что же касалось планирования операций, то они охватывали фактически всю Европу (но огневое воздействие — и за ее пределами).

В ходе учения проверялась готовность войск и сил флота к отражению агрессии, изучался комплекс вопросов военного искусства, связанных с выполнением задач накануне и в начале войны, проверялась организационная структура Вооруженных Сил, испытывались некоторые виды нового оружия и боевой техники.

Учение имело важное военно-политическое значение. Его проведением преследовалась цель продемонстрировать нашу твердую решимость активно противостоять агрессивным планам США и НАТО, готовность в полном объеме осуществить объявленные нами ответные меры, вызванные их военными приготовлениями.

На учении были отработаны также основные направления совершенствования и повышения боевых возможностей новых перспективных видов вооружения и боевой техники. Поэтому на учениях присутствовали основные лица, отвечающие в стране за эту область, — Н. С. Строев, Ю.Д.Маслюков, О. Д. Бакланов, П. С. Плешаков, П. В. Финогенов, И. С. Силаев, В. В. Бахирев, Э. К. Первышин, А.И.Шокин, фактически все генеральные и многие главные конструкторы. Особое внимание было обращено на разведывательно-ударные системы (комплексы) тактического оперативного и стратегического масштаба с фактическим их применением в реальном масштабе времени (тактические и оперативные комплексы — на полигонах европейской части, а стратегические — зеркально: по полигону на Камчатке).

Учитывая, что оценки и выводы по этому учению имели огромное значение для обороны страны на многие десятилетия вперед, по понятным причинам, я его суть не раскрываю. Однако отклики Запада на этот счет для читателя будут интересны. Тем более что они в свое время широко публиковались. В целом все это сводилось к следующему.

Первые сообщения в печати о подготовке крупного учения ВС СССР появились уже за неделю до их начала в США, Канаде, Великобритании и ФРГ. Со ссылкой на разведывательные органы НАТО назывались сроки учения, район его проведения (территории ГДР, ЧССР, ПНР и южная часть Балтийского моря), общее количество участников.

До начала учения аналогичные сообщения были переданы средствами массовой информации остальных стран НАТО, всех нейтральных государств Европы, а также Японии и Китая.

Анализ показывает, что освещение западной пропагандой подготовки и хода учения «Запад-84» тщательно координировалось информационными службами США и НАТО.

Учение «Запад-84» преподносилось как самое крупное оперативное мероприятие, проведенное в Советских Вооруженных Силах за последние годы. Особенно подчеркивался тот факт, что в учении не принимали участия войска других государств Варшавского Договора. Последнее объяснялось намерением советского руководства продемонстрировать способность вести войну в Европе без привлечения союзников. Отмечалось, что Советский Союз своевременно уведомил страны НАТО о проведении учения. В то же время наблюдатели от этих стран на учения приглашены не были.

Западная пропаганда акцентировала внимание на наступательный характер отрабатывавшихся на учении задач, что связывалось с резким увеличением за последние годы боевой мощи ВС СССР. В комментариях, в частности, ложно указывалось, что, мол, в настоящее время в Советском Союзе принята концепция, так сказать, «молниеносной войны», которая положена якобы в основу строительства Советских Вооруженных Сил. И совершенно ничего не говорилось об оборонительном характере действий наших войск в начальный период этой «войны».

Политическая оценка учения сводилась к тому, что оно явилось крупной демонстрацией советской военной мощи. Высказывалась мысль, что учение «Запад-84» якобы использовалось для прикрытия развертывания вблизи границ с ФРГ новых советских ракетных комплексов SS-21.

Проведение нашего учения использовалось западными СМИ как очередной повод для запугивания западноевропейского обывателя «советской военной угрозой» и оправдания военных приготовлений в странах блока НАТО. И это вполне естественно для условий «холодной войны».

Об учениях на Дальнем Востоке. Их в первой половине 80-х годов было два — одно в 1981-м и второе — в 1984 году. В первом случае группировкой войск командовал генерал армии В. Л. Говоров, во втором — генерал армии И.М. Третьяк. Главное командование войск Дальнего Востока уже сложилось и имело богатый опыт управления войсками и силами Тихоокеанского флота.

В 1984 году с учетом опыта на Дальнем Востоке нами были

созданы Главные командования на Западном, Юго-Западном и Южном стратегических направлениях. То есть к этому времени Генштаб на основных направлениях уже мог опираться на главные командования. Это весьма важно — громадная страна, много различных соседей, гигантская, в десятки тысяч километров протяженность границ. Разве способен будет Генеральный штаб в большой войне детально руководить и успевать на всех этих направлениях, как, к примеру, это было в годы Великой Отечественной войны? Конечно, нет. Поэтому предусматривалось, что все задачи по практической организации будут переложены на плечи главных командований направлений. А Генштаб должен выступать в роли главного координатора, сосредоточивая основные свои усилия на одном-двух стратегических направлениях, вопросах организации поставок, материально-техническом обеспечении и в целом на управлении.

Масштабность учений «Восток-84» была фактически такой же, что и в 1981 году. Территориально это от западной границы Сибири и до Тихого океана. Соответственно привлекались войска Дальневосточного, Забайкальского, Сибирского военных округов, ряда отдельных армий ВВС, ПВО и РВСН, силы Тихоокеанского флота, а также органы тыла плюс гражданская оборона и некоторые элементы военно-промышленного комплекса.

Тема учения: «Подготовка и ведение операций в начальном периоде войны на Дальнем Востоке». В соответствии с темой и сложившейся в то время военно-политической ситуацией в этом громадном регионе были поставлены цели учений: совершенствовать подготовку Главного командования войск Дальнего Востока, командующих и штабов, военных округов, флота, командующих армий и флотилий, командиров корпусов в управлении войсками (силами флота) при подготовке и ведении первых операций в начальном периоде войны. Кроме того, ставилась цель — проверить боевую и мобилизационную готовность войск и сил флота Дальнего Востока, степень освоения существующих оперативных планов.

Наконец, мы ставили цель исследовать способы отражения внезапного нападения противника, методы подготовки и ведения противовоздушной и противодесантной операций против коалиционной группировки вооруженных сил США, Японии и других стран.

Учение готовилось, как и любое другое такого масштаба, в течение нескольких месяцев. Все без исключения вопросы подготовки рассматривались еще Н. В. Огарковым, поэтому все детали были скрупулезно проработаны и педантично предусмотрены во всех общих и частных планах. Николай

Васильевич никогда не начинал ни одно мероприятие, тем более учение, до тех пор, пока лично не убедится в полной готовности всех и вся — и тех, кто должен проводить, и тех, с кем должны проводить.

Когда к учению все и всё были готовы, Н. В. Огарков уже не был начальником Генштаба и поэтому на учение не поехал. А назначенный на должность начальника Генштаба, к тому времени уже маршал Советского Союза С.Ф.Ахромеев выехать на учения не мог: во-первых, только принял должность и, во-вторых, заболел министр обороны Д. Ф. Устинов. В связи с этими событиями мне тоже не удалось выехать на учение.

Руководил учением первый заместитель министра обороны маршал Советского Союза С. Л. Соколов, начальником штаба руководства учением был назначен заместитель начальника Главного оперативного управления Генштаба генерал-полковник М. А. Гареев. Они провели учение организованно и поучительно.

Но Советский Союз разрушили. В армии и на флоте перестали проводить учения и даже занятия. Вооруженные Силы стали таять. Какая уж там боеспособность (может, кроме РВСН). А ведь все зависело от главы государства — вначале от Горбачева, а затем от Ельцина. И почему на Россию такая напасть? Предатель за предателем. Нигде такого не было. Взять хотя бы американцев.

Соединенные Штаты, как и любая другая страна мира, за свою историю имели в руководстве государством разных предводителей. Одни оставили в памяти народной добрые воспоминания, другие — наоборот. У меня лично всегда было и остается самое высокое представление о Джордже Вашингтоне — создателе первого федеративного государства и основоположнике американского института президентства. Или о бородаче Аврааме Линкольне — организаторе победы Севера над Югом, что обеспечило единство нации и освобождение миллионов негров Юга от рабства. Не могу не вспомнить неповторимого Франклина Делано Рузвельта, который навечно остался в памяти нашего народа не столько потому, что 12 лет находился на посту президента, а потому, что он был яркой личностью в истории человечества, решал проблемы в интересах Америки и мира в целом. Невозможно забыть и Дуайта Эйзенхауэра — он и один из героев Второй мировой войны, он и президент США. Наконец, трагически погибший Джон Кеннеди — государственный деятель с высоким интеллектом, принесший свежий ветер во внутреннюю и внешнюю политику США. Политику, которая импонировала подавляющему большинству населения Штатов и народов мира. Он действовал с задором юноши и мудростью праведника.

А вот Гарри Трумэн — крайне непопулярный президент. И не только потому, что применил против мирных городов Японии ядерную бомбу. Просто он не государственный деятель, а весьма заурядный чиновник, и если бы не Джорж Маршалл, который был в его бытность министром иностранных дел, и не его знаменитый план (который и вошел в историю как «план Маршалла»), то отношение к Трумэну было бы еще более отрицательным.

Но — странное дело: человек с еще более ограниченными возможностями, чем Трумэн, становится не просто президентом, а избирается народом США на два срока. И не просто избирается, а с внушительным перевесом в сравнении с соперником. Он находит особо большую поддержку у католиков, рабочих (которые организованы в профсоюзы), у женщин и молодежи. Но исключительная поддержка ему была обеспечена на Юге. И этот человек — Рональд Рейган.

Какой же у него был секрет? Да никакого. Он клял на чем свет стоит Советский Союз, без всяких оснований обвинял его во всем, в чем только мог, и делал это с отработанной артистичностью (все-таки «звезда» Голливуда), вешал на Советский Союз всевозможные ярлыки типа «империя зла» и т. п. Но коль СССР — «империя зла», то от него можно ожидать чего угодно, в том числе и агрессивных действий. А поэтому надо вооружаться до зубов, для чего требовалось раскрутить маховик военно-промышленного комплекса на полную мощность. И Рейган добивается выделения на военные нужды вначале 280 млрд. долларов, затем — 305 млрд. Естественно, тут же появляются десятки и даже сотни тысяч рабочих мест, резко уменьшилась безработица. И отныне в глазах обывателя Рейган становится отцом нации. Еще бы! Ведь он заботится о стране, о ее государственной безопасности. А как он разоблачает главного врага Штатов — Советский Союз. В общем, вчерашний голливудский актер становится чуть ли не героем нации.

Парадоксально, но обстоятельства складываются так, что мы невольно помогаем Рейгану. То у нас вдруг объявляются диссиденты, то на Западе начинают вопить о нарушении в СССР прав человека, то у нас появился Афганистан, то нами же был сбит южно-корейский самолет. Все это «вооружало» Рейгана «неопровержимыми» доказательствами. Конечно, вылазки самих США против других стран, например, бандитское нападение на Гренаду и уничтожение там демократии под корень, а также установление диктатуры марионеточного правительства — все это американскому обывателю подавалось, как меры, обеспечивающие национальную безопасность Штатов. Хотя даже самому талантливому фантазеру невозможно представить, как

Гренада — этот островок в 340 кв. км и с населением 115 тысяч человек — могла бы чем-то угрожать США?

Столь же нагло высшие круги США действовали и в истории с южнокорейским самолетом. И в первую очередь Рейган.

Но как бы мы негативно ни оценивали каких-то президентов США, в т. ч. Рейгана, мы никого из них не можем упрекнуть в измене своему народу, в разрушении своих вооруженных сил. Да, некоторые из них были несправедливы к другим народам. Да, в США имели место страшные террористические акции к ряду своих соотечественников вплоть до президента США Кеннеди. Да, в США некоторые высшие государственные деятели умышленно ложно описывали различные события, чтобы приобрести политический капитал.

Но как бы то ни было, этих деятелей нельзя объявить изменниками своего народа. Они действуют пакостно и мерзко, но не во вред своему государству (как это делали Горбачев и Ельцин в отношении СССР), а, наоборот, во благо. Так, к примеру, было и с южнокорейским самолетом, когда Рейган и Шульц (госсекретарь США) поставили всё с ног на голову, нагло обвинив во всем Советский Союз, хотя сами организовали эту кровавую провокацию.

Глава IV
Южнокорейский самолет

Истина и ложь. Устремления аме-риканской администрации еще раз оболгать СССР. Недостаточная оперативность нашего руководства. Пресс-конференция и позиция Андропова поставили точку.

Утром 1 сентября 1983 года администрации США становится известным, что где-то в районе Сахалина потерялся южнокорейский самолет, следовавший из Нью-Йорка в Сеул через Аляску (аэропорт Анкоридж). На борту, кроме других пассажиров, было несколько американцев, в том числе конгрессмен Макдональд. Руководство США, не разобравшись (или умышленно, что вернее), поднимает вселенский шум, обрушивая на Советский Союз самые чудовищные обвинения. Госсекретарь — грузный флегматик Шульц становится «боксером» наилегчайшего веса. Выступая уже в это утро на сверхоперативно организованной им пресс-конференции, заявил, что во всем виноват Советский Союз (?!).

Ведь даже несмышленышу было ясно, что администрация США, развернув столь кипучую деятельность и выдавая за истину свои фантастические версии, открыто блефовала. Не поинтересовавшись у руководства СССР — был ли самолет сбит или имела место принудительная посадка самолета, уже делала категорические заявления. Она могла так поступить в двух случаях. Во-первых, когда ненависть к Советскому Союзу у американского государственного деятеля достигла такого уровня, что она ослепляет его и полностью лишает разума. Во-вторых, когда основные высшие чиновники (в данном случае — Шульц) были заранее посвящены в планы Центрального разведывательного управления (ЦРУ) в отношении этого самолета и могли еще до полета предвидеть, как вариант, резкую реакцию Советской ПВО, вплоть до сбития «боинга». Известно ведь, что именно вор кричит: «Держи вора!» Вот они и постарались сверхоперативно выступить с обвинениями в адрес Советского Союза, тем самым «перехватить инициативу» и выставить себя (т. е. США) в выгодном свете.

Лично я склонен думать, что имело место и то, и другое. И вот почему. Директор ЦРУ, конечно, должен (обязан) был доложить и президенту, и, вероятно, Шульцу возможное привлечение рейсового гражданского самолета в общую систему

запланированных мероприятий по вскрытию системы ПВО на Камчатке и на Сахалине, т. е. на важнейших стратегических объектах Дальнего Востока, где базируются (на Камчатке) или прикрывают базирование (Сахалин прикрывает Владивосток) главные силы Тихоокеанского флота и другие подразделения наших Вооруженных Сил. А то, что это было именно так (т. е. то, что ЦРУ проводило разведку), было убедительно доказано на пресс-конференции, которую проводили Л.М.Замятин, Н. В. Огарков и Г. М. Корниенко в пресс-центре МИДа.

Шульц же, зная общую схему мероприятий директора ЦРУ Кейси и получив от него информацию «о преднамеренном» уничтожении пассажирского самолета ПВО над территорией СССР, из кожи лез, чтобы подать эту версию телезрителям и радиослушателям, как уже доказанную истину. Разумеется, для президента Рейгана этот инцидент был настоящим подарком. Войдя в раж, сей «фантазер» возвел все в десятую степень и понес, понес, понес… На одном дыхании, с упоением он оплевывает всё и вся в Советском Союзе, мол, чего ожидать от этой страны, если все там дикари. А «втереть очки» телезрителю и слушателю в свои 70 с лишним лет Рейган, конечно, мог, и не только благодаря огромному опыту артистической деятельности, но и восьмилетнему пребыванию в положении губернатора штата Калифорния. Будучи губернатором, а затем и президентом (хотя первая его попытка стать таковым в 1976 году провалилась в пользу Форда), он без зазрения совести, открыто говорил, что главное в его методе руководства — это исполнение двух принципов: первый — окружение себя выдающимися личностями, и второй — невмешательство в их работу (пока, естественно, идет всё хорошо). В первый срок своего пребывания на посту президента он окружил себя «…двумя кольцами советников. Внутреннее кольцо составляла так называемая тройка, а именно: Джеймс Бейкер, как начальник штаба, Эдвард Миз, шеф кабинета, и Майкл Дивер, ответственный за связь с общественностью. Второе кольцо состояло из тех, кто докладывал тройке, но сами они не имели доступа к президенту» (Ю. Хайдекинг. «Американские президенты», с. 531).

Эти трое фактически правили бал, и все шло для страны относительно нормально. Но во второй срок президентства, подпав под влияние своей супруги Нэнси Рейган (тоже в прошлом актриса), он «разрушил» тройку и решил сам выступать в роли всех этих лиц. Естественно, не располагая ни малейшей компетенцией, а имея своим главным оружием только демагогию и ненависть к СССР, Рейган стал быстро утрачивать свой авторитет. А тут еще «…афера Иран-контрас плюс крах бирж… и

стремительно возрастающий дефицит бюджета и внешней торговли» (там же, с. 532).

Так вот, этот деятель внес капитальный вклад в дело разрушения отношений между США и СССР. Может быть, даже больший, чем обиженный природой Трумэн. Несомненно, в основе антисоветской деятельности Рейгана была его ограниченность. Д. Картер до него, хоть и не был популярен, и особенно Д. Буш, уже после него, действовали значительно тоньше и умнее, хотя оба являлись антисоветчиками и уровень Ф. Рузвельта и Д. Кеннеди был для них недосягаем.

Рейган, использовав инцидент с южнокорейским самолетом, бросил все остальные дела и занялся только одним — нагнетанием антисоветизма. Он гнал волну грязи на Советский Союз, мобилизовав всех и все, не считаясь ни с какими затратами. Ему надо было одним выстрелом убить не двух, а трех зайцев: еще раз показать миру, что он прав и СССР действительно есть империя зла; еще раз продемонстрировать американцам свою преданность и заботу о соотечественниках (в данном случае о погибших в этом самолете); но самое главное — гарантированно прикрыть ЦРУ в этом подлом деле, а уши этой организации явно торчали, что и разоблачалось нашими официальными кругами. Вообще ЦРУ, проводя свои разведывательные вылазки против Советского Союза, играло с огнем.

Еще не был забыт шпионский вояж американского летчика Ф. Пауэрса на разведывательном самолете «У-2» над территорией СССР, что вынудило нас сбить нарушителя. Еще свежим для нас событием было принуждение тоже пассажирского лайнера «Боинг-747» к посадке неподалеку от населенного пункта Африканда, что на юге Кольского полуострова. Или взять провокации авиации 7-го флота США, которые осуществлялись тоже не без участия ЦРУ. Они, кстати, были и в 1983 году, за несколько месяцев до инцидента с южнокорейским «боингом».

Суть провокации состояла в следующем. 7-й флот подходил своей армадой к нашим Курильским островам Уруп, Итуруп, Кунашир и Шикотан, развертывался восточнее— в 250–300 километрах и начинал проводить учения, имея в своем составе, кроме других кораблей, два авианосца. И в это время палубная авиация взлетала и начинала роем кружиться несколько минут в одной зоне. Затем из этого роя выскакивали два-три самолета и на максимальной скорости вклинивались в наше воздушное пространство, грубейшим образом нарушая все международные договоренности и правила. Одновременно, не заходя в 200-километровую зону, вдоль Курильской гряды барражировали самолеты-разведчики США, которые своей бортовой аппаратурой

снимали все параметры с тех излучающих средств, которые расположены у нас на Курилах, Сахалине и на материке в этом районе. Как только наши истребители (дежурные звенья) начинали взлетать с аэродромов «Буревестник» (Курилы), Леонидово и Южно-Сахалинск (Сахалин), тут же самолеты США мигом выскакивали из нашего воздушного пространства. Это был открытый вызов, желание организовать свару.

И вот теперь, надеясь, очевидно, на то, что мы уже «приучены» к хамскому поведению американской авиации, ЦРУ решило запустить свой главный конек — провести капитальную разведку системы ПВО на Камчатке, Сахалине и материковой части Советского Союза, что находится вокруг Владивостока. Другими словами, им надо было достоверно знать, чем мы конкретно располагаем для прикрытия основных баз Тихоокеанского флота и других стратегических объектов.

Замысел действий американцев был следующий. Для того, чтобы максимально возбудить все имеющиеся излучающие электронные средства на Камчатке, Сахалине (южной части) и в районах, прилегающих к Владивостоку, необходимо в темное время суток запустить неопознаваемый летающий аппарат, который и вызовет на себя соответствующую реакцию всех или подавляющего большинства электронных средств, а не только дежурных (которые составляют всего около 10 процентов относительно наличных сил). Но запускать военный самолет-разведчик (который на экране локатора так же обозначается, как и «боинг») опасно: в условиях развития событий по худшему варианту, т. е. вдруг его сбивает ПВО, останки самолета будут явно свидетельствовать о злоумышленном характере этого полета. Однако если запустить по этому маршруту рейсовый самолет из Анкориджа в Сеул, то можно было бы оправдать это ошибкой экипажа или несправностями аппаратуры. Маловероятно, что советские службы ПВО сразу откроют огонь. Скорее всего они поднимут в воздух истребители-перехватчики и с их помощью постараются распознать цель. Однако в темноте сделать это будет трудно, особенно в районе Камчатки. В условиях же неопределенности вероятность того, что советские службы ПВО пойдут на радикальные меры и начнут сбивать, чрезвычайно мала. Тем временем к району этих событий будут подтянуты самолеты-разведчики, оснащенные ультрасовременной аппаратурой и они, не заходя в воздушное пространство СССР, смогут снять все параметры советских электронных излучений во всех районах. Но самое главное — полет самолета-нарушителя над Камчаткой совпадает с пролетом американского спутника-шпиона «Феррет», у которого амплитуда оборота вокруг Земли

1,5 часа. Он уже будет над Сахалином, и в это же время самолет-нарушитель, пролетев Охотское море, тоже окажется там же. Наконец, и на самом самолете-нарушителе могла быть установлена разведывательная аппаратура. Вот такие сказочно выгодные условия открывались для ЦРУ США. И они американской стороной были реализованы полностью. Рейган же в целях маскировки, чтобы оправдаться в глазах мирового сообщества и скрыть свое злодеяние, надрывая пупок и синея от напряжения кричал по всем теле-радио-газетным каналам о бесчеловечности Советского Союза, проклиная его за гибель ни в чем не повинных 269 человеческих жизней (плюс экипаж, который ни разу не ответил на запросы наших средств ПВО и даже не отреагировал на предупредительные выстрелы с трассирующими снарядами — а их никак нельзя было не увидеть, поскольку все это летело перед носом экипажа).

ЦРУ провело в жизнь свой чудовищный план.

Что же делало наше Дальневосточное воеводство? И как на эти действия реагировало руководство страны?

Приблизительно в 19.00 1 сентября 1983 года министр обороны отправился в Кремль на какое-то совещание, хотя в такой поздний час совещания там проводились крайне редко. Вслед за ним начальник Генштаба уехал в наш головной, по вопросам управления, 27-й Научно-исследовательский институт — Николай Васильевич давно обещал ученым такую встречу, и сейчас он смог это сделать. Приблизительно в 20.30 мне звонит с Центрального командного пункта Генерального штаба дежурный генерал и докладывает, что на Камчатке обнаружен самолет-нарушитель. На мой вопрос — а что предпринимается? — никто толком ничего ответить не мог, в том числе и командный пункт ПВО страны. Звоню на командный пункт 6-й дивизии ПВО, которая расположена непосредственно на Камчатке. Мне отвечает подполковник — дежурный офицер командного пункта дивизии. Спрашиваю:

— Где самолет-нарушитель?

— Сейчас над нами, над Петропавловском-Камчатским.

— Какие меры приняты к нарушителю?

— Мы постоянно его запрашиваем, но он не отвечает.

— Где командир дивизии и начальник штаба?

— Дома. У нас сейчас пять тридцать утра.

— Ставлю задачу: немедленно поднять дежурное звено самолетов-перехватчиков на аэродроме Елизово, догнать нарушителя и принудить его к посадке. Исполнение доложить. Остальные огневые средства держать в готовности к применению. Командира дивизии вызвать на КП.

— Есть! Выполняю.

Звоню на командный пункт Дальневосточного военного округа. Спрашиваю у дежурного офицера об обстановке на Камчатке. После его доклада ставлю задачу: немедленно вызвать на командный пункт 6-й дивизии ПВО командира и доложить командующему войсками округа генералу армии И. М. Третьяку о происшествии. Кроме того, сказал офицеру, чтобы он передал просьбу Ивану Моисеевичу позвонить мне, когда он придет в штаб округа. Затем звоню на КП войск ПВО страны и также требую, чтобы командование 6-й дивизии ПВО прибыло к себе на командный пункт. Разыскиваю начальника Генштаба в Научно-исследовательском институте и докладываю обстановку и о принятых мерах. Николай Васильевич приказал следить за полетом самолета-нарушителя. Сразу же после Огаркова я отыскиваю одного из помощников министра обороны генерала Илларионова и рассказываю ему для доклада министру обо всем, что произошло.

Пока решал эти вопросы, естественно, прошло время. Снова звоню на командный пункт 6-й дивизии ПВО в надежде услышать радостное сообщение о том, что наши истребители вынудили нарушителя к посадке на нашем аэродроме. Каково же было мое возмущение, когда командир дивизии, уже прибывший на командный пункт, доложил, что нарушителя перехватить не удалось.

— Так почему же не выполнили задачу?

— Потому что была допущена ошибка в наведении самолетов-перехватчиков. После взлета им дали курс с ошибкой на 180 градусов и они полетели в противоположную сторону, т. е. в сторону уходящего на север самолета-разведчика. Пока разбирались, вносили поправку и разворачивали наши самолеты, нарушитель, летевший со скоростью 900 км в час, ушел уже далеко.

— Где теперь он может быть?

— Сейчас уже 30 минут он «висит» над Охотским морем, но не маневрирует, а идет точно по взятой линии. Мы его наблюдаем на экране и прокладываем курс.

— Куда он может выйти без смены курса?

— Если этот курс продлить, то линия выводит на середину или на южную треть Сахалина.

— Проведите расследование этого происшествия и доложите по команде. Одновременно доложите обстановку в Хабаровск и Сахалин.

Хотел было звонить на командный пункт главкому ПВО, но на «ВЧ» появился генерал армии Третьяк. Едва поздоровавшись,

Иван Моисеевич начал ругаться: вот, мол, прилетел самолет-нарушитель, а его пэвэошники не перехватили. И тут же стал их оправдывать:

— Дело в том, что американские самолеты-разведчики «Орионы» и РС-135 постоянно летают вдоль Чукотки, Камчатки, Курильской гряды, не входя в 200-километровую зону нашего воздушного пространства. Это ежедневно. И наши дежурные расчеты на командных пунктах настолько уже к ним привыкли, что даже не обращают внимания. Вот и этот нарушитель. Его заметили еще на дальних подступах, однако думали, что он лишь подойдет к нашей воздушной границе, но пересекать не будет, а полетит вдоль нее. Тем более там два таких уже крутились. А он пошел прямо и через 15 минут был над Петропавловском, а еще через 5–7 минут оказался уже над Охотским морем. Пока наши «чесались», он уже стал недосягаем. Мы его ракетами отстреливать не стали. Решили посадить.

— Иван Моисеевич, то, что на Камчатке получился ляп — это уже понятно каждому. Но важно, чтобы это не повторилось на Сахалине. А если и здесь его не перехватят— это уже мировой скандал. Мало того, это будет позор для всех.

— Да нет, — успокоил Иван Моисеевич, — такого быть не должно. Мы его обязательно перехватим.

— Желательно не только перехватить, но и посадить. А если не будет подчиняться — сбить!

— Да, мы только так и намерены действовать.

У читателя могут возникнуть вопросы — почему я проявил такое беспокойство по поводу инцидента. Дело в том, что Главное оперативное управление Генерального штаба непосредственно отвечает за боевую готовность Вооруженных Сил в целом и, в частности, за боевое дежурство всех видов (в том числе сил и средств ПВО). Поэтому со мной, как с начальником Главного оперативного управления и первым заместителем начальника Генерального штаба, всегда в этой области решали все вопросы главнокомандующие видами Вооруженных Сил и их начальники Главных штабов.

Из машины по закрытой связи позвонил Огарков:

— Как там у Третьяка?

Я доложил подробно обстановку. Он начал сокрушаться, но когда я рассказал о боевом настроении Ивана Моисеевича, то Николай Васильевич уверенно сказал:

— Все будет в порядке.

Я приказал через каждые пять минут докладывать мне о продвижении самолета-нарушителя по карте Дальнего Востока. Она была раскрыта, и на нее были нанесены маршрут, который

уже пролетел самолет, и перспективная линия, выводившая его на Сахалин. В нашей практике, если не считать полет американского самолета-разведчика «У-2» 1 мая 1960 года, такого наглого вторжения и такого глубокого пролета в нашем воздушном пространстве не было.

Когда нарушитель был уже на подступах к Сахалину, я, настороженный странным спокойствием (судя по докладам командных пунктов ПВО), приказал соединить меня с командующим войсками Дальневосточного военного округа генералом армии И. М. Третьяком:

— Иван Моисеевич, мы тут с тревогой следим, как самолет-нарушитель уже тысячу километров летит в нашем воздушном пространстве без каких-либо помех. Кто-нибудь его наконец остановит?

— Да мы ж его согласно международным соглашениям и правилам постоянно запрашиваем, а он упорно молчит.

— Так он молчал над Камчаткой и будет молчать сейчас! Его надо насильственно сажать. Или сбивать, если не будет подчиняться. Но прервать эти наглые действия необходимо обязательно.

— Вот как выйдет к Сахалину, так мы его встретим.

Через минут 12–15 после этого разговора наша служба докладывает мне, что нарушитель вышел к Сахалину. Я опять звоню Ивану Моисеевичу:

— Что происходит? Почему не перехватывается нарушитель?

Третьяк:

— Уже поднялись наши истребители! Командир 40-й дивизии ПВО генерал Карнуков отдал все команды.

Действительно, через несколько минут командные пункты доложили, что истребители-перехватчики подняты и пошли на сближение с нарушителем. Медленно, тягуче идет время. Наконец доложили, что наш летчик видит силуэт самолета, но не видит габаритных огней и что на запросы нашего летчика экипаж самолета-нарушителя не реагирует. Но нарушитель еще до его перехвата стал маневрировать и понемногу снижаться — видно, менял эшелон полета.

С земли потребовали, чтобы наш истребитель дал очередь трассирующими снарядами. Он выполнил четыре очереди из автоматической пушки. Снаряды пролетели впереди самолета-нарушителя, но — никакой реакции. Тогда наконец принимается решение обстрелять самолет ракетами, так как он уже пролетал Сахалин. Летчик пускает две ракеты и сообщает: «Есть попадание!» Самолет-нарушитель начинает падать. И падает в море почти у границы наших вод.

Звонит И. М. Третьяк и информирует: сбили; по заявлению летчиков, самолет-нарушитель имеет сходство с «Орионом» и РС-135. Но когда самолет стал падать, то оказалось, что его габариты больше «Ориона».

— В общем, — закончил Иван Моисеевич, — сейчас будем разбираться. Но в том, что это разведчик, — сомнений нет.

— Конечно, надо разбираться и даже расследовать, — вторю я Третьяку, — но главное — это то, что полет наконец пресекли. Это очень важно!

Позвонил Огаркову. Оказывается, он уже был в курсе дела — тоже переговорил с Третьяком. Договорились, что утром я представлю предложения о создании государственной комиссии и справку о факте нарушения воздушного пространства Советского Союза самолетом-разведчиком неустановленной принадлежности. Поскольку накал оставался высоким и продолжались непрерывные телефонные переговоры, я позвонил домой и сказал, чтобы не ждали: заночую в Генштабе.

Приблизительно в середине ночи звонит мне дежурный по Главному разведывательному управлению Генштаба и докладывает, что по поручению их начальника генерала армии П. И. Ивашутина передает мне текст радиоперехвата японского радио о том, что якобы в Сеул сегодня не прилетел самолет южнокорейской авиакомпании, который следовал по маршруту Нью-Йорк — Анкоридж — Сеул. Номер рейса 007. Вместе с экипажем на борту было 280 человек, и есть предположение, что самолет сбит советской ПВО над территорией Советского Союза.

Через некоторое время звонят из Главного штаба Военно-Морского Флота и докладывают, что по распоряжению Генштаба (такое распоряжение я отдал сразу, как сообщили о сбитом самолете-нарушителе над морем), в район падения самолета выдвинулись два корабля Тихоокеанского флота и сторожевой корабль пограничных войск. Они охраняют этот район и одновременно подбирают различные плавающие предметы. По внешним признакам создается впечатление, что это может быть не военный, а гражданский рейсовый самолет.

Меня все больше и больше стала давить мысль о том, что этот нарушитель мог действительно оказаться пассажирским самолетом. Но тогда возникают десятки вопросов. Почему самолет вообще оказался над территорией Советского Союза? Почему он на протяжении нескольких часов, пролетая над территорией и акваторией нашей страны, не реагировал на постоянные наши запросы? Почему он не выполнил требований нашей авиации сделать посадку на Сахалине? Почему экипаж самолета-нарушителя не отреагировал даже на

предупредительную стрельбу наших самолетов трассирующими снарядами? Почему пассажирский самолет летел без габаритных огней? Почему экипаж самолета (точнее, штурман) не сверял маршрут полета с контрольными точками по времени и месту? Почему экипаж самолета не забил тревогу, когда оказался над Камчаткой, контуры которой на локаторе самолета хорошо просматривались? Почему командир корабля вообще не проявил беспокойства, когда самолет оказался над территорией СССР, тогда как по официальному международному маршруту внизу под самолетом должен был простираться только океан, Тихий океан? Почему служба управления полетами на командном пункте в Анкоридже сразу после взлета самолета, набора высоты и установки курса полета не потребовала внесения поправки в этот курс — ведь ошибка (если это ошибка) была сразу сделана в «зародыше»? Почему разведывательные самолеты США «Орион» и РС-135, которые в это время барражировали (и это было фактически постоянно и круглосуточно — они поэтому знали маршруты полета гражданской авиации вдоль наших воздушных границ) не помогли поправить ошибку?

И таких «почему» можно было бы перечислять еще множество раз.

Некоторые «специалисты», желая всячески прикрыть преступные действия ЦРУ, начали утверждать, что, мол, изменение маршрута — это ошибка экипажа. Потом говорили, что это результат неисправности аппаратуры на борту самолета и т. п. Но тогда надо ответить хотя бы на перечисленные мною вопросы. Однако следует иметь в виду следующее. Ошибка именно в 12 градусов могла быть сделана только умышленно. Ошибка в 1–1,5 градуса или в 90 и 180 градусов — допустима. Во всех этих случаях причина — небрежность или невменяемость экипажа. Но опять-таки возникают перечисленные мной вопросы. Так же как и с версией неисправности аппаратуры.

Но все они относятся к американской стороне (точнее, к ЦРУ) и их соподельникам.

А как действовало наше руководство с учетом этого события?

Хочу еще раз отметить, что по прошествии многих лет, когда открываются новые обстоятельства и было достаточно времени для анализа, негативы и положительные стороны вырисовываются более контурно. Так и с этим южнокорейским лайнером.

На мой взгляд, самым лучшим оружием в объяснении случившегося является правда. Все равно по истечении времени все встанет на свое место, т. е. правда восторжествует. Даже если кого-то «занесло» так далеко, что, казалось бы, уже нет возврата, — это не так. Правда, признание правды снимет многие

негативы, а может, и все.

Когда произошел сам факт сбития самолета-нарушителя, необходимо было немедленно объявить об этом. Причем надо было считать так, как считали тогда все, в том числе и в первую очередь военные, отвечающие за неприкосновенность нашего воздушного пространства: над нашей акваторией сбит самолет-разведчик иностранного государства, который отказался выполнить команду нашей службы ПВО с земли и с самолета-перехватчика; самолет упал в таком-то районе; назначена государственная комиссия для проведения расследования, готовится сообщение в Совет Безопасности ООН. И все.

Мировая общественность должна была знать именно так, как все было и как все первоначально оценивалось в Советском Союзе. А по мере новых данных и выяснения того, что сбит не разведчик, а пассажирский авиалайнер, надо было признать эту ошибку (а она вполне объяснима: наши летчики на истребителе-перехватчике не могли по контуру точно определить в темное время в условиях облачности, что это за самолет). И вместе с признанием ошибки выразить сожаление в связи с этой трагедией и соболезнование родным и близким погибших. Однако сразу этого сделано не было, поскольку в руководстве Политбюро не было единства: Андропов и Громыко хотели поступить приблизительно так, как я описал, а Устинов настаивал на том, чтобы никаких публичных признаний о том, что была допущена ошибка, не делать. Настаивал и настоял на этом. Но было упущено время. Прошли сутки после события. Вся мировая пресса бурлит, а мы молчим. И лишь на вторые сутки ТАСС сообщил о том, что имел место случай нарушения нашего воздушного пространства иностранным самолетом, но ничего не было сказано, что он сбит. В то же время по дипломатическим каналам было высказано категорическое возмущение о поднявшейся новой антисоветской волне в США.

Но ведь факт остается фактом — сбит пассажирский самолет. И есть большие жертвы. Это, конечно, надо признать. Другое дело — кто виновен в этой трагедии, и в первую очередь, кто организовал нарушение государственной границы, а такое всегда и везде таит в себе тяжелые последствия. И лишь почти через неделю, т. е. 6 сентября, ТАСС вынужден был сообщить, что пассажирский самолет был сбит советским истребителем.

Вот каким было первое заявление ТАСС.

«Как уже сообщалось, в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983

года самолет неустановленной принадлежности грубо нарушил советскую государственную границу и глубоко вторгся в воздушное пространство Советского Союза. Самолет-нарушитель отклонился от существующей международной трассы в сторону территории Советского Союза до 500 км и более двух часов находился над полуостровом Камчатка, районом Охотского моря и над островом Сахалин.

В нарушение международных правил самолет летел без аэронавигационных огней, на радиосигналы советских диспетчерских служб не реагировал и сам никаких попыток установить такую связь не предпринимал.

Естественно, что во время нахождения неизвестного самолета-нарушителя в воздушном пространстве СССР были подняты советские самолеты ПВО, которые неоднократно пытались установить с ним контакты с помощью общепринятых сигналов и вывести его на ближайший аэродром на территории Советского Союза. Однако самолет-нарушитель все это игнорировал. Над островом Сахалин по курсу его движения советским самолетом были даны предупредительные выстрелы трассирующими снарядами.

Вскоре после этого самолет-нарушитель вышел за пределы советского воздушного пространства и продолжал полет в сторону Японского моря. Примерно десять минут он находился в зоне наблюдения радиолокационных средств, после чего наблюдение за ним было потеряно.

Теперь в США и некоторых других странах поднята шумиха вокруг исчезновения южнокорейского самолета, совершавшего полет из Нью-Йорка в Сеул. Обращает на себя внимание то, что уже в первом сообщении об этом делалась ссылка на Центральное разведывательное управление США. Дальнейшие сведения, исходящие из Соединенных Штатов, дают все больше оснований считать, что маршрут и характер полета не были случайными. Показательно, что сейчас, задним числом, американская сторона не только официально признает факт нарушения этим самолетом советского воздушного пространства, но и приводит данные, из которых видно, что соответствующие американские службы самым внимательным образом следили за полетом на всем его протяжении.

Спрашивается, если речь шла об обычном полете гражданского самолета, за которым велось непрерывное наблюдение, то почему же с американской стороны не было предпринято никаких мер по прекращению грубого нарушения воздушного пространства СССР и возвращению самолета на международную трассу?

Почему американские власти, которые теперь прибегают к разного рода грязным инсинуациям в отношении СССР, не попытались установить связь с советской стороной и дать необходимые данные об этом полете? Ни того, ни другого сделано не было, хотя времени для этого было более чем достаточно.

Уместно напомнить, что преднамеренные нарушения американскими самолетами государственных границ Советского Союза, в том числе и на Дальнем Востоке, далеко не единичны. По этому поводу правительству США неоднократно заявлялись протесты.

В свете этих фактов вторжение в воздушное пространство указанного самолета нельзя расценить иначе, как заранее спланированную акцию. Расчет делался, очевидно, на то, что под прикрытием гражданских самолетов можно беспрепятственно осуществлять специальные разведывательные цели.

Более того, есть основания полагать, что те, кто организовал эту провокацию, сознательно шли на дальнейшее обострение международной обстановки, стремясь опорочить Советский Союз, посеять чувство враждебности к нему, бросить тень на советскую миролюбивую политику.

Об этом говорит и беспардонное, клеветническое заявление по адресу Советского Союза, с которым тотчас же выступил президент США Рейган.

ТАСС уполномочен заявить, что в руководящих кругах Советского Союза выражают сожаление в связи с человеческими жертвами и вместе с тем решительно осуждают тех, кто сознательно или в результате преступного пренебрежения допустил гибель людей, а теперь пытается использовать происшедшее в нечистоплотных целях».

А вот содержание второго заявления уже от 7 сентября 1983 года:

Заявление Советского Правительства

В опубликованном 2 сентября с. г. по уполномочию Советского правительства заявлении ТАСС уже сообщалось о грубом нарушении государственных границ Советского Союза самолетом, который в ночь на 1 сентября вторгся в воздушное пространство СССР над полуостровом Камчатка, а затем в течение двух часов летел над Охотским морем и над островом Сахалин. Говорилось и о мерах, принятых средствами ПВО — наземными и воздушными, — с целью принудить самолет к посадке на одном

из аэродромов острова Сахалин. Последующее расследование подтвердило ранее приведенные данные и дополнило их.

Самолет-нарушитель вошел в воздушное пространство над Камчаткой в районе, где размещена важнейшая база стратегических ядерных сил СССР. В то же время — что теперь признано и американской стороной — в этом районе близ советской границы на той же самой высоте находился другой подобный ему самолет-разведчик военно-воздушных сил США «РС-135».

В воздух были подняты несколько самолетов-перехватчиков. Один из них контролировал действия американского самолета «РС-135». Второй вышел в район нахождения самолета-нарушителя, сигнализируя ему, что он вторгся в воздушное пространство СССР. Предупреждения игнорировались.

На подходе к острову Сахалин нарушитель вновь был перехвачен истребителями ПВО. И здесь с ним пытались войти в связь, в том числе и с помощью известного сигнала общего вызова на международной аварийной частоте 121,5 МГц. Вопреки фальшивым утверждениям президента США, советские истребители ПВО оснащены средствами связи, на которых эта частота фиксирована. Так что на самолете-нарушителе эти сигналы должны были быть приняты, но он на них не отвечал. Не отвечал он, как уже ранее указывалось, и на другие сигналы и действия советских истребителей.

Советскими службами радиоконтроля засекались периодически передаваемые короткие кодированные радиосигналы, обычно применяемые при передачах разведывательной информации.

Командование ПВО района, тщательно проанализировав действия самолета-нарушителя, его маршрут, пролегавший и в районе Сахалина над военными базами, окончательно пришло к выводу, что в воздушном пространстве СССР находится разведывательный самолет, выполняющий специальные задачи. К этому приводит нас и то, что этот самолет шел курсом через стратегически важные районы Советского Союза. Истребителем были сделаны предупредительные выстрелы трассирующими снарядами по курсу движения самолета-нарушителя. Такая мера также предусмотрена международными правилами.

Поскольку и после этого самолет-нарушитель не подчинился требованию следовать на советский аэродром и пытался уйти, истребитель-перехватчик ПВО выполнил приказ командного пункта по пресечению полета. Такие действия находятся в полном соответствии с Законом о Государственной границе СССР, который был опубликован.

Советские летчики, пресекая действия самолета-нарушителя, не могли знать, что это — гражданский самолет. Он шел без аэронавигационных огней, глубокой ночью, в условиях плохой видимости и не отвечал на подаваемые сигналы. Утверждения президента США, будто советским летчикам было известно, что это гражданский самолет, абсолютно не соответствуют действительности.

Через территорию Советского Союза проходят десятки международных авиалиний. По ним много лет летают иностранные самолеты, и ничего с ними не происходит, если они соблюдают установленные правила.

Мы и дальше будем действовать в соответствии с нашими законами, в полной мере отвечающими международным нормам. Это полностью относится и к вопросу обеспечения безопасности наших границ. Защищать свои границы, в том числе и воздушное пространство, — суверенное право каждого государства. Это одна из общепризнанных норм международного права, на которых строятся отношения между государствами. И президент США ставит себя в положение невежественного человека, заявляя в своем выступлении 5 сентября с. г., будто Советский Союз «произвольно объявляет» свои границы в воздушном пространстве.

Но дело здесь, конечно, не в невежестве тех или иных официальных лиц США. Речь идет о преднамеренной, заранее спланированной акции в стратегически важном для Советского Союза районе. Ее организаторы не могли не понимать, чем может все это кончиться, но шли на осуществление крупной разведывательной операции с использованием, как теперь выясняется, гражданского самолета, сознательно подвергая смертельной опасности его пассажиров.

Можно ли представить себе что-либо более циничное, чем заявление Р. Рейгана о том, что «никто никогда не узнает», как в компьютер самолета были заложены данные, которые, как потом оказалось, вывели самолет в воздушное пространство СССР для выполнения шпионской миссии. Это не техническая ошибка. Расчет делался на то, что удастся беспрепятственно осуществить упомянутую разведывательную операцию, а если она будет пресечена, превратить все это в крупномасштабную политическую провокацию, направленную против Советского Союза.

Такой вывод подтверждается всеми последующими действиями администрации США. Ее руководители, включая лично президента США, в предельно короткие сроки, явно по заранее заготовленному сценарию, развернули злобную враждебную антисоветскую кампанию. Суть ее в наиболее

концентрированном виде раскрыта в выступлении президента США Р. Рейгана по американскому телевидению 5 сентября: попытаться опорочить Советский Союз и его общественный строй, вызвать чувство ненависти по отношению к советским людям, в извращенном виде представить цели внешней политики СССР, отвлечь внимание от его мирных инициатив.

В обстановке нагнетания напряженности, антисоветской истерии руководители США хотели бы уйти от решения крупных международных проблем, касающихся судеб народов. И момент для этой провокации выбран не случайно. Сделано это именно сейчас, когда решается вопрос, будет ли прекращена гонка вооружений, устранена угроза ядерной войны или же эта угроза будет нарастать. Судя по всему, в том числе и по упомянутой речи американского президента, администрация США намерена идти по пути дальнейшего обострения конфронтации с Советским Союзом. Кредо Р. Рейгана, как он сам заявил, «мир на основе силы».

И тщетны попытки прикрыть такую политику разглагольствованиями о «моральных устоях», «духе гуманизма», «ценности человеческой жизни». О какой морали и человечности могут говорить государственные деятели страны, которая самым жестоким образом лишила жизней миллионы людей в Индокитае, которая заодно с израильскими агрессорами убивает ливанцев и палестинцев, на чьей совести десятки тысяч жизней чилийских и сальвадорских патриотов? Перечень преступлений американского империализма велик, его можно продолжить.

Жертвами нового преступления стали люди, которые оказались в самолете, использованном американскими спецслужбами для своих грязных дел.

Советское правительство выражает сожаление по поводу гибели ни в чем не повинных людей, разделяет скорбь их родных и близких. Всю ответственность за случившуюся трагедию несут целиком и полностью руководители Соединенных Штатов Америки».

Такие разъяснения и оценки случившегося дала советская сторона. Но черное дело американскими ястребами было уже сделано — они в очередной раз облили Советский Союз помоями и долго еще ездили на этом коньке. Хотя всего этого можно было избежать.

Инцидент с южнокорейским лайнером еще раз подтверждает, что такого типа деятелей, как Устинов, нельзя близко допускать к политике. Он даже не удосужился прислушаться к мнению Генштаба! Решил действовать самостоятельно и с помощью непосредственно окружающих его соратников. А в итоге поставил

нашу страну в весьма сложное положение. Что интересно, пресс-конференцию по этому вопросу министр поручил проводить Огаркову, а на себя не взял, хотя и мог, и должен был. Видимо, чувствовал, что на пресс-конференции провалится. Действительно, все так и могло быть. И хорошо, что перепоручил.

Пресс-конференция по поводу событий с южнокорейским авиалайнером проводилась в пресс-центре МИДа. В ней приняли участие заведующий международным отделом ЦК КПСС Замятин Леонид Митрофанович, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Советского Союза, первый заместитель министра обороны СССР маршал Советского Союза Огарков Николай Васильевич и первый заместитель министра иностранных дел СССР Корниенко Георгий Маркович.

Конечно, предполагалось, что пресс-конференция привлечет внимание многих, но то, что зал будет переполнен и многие вынуждены стоять у стен и в проходах, — этого не ожидалось. Мало того, после тридцатиминутного, весьма убедительного и емкого сообщения Н. В. Огаркова (он пользовался огромной картой и весьма популярными схемами) о случившемся факте более двух часов задавались вопросы, на которые были даны выдержанные аргументированные ответы. Я в свое время приобрел стенограмму той давней пресс-конференции. Но по причине больших ее объемов не решился помещать этот документ в книгу, но для примера хочу привести несколько вопросов и ответов, чтобы читателю иметь хотя бы общее представление о накале, который присутствовал при разъяснении случившейся трагедии (дается сокращенно).

Михайлов (редколлегия «Правды»). Дало ли правительство США объяснение факту появления южнокорейского самолета (а он взлетал с американского аэродрома) в воздушном пространстве Советского Союза?

Г. М. Корниенко…Правительство США признало тот факт, что имело место грубейшее нарушение воздушного пространства Советского Союза. Однако Вашингтон не дал до сих пор ответа ни на один из законно возникающих в этой связи вопросов: почему южнокорейский самолет, вылетев из США, вскоре отклонился от установленной международной трассы на 500 км, причем не в сторону Тихого океана, а в сторону СССР? Почему американские авиационные службы, осуществляющие контроль в их зоне ответственности за полетами самолетов, тут же не забили тревогу, когда он вышел из коридора полета? Почему они не уведомили Советский Союз (если он не полетел по заданиям разведки)? Почему маршрут полета этого самолета пролегал через стратегически важные объекты? Почему экипаж самолета не

реагировал ни на показания приборов (а их на борту было два комплекта), ни на запросы средств ПВО СССР наземных и воздушных? Почему ни американская, ни японская сторона не вступила в контакт по этому поводу с Советским Союзом, ведь международный маршрут проходит по территориям и акваториям этих стран? Мы задали эти вопросы, но они не отвечают.

Гос. Вишневский (газета «Либр бельжик»). Кто, когда и по каким каналам обратился к советской стороне в связи с инцидентом?

Г. М. Кириенко…Никто ни по каким каналам к нам не обращался. Прошло десять часов после события… Заместитель госсекретаря США Бертем нам сказал, что, по данным американской станции слежения, самолет этот потерялся в районе Сахалина… Это напрочь опровергает занятую в последующем официальными лицами США позицию отрицания того, что американские службы специально следили за его полетом над территорией Советского Союза.

Корреспондент телекомпании Эй-би-си. Почему после того, как за этим самолетом следили два с половиной часа, ваш самолет не мог определить, что это Б-747, почему тогда был сбит самолет с 269 пассажирами на борту?

Н. В. Огарков. Вы знакомы с заявлением Советского правительства — там все об этом сказано. Повторю только, что в ночное время в условиях облачности визуально трудно определить, какой летит самолет, тем более что у него были выключены габаритные огни и зашторены иллюминаторы. А на экране локаторов отличить пассажирский лайнер от разведчика практически невозможно. Вместе с тем советская сторона предпринимала все усилия, чтобы посадить самолет. Но он упорно игнорировал все предупреждения советских самолетов и не хотел вступать ни в какие связи. Если это пассажирский самолет, он обязан вступить в связь. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что он вел себя точно так же, как вел экипаж южно-корейской авиакомпании, когда нарушил воздушное пространство Советского Союза в 1978 году в районе Карелии. Почерк был один и тот же. Советская сторона сделала всё возможное, чтобы посадить его на аэродром. Он уходил от советских истребителей. Он обходил советские зоны ЗРВ. Разве гражданский самолет может так действовать? После того, как были исчерпаны все возможности, был отдан приказ и советский летчик выполнил свой долг.

Корреспондент «Вашингтон пост» (США). Господин маршал Огарков, кто отдал приказ о прекращении полета самолета?

Н. В. Огарков. Приказ летчику на пресечение полета был

отдан командованием района ПВО.

Корреспондент «Лос-Анджелес таймс» (США). Советское правительство в своем заявлении от 6 сентября сказало, что советские пилоты на перехватчике не могли знать о том, что это был гражданский самолет. Можете ли вы тогда объяснить, означает ли это, что полет самолета был пресечен по ошибке?

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» (США). Какой тип самолета-перехватчика выполнял приказ о пресечении полета?

Н. В. Огарков. Пресечение полета самолета-нарушителя было не по ошибке. Те средства ПВО, которые до этого в течение двух часов принимали меры к посадке его на аэродром, были совершенно уверены в том, что имеют дело с самолетом-разведчиком. Самолет, который пресек полет самолета-нарушителя, — советский перехватчик СУ-15.

Телекомпания Эй-би-си (США). Какие твердые факты вы имеете о том, что это разведсамолет, не просто какие-то предположения и предпосылки, а факты.

Н. В. Огарков. Весь анализ поведения этого самолета-нарушителя: маршрут его полета, характер полета, анализ взаимодействия этого самолета с другими самолетами в зоне Камчатки плюс выбор направления полета в обход зенитно-ракетных комплексов, в направлении важнейших советских оборонительных объектов — это уже убедительные факты, что мы имеем дело с разведчиком. И, наконец, такое совершенно непонятное для обычного самолета поведение, как полное игнорирование всех предупреждений стороны, воздушное пространство которой он нарушил… На всех командных пунктах ПВО Дальнего Востока было однозначное мнение: это самолет-разведчик. Тем не менее они старались до последнего момента посадить, а не пресекать. Но когда он не стал реагировать на предупредительные выстрелы — всего 120, в том числе трассирующих пушечных снарядов, — то больше ничего не оставалось делать, как решительно пресечь полет самолета-нарушителя.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» (США). Готово ли Советское правительство представить международные гарантии не сбивать гражданские самолеты, сбившиеся с курса и находящиеся в воздушном пространстве СССР в результате ошибки? Если нет, то значит ли это, что самолеты гражданской авиации рискуют быть сбитыми?

Л. М. Замятин. Очень важный вопрос… В заявлении Советского правительства подчеркнуто, что через территорию Советского Союза проходят десятки международных трасс, по этим трассам летают постоянно тысячи самолетов, и ничего с

ними не случилось и не случается. Но здесь есть одно принципиальное различие. Вы задаете вопрос насчет самолета, сбившегося с курса. Когда мы разбираем вопрос с инцидентом, т. е. происшествие с южнокорейским самолетом, то мы имеем дело с совершенно другой картиной. Здесь не может идти речи о самолете, сбившемся с курса. Здесь речь идет не об ошибке, которую допустила какая-либо сторона. Мы имеем дело с заранее спланированной, специальной акцией. И я могу официально обратиться к официальной стороне: почему они до сих пор не отвечают на прямой и ясный вопрос? Почему не исправили ошибку самолета (если это была ошибка), когда он пошел на Камчатку вместо того, чтобы идти по международной трассе? Почему наземные службы — американская, японская — не забили тревогу, когда обнаружили отсутствие этого самолета на установленной трассе? Почему он вошел в советское пространство вместе с другим самолетом США РС-135? Это сделано для того, чтобы запутать советские силы ПВО, ввести их в заблуждение. Одновременно мы не исключаем, что самолет-разведчик РС-135 контролировал полет того самолета, который он запустил в воздушное пространство СССР… Это не заблудившийся самолет. Это специально посланный самолет… И когда все были убеждены у нас на командных пунктах ПВО, что это самолет-разведчик, безнаказанно, нахально летящий над территорией Советского Союза, не отвечающий на все сигналы и предупреждения нашей системы ПВО, — что после этого оставалось нам делать? Я думаю, что этот вопрос следует задать тем, кто организовал эту провокацию. Советский Союз честно и справедливо выполнил свои международные обязательства и никогда от них не отступит.

Как видите, читатель, только из небольшого числа вопросов, представленных здесь и имевших место на пресс-конференции, можно сделать вывод о том, что обстановка вокруг этой проблемы накалилась (что и следовало ожидать).

В то же время и Заявление Советского правительства, и эта пресс-конференция, проведенная Министерством обороны и Министерством иностранных дел СССР, а также представленные в ходе ее неопровержимые документальные данные, выводы, сделанные многочисленными зарубежными специалистами и экспертами, с исчерпывающей полнотой и достоверностью раскрыли истинную подоплеку крупной провокации, совершенной спецслужбами Соединенных Штатов Америки на советском Дальнем Востоке в ночь на 1 сентября 1983 года.

Ее характер, избранный способ и момент проведения, а также

тотчас же последовавшая за этим явно инспирированная и заранее рассчитанная глобальная антисоветская кампания не оставляют никакого сомнения в том, что это была преднамеренная, тщательно организованная преступная акция, которая преследовала целый комплекс стратегических и политических целей с дальним прицелом. Она осуществлялась в форме крупномасштабной боевой разведывательной операции, которая прикрывалась и обеспечивалась многочисленными службами, силами и средствами, в том числе из состава военно-воздушных и военно-морских сил Соединенных Штатов Америки.

Полет южнокорейского самолета в этой операции был лишь одним из ее составных элементов. Причем выбор его сделали не случайно, а вполне сознательно, не только не считаясь с человеческими жертвами, а, быть может, даже рассчитывая на них.

Трудно поверить, что это дело было инспирировано только Центральным разведывательным управлением США без чьей-либо санкции. Безусловно, она готовилась длительное время с ведома, одобрения, а возможно, и по прямому заданию высшей американской администрации, в том числе и самого американского президента. Иначе ничем нельзя объяснить истошный крик, который сразу был поднят лично Рейганом в расчете обелить себя и свалить вину на других. Именно на него ложится в первую очередь вся ответственность за случившееся, за гибель ни в чем не повинных людей, которые преднамеренно были принесены им в жертву ради грязных, узкокорыстных интересов.

Администрация США ежедневно предпринимала все новые, еще более настойчивые, буквально лихорадочные меры, чтобы любыми способами как-то обосновать свою лживую версию об «инциденте» с южнокорейским самолетом, доказать случайность его отклонения от установленной международной трассы и вхождения в воздушное пространство СССР. По-прежнему муссировались давно опровергнутые, явно беспочвенные утверждения о будто бы имевших место неисправностях радионавигационного оборудования самолета или ошибках при закладке в компьютер программы полета. Вместе с тем изобретались и новые липовые версии, уводящие общественное мнение в сторону от реальной истины.

В то же время американская администрация упорно уходила от ответа на все вопросы, которые были поставлены на пресс-конференции в Москве 9 сентября. Более того, все ее усилия направляются на то, чтобы замолчать, опорочить или исказить суть приводившихся на пресс-конференции фактов. Трезвый

анализ подменяется беспардонной бранью и наглой клеветой, нагнетанием звериной ненависти к Советскому Союзу, к его народу, к нашим людям. При этом не гнушаются самой грубой фальсификацией. Особые усилия Вашингтон прилагал к тому, чтобы замаскировать, скрыть непосредственную связь американских разведывательных служб с южнокорейской компанией «КАЛ». В этих целях в американских изданиях введена жесточайшая цензура на все публикуемые по данному вопросу материалы. Одновременно американские средства массовой информации тщетно пытаются обелить ЦРУ, стремятся представить эту организацию в невинном свете, хотя преступный почерк ее дел отлично известен всему миру. Не требует никаких доказательств ее прямая причастность к самым гнусным акциям империализма во многих государствах, да и в самих Соединенных Штатах Америки.

Уже после пресс-конференции стали появляться новые данные, с еще большей убедительностью свидетельствующие о том, что южнокорейский самолет не только выполнял разведывательное задание, но и являлся лишь одним из звеньев в общей системе крупных разведывательных действий, проводившихся с привлечением самых разнообразных средств.

Во-первых, установлено, что «Боинг-747» южнокорейской авиакомпании вылетел из Нью-Йорка с опозданием на 35 минут, а из Анкориджа на Аляске, где находится аэродром промежуточной посадки, на 40 минут позже обычного графика. Эти задержки представитель авиакомпании объяснил «необходимостью дополнительной проверки бортового оборудования», хотя никаких неисправностей установлено не было.

Зато обнаружилось другое. Задержки в Нью-Йорке и Анкоридже были необходимы, чтобы строго синхронизировать по времени подход самолета к берегам Камчатки и Сахалина с полетом американского разведывательного искусственного спутника «Феррет». Этот спутник предназначен для ведения радио и радиотехнической разведки в широком диапазоне частот, на которых работают радиоэлектронные средства СССР.

Спутник способен выявлять эти средства в полосе шириной более трех тысяч километров, то есть по полторы тысячи километров по обе стороны от трассы своего полета. Период его обращения на орбите вокруг Земли составляет 96 минут.

В ночь с 31 августа на 1 сентября спутник «Феррет» появился над Чукоткой в 18 часов 46 минут московского времени и в течение примерно 12 минут летел восточнее Камчатки и Курильских островов. На этом первом витке он имел возможность

прослушивать и зафиксировать у себя на пленке советские радиоэлектронные средства на Чукотке и Камчатке, работающие в обычном режиме боевого дежурства, зафиксировать их местоположение и уровень активности как раз накануне первого этапа полета южнокорейского самолета и вторжения его в воздушное пространство СССР.

На следующем втором витке «Феррет» вошел в воздушно-космическое пространство над Советским Союзом в 20 часов 24 минуты и был на широте Камчатки точно в момент вторжения самолета-нарушителя в советское воздушное пространство у берегов Камчатки. Это произошло в 20 часов 30 минут московского времени 31 августа, т. е. когда начался второй этап разведывательного полета южнокорейского самолета.

Естественно, что нарушение воздушной границы вынудило примерно вдвое увеличить интенсивность работы наших радио и радиотехнических средств, что фиксировалось спутником-шпионом «Феррет», проходившим в это время над Охотским морем. Одновременно он мог зафиксировать работу советских радиотехнических средств ПВО на острове Сахалине и Курильской гряде в их обычном, повседневном режиме, чтобы сравнить с тем, что произойдет дальше.

Пролетев над Камчаткой, «Боинг-747», как известно, примерно через час, а точнее — в 22 часа 05 минут московского времени появился над Северным Сахалином. А через тридцать минут был над Южным Сахалином. Начался третий этап полета «боинга», который вновь с абсолютной точностью совпал с очередным третьим витком спутника «Феррет». На этот раз спутник мог фиксировать боевую работу всех наших радиотехнических средств ПВО на острове Сахалин, Курильской гряде и в Приморье.

Случайно ли такое поразительное совпадение? Безусловно, нет!

Во-первых, момент вторжения самолета-нарушителя в воздушное пространство СССР в районе Камчатки и его появление над Сахалином заранее планировались так, чтобы можно было обеспечить получение максимальной информации американским разведывательным спутником «Феррет».

Во-вторых, полет южно-корейского самолета-нарушителя на всем его протяжении осуществлялся не только в зоне радиотехнических служб управления воздушным движением, но и в рабочей области системы «Лоран-С», позволяющей с высокой точностью и в любой момент определить истинные координаты самолета.

Это обстоятельство не только игнорируется, но и скрывается

американской стороной. Доказывается, будто бы все дело в случайном вводе в бортовой компьютер ошибочных координат. Но при этом умалчивается, что столь устойчивое отклонение от курса в течение двух с половиной часов могло произойти лишь в условиях, когда ошибка допущена не по одной, а по меньшей мере по семи контрольным точкам на трассе. Ясно, что это невозможно. И если это случилось, то только потому, что «ошибка» введена в компьютер вполне сознательно и преднамеренно теми, кто готовил и организовывал этот провокационный полет.

Характерно также то, что все действия самолета-нарушителя, несомненно, подтверждают, что он управлялся не компьютером с автопилотом, а пилотировался экипажем. Только этим можно объяснить его маневрирование по курсу, скорости и высоте. Экипаж видел предупредительные маневры советских самолетов ПВО и пытался уклониться от них, хотя понимал, что это грозит применением оружия.

Такие действия показывают, что самолет выполнял приказ. Имея же на борту специальное разведывательное оборудование, он не мог сесть на советские аэродромы, так как был бы уличен с поличным.

В-третьих, накануне и в период нарушения южно-корейским самолетом воздушного пространства СССР в районе его действий помимо упоминавшегося ранее разведывательного самолета РС-135, как теперь установлено, находились и другие средства. Еще один разведчик РС-135 барражировал вдоль Курильской гряды, самолет «Орион» находился над Охотским морем севернее Сахалина. В Приморье у Владивостока нес боевую службу американский фрегат «Бейджер».

Короче говоря, с 31 августа до 1 сентября в районе советского Дальнего Востока был развернут и функционировал целый разведывательный комплекс, в который вошли: самолет «Боинг-747», оснащенный соответствующими радиотехническими средствами; несколько разведывательных самолетов типа РС-135; ряд кораблей ВМС США; наземные станции слежения на Алеутских островах, Гавайях, в Японии, Южной Корее, наконец, спутник радио- и радиотехнической разведки «Феррет». Все эти средства должны были дать Соединенным Штатам более полное представление о советской системе ПВО на Дальнем Востоке, особенно в зонах важных стратегических объектов, расположенных на Камчатке и Сахалине, а попутно — и о самих этих объектах.

Обращают на себя внимание и некоторые другие, на первый взгляд, «странные», а в действительности вполне объяснимые

обстоятельства. Обычно экипаж «Боинга-747» составляет 16 человек. В данном случае он включал 29 человек. Что это были за дополнительные 13 человек? Не напрашивается ли вывод, что в их функции входило обслуживание специальной аппаратуры, установленной на самолете?

Не случайно, видимо, и то, что пилотирование самолетом было возложено на одного из опытнейших пилотов— полковника резерва ВВС Южной Кореи Чан Бен Ина, который считался одним из лучших летчиков южнокорейской авиакомпании и в 1981–1982 годах пилотировал правительственный самолет во время визитов южнокорейского президента в США и страны Юго-Восточной Азии. Как указывают иностранные информационные агентства, Чан Бен Ин не раз хвастался, что выполняет специальные задания американской разведки, и демонстрировал шпионское оборудование своего самолета, выполнявшего полеты по маршруту Нью-Йорк — Анкоридж — Сеул. Не скрывается сотрудничество со спецслужбами США и второго пилота самолета-нарушителя — подполковника резерва ВВС Южной Кореи Сон Дон Вина.

Рейган, Уайнбергер, Шульц, Киркпатрик лили крокодиловы слезы, обвиняя Советский Союз и представителей Советских Вооруженных Сил. Но есть одно латинское изречение, которое проливает свет на так называемые «загадочные» явления: «Cui prodest?» — кому это выгодно?

Стоит ответить на этот вопрос, и тогда станет совершенно ясно, в чьих интересах был создан этот «инцидент», кто хотел погреть на нем руки.

Разве в той сложной политической ситуации начала 80-х годов Советский Союз был заинтересован в дальнейшем нагнетании обстановки? Разве нам было выгодно создавать дополнительные препятствия в реализации выдвинутых Советским правительством крупных мирных инициатив? Конечно, нет! Кто же пытается нажить на этой провокации политический капитал? Только Соединенные Штаты Америки и их союзники! И вся поднятая ими шумиха вокруг южнокорейского «боинга» выдает их с головой.

Проходят годы. Уже всему миру известно в деталях то, что было 1 сентября 1983 года с южнокорейским самолетом. Однако некоторые средства массовой информации России продолжали лить грязь на Советский Союз. Выслуживаясь перед своими заокеанскими покровителями и «демократическими» властями России, стараясь превзойти друг друга во лжи и демонстрируя наивысшую степень мерзости, они утверждают, будто виноват СССР. Хотя всему миру уже давно известно, что 269 невинно

погибших жизней стали жертвой гнусных действий ЦРУ, использовавших этот самолет как приманку для ПВО советского Дальнего Востока.

Вот, к примеру, журнал «Коммерсант власть» (№ 33 (285) от 1 сентября 1998 года) бьет читателя по нервам уже начиная с аншлага — «Воздушная бойня!». Звучит? Еще бы! Авторы, которые не удосужились изучить истоки и обстоятельства этих событий, из кожи лезут, чтобы у читателя «бегали мурашки» от названия и до конца статьи. Через три-пять абзацев статьи разбросаны вот такие перлы: «Империя зла, полюбишь и козла» (чтоб унизить свою страну, почти цитируют Рейгана); «Демонстрируя мощь великой умирающей державы…» (циничная ложь: никаких признаков падения, наоборот, с нашей мощью говорили на «вы» во всем мире, начиная от Вашингтона); «Есть множество доказательств… о случайном нарушении курса» (ни одного доказательства нет и не могло быть); «Две ракеты, выпущенные истребителем СУ-15 ТМ, оборвали жизни 269 человек» (ну, как не назвать палачами всех, кто имеет отношение к этому?!) и т. д.

Возможно, не все читали именно этот журнал «Коммерсант власть», поэтому попробую «просветить». По мнению журнала, причина инцидента с злополучным «боингом» была одна — Советская власть! Не было бы этой власти — не было бы этой беды. Свою «мысль» авторы подкрепляют примерами из прошлого, естественно в собственной интерпретации. Тут и Венгрия 1956 года с Я. Кадаром, который придает социализму «человеческое лицо». И, конечно, Чехословакия 1968 года после «братской помощи». Здесь и Польша со своей «Солидарностью» и введенным Ярузельским военным положением. Естественно и Восточная Германия с Берлинской стеной, которая «хорошо пристреляна, и гибнет каждый второй, пытающийся воссоединить страну на личном уровне» (доподлинная цитата из указанного журнала). Не забыли и Чаушеску и, естественно, Афганистан, где у нас — по мнению авторов— были успехи, как в свое время у англичан. А что же подается на десерт? Разумеется, любимое диссидентство.

Зато авторы статьи в основном обошли возмутительный факт сбития американцами пассажирского самолета Ирана, причем сделали это совершенно осознанно: зачем бросать тень на такой оплот демократии, как США, на американских генералов и тем более на их президента?! Поэтому они ограничились только одной фразой: «…не наученные советским примером, американцы сбили иранский пассажирский самолет, нарушивший запрещенную Соединенными Штатами для иранцев зону (?) над Персидским заливом». Так им и надо, иранцам, — нарушили

приказ США, вот и получайте по зубам! И никакого шума в мире. Никакого расследования. Кто виноват? Иран — он нарушил, и поэтому погибли люди (тоже около двухсот человек).

Но возникают вопросы. Может, этот иранский самолет действительно нарушил и летел не по международной линии? Нет, он летел строго по утвержденному международными соглашениями маршруту! Возможно, самолет летел не в то время, которое предусмотрено соглашениями? Нет, он летел именно по расписанию. Возможно, самолет нес на себе разведывательную аппаратуру? Нет, он ее не имел. Но может быть, рядом летели разведывательные самолеты Ирана, а этот пассажирский был «приманкой» для ПВО, как это было в нашем случае? Нет, не было никаких других, тем более разведывательных самолетов. Да и зачем Ирану разведывать свою территорию? А если и требуется это делать, то кому какое дело, что именно делает Иран на своей территории или в своем воздушном пространстве? Но может, этот самолет угрожал американскому флоту, который в это время проводил учения в Индийском океане? Нет, конечно, он летел в другую сторону. Может, он угрожал Соединенным Штатам или имел какие-то цели, затрагивающие национальные интересы и безопасность страны? Нет, нет и нет! Но может, флотские руководители США не знали, что это летит гражданский самолет? Знали, тем более что это было днем. Ну, а когда самолет сбили, понесли ли американцы ответственность? Да нет! Никто и не думал привлекать их. Они для вида лишь извинились, и всё. Правда, еще объявили, что ими была определена зона запрета, так как проводились учения. Но ведь явно видно, что это гражданский самолет! Ну и что? Раз сказал янки — это закон! Значит, надо сбивать! И они сбивают!

А щелкоперы из «Коммерсант-власти» и им подобные всячески восхваляют американцев, как самых умных, самых сильных, самых богатых, самых демократичных, самых способных, которым на всё и всех наплевать. Кроме себя.

Как пресмыкаются авторы этого богатого журнала перед своими друзьями-американцами! Они, не стесняясь, демонстрируют «изысканный» холуяж перед янки и полнейшее отсутствие не только патриотизма, а даже стыда перед Отечеством. Я уверен, что если этим писакам… янки будут брызгать в глаза, они все равно будут говорить, что это… роса. «Не заметили», а по сути дела оправдали США, которые совершили преступление, сбив средь белого дня гражданский иранский самолет над его иранской территорией. Но зато постарались втоптать в грязь свою страну, хотя она в инциденте с южнокорейским «боингом» была абсолютно права. А ведь журнал

вроде солидный.

Вот так мы и живем.

Говоря об ухищрениях ЦРУ США в части проведения их разведывательных мероприятий против нашей страны в период существования Советского Союза, надо отметить, что для сотрудников ЦРУ это был, конечно, самый важный и самый сложный участок. При Сталине они вообще ничего не могли добыть в Советском Союзе. При Хрущеве — почти ничего, но уже появлялись щели «демократии», куда можно было внедриться. При Брежневе опять «закрутили гайки», а при Горбачеве наступило полное раздолье — «гласность» и «открытость» была везде, даже на особо важных и секретных объектах. Ну, а с приходом Ельцина у нас и вовсе не стало никаких секретов от Запада. Мало того, все то, что мешало Западу, уничтожалось или с холуйским поклоном передавалось Западу. К примеру, в подмосковном Пущино было семь классических научно-исследовательских институтов, которые в советское время занимались фундаментальными исследованиями, в том числе в области генной инженерии и генетики. Из семи мощных институтов осталось две… лаборатории. И те доживают последние дни. А где все остальные? Ученые или уехали (в основном в США — они мозги, да еще с выдающимися идеями, берут охотно, тем более по дешевке), или ушли в какой-нибудь бизнес, или работают где-то сторожами и грузчиками. Все это доктора, академики… Жить-то надо.

24 июля 1998 года в Москву прибыл вице-президент США Гор. Он неожиданно прилетел из Киева, где в течение нескольких дней успешно завершал свой план оболванивания самостийной Украины, чтобы она вдруг не взбрыкнула и не заключила с Россией какой-нибудь союз. Прилетел в связи с тем, что у США появились нежданные данные о том, что Иран якобы создал ракету-носитель с дальностью стрельбы 1200 км. А поскольку от юго-западной границы Ирана до Тель-Авива расстояние не так велико, а также имея в виду исключительную «любовь» Ирана к Израилю и наоборот, то Гор в Москве настоял на том, чтобы между США и Россией были подписаны соглашения о нераспространении ядерных технологий, в том числе чтобы Ирану не попала схема разработки ядерной головки.

Странно, но факт: Израиль из оплота США на Ближнем Востоке превратился в заложника. Конечно, США никогда не бросят Израиль. Но последний будет под постоянно нарастающей угрозой.

Так вот, Гор, находясь в Москве и решая проблемы «национальной безопасности» США (в том числе и Израиля),

провел вместе с председателем правительства России С. Кириенко пресс-конференцию. По своим взглядам оба выглядели как два близнеца-брата. Гор, этот «друг» России, как бы между прочим, сказал: «…Россия переживает сложный период, и не каждый может найти применение своим возможностям. Поэтому ученым надо ехать в США. Мы уже многих приняли и готовы принять еще…» Вот так! Готовы вообще оставить Россию без мозгов. Зачем они ей?!

Надо сказать, что тогда мнение руководства страны по поводу случившегося с южнокорейским самолетом разделилось. Этому, конечно, способствовала та истерия, которую раскрутили Рейган и Шульц не только в Штатах, но и в мире. Мы своей медлительностью в объявлении оценок самого факта, а также своей нерешительностью только способствовали этому накалу. К той части, которая осуждала военных за сбитие самолета-нарушителя, относились, в первую очередь, дипломаты, которые со своей «смоленской» колокольни видели, конечно, все и могли предвидеть все последствия. А вот «ограниченные» военные, разумеется, на это неспособны. О каком уж там предвидении может идти речь?! Они сбили — и с плеч долой. Мало того, они не думают, не могут и не хотят думать о большой политике. Они и свое профессиональное дело не способны качественно выполнить — даже не смогли заставить самолет-нарушитель сделать посадку на нашем аэродроме. Чего уж проще?!

А что в результате? В результате отношения с Соединенными Штатами на грани разрыва. И дипломатам надо в очередной раз спасать положение, «загубленное» военными.

Приблизительно вот так рассуждала дипломатическая верхушка МИДа. Правда, далеко не вся. Этого не могли сказать Корниенко, Петровский, Бессмертных, Воронцов, которые знали по-настоящему и военных, и характер их деятельности. Знал военных и министр иностранных дел Громыко, но положение обязывало его занимать нейтральную позицию.

Кстати, целесообразно отметить, что критикующая часть дипломатов совершенно не учитывала тот факт, что все военно-политические предложения руководству страны (о чем я уже писал раньше) разрабатывались именно в Генштабе, а не в МИДе. Для этого при Генштабе был создан по указанию ЦК специальный орган — «пятерка», которым довелось руководить мне.

Значительно позже, когда я был в Афганистане уже на постоянной основе, мне приходилось встречаться с новым министром иностранных дел Шеварднадзе. В беседах у него частенько проскальзывала такая мысль: «Ну, почему вы не можете такой огромной нашей армией и правительственными войсками

Афганистана нейтрализовать все банды и закрыть границу с Пакистаном и Ираном, чтобы оттуда не подбрасывалось подкрепление?» Я смотрел на него и думал: «Взять бы тебя хоть один раз на два-три дня на боевые действия, где тебя обстреливают и ты тоже должен стрелять и убивать, чтобы самому не погибнуть, где смерть подстерегает на каждом шагу, где теряешь друзей и боевых товарищей, где палящее солнце в пустынях Кандагара и болотах Джелалабада поддерживает температуру в тени не ниже +50 градусов, а воды уже нет, или в горах Гиндукуша, где зимой минус 30–40 градусов с ветром, а костров жечь нельзя, да и не из чего. Какую песню ты бы запел тогда?» Тем более цель-то не ставилась кого-то победить. А чтобы все это разбить, надо было ввести еще триста тысяч, прюс авиацией и ракетами уничтожить всю инфраструктуру мятежных банд на востоке Пакистана.

Дилетанты, как правило, всегда высокого о себе мнения и считают, что они все знают и все умеют. Вот и в Афганистане все так просто представлялось деятелю на высоком государственном посту, хотя сам он представление о боевых действиях имел только по рассказам. Так же было и с южнокорейским самолетом. Тем, кому казалось простым делом посадить самолет-нарушитель на наш аэродром, когда экипаж этого самолета отказался выполнять наши команды, надо было хотя бы мысленно взлететь вместе с нашими летчиками на самолете-перехватчике в ночное небо, догнать нарушителя, попытаться связаться с ним — а он этого не хочет, потребовать многократно сделать посадку на нашем аэродроме — а он это игнорирует, оказать на экипаж-нарушитель максимальное давление путем стрельбы снарядами. Уверен, что после полетов с нашим летчиком, демагогов бы поуменьшилось.

Разве в условиях «холодной войны» и той истерии антисоветизма, которую развернули официальные круги США, наши разведывательные органы и Министерство обороны не могли допустить, что «боинг» переоборудован для разведывательных целей? Могут, конечно. Тем более что известны случаи, когда на обычных рейсовых самолетах, дисциплинированно летающих только по утвержденным авиалиниям, устанавливалась специальная аппаратура разведывательного характера.

Поэтому, если даже допустить, что наш пилот видел перед собой летящий самолет, внешне выглядящий как пассажирский лайнер, — это еще не значит, что это не разведчик. Но в конечном результате при всех условиях команда на открытие огня дается с земли.

Если же и на земле, и в воздухе наши средства ПВО были убеждены, что мы имеем дело с иностранными разведчиками, если последние не реагируют ни на какие наши запросы, сигналы и требования, — в этих условиях не могло быть никакого другого решения. Только — сбить. Печально и трагично, что погибли совершенно невинные люди. Но ответственность за это должны нести провокаторы, организовавшие этот полет. Иного быть не должно!

А наше руководство частично подпало под влияние фактически неумышленно проамерикански настроенных дипломатов. Другая его часть в вопросе о южнокорейском лайнере была настроена по всем их позициям правильно. Так, собственно, выступали и на Политбюро: одни — обвиняли военных, другие — их оправдывали.

В связи с этим был интересный эпизод. Очевидно, «пронюхав», что вопрос вынесен на заседание Политбюро и что мнения и оценки действий военных у членов Политбюро неоднозначны, мне позвонил И. М. Третьяк.

— Валентин Иванович, вот видишь, какой оборот принимает все это дело с «боингом»?! Ты меня втянул в это дело, а теперь неизвестно, чем все это кончится.

— Во-первых, — говорю я ему, — ты меня должен благодарить за то, что я тебя «втянул». Твоя обязанность и без моего втягивания отвечать за все, что происходит в границах округа. Во-вторых, всестороннее исследование вопроса полностью подтверждает гнусные цели ЦРУ провести разведку, а точнее — вскрыть нашу систему ПВО на Дальнем Востоке, особенно прикрытие базирования Тихоокеанского флота. Для этой цели и был привлечен гражданский авиалайнер, как приманка. В-третьих, Политбюро еще не заседало и печалиться рано. Будем надеяться, что на заседании объективно разберутся со всеми обстоятельствами.

Иван Моисеевич вроде успокоился, но не совсем, и в какой-то мере повлиял на меня. Я тоже начал сомневаться в возможном исходе заседания Политбюро. Все зависит от того, как доложит Устинов. А он же не сможет доложить так, как Огарков. Поэтому на заседании обязательно надо быть Огаркову. Звоню ему и говорю, что надо доложить некоторые вопросы. Прихожу, Николай Васильевич встречает меня своим любимым, когда хорошее настроение, вопросом:

— Ну, чем обрадуете, Валентин Иванович?

— Есть и радости, есть и тени.

— Начнем с радостей.

— Министр обороны окончательно решил полностью

отказаться от варианта автодромного базирования тяжелых ракет. Следовательно, можно наконец закрыть вопрос о возможности строительства этой огромной тяжелейшей пусковой установки, которая должна была возить стотонную ракету. Ни дорог, ни мостов, ни районов развертывания. Всё пришлось бы строить, а это напрасно выброшенные деньги.

— Да, вы здорово провернули в прошлом году операцию с деревянным макетом. Это подействовало.

— Нет, это было в позапрошлом. Главком РВСН Владимир Федорович Толубко в принципе был на нашей стороне, т. е. против этой, как вы ее назвали «абракадабры». Но в то же время говорил мне: «Вы же поймите мое положение — ОН давит, а я вынужден говорить, что надо еще подызучить. Вот вы с Владимиром Михайловичем (генерал-полковник В. М. Вишенков — начальник Главного штаба РВСН) постройте, как предлагаете, такую, как вы считаете, деревянную пусковую установку, и мы все глянем на этого монстра. Я согласен с вами — это будет убедительно». Коль он дал добро, то все закипело. Через неделю пусковая стояла на заднем дворе Главного штаба РВСН. Мы ее сфотографировали, в том числе у трехметровых колес, поставили офицера — на общем фоне он был как муравей. Сделали утечку — фото попало министру. Он внимательно рассмотрел, но не взорвался, как обычно, и никому не сказал ни слова. А потом вопрос стал затухать. А сейчас Толубко сказал: «Всё, возврата нет!»

— Это хорошо, что вопрос закрыт. Мне Владимир Федорович тоже звонил. Что еще новенького?

— Готово учение — тренировка Верховного Главнокомандующего по управлению Стратегическими ядерными силами. Вчера проверил всю документацию, командные пункты, расчеты — при первой команде будут задействованы. Так что можно Верховному доложить. Желательно ему отключиться на весь день. Или хотя бы на семь-восемь часов. Меньше нельзя. Это — с кратким вашим разбором. Надо чтобы он не только глубоко понял, но и прочувствовал эту систему. Мы приготовили два варианта тренировки. При этом оба надо обязательно «проиграть» на нашем учении: первый — когда наносится ответно-встречный удар; второй — когда мы проводим только ответный удар, но в условиях, когда на нашей территории успевают ударить только средства передового базирования противника, т. е. подводные лодки США и стратегические ядерные силы Англии и Франции, а также «першинги» и крылатые ракеты США в Европе. Все тяжелые ракеты с американского континента еще в полете. Обстановка будет очень сложная.

Как я и докладывал в ходе утверждения замысла и плана проведения этого учения и как я понял вас, министр обороны тоже согласен, чтобы перед началом занятий вы или по вашему поручению надо популярно доложить: что будет, что ожидает участников учения, перед чем они окажутся, с чем встретятся и как приблизительно надо действовать. При этом желательно развернуть вероятные детали картины накануне нападения противника (за месяц, за неделю, за сутки, за час до удара), во время нападения и после нападения. Соответственно — какими будут наши действия: накануне удара — все подчинено недопущению трагедии плюс повышение готовности наших средств; во время нападения — доведение команд и сигналов до исполнителей; после нападения — выявление обстановки у нас в стране, в том числе состояния Вооруженных Сил, экономики, потери и меры по ликвидации последствий, восстановление управления страной. А также определение (в основном через спутники, если сохранятся они и пункты управления ими) обстановки в странах, которые подверглись нашим ударам. Думаю, имеет смысл разыграть во втором варианте (ответный удар) еще и подвариант — когда командные пункты управления стратегическими ядерными силами тоже выходят из строя и включается система, обеспечивающая подачу сигналов на разблокирование «живых» ракет» всех видов и на их пуск. Это эффективное средство Верховный тоже должен опробовать, точнее, иметь в виду.

— В принципе я с вами согласен, — начал Николай Васильевич, — в этой обстановке просто будет некстати выходить с предложением по учению. Видно, надо подождать, пока все утихнет. Пожалуй, при первой встрече оставлю ему справку о готовности этого учения, а как он там решит — посмотрим… Что еще?

— Александр Максимович Макаров просит подъехать: освоили новую технологию (А. М. Макаров — генеральный директор производственного объединения «Южный машиностроительный завод» в Днепропетровске). Сказал ему, что можно приблизительно через месяц.

И, наконец, есть необходимость доложить по южнокорейскому самолету. Звонил сегодня Иван Моисеевич Третьяк: обеспокоен тем, что этот вопрос ставится на Политбюро — в условиях расхождения во взглядах у членов Политбюро это чревато опасностями. В связи с этим я думаю, что было бы целесообразно вам попасть на это заседание и выступить. Дмитрий Федорович Устинов если и будет выступать, то может только усугубить ситуацию. Вы скажите министру, что вам тоже

желательно поприсутствовать на заседании. Вопрос прямо касается Генерального штаба.

— Это исключено. Он и так смотрит на меня, как на… Но действовать надо, вы правы. Думаю, что можно было бы поступать так. Я обзвоню основной состав членов Политбюро и расскажу им суть вопроса — как это все на самом деле было. Позвоню и Юрию Владимировичу, хоть он и в отъезде. Конечно, все зависит от него.

Так Николай Васильевич и сделал. Но когда проходило заседание Политбюро ЦК, то все-таки спор разгорелся: оправдывать военных за сбитый самолет или взыскивать с них, тем более такие жертвы и такой накал в мире, и особенно в США. Конец спору положил генсек. Юрий Владимирович Андропов сказал (он звонил), что в оценке действий военных не должно быть сомнений — они поступили верно, тем более что на протяжении всего многочасового полета над нашей территорией и акваторией считалось, что это разведчик. Мало того, самолет-нарушитель совершенно не реагировал на требования нашей ПВО. Что касается ошибки, которая якобы была допущена то ли по техническим причинам, то ли экипажем, и это, мол, объясняется отклонением самолета от международного маршрута, то это блеф: на самолете ультрасовременная аппаратура и пилоты имели высший класс подготовки. Наши воины выполнили свой долг. В то же время мы сожалеем о происшедшей трагедии и скорбим по невинно погибшим.

На этом можно было бы и поставить точку на инциденте с южнокорейским самолетом. Но ради объективности надо заметить, что этим вопросом всесторонне и глубоко занималась Международная организация гражданской авиации (ИКАО). Для проведения детального расследования произошедшего эта организация потребовала от Советского Союза и от США все документы, которые имели прямое и косвенное отношение к полету «Боинга-747» южнокорейской авиакомпании из Нью-Йорка в Сеул рейс № 007. СССР представил всё, вплоть до записей дежурной службы и наших пилотов. Кроме того, была предоставлена возможность на месте посмотреть организацию и проведение работ по доставанию с морского дна спасательной службой Тихоокеанского флота всевозможных останков. Одновременно разыскивались «черные ящики», где должна была быть основная запись всех событий.

В то же время Соединенные Штаты категорически отказались предоставить значительную часть своих материалов. Хотя самолет летел из Нью-Йорка и, сделав остановку в американском аэропорту Анкоридзе на Аляске, стартовал отсюда на Сеул и

именно здесь произошли все события с «ошибкой», американские официальные службы заявили, что они не могут представить ряд материалов по «соображениям национальной безопасности США». Хочу еще раз напомнить читателю, что речь-то идет о гражданской авиации, о гражданских аэродромах и самолетах, о гражданской, а не военной службе — при чем здесь национальная безопасность? В Советском Союзе представляют даже данные из военной организации — ПВО страны, а в США «не могут» представить данные, которые касаются только гражданской авиации. Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять истинные причины отказа США выдать по просьбе ИКАО все интересующие ее документы.

Кстати, когда все-таки «черные ящики» были обнаружены (а контролем за их отысканием занимался С. Ф. Ахромеев), то воспроизведение записи магнитной ленты через магнитофоны, к сожалению, ничего нового не дало. Правда, высказанная американцами версия о неисправности бортовой аппаратуры не подтвердилась.

Между прочим в 1993 году, т. е. в десятилетие этого события, содержимое «черных ящиков» нами навечно было передано в ИКАО. А некоторые российские журналисты (особенно газеты «Известия»), фамилии которых нет смысла называть, занялись было собственным, как сейчас модно, расследованием и печатали материалы по этому поводу на всю страницу огромной газеты, да еще и во многих номерах несколько месяцев (!).

Однако это был далеко не первый случай нарушения госграницы, если говорить о гражданской авиации США (я южнокорейскую авиакомпанию тоже отношу сюда). В 50-е годы наша ПВО сбила «боинг» — тоже на Дальнем Востоке, и он тоже нарушил элементарные правила и не подчинился требованиям нашей ПВО. В конце 70-х был случай, когда «Боинг-747» нарушил нашу границу в Мурманской области, и его тоже подбили, о чем говорил Н.В.Огарков на пресс-конференции. А было это так.

20 апреля 1978 года в 22 часа по московскому времени на командном пункте корпуса ПВО страны дежурный офицер объявил: «Обнаружена цель! Цель нарушила наше воздушное пространство севернее Североморска (главная база Северного флота) и сейчас пролетает Мурманск. Идет строго на юг в сторону Африканды, на запрос не отвечает».

В этот период корпусом руководил заместитель командира корпуса генерал В. С. Дмитриев. Он дает команду на подъем из дежурного звена одного самолета-перехватчика СУ-15. И ставит ему задачу: «Выйти на цель, стать впереди, помахать крыльями и дать сигнал: «Следовать за мной», вывести цель на аэродром

Африканды и посадить!» Летчик начал выполнять все, что было приказано. Одновременно команду следовать за нашим самолетом на аэродром нарушителю дали и с земли (КП ПВО). Однако самолет, не долетая до Африканды, резко развернулся на запад и полетел в сторону Финляндии. Наш летчик и дежурный офицер на КП доложили о маневре нарушителя. Генерал Дмитриев дает летчику команду: «Сбить нарушителя». Тот заходит «боингу» в хвост и пускает две ракеты по правому крылу, надеясь, что не уничтожит, а подобьет. Так и получилось. Одна ракета попала в крайнюю часть крыла, вторая — в крайний двигатель. От крыла отвалилась одна треть. Самолет быстро стал снижаться. Внизу было замерзшее озеро. Не выпуская шасси, самолет сел на «брюхо», сильно повредился, но в основном остался целым. Однако жертвы были: погибли два члена экипажа, 11 человек имели телесные повреждения разной тяжести. Все произошло во время приземления.

В результате следствия было установлено, что маршрут самолета-нарушителя должен был проходить через Северный Ледовитый океан к Берингову проливу и далее на юг. Однако по неизвестным причинам он в определенной точке свернул на юг, прямо на Североморск. Чем кончилось разбирательство этих «фокусов», официальным органам, конечно, известно, но то, что Советский Союз не поднял антиамериканскую кампанию в связи с этим — это факт! Наверное, правильно. Кому нужна эта свистопляска? Конечно, таким, как Рейган, Шульц, Бейкер, Бжезинский. Уверен, будь на их месте Рузвельт, Гарриман, Кеннеди и им подобные — такого, конечно, не было бы.

Окончательно ставя точку на истории с южнокорейским самолетом в 1983 году, хочу откровенно отметить, что Юрий Владимирович Андропов, являясь в то время главой государства, своей твердой позицией не позволил бросить тень на престиж страны и наших Вооруженных Сил, что впоследствии не раз позволяли другие, особенно руководители периода 1985–2000 годов.

Глава V
Ангола

Социально-политические изломы. Борьба за власть. Наши усилия создать национальные вооруженные силы страны. Соединенные Штаты подключают к борьбе против Анголы вооруженные силы ЮАР. Обострение. Советы Ф. Кастро, решения ПБ ЦК КПСС и позиция Генштаба. Все делалось во имя жизни.

Российскому читателю, думаю, не надо объяснять, что наше присутствие в Африке продиктовано отнюдь не экспансионистскими устремлениями, а бескорыстной поддержкой национально-освободительного движения этих народов, которые сопротивлялись неоколониалистским порядкам, которые насаждали США.

После разгрома фашизма во Второй мировой войне человечество вступило в новую фазу своего развития. В частности, фактически на всех континентах, где имелись колонии, форсируются темпы национально-освободительного движения. Развалилась и классическая португальская колониальная система. В результате из колониальной обоймы выпала и Ангола — теперь уже бывшая колония Португалии.

Волна национально-освободительного движения в Анголе вначале поднялась в ее столице Луанде, в феврале 1961 года. Восстание положило начало войны за свободу и независимость. Однако первое выступление потерпело поражение и жестоко подавлено. Но такой исход не только не погасил, а, наоборот, мобилизовал национально-освободительные силы. Они объединяются и уже с 1966 года выступают системно, проводят широкие боевые действия. В апреле 1974 года в Португалии был свергнут фашистский режим. Новое португальское правительство заключило соглашение с руководством национально-освободительного движения Анголы о предоставлении Анголе независимости. И действительно, 11 ноября 1975 года Ангола была провозглашена республикой. В это же время устанавливаются дипломатические отношения между СССР и Анголой.

Конечно, Советский Союз и до этого оказывал посильную помощь патриотическим силам во главе с Аугустиньо Нето. Однако наши соответствующие органы прозевали назревающий в недрах этих сил раскол. В итоге из Народного движения за

освобождение Анголы (МПЛА), которое возглавлял Нето, откололся Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА) во главе с Савимби, который в свое время был соратником Нето по партии. Откололся также Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА). Правда, после раскола предпринималась попытка создать из этих трех основных сил коалиционное правительство. Однако затея провалилась, потому как приложило руку ЦРУ США. А уже в начале 1975 года и УНИТА и ФНЛА с оружием в руках выступают против МПЛА, и довольно успешно. Почему? Да потому, что Нето со своими соратниками сидел в Луанде и был не в состоянии навести элементарный порядок в жизни и деятельности этого большого столичного города, а уж потом попытаться через него (где сосредоточены основные капиталы) повлиять на провинции страны. Но не получалось. Не в последнюю очередь потому, что бездумно изгнали из страны всех португалов, а они составляли главную силу в экономике, в ведении коммунального хозяйства, в организации управления страной, в осуществлении связей с другими странами и т. д. Пока Нето занимался столицей, Савимби (УНИТА) прибрал к рукам основную часть провинций: центральные, южные и восточные районы. Лишь на севере кое-где обосновался НФЛА. Савимби, мощно поддержанный ЦРУ в финансовом, материальном и военном отношениях, развернул кипучую деятельность. Энергичный, умный и хитрый политик, Савимби, используя свой авторитет (а его авторитет был на уровне Нето, когда они шли вместе в ходе национально-освободительной борьбы), внедрился во все основные провинции, во все их поры: в экономику, политику, военную организацию, идеологию, науку, культуру, образование. В каждой провинции создал военный округ во главе с командующим и штабом. Провел мобилизацию и создал военные формирования. Оснастил их оружием, боеприпасами, военным имуществом, создал учебные центры подготовки этих формирований, командующих военных округов (преданных лично ему лиц) произвел в губернаторы. Везде были созданы различные акционерные общества, налажены экономические связи между провинциями. Чтобы укрепить имидж вождя-защитника интересов своих соотечественников, Савимби лично занимался восстановлением школ, писал для младших классов учебники, в том числе буквари. Это не могло не тронуть родительское сердце, особенно материнское: букварь написал лично Савимби!

Но самое главное — все это весьма эффективно подводилось под идеологию Запада: «Нам по пути только с Западом», «У нас должен быть только западный образ жизни», «Каждый (?!) имеет

равные возможности», «Судьба каждого в его руках» и т. п.

Укрепившись в провинциях, Савимби, опираясь на войска ЮАР и Южной Родезии, организует наступление на столицу Анголы Луанду. Положение стало критическим. Но своевременная помощь, в том числе Советского Союза и Кубы, помогла Народной Республике Анголы и ее правительству не только отразить нашествие, но и нанести интервентам поражение. А в марте 1976 года они окончательно были выдворены с территории Анголы.

Правительству Анголы помогали многие африканские страны и подавляющее большинство стран социалистического содружества. Но главным стабилизирующим фактором была, конечно, помощь Кубы. Перебросив с помощью советской военно-транспортной авиации 37-тысячный контингент войск из Эфиопии в Анголу, командование кубинских войск, по согласованию с руководством Анголы, разместило свои воинские части гарнизонами: в столице, в провинциальных центрах, на линии Бенгельской железной дороги, которая шла от порта на Атлантике Лобиту строго на запад, северо-запад и выходила на юг запада страны. Эти гарнизоны кубинцев имели во многих случаях решающее значение. И хотя кубинские войска не принимали участия в боевых действиях, все-таки они подействовали отрезвляюще и на интервентов из ЮАР и Южной Родезии, и на УНИТУ. Надо сказать, что некоторое время оппозиционные силы, да и ЮАР вели себя спокойно и Народная Республика Ангола стала становиться на ноги: налаживались народное хозяйство, связи с другими странами, рождалась своя народная национальная армия. 12 февраля 1976 года Ангола была принята в состав Организации Африканского Единства (ОАЕ).

Но нельзя было самоуспокаиваться — разведывательные данные говорили о том, что контрреволюция не сложила оружия. Создав свои базы на юго-востоке страны, Савимби медленно старался вновь вползти в центральные районы республики. При этом УНИТА продолжала всячески поддерживаться Западом через ЮАР. Весьма показательно, что ЮАР в то время фактически оккупировала расположенное южнее Анголы африканское государство Намибию.

Ангольский вопрос раздражал США. Американские правители выпускать из зоны своих вожделений Анголу (как, кстати, и Намибию), чрезвычайно богатую полезными ископаемыми, не хотели. Природные богатства любой страны — это, так сказать, сфера национальных интересов США. Особый соблазн представляют для них ангольская нефть, алмазы, железо, медь,

марганец, уран, цинк, свинец, ванадий, титан, золото, слюда и др. И если бурый уголь, который тоже здесь имеется, может быть использован для внутренних потребностей Анголы и для некоторых соседей, то всё остальное США не прочь прибрать к своим рукам. Кстати, в подавляющем большинстве месторождения этих ископаемых разведаны и законсервированы. Лишь кое-что уже получило промышленную разработку: нефть (США), алмазы (Бельгия и др.). Многие из этих ископаемых находятся в высоких концентрациях на поверхности и их можно добывать открытым способом. Железа, например, в руде содержится до 70 процентов, а медно-колчеданные руды содержат до восьми процентов меди.

Могли ли США уступить и отдать эту страну в сферу влияния СССР?! Разумеется, нет. Поэтому Савимби и готовился к новым акциям, опираясь на значительное количество провинций как источник людских ресурсов, материальную и финансовую поддержку ЦРУ и ЮАР. Готовились к действиям и в ЮАР. Фактически сигналом для возобновления их агрессивных действий послужила смерть Нето. Считалось, что с его смертью утрачивается знамя МПЛА — Партии труда и все те, кто был под этим знаменем и кто их поддерживал, могут изменить свой курс — надо только надавить.

Однако руководителям МПЛА — Партии труда избирается соратник Нето по борьбе за независимость страны Душ Сантуш (кстати, высшее образование получил в СССР— окончил Бакинский государственный нефтяной институт). Он же становится президентом страны и Верховным главнокомандующим. Это вконец вывело Запад из равновесия. Кроме частных провокаций, которые организовывали и УНИТА, и НФЛА, и ЮАР, началась подготовка крупномасштабных действий, о которых нам было достоверно известно «из первых рук»: наши офицеры-разведчики, действуя в составе отрядов СВАПО на территории Намибии и на юге Анголы, имели прямые контакты с воинами УНИТЫ (Савимби) и сторонниками ЮАР, нанятыми последней за небольшую плату, но способными (тоже за плату) дать исключительно точные данные о группировке войск ЮАР. Наши разведчики, кроме личных наблюдений, пользовались и оплаченными услугами пигмеев. Они живут в основном в лесах Конго, Заира, Замбии, Родезии, Намибии, которые расположены вокруг Анголы. Мне довелось видеть их в Африке всего лишь один раз, но наслушался об их способностях очень много. А главное, что у пигмеев, как и у некоторых видов диких животных, редкостное обоняние, слух и зрение. За несколько часов до природного ненастья (ливень, буря, землетрясение и т. п.) их

организм уже «знает» о приближении беды. Поэтому пигмеи предпринимают меры и занимают соответствующее защищенное укрытие. А если они кому-то служат, то предупреждают о грозящей стихии и своих хозяев. Юаровцы широко использовали пигмеев в своих поисковых карательных операциях против отрядов СВАПО: те, как собаки-ищейки, шли десятки километров по следам какого-нибудь отряда, устанавливали точные координаты, где наконец отряд остановился, где создает свою базу. Затем незамеченные пигмеи быстро уходили обратно и докладывали «хозяину» — юаровскому офицеру, который уже на основании этого организовывал выход своих войск, блокирование и уничтожение отряда СВАПО.

Между тем ангольская оппозиция при поддержке ЮАР и ЦРУ готовилась к реваншу. Но и руководство Анголы не дремало и с помощью социалистического лагеря капитально готовило страну и вооруженные силы к отпору. Начиная с 1975 года наши советники и специалисты многое сделали для укрепления обороны республики и всех трех видов Вооруженных Сил — Сухопутных войск, Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота. Фактически армия и флот были созданы заново. Они были укомплектованы офицерами, которые прошли подготовку у нас. Все части и соединения были оснащены нашим современным вооружением, мы помогли создать и необходимые запасы его. А проводимая интенсивная подготовка на занятиях и учениях резко подняли уровень готовности ангольской армии к боевым действиям. Кстати, в составе Вооруженных Сил Анголы было несколько десантно-штурмовых бригад, которые предназначались для решения специальных задач.

Особенно заметно национальные вооруженные силы страны укрепились в период пребывания в Анголе в качестве главного военного советника, генерал-полковника К.Я. Курочкина. Он активно и целеустремленно применял наши методы обучения и воспитания воинов Анголы. Являясь человеком умным, высокопрофессиональным, весьма деловым и энергичным, он «закрутил» всех — и наших советников, и офицеров Анголы, и руководство Вооруженных Сил этой страны вокруг боевой учебы и готовности войск, авиации и флота к боевым действиям. Курочкин имел непоколебимый авторитет у президента страны— Верховного главнокомандующего Душ Сантуша и мог к нему прийти в любое время, если последний, конечно, не был связан какими-нибудь официальными протокольными мероприятиями. А доверенные лица президента — особенно офицер безопасности Розе Мария — то ли по телефону, то ли накоротке лично ежедневно общались с Курочкиным, уточняя какие-нибудь

рабочие вопросы. Естественно, Константин Яковлевич в полной мере был вхож и к министру обороны, и к начальнику Генштаба. Генерала Константина Яковлевича Курочкина здесь тепло называли: «Генерал Константин». И он заслуживал этого. Он был в Анголе главным военным советником с 1981 по 1984 год.

В середине 1982 года в Генеральный штаб начали поступать данные о подготовке оппозиции Анголы к активным действиям, — а сведения шли в основном через Главное разведывательное управление Генштаба, и мы с начальником этого управления Петром Ивановичем Ивашутиным провели вместе не один вечер, обсуждая ситуацию. Возникла необходимость на месте убедиться в готовности правительственных войск и республики в целом в случае столкновения отстоять свои позиции. А для этого надо было начальнику Генштаба или кому-то из первых его заместителей лично поехать туда. Решено было поручить это дело мне. И вот в течение двух суток была создана ударная группа офицеров из всех служб родов войск и видов Вооруженных Сил (офицер такого уровня, как, к примеру, генерал Андерсен — высшего класса специалист по ПВО). Помощником со мной летел полковник А. Ляховский. Были проведены установочные занятия, и мы, получив письменное предписание от начальника Генштаба о наших действиях, отправились в путь.

Группа наша состояла из девятнадцать человек. Летели спецрейсом на ТУ-154. Маршрут проходил через Киев, Белград, над Средиземным морем, далее Алжир, Конакри (Гвинея), вдоль Атлантического побережья до Луанды. Весь путь занимал 17 часов, включая две посадки на 40 минут (дозаправка в Алжире и Конакри). Надо отметить, что ночной полет над Средиземным морем (а мы много раз летали в Западную Африку и возвращались обратно — и как правило, только в ночное время) — это особое удовольствие: можно справа и слева по курсу наблюдать огни знакомых по карте портов, непосредственно под самолетом— на просторах Средиземного моря — движение судов. Но самое впечатляющее — это постоянные грозовые разряды. Над Атлантикой мне почему-то наблюдать их не доводилось. А здесь каждый раз, когда летели, всю ночь бушевали грозы. Мы выключали в салоне свет, поднимали шторы у иллюминаторов, и грозовые разряды являлись нам во всей красе. Во всяком случае, никто из пассажиров не спал.

В Алжире приземлились среди ночи. Вдруг ко мне подходит офицер из экипажа и говорит, что меня встречают. Для меня это было полной неожиданностью. Когда подали трап и я спустился на перрон, то был приятно удивлен — с распростертыми

объятиями передо мной стоял сияющий чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Алжире Василий Николаевич Таратута. Это было похоже на сказку и потому вдвойне приятно. Мы с Василием Николаевичем были в близких отношениях еще с 1973 года, когда я был назначен командующим ПрикВО, а он уже три года был первым секретарем Винницкого обкома Компартии Украины, членом ЦК КПУ и ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР. Мы обнялись и поднялись вместе с его помощником в самолет. Оказывается, наш МИД дал сообщение, что я лечу с группой в Анголу. В таких случаях, как установлено традицией, посольство обычно встречает. В данном случае посол это выполнил лично. Мы, конечно, быстро «сообразили» стол. Хлебосольный Василий Николаевич, как всегда, был со своими напитками и снедью — теперь уже в основном с экзотическими фруктами Африки. Я рассказал о московских «новостях», Василий Николаевич — об африканских и подробно об Алжире. Время пролетело быстро. Мы расстались, договорившись, что на обратном пути, ориентировочно через месяц-два, встретимся вновь.

В Конакри нас тоже встречали, но здесь уже официально. Поверенный в делах сообщил, что посол в Москве и потому сам он имеет поручение дать мне ориентацию. Из его рассказа я понял, что положение в стране — словно на временно притихшем вулкане. Каждый клан старается всю власть прибрать к своим рукам. Но к СССР относятся ровно. Пожелав нашим товарищам в Гвинее всяческих успехов, мы отправились в последний перелет. Пролетая гвинейское побережье, я вспомнил, что здесь в свое время, будучи уже около года генералом, нес специальную службу В. Г. Куликов. Потом он рассказывал о «демократических» устоях жизни в африканских странах и о том, как местному населению «прививалось» чувство уважения и галантности по отношению к иностранцам. Помню, он поведал такой случай. Рядом с советским посольством находился газетный киоск. В один из первых дней своего пребывания в Гвинее Виктор Георгиевич решил приобрести различные газеты в этом киоске. Приведя себя утром в порядок и набросив легкую одежду, он отправился на свое первое самостоятельное дело. У киоска стояла небольшая очередь, состоявшая из чернокожих людей. Куликов встал в затылок последнему, представляя, как буквально через минуту-другую он уже приобретет все, что ему надо. Вдруг откуда ни возьмись неожиданно перед ними вырос громадный негр-полицейский и, не произнося ни слова, стал изо всех сил бить резиновой палкой всех, кто стоял в очереди. «Я даже не понял, что происходит, — вспоминал Виктор Георгиевич. — Грешным

делом, в сознании пролетела мысль, что сейчас полицейская дубинка обрушится и на мою голову. Буквально через две-три секунды всех, кто был у киоска, как ветром сдуло. Оста лись только полицейский и я. Полицейский, улыбаясь во весь свой огромный рот и любезно кланяясь, жестом показывал, что можно подойти к прилавку. При этом протяжно приговаривал: «Пли-и-и-з!» Я ответил: «Сэнк ю, вери мач!», но с опаской поглядел на его резиновую дубинку — символ местной «демократии». Полицейский что-то рявкнул продавцу, отдал мне честь и исчез так же незаметно, как и появился. Трясущимися от страха руками продавец мгновенно набрал мне кипу газет и все время что-то быстро-быстро говорил. Я расплатился и ушел, а он все говорил. Видно, извинялся.

Вот такой памятный эпизод вспомнил при нашей встрече Виктор Георгиевич. О нем почему-то я всегда вспоминал, когда летел в Африку.

В первой моей поездке в Анголу, т. е. в 1982 году, с нами летел и новый Чрезвычайный и Полномочный посол Советского Союза в этой стране Альфред Иванович Калинин — весьма эрудированный, с большим опытом работы дипломат. До этого он был то ли в Испании, то ли в Португалии, а сейчас вот направлен сюда (как я понял, для укрепления участка). Человек он общительный, открытый, замечательный собеседник. Пока мы летели, он любезно просветил меня по части Западной и Экваториальной Африки, а также о политическом барометре Европы относительно этого района мира. Когда разговор вышел за рамки формальностей, я не удержался и спросил:

— Ну то, что вы «Калинин», — это понятно, само лицо об этом говорит. То, что вы — «Иванович», — тоже понятно. Но почему — «Альфред», понять не могу.

Он рассмеялся:

— Я знал, что вы меня об этом спросите, и даже сам хотел уже было рассказать. Мне всегда этот вопрос задают новые знакомые. Дело в том, что мы — потомственные сибиряки — всегда внимательно следили за теми политическими событиями, которые имели место в мире, и весьма активно на них реагировали. Вот и я стал «жертвой» такой реакции: когда я родился, то в Германии в это время погиб немецкий революционер по имени Альфред. Об этом, как потом мне рассказывали родители, сообщалось в печати и по радио. В честь этого революционера отец и решил назвать меня Альфредом. Сибирский Альфред.

— История, конечно, интересная, — заметил я. — У нас в стране в 20-е и 30-е годы вообще были такие веяния— называть

детей особыми именами, выражая, так сказать, свое отношение к революции. У Суслова, например, сын, как известно, носит имя «Революй». Это все, конечно, странно, но факт.

Между тем полет подошел к концу. В Луанде нас встретили чистое, без единого облачка небо, палящее солнце и гостеприимные ангольцы, куда мы включали всех: работников нашего посольства, Главного военного советника и его аппарат, представителей Кубинского военного руководства и, конечно, самих ангольцев — начальника Генштаба и офицеров Вооруженных Сил Анголы. Встреча была теплая, душевная. Вроде мы с планеты Земля прилетели на другую обитаемую планету и встретились там с нашими землянами.

Как и договаривались до этого по телефону, Курочкин набросал уже приблизительный план нашей работы, согласовав его с министром обороны и начальником Генштаба. Разобрав план вместе с Константином Яковлевичем и со своими товарищами, мы его утвердили, внеся незначительные изменения. Главное то, что уже на этот день мне запланировали официальные встречи с министром обороны, затем с начальником Генштаба, а всем нашим офицерам — с соответствующими службами и управлениями Министерства обороны. На основе общего плана разработаны индивидуальные рабочие планы.

В основе — главная задача: изучить состояние дел на месте и выработать совместно с кубинскими представителями и ангольским военным руководством меры по дальнейшему укреплению боеспособности Вооруженных Сил НРА, повышению эффективности боевых действий по разгрому формирований контрреволюционной группировки УНИТА и отражению агрессии ЮАР на юге страны. При этом имелось в виду в ходе работы изучить и проанализировать: общую военно-политическую обстановку в Анголе, особенности ее развития в центральных районах и особенно на юге страны; положение, состояние и намерение группировок УНИТА и Вооруженных Сил ЮАР в центральных и южных провинциях Анголы; состояние Вооруженных Сил Анголы и их отдельных группировок, укомплектованность личным составом и боевой техникой, обученность, обеспеченность боеприпасами и другими запасами материальных средств, боевые возможности войск, привлекаемых для борьбы с УНИТА и для отражения возможной широкомасштабной агрессии со стороны ЮАР; реализацию намеченных мероприятий по строительству Вооруженных Сил; разработанные и намечаемые планы проведения операций по разгрому контрреволюционных группировок. Планы боевых действий скорректировать на местности. Далее предстояло

оценить степень реализации советско-кубинских рекомендаций по повышению боеспособности ангольских вооруженных сил по борьбе с контрреволюцией; эффективность помощи советских военных советников, оказываемой ангольскому военному командованию, а также взаимодействие с кубинскими военными советниками по организации и ведению боевых действий; уровень взаимоотношений Главного советского военного советника с руководящим составом Министерства обороны НРА и представителями РВС Кубы в Анголе.

С учетом конкретной обстановки, которая, естественно, должна быть нами изучена, и требовалось организовать помощь: командованию и войскам военных округов (особенно Третьего, Шестого и Девятого) в организации боевых действий, применения родов войск и специальных войск, четкого взаимодействия сил и средств и управления в ходе проведения операций по разгрому контрреволюционных группировок. Командованию и войскам Пятого и Четвертого военных округов — в организации обороны по отражению возможной агрессии ЮАР.

Кроме того, предусматривалось широко провести обмен мнениями с ангольским руководством о состоянии советско-ангольского военного сотрудничества в объеме имеющихся решений по этому вопросу, а также выработать рекомендации по принципиальным проблемам строительства Вооруженных Сил и планирования применения их группировок для разгрома формирований УНИТА и отражения агрессии со стороны ЮАР.

При разработке и выдаче различных рекомендаций предусматривалось исходить из имеющихся соглашений на поставку вооружения, военной техники, запасных частей и другого имущества. Не строить никаких иллюзий, но в то же время вселить уверенность, что имеющееся вооружение вполне обеспечивает национальную безопасность. В случае обращения ангольского руководства с просьбами о дополнительных поставках специмущества, подготовки кадров в вузах СССР мы должны были рекомендовать решать эти вопросы в установленном порядке: они (правительство) подают официальную заявку о порядке и сроках оплаты.

Учитывая сложившуюся в Анголе ситуацию, особое внимание уделялось ряду конкретных вопросов и в первую очередь: подготовке офицерского состава, младших специалистов и резервов; обеспечению выполнения введенного «закона о всеобщей воинской обязанности»; распределению и закреплению по подразделениям вооружений и боевой техники, поставленных из СССР, их состоянию, организации обслуживания, ремонта и хранения; системе материального снабжения кубинских войск в

Анголе.

Предполагалось, что в ходе работы выработаем предложения, в том числе по дальнейшему укреплению обороны юга Анголы, совершенствованию системы ПВО, боевому применению авиации и артиллерии, организации разведки, связи и других видов боевого обеспечения; активизации борьбы с формированиями УНИТА; совершенствованию боевой и оперативной подготовки, организации содержания боевой техники и вооружения, подготовке офицерских кадров и резервов; улучшению материального снабжения кубинских войск в Анголе (тоже была наша забота); планированию боевых действий против УНИТА именно на 1984 год — это принципиально.

Мы считали, что, независимо от того, на каком уровне находилась в то время подготовка войск, решение только перечисленных вопросов, несомненно, позволяло решительно поднять боеспособность войск и органов управления.

Встреча с министром обороны генералом Педале была, на мой взгляд, с его стороны излишне официальной. Мои попытки несколько снять некоторую напыщенность, общие фразы не нашли должной поддержки, и позиция Педале вызвала у генерала Курочкина законное недоумение. Но потом мы поняли, что Педале хотел произвести солидное впечатление, поэтому несколько рисовался. Он был лет сорока, ниже среднего роста, полноват. Мне показалось, что он медлителен и флегматичен. Однако после этой встречи Константин Яковлевич меня переубедил:

— Нет, нет! Он не флегматик. Во все вопросы «въедается» и начатое дело непременно доводит до конца. Очень подвижен, физически крепкий человек. Если бы вы увидели, как он танцует! Полчаса весь в движении — и никаких признаков усталости!

— Если он и в работе такой активный, как в танце, то я свои сомнения снимаю.

— Именно так он действует при решении различных задач, в том числе и особенно при ведении боевых действий.

— А где он проводит больше времени: в министерстве или в войсках?

— В министерстве, конечно. Все-таки он в любое время может потребоваться президенту. Кроме того, у кубинских товарищей часто возникают вопросы, которые может решить только министр.

— Вам виднее. Но, мне кажется, в условиях фактически рождения, становления и развития национальных Вооруженных Сил министр обороны обязан подавляющее время тратить на войска. Он должен побывать как минимум один раз в год не только в каждом военном округе, но и в каждой бригаде и

отдельном полку. Тем более в условиях постоянной угрозы нападения. Посмотрите на Савимби — он постоянно мотается. А у вас все вожди сидят в столице. Они знают: советники надежные — они сделают. А это рождает иждивенчество.

Константин Яковлевич соглашался, но хитровато посмеивался. Видно, чего-то я не знал, а он пока все карты не выкладывал. Да я его и не торопил — работа только начинается.

С самого начала встречи с генералом Педале я старался максимально популярно разъяснить ему цели нашей работы и задачи. Прямо сказал, что свою основную задачу мы видим в том, чтобы с учетом предоставленных нам возможностей ознакомиться с обстановкой на месте и выработать конкретные рекомендации, направленные на повышение боеспособности ВС Анголы и эффективности борьбы с УНИТА. Обобщенные предложения мы передадим по завершению нашей работы.

Говоря о советско-ангольском военном сотрудничестве, напомнил министру обороны, что мы поддерживаем его с 1964 года и что у нас договоренности имеются почти на два миллиарда рублей. Из них поставки уже выполнены на один миллиард. Создаются и дооборудуются пятнадцать объектов военного назначения. Сообщил ему, что за все время сотрудничества в наших военно-учебных заведениях подготовлено более 3300 человек для ангольских Вооруженных Сил, 1000 человек учатся в настоящее время.

Желая отметить труд Министерства обороны Анголы, я выразил удовлетворение тем, что им проделана значительная работа по повышению боеспособности своих Вооруженных Сил. «Мы отмечаем — говорил я, — без преувеличения, что в ограниченные сроки удалось повысить подготовку войск и укомплектованность их личным составом, улучшить организацию управления и разведки, провести ряд мероприятий, направленных на усиление ПВО войск на юге страны. В результате ангольская армия способна решать боевые задачи в операциях по разгрому УНИТА, значительно уступающей ВС НРА по вооружению, организации и численности».

Отдав должное проделанной работе, я не мог не отметить, что, несмотря на это, боеспособность Вооруженных Сил пока еще не отвечает предъявляемым требованиям с учетом сложившейся обстановки в НРА.

По нашему мнению, главной причиной невысокой боеспособности ангольских Вооруженных Сил является прежде всего недостаточная обученность личного состава, его слабые морально-боевые качества, недостаточная дисциплина, особенно среди офицеров. Отметил также, что мы, конечно, делаем пока

предварительные выводы на основании данных, которые имеем от советнического аппарата. Но наша работа формального характера носить не будет. В ходе пребывания в войсках и органах управления мы постараемся активизировать политико-воспитательную работу с личным составом, постараемся повлиять на решительное улучшение материально-бытового обеспечения личного состава армии. Это должно сказаться положительно и на дисциплине, и на морально-боевом духе.

Дальше по ходу беседы я еще раз сказал министру обороны Анголы, что советской стороной делается все возможное для укрепления их Вооруженных Сил. Все обязательства по оказанию Анголе военной помощи выполняются в согласованные сроки, а по поставкам вооружения— со значительным опережением. Советскими военными советниками и специалистами в тесном сотрудничестве с кубинскими друзьями разрабатываются и выдаются квалифицированные рекомендации по всем вопросам военного строительства, однако выполняются они, к сожалению, не всегда полностью и своевременно. В связи с чем я просил генерала Педале усилить контроль за выполнением наших рекомендаций.

Говоря об организации и ходе борьбы с бандформированиями УНИТА в октябре — декабре 1983 года и плане дальнейших действий, я отметил, что впервые проведена организованная операция по разгрому основных сил 2-го стратегического фронта УНИТА в центральных провинциях страны. Боевые действия войск были поддержаны более 400 самолетовылетами, 500 вертолетовылетами, а также высадкой 6 тактических воздушных десантов. Это уже качественно новый вид боевых действий.

Весьма показательно, что за время боевых действий потери УНИТА составили более 3,6 тыс. человек убитыми, около полторы тысячи взято в плен. Захвачено также значительное количество стрелкового оружия, боеприпасов, различного военного снаряжения.

Учитывая, что 25 декабря 1983 года силами трех военных округов (всего 9 бригад, 17 боевых самолетов и 30 вертолетов) начата операция по разгрому бандформирований 41-го военного округа УНИТА, я счел необходимым подчеркнуть важность освобождения юго-восточной части провинции Маланже. Этим создавались условия для последующего разгрома главных сил УНИТА-1-го стратегического фронта (более 11 тыс. человек) и оставшихся бандформирований 50-го военного округа.

Мы считали очень важным подчеркивать малейшие успехи армии Анголы. Поэтому я сосредоточил внимание генерала Педале и его офицеров на результатах операции, проведенной в

октябре — декабре 1983 года Вооруженными Силами Анголы с участием кубинских войск, СВАПО и АНК против УНИТА в центральных провинциях страны. «Это, — сказал я министру, — имеет важное военно-политическое значение, ведь такая организованная операция проводилась впервые за всю историю борьбы с контрреволюцией (с 1975 года)». Педале оживился. Естественно, любому министру обороны приятно, когда хвалят его и подчиненные ему войска. А я продолжал:

— По существу, удалось сорвать замысел США и ЮАР, направленный на расширение зоны влияния УНИТА на центральные провинции Анголы и изоляцию столицы страны от ее жизненно важных районов. Не менее важным результатом явилось и то, что ангольские войска получили ценный опыт ведения боевых действий против УНИТА, убедились, что они в состоянии бить врага. Окреп морально-боевой дух армии и народа. И что особо важно, сделан шаг в проведении операции силами нескольких военных округов по единому плану. Впервые широко применялись авиация и воздушные десанты. Положительную роль здесь сыграло создание Национального военного совета во главе с президентом страны, Объединенного центра управления боевыми действиями и единой разведывательной сети под руководством Генерального штаба Вооруженных Сил Анголы. Это уже большая победа.

Говоря обо всем этом, я совершенно ничего не преувеличивал, я лишь четко обозначил то, на чем прежде не акцентировалось внимание. А ведь эти моменты очень много значили и для утверждения боевого духа ангольской армии. Я отметил также, что факт участия в боевых действиях СВАПО и АНК свидетельствует о том, что в борьбе с врагами ангольской революции впервые были объединены усилия Анголы и национально-освободительных движений других стран.

Но я не мог не сказать и о допущенных просчетах. Поэтому отметил, что в организации борьбы с УНИТА используются еще не все имеющиеся возможности. Из тридцати бригад армии в активных боевых действиях принимают участие, по существу, только десять. До сих пор не решен вопрос о переподчинении войск (организации народной обороны (более 30 тыс. человек) Генеральному штабу Вооруженных Сил, а это очень важно. Указал и на другие недостатки, как утечка секретов, отсутствие резервов, слабость разведки.

Сообщая о поставленной боевой технике и вооружении, а также о том, что Советский Союз поставит еще с учетом уже подписанных соглашений, я назвал конкретные цифры. Это впечатляло. Я отметил, что Советское правительство всегда с

вниманием относится к просьбам ангольской стороны о поставке специмущества. Свои обязательства по подписанным соглашениям мы выполняем полностью в установленные сроки, а по поставкам вооружения — с опережением. И далее я подробно с цифрами нарисовал картину, как Советский Союз помогает Анголе.

Подводя итог, я отметил, что Вооруженные Силы Анголы имеют достаточное количество вооружения и военной техники, что, на наш взгляд, обеспечивает решение задач по защите страны от агрессии ЮАР и борьбе с УНИТА. Главное теперь не новые поставки, а освоение поставленного вооружения. Необходимо наиболее эффективно использовать его высокие боевые качества. Генерал Педале при этих словах одобрительно кивал головой, соглашаясь с моими выводами.

Между прочим, я подчеркнул, что поставляемое вооружение по своим боевым возможностям значительно превосходит аналогичное, имеющееся в ЮАР, а таких образцов, подобных ЗРК «Квадрат» и «Оса-АК», гранатометам АГС-17, самолетам МИГ-23 МЛ, вертолетам МИ-25, ракетным катерам пр. 205ЭР, юаровская армия не имеет. Аналогичное вооружение Советский Союз поставляет Афганистану, где оно зарекомендовало себя только с положительной стороны.

Далее я остановился на проблеме оказания технического содействия в создании объектов военного значения. Речь шла о строительстве и дооборудовании 15 объектов: системы береговых постов наблюдения и связи, 7 учебных заведений и центров, 7 предприятий по ремонту военной техники и вооружения. Мне было приятно сообщить, что дано согласие на оказание Анголе технического содействия в создании хранилищ ГСМ, военного госпиталя, военно-медицинской школы, 4 объектов для обеспечения базирования ракетных катеров, а также осуществления проекта 205ЭР с предоставлением необходимых кредитов.

В заключение нашей беседы с министром обороны Анголы я отметил, что Советский Союз, верный своим обязательствам, сделает все необходимое, чтобы максимально способствовать дальнейшему укреплению Вооруженных Сил Анголы.

У начальника Генштаба обстановка была совершенно другой. Этот конкретный человек, не склонный ни к «философии», ни к демагогии, был лучшим другом кубинцев. Мы быстро с ним договорились по всем вопросам. Он прикрепил ко мне своего заместителя на весь период работы в военных округах. Этот майор окончил нашу Военную академию им. М. В. Фрунзе и прекрасно говорил по-русски.

Остаток дня мы потратили на беседу с нашими товарищами из аппарата главного военного советника. Разговор был весьма откровенный и поэтому полезный. После него мы могли правильно ориентироваться не только во взаимоотношениях с президентом, его ближайшими соратниками, руководством Вооруженных Сил (в том числе главнокомандующими ВВС и ВМФ), но и с командующими войсками военных округов. Главный военный советник и его аппарат, судя по этой беседе, прекрасно знали обстановку в стране и тем более в Вооруженных Силах.

На следующий день была запланирована встреча с президентом, а во второй половине — с руководством кубинских войск в Анголе.

О Душ Сантуше мне было многое известно прежде. Уже в юности, будучи студентом, он отличался незаурядными способностями, у него был цепкий, пытливый ум. Он был отлично развит физически — выступал от института в футбольной команде высшей лиги «Нефтчи» (Азербайджан). Почему «Нефтчи»? Так он ведь учился в СССР. У нас он и женился, на русской женщине, которая подарила ему дочь, и они втроем уехали на постоянное жительство в Анголу. Политические вихри вынесли его в лидеры МПЛА — Партии труда и одновременно на президентский пост. Естественно, теперь он уже не мог принадлежать себе. Он стал народным вождем. Душ Сантуш был истинным патриотом и сыном своего народа. Ни одно слово, ни один его шаг не был сделан в ущерб своему Отечеству. Конечно, с первого дня руководства страной не все у него получалось так, как надо, но по мере приобретения опыта его действия становились все более удачными.

А вот личная жизнь его складывалась весьма драматично. Под давлением национальных устоев и традиций он должен был оставить белую жену и дочь и создать новую семью: жена президента должна быть тоже чернокожей. Душ Сантуш подчинился обычаям своего народа, однако в отношении своей прежней семьи поступил весьма благородно: выделил ей виллу, назначил бывшей жене пенсию, а ребенку — пособие. Дочке разрешил приходить к нему в резиденцию на встречи в любое свободное время.

Удивительно спокойный, выдержанный характер Душ Сантуша отрезвляюще действует на многих политиков страны по обе стороны баррикад. Это поднимало авторитет Душ Сантуша в глазах народа. В то же время вызывало открытую озлобленность Савимби. Поэтому последний делал всё, чтобы столкнуть Душ Сантуша с поста президента и ликвидировать МПЛА — Партию труда.

Наша с президентом встреча проходила в его главной резиденции. Это были красивые ультрасовременные здания с системой кондиционирования воздуха. Мы с генералом Курочкиным прибыли заблаговременно. Нас встретил офицер безопасности президента — самый близкий к нему человек, кстати работающий с ним уже более 20 лет. Офицер провел нас в комнату, где мы в ожидании аудиенции посмотрели местные телепередачи. В точно установленное время этот же офицер провел нас в зал. Душ Сантуш встретил нас радушно, пригласил ближе к огромным окнам для беседы в уютный уголок. Подали ароматный ангольский кофе (на мой взгляд, лучшего кофе в мире нет, точнее, я не встречал).

Кроме президента и нас двоих присутствовал еще переводчик. И хотя всем было известно, что Душ Сантуш прекрасно знает русский язык, я вида не подавал и делал старательно паузы, чтобы переводчик мог изложить мою мысль сполна. Вначале я передал приветы от руководства нашего государства. Далее сообщил, что Ангола является для советских руководителей страной особого внимания и я лично чувствую это на себе (президент улыбнулся). Мы очень внимательно отслеживаем все события внутри и вокруг Анголы.

Затем изложил цель моего приезда с большой группой офицеров Вооруженных Сил Советского Союза, сделав особый акцент на том, что совместными усилиями руководителей Анголы, офицерского состава национальных Вооруженных Сил, нашего советнического аппарата во главе с генералом Курочкиным и, наконец, кубинских друзей мы обязаны максимально поднять уровень подготовки армии и флота и гарантированно обеспечить защиту интересов республики. В связи с этим мы должны в ходе нашей работы определить дополнительные меры в этой области. Далее я изложил цифры по вооружению, боевой технике, боеприпасам, другого военного имущества, поставленного за последний год, и пояснил, что это должно обеспечить, а также сказал, что уполномочен руководством страны сообщить президенту Анголы, что поставки будут сделаны в течение текущего года. Перечислил все, начиная от самолетов и вертолетов, танков и бронетранспортеров и кончая артиллерией, стрелковым оружием и боеприпасами. Поставка кораблей тоже предусмотрена и сейчас уточнялась. Далее я обрисовал перспективу подготовки национальных военных кадров непосредственно в Анголе и строительства военных объектов, особо подчеркнув необходимость расширения ремонтных возможностей и материально-технического обслуживания кораблей, чем пользовались и наши моряки,

несущие службу в Атлантике, в том числе у берегов США.

На протяжении всего моего часового вместе с переводом сообщения президент ни разу меня не перебил. Изредка поглядывая в листок, который был перед ним на столе, он все это время внимательно следил за тем, что я говорю, и смотрел мне прямо в глаза (я делал доклад без записей, но папка со справками была передо мной).

Выслушав меня, Душ Сантуш долго благодарил руководителей Советского Союза (политиков, дипломатов и военных), а также народ нашей страны за постоянное и надежное оказание реальной помощи и поддержки Анголы, особенно в создании национальных Вооруженных Сил, укреплении экономики и упрочении положения страны в международном сообществе. Он с возмущением высказался о происках внутренней и внешней контрреволюции и охарактеризовал состояние Вооруженных Сил и органов государственной безопасности. Его оценки были уверенно положительные. Подчеркнул большую роль кубинских войск, как стабилизирующего фактора. Потом посоветовал нам посмотреть некоторые части, в том числе 13-ю десантно-штурмовую бригаду, которую он недавно посетил. Особо благодарил генерала Константина за его труд в создании Вооруженных Сил, что было приятно слышать.

Затем задал несколько уточняющих вопросов, кстати высказал свое удивление тем, что в моем докладе прозвучали исключительно точные цифры, хотя они и назывались по памяти. «Это убеждает еще раз меня в том, что в Советском Союзе очень внимательно и детально занимаются Анголой», — заключил Душ Сантуш. Мы договорились, что по окончании моей работы в стране я к нему зайду еще раз. Вскоре мы с президентом расстались.

Вернувшись к себе, мы вместе с Константином Яковлевичем кратко подвели итог визита к Душ Сантушу, обменялись мнениями о его персоне. Позвонив кубинцам и убедившись, что договоренность о встрече остается в силе, мы после обеда поехали к кубинским друзьям. Оказалось, что они со своим штабом находятся неподалеку от резиденции президента. Здесь же у них стоит и какая-то боевая часть.

Кроме уже знакомых мне по встрече на аэродроме заместителя министра обороны Кубы, а также командующего кубинской группировкой в Анголе генерала Поло я встретился с членом Политбюро ЦК Компартии Кубы, секретарем ЦК товарищем Рискетом. Своей бородой, усами и шевелюрой он смахивал на Фиделя Кастро. Возможно, умышленно подражал ему. Рискет отвечал персонально за состояние дел в их

группировке войск в Анголе. Поэтому здесь он был частым гостем.

Штаб кубинских товарищей располагался в небольшом военном городке, состоял он из одно- и двухэтажных зданий, построенных, очевидно, из легких сборно-щитовых блоков. Но все выглядело очень аккуратно. Дизайн был на высоте. А наша встреча, как и подобает друзьям, была душевной. Однако при разборе ситуации в стране возникли споры, в том числе и по принципиальным вопросам. Например, я был не согласен с тем, что кубинские воинские части ни при каких обстоятельствах не должны вступать в боевые действия, за исключением случаев прямого нападения на кубинцев. Они же ссылались на указание своего политического руководства. Как позже мне пояснил генерал Курочкин, кубинцы очень болезненно воспринимают гибель своих соотечественников (как, кстати, и американцы), поэтому у них есть указание участия в боевых действиях не принимать.

Обсуждая эту проблему с Рискетом, я спросил его:

— Представим гипотетически ситуацию, когда речь будет идти о судьбе страны: или — или!

— Если дойдет до этого, — сказал Рискет, — то контрреволюции надо перешагнуть через кубинские войска.

— Зачем же через них перешагивать? Они ведь аэродром, телецентр, порт, телеграф, почту, банки, правительственные дома не охраняют. Это все в ведении ангольских войск и специальных органов.

— Но президент, его резиденция, фактически нами охраняется тоже.

— Верно, но президент превратится в формальную фигуру, если у него отберут всё, а армию разобьют.

— Думаю, что до этого не дойдет, — успокаивал и себя, и других Рискет.

Было очевидно, что в статус кубинских войск надо внести что-то дополнительно. Тем более что наши советские военные советники, которые действовали по всей вертикали — от Министерства обороны и Генерального штаба до бригады включительно, обязаны были воевать вместе со своими подопечными.

Были у нас вопросы и по части оснащения вооружением и техникой ангольской армии и кубинской группировки войск в Анголе — кубинские военачальники здесь, на месте, без ведома своего политического руководства сами устанавливали, что из присылаемого Советским Союзом давать Анголе, а что забирать себе. Это вызывало различные недоразумения. Но совместными

усилиями все вопросы удалось разрешить и все поставить на место.

Итак, оговорив со всеми порядок наших действий, мы отправились в путь — знакомиться с армией на месте. Фактически мы побывали во всех военных округах и в двух-трех бригадах каждого округа, посетили отдельные бригады (типа 13 дшбр), Главкомат ВВС и Главкомат ВМФ, а также различные базы центра. Одни были подготовлены лучше, другие — послабее. Но в целом это были войска, способные дать отпор врагу. Это нас, конечно, очень обрадовало. Особое впечатление оставили войска 3-го, 4-го и 5-го военных округов, расположенных на юго-востоке и юге страны, то есть на основных оперативно-стратегических направлениях, откуда может быть реальное нападение войск УНИТЫ или ЮАР.

Кстати, находясь на юге в оперативных границах 5-го военного округа, мы остановились в гостинице в Лубанго. В это же время там остановился и руководитель СВАПО Нуема. Он узнал, что наша группа базируется в этом городе и через администрацию гостиницы предложил мне встречу. И она состоялась. Говорили мы в присутствии двух переводчиков — у меня был переводчик с русского на португальский, которым пользовались ангольцы, а у него— с португальского на английский. Нуема говорил только на английском.

Это был ниже среднего роста, поджарый, но крепкий негр, с коротко стриженными седыми волосами. Все лицо в морщинах, и не столько от возраста, сколько, очевидно, от пережитых испытаний. Человек высокого интеллекта и культуры. Проблемы, о которых он говорил, подход к ним, оценки событий и взгляды на перспективу — все подтверждало это. Несмотря на то, что большая часть его жизни проходит в пустыне, лесу, саванне среди полудиких племен — это, еще раз подчеркиваю, исключительно культурный человек. Его манера держаться и говорить свидетельствовала о его достоинстве. Он охарактеризовал обстановку, весьма резко отозвался о мракобесии юаровской администрации и военщины, для которых решения ООН ничего не значат: они продолжают физически уничтожать СВАПО. Он выразил убеждение, что действия этих «презренных стервятников» (так он назвал администрацию ЮАР) ожидает крах, а народ Намибии, безусловно, добьется независимости. Поблагодарив за ту помощь, которую оказывают Советский Союз и Анголе, и СВАПО, он высказал ряд пожеланий, которые я обещал выполнить по возвращении в Москву и которые действительно были выполнены, но не мной, а генералом армии П.И. Ивашутиным — это по его линии.

Во время поездки по войскам мы не только присутствовали на занятиях (в основном с боевой стрельбой), не только беседовали с военнослужащими различных категорий, но и интересовались условиями жизни и быта. Так было в одной из бригад 5-го округа. Окончив здесь свою работу, я поинтересовался условиями жизни наших офицеров-советников. Тогда они пригласили меня, генерала Курочкина и других товарищей к себе. Здесь же, где КП бригады, располагался маленький русский городок. Под большим навесом в виде плоской крыши стояли длинный, вкопанный в землю стол из строганых досок и лавки по обе стороны. В большом шалаше укрывались от непогоды небольшая кухня с двумя земляными очагами, самодельный умывальник с бочкой для воды. В городке были еще землянки, где жили офицеры. Почему в землянках? Так было удобно. Во-первых, при внезапном обстреле землянка становилась укрытием; во-вторых, это легче сделать: отрыл — и готово! В качестве внутренней отделки использовалась тара из-под снарядов. Правда, для перекрытия сверху требовались бревна или, в крайнем случае, крупные ветви, которые могли бы держать слой земли. Кстати, везде можно было видеть окопы. Сейчас они никем не были заняты, но в случае обстрела или ведения боя при нападении — они занимались по утвержденному расчету.

Когда мы пришли к нашим советникам, нас тут же усадили за стол под навес обедать (этот стол был универсальным — он служил и для приема пищи, и для совещаний, и для занятий и т. д.). Подавался самый настоящий украинский борщ с мясом. Подполковник, который сегодня готовил обед (у них была установлена очередность), ликовал — все наперебой расхваливали его мастерство.

После обеда разошлись по землянкам — посмотреть, как живут. Меня тоже забрал офицер и повел к себе. Средней ширины траншея со ступеньками вела вниз. И ступеньки, и стенки траншеи были хорошо укреплены деревянными щитами от снарядных ящиков. Хозяин открыл дверь и шагнул в темноту. Потом почему-то как-то по-особенному посвистел, зажег зажигалку, а от нее — настольную лампу. Я вошел следом, и тут мне сразу бросилось в глаза, что в центре с потолка что-то свисает и раскачивается. Глянул на подполковника — тот улыбается и периодически тихо посвистывает. Я опять уставился на эту «качалку». И вдруг похолодел: так это же змея! Да еще и кобра, ее еще называют очковой змеей. Я невольно отступил к выходу. Подполковник меня успокоил — в его присутствии она никого не тронет, а сейчас он даст ей еду. Он запустил руку в расщелину потолка, откуда свисала змея, вытащил широкую,

мелкую коробочку, высыпал туда кусочки мяса и поставил обратно. Сказав, что мне все ясно, все «понравилось», я запросился на улицу и уже там спросил:

— Как можно жить, если рядом змея?

— Вот представьте, мы здесь почти год. Я ее подобрал совсем маленькой, а сейчас она вымахала почти под два метра. На хороших харчах.

— Но ведь это, значит, рядом постоянная опасность…

— У нас кругом опасность.

В общем, я не смог его убедить, чтобы он избавился от этой твари. Однако сей случай оставил свой след в памяти. Это же надо?! Человек живет в дружбе даже со змеей, если это умный и сильный человек.

Были у нас и казусы. На завершающем этапе нашей работы мы отправились на крайний север страны. Для нас эти слова сразу ассоциируются со снегами, вечными льдами, холодом, белыми медведями и т. д. А здесь наоборот: крайний север — значит, ближе к экватору! Ангола-то находится по другую его сторону, и как сказал нам в самолете бортинженер в момент пересечения экватора: «Теперь мы все будем ходить вниз головой — если глянуть на глобус. Поэтому надо проявлять бдительность, чтобы не оторваться».

Так вот, мы прибыли на север — в провинцию Кабинда. Ее отделяет от республики коридор — узкий участок местности вдоль устья реки Конго, принадлежащий Заиру. Это единственный выход Заира к океану.

Но особенности провинции Кабинда не только в этом. Здесь стопроцентная влажность и изнурительная жара, несмотря на это жизнь бьет ключом. Всюду «властвовала» буйная тропическая растительность. Мы издалека наблюдали лесоразработки — сначала лесорубы валили огромные деревья, а после их обработки бревна переносились слонами в штабеля (естественно, с помощью погонщика). Здесь же были и войска. Прошло несколько часов, пока мы добрались с левого до правого фланга полигона, у минометчиков шли занятия с боевой стрельбой из минометов.

Участок полигона выглядел лысоватым — травяного покрова не было, верхний слой лёссовой почвы был разбит и превращен в пудровую массу. Нам предложили остановится в ста метрах от минометчиков (82-мм минометы). Они меняли огневые позиции и должны были стрелять с нового последнего рубежа.

Вот два минометных расчета, быстро перемещаясь, выдвинулись на огневую позицию. В клубах пыли они промчались мимо нас на рубеж открытия огня, откуда можно было уже стрелять боевыми минами. Слаженно и быстро действуя, они

привели минометы в боевое положение. Получив задачу, расчет первого миномета (что ближе к нам) стал наводить на цель. Последовала команда: «Огонь!» Заряжающий опустил мину в ствол и крикнул: «Выстрел!» Но вместо нормального выстрела получился «пшик». Мина, как в замедленном кино, вылетела из ствола и, отчетливо наблюдаемая всеми, плюхнулась на землю в 15 метрах от миномета. Сейчас должен последовать взрыв. Кто-то меня сбивает с ног, и вся наша группа плашмя бросается на землю. Проходит несколько секунд — разрыва нет. Я сбрасываю с себя чью-то массивную фигуру — оказывается, Борис Кононов — подполковник, переводчик, он же и помощник генерала Курочкина — решил меня прикрыть. Встав на ноги, начинаю приводить себя в порядок — ведь в пыли с ног до головы. Вяло стали подниматься и все остальные. Выбивая пыль и помогая друг другу, мы наконец приобрели более-менее приличный вид.

Начали разбираться с причинами происшествия. Оказывается, такого типа явления здесь бывают частенько: очень высокая влажность влияет на дополнительные заряды мины. Они быстро отсыревают, и, хотя воспламеняется вышибной патрон, подвешенные в мешочках заряды не загораются. От такого вялого выброса не становится на боевой взвод даже головной взрыватель у мины (ГВМЗ), поэтому она падает вблизи миномета, как болванка.

Этот эпизод нас, увы, не украшал, однако позволил сделать важные выводы по боеприпасам и, в частности, относительно сохранения дополнительных зарядов к минометам. Было категорически отмечено, что герметическую упаковку зарядов надо нарушать только в последний момент — непосредственно перед стрельбой, но не раньше, чем за час до стрельбы.

Время, отведенное для работы в Анголе, пролетело быстро. Мы все уже привыкли к суровым условиям быта, примерились к деятельности ангольских войск и флота, к жизни и работе нашего советнического аппарата. Кстати, высокое впечатление произвели на нас экипажи кораблей Военно-Морского Флота СССР, которые стояли в период нашего пребывания в Анголе на базе Луанды, высокий уровень подготовки и порядка, наш мощный узел связи, обеспечивающий все виды связи со всем миром. Мне доводилось не один раз докладывать министру обороны и начальнику Генерального штаба о ходе работы.

В целом у нас сложилось достаточно хорошее впечатление о Вооруженных Силах Анголы, о направленности и эффективности работы нашего советского аппарата. Достаточно сильно выглядел ангольский офицерский корпус в целом. Особо выделялись сам министр обороны, начальник Генштаба и весь Генштаб, 4-й и

особенно 5-й военные округа, а также две десантно-штурмовых бригады (последние мало в чем отставали от подготовки наших советских десантников). Во всем этом просматривалась и личная заслуга генерал-полковника К. Я. Курочкина.

Но были и просчеты, в том числе на высоком уровне. Например, Главнокомандующий Военно-Морского Флота явно еще не приобрел должного опыта, однако, желая иметь возможно больший вес, он старался достичь этого путем более четкого разграничения своего положения со всеми остальными подчиненными (редко посещал корабли и береговые части и т. д.). Корабли выглядели прилично, но жесткая дисциплина была не везде. Однажды мы вышли на дежурном сторожевом корабле для изучения условий организации обороны входа в гавань и ее осмотра. Обследовали и наш подорванный в результате диверсии сухогруз: оказалось, аквалангист установил радиоуправляемое взрывное устройство и ночью наше судно, стоявшее на рейде, было подорвано.

На обратном пути к нам пристроилась огромная акула. Шла она слева по борту, нос в нос с кораблем. Я подумал: «Ну и пусть себе развлекается». Вдруг неожиданно для всех началась стрельба — это офицер из береговой службы, бывший в числе сопровождавших, открыл по акуле стрельбу из пистолета. Особого вреда ей не причинил, она отошла на почтительное расстояние, однако продолжала эскортировать наш корабль. Бестолковая стрельба наделала беды. Дело в том, что была приличная волна, корабль покачивало, а у офицера навыков стрельбы из пистолета в таких условиях, видимо, не было. Один выстрел угодил в бронированную палубу, пуля срикошетила и ранила матроса. Печально, но хорошо, что хоть кончилось так, могло быть хуже. Матроса унесли в кубрик для оказания помощи, а офицера увели — очевидно, для нахлобучки.

В целом же причин для беспокойства в отношении Военно-Морского Флота Анголы не было. А вот с Главкомом Военно-Воздушных Сил, именно с ним лично и из-за его персоны проблемы возникали. Генерал Карейра в недалеком прошлом, т. е. при Нето, был министром обороны. Кстати, я с ним был знаком с 1976 года. Тогда обстановка была крайне тяжелой и лишь помощь СССР, Кубы и других социалистических стран фактически решила судьбу молодой республики. Когда была отражена вылазка международной контрреволюции в 1976 году, то первый президент Анголы направил молодого министра обороны страны в Советский Союз для приобретения опыта — Карейра был по специальности летчик. Министр обороны СССР и Генштаб в свою очередь послали его в Прикарпатский военный

округ и цель мне, как командующему округа, разъяснили. Мы показали Карейре, как готовятся и проводятся учения, особенно с боевой стрельбой, различные специальные занятия, особенно по огневой и технической подготовке, поделились, как мы добиваемся высокой выносливости и физической подготовки, крепкого морального духа. Естественно, большое внимание уделили вопросам организации взаимодействия пехоты и танков; пехоты и танков с артиллерией и авиацией. Не знаю, что у него осталось в памяти (а человек он умный), но насыщенность пребывания в нашем округе в эти несколько дней была высокой.

Со временем Карейра все-таки был перемещен с поста министра обороны на должность Главнокомандующего Военно-Воздушных Сил, т. е. по его специальности. На место министра обороны был поставлен общевойсковой офицер генерал Педале.

Являясь человеком самолюбивым и крайне честолюбивым, Карейра, конечно, затаил обиду. Внешне этого он особо не показывал, но держался обособленно и независимо, вроде ВВС — это не часть Вооруженных Сил Анголы, а самостоятельный, подчиненный лишь президенту вид Вооруженных Сил. В кругу непосредственно своих подчиненных демонстрировал «безразличие» к документам (приказы, директивы, телеграммы и т. д.), подписанным Педале, считал их вздорными, нецелесообразными, которые можно и не выполнять. Поэтому никаких своих распоряжений в развитие указаний министра обороны он не давал. Правда, молчаливо соглашался с теми распоряжениями, которые отдавал по этому поводу Главный штаб ВВС. Положение же начальника Главного штаба было крайне тяжелое: он непосредственно был подчинен Главкому ВВС, т. е. генералу Карейра, и в то же время он обязан был организовать выполнение всех приказов и директив министра обороны и начальника Генерального штаба.

Ситуация с Главнокомандующим ВВС, конечно, беспокоила всех. Среди руководства советнического аппарата ходила идея «выдвинуть» Карейру на любую другую должность, лишь бы убрать с поста Главкома ВВС. Зная его характер, от него можно было ожидать всякое, особенно при обострении военно-политической обстановки в стране.

Наша группа (в том числе и я) разделяла это мнение. Однако перемещение сделать было не так просто. С одной стороны, он пользовался большим авторитетом у народа, в кругу политиков всех мастей слыл крупной фигурой, был хорошо известен и влиятелен среди руководства Португалии, что являлось важнейшим фактором для Анголы, которая продолжала поддерживать самые тесные связи со всеми португальскими

структурами. Запад смотрел на Карейру лояльно, видимо, импонировало то, что он мулат, внешне больше похож на европейца, чем на африканца, только кожа смуглая, а остальное — внешний облик, манера говорить, держаться, жесты — всё как у европейца.

Но внутри Анголы Главком ВВС был головной болью для всех. Тревожило, что, имея в руках такую силу, он будет представлять большую опасность, если в один из напряженных периодов обострения отношений с оппозицией вдруг начнет «качаться». Но пока обстановка с подготовкой ВВС (особенно летного состава), подготовкой кадров для авиации в специально созданной для этого авиационной школе, материально-техническим состоянием выглядела нормально. А чтобы своевременно принять меры по недопущению антиправительственных и антинародных выпадов со стороны Карейры, решили окружить его наиболее преданными президенту и министру обороны офицерами и в дальнейшем укреплять это кольцо.

Итак, наша работа в Анголе в первый наш заезд закончилась. Итоги были положительные, но вез я с собой в Москву и много вопросов. Это был результат наших наблюдений, пожеланий Главного военного советника, министра обороны, Генерального штаба Анголы и, наконец, президента страны. Учитывались просьбы и пожелания наших кубинских друзей.

Одновременно мы составили всеобъемлющий план дальнейшего развития Вооруженных Сил Анголы. План был одобрен президентом Душ Сантушем и явился для министра обороны и Генштаба ВС Анголы основным документом.

Во время перелета из Африки в Москву я обдумывал свой будущий доклад «в верхах». И по приезде доложил следующее.

Военно-политическая обстановка в Анголе и вокруг нее остается напряженной. Борьба приобретает все более острый характер. Вашингтон и Претория преследуют цель изменить ситуацию на юге Африки в свою пользу, углубить раскол «прифронтовых» государств, заставить их отказаться от поддержки национально-освободительных движений, навязать решения, закрепляющие неоколониалистские порядки в Намибии, усилить экономическую экспансию, обеспечить себе надежный доступ к стратегически важным запасам сырья и в конечном итоге восстановить и упрочить свое политическое влияние в районах Южной Африки. Для достижения этих целей Соединенными Штатами избрана стратегия постепенной, а затем и полной ликвидации советского и кубинского присутствия в регионе. ЮАР по указке США усиливает военное давление на ангольское

руководство, готовит очередную крупномасштабную провокацию против НРА. Юаровцы возобновили нарушения воздушного пространства Анголы, усилили наземную разведку. Принимаются меры по наращиванию группировки сухопутных войск непосредственно на границе с Намибией и в незаконно оккупированной южной провинции Анголы — Кунене.

Определяющим фактором, дестабилизирующим военно-политическую обстановку в Анголе, являются агрессивные действия ЮАР и дальнейшая активизация бандформирований УНИТА, возрастание их диверсионно-террористической деятельности в центральных и западных районах страны.

В связи с этим был рассмотрен на месте поставленный кубинскими товарищами вопрос о создании надежной обороны на юге НРА. После приведения аргументированных обоснований кубинцы согласились с нашими предложениями о построении в южных районах Анголы глубокой обороны с сохранением передового рубежа, занимаемого в настоящее время ангольскими войсками, и созданием ряда промежуточных позиций в глубине. Однако требуется дальнейшая работа с кубинским военным руководством в НРА по выработке согласованных рекомендаций для ангольской стороны и дальнейшему улучшению взаимодействия между советским советническим аппаратом, кубинской военной миссией и руководством Вооруженных Сил НРА. В этих целях предусматривается использовать поступившее приглашение кубинской стороны и направить в Гавану на отдых Главного военного советника в Вооруженных Силах НРА генерал-полковника К. Я. Курочкина.

Главной задачей Вооруженных Сил НРА на этом этапе остается обеспечение коренного перелома в борьбе с контрреволюцией и отражение агрессии со стороны ЮАР. Серьезное поражение прежде всего бандформирований УНИТА значительно укрепило бы позиции существующего строя в Анголе как во внутреннем плане, так и на переговорах с США и ЮАР.

Поэтому особое значение для защиты Анголы имеет всесторонняя военная помощь, оказываемая ей Советским Союзом, а также нахождение на ее территории контингента кубинских войск.

Следует отметить, что Вооруженные Силы НРА за первую половину 80-х годов значительно окрепли и способны были вести борьбу с контрреволюционными бандформированиями УНИТА и отражать агрессию извне. Усилены сухопутные войска. Созданы национальные ВВС и войска ПВО. В целом в ангольской армии техники и вооружения для войск, авиации и флота НРА (с учетом предусмотренных поставок) было достаточно для выполнения

вооруженными силами задач по защите Отечества. Однако была потребность в дообеспечении войск стрелковым оружием, средствами связи и некоторыми другими видами военного имущества. Сказывалась недостаточная укомплектованность войск личным составом и его невысокое морально-политическое состояние.

По рекомендации советской стороны начата одна из важнейших операций против УНИТА в провинции Мошико. В зависимости от ее результатов рекомендовано подготовить и осуществить аналогичную операцию и в провинции Квандо-Кубанго. Успешное проведение операции в этих провинциях существенно подорвало бы позиции главной группировки УНИТА — первого стратегического фронта и создало бы условия для коренного перелома в вооруженной борьбе с контрреволюцией.

В складывающейся обстановке особое значение приобретает согласованность советской и кубинской линий при выдаче рекомендаций ангольской стороне. К сожалению, в последнее время у кубинских товарищей просматривалась тенденция в одностороннем порядке выходить на местную сторону, вносить коррективы в ранее совместно выработанные и переданные ангольскому руководству рекомендации (это относится и к операциям в провинциях Мошико и Квандо-Кубанго). Данный вопрос заслуживал внимания. Представляется целесообразным — предлагал я— обсудить его на двусторонней встрече в Москве.

Таким образом, крупная проблема с Анголой была решена. Конечно, все это сделать было не просто. Но нужно. И главное — во имя жизни.

В Москве мой доклад был воспринят нормально на всех уровнях. Просьбы и пожелания, привезенные мной, легли в основу разработки плана оказания помощи Анголе на перспективу. В то же время с момента образования Республики Анголы (1975 год) и возникновения в связи с этим оппозиции и столкновений с ней нами проводился поиск путей к примирению. Наша позиция была такой: оппозиция должна принять условия, которые продиктует Душ Сантуш. Однако Савимби, поддерживаемый Западом, с этим не соглашался и выставлял свои условия. Естественно, в потенциале напряжение оставалось. Тем более что Ангола передавалась, как раздражительная эстафетная палочка, от Форда — к Картеру, от Картера — к Рейгану в обстановке всё повышающегося накала.

Ясное дело, что наиболее широкое поле для антисоветской деятельности было, конечно, у Рейгана, чему немало поспособствовали и ввод советских войск в Афганистан, и появление крикливых диссидентов, и «умышленное» сбитие

южнокорейского «боинга». А уж «вмешательство» Советского Союза в дела Анголы США и вовсе использовали на всю катушку. В ангольской проблеме Рейган занимал жесткую позицию изгнания советского духа из этой страны и, разумеется, утверждения здесь своего влияния. Поэтому, действуя через свои спецслужбы (ЦРУ и т. п.), а также опираясь на агрессивность ЮАР, американская администрация постоянно подталкивала ангольскую оппозицию в лице УНИТА и ФНЛА к активным действиям, преследуя конечную цель — свержение МПЛА — Партии труда и установление проамериканского режима.

Почему же Рейган не делал это прямо и откровенно, а, как правило, руками других? Потому что американцы опоздали: когда из страны выпроваживали португалов, то руководство страны пригласило представителей Советского Союза. Во-вторых, американцы всегда стремились загребать жар чужими руками — им потери ни к чему, тем более после Вьетнама. В-третьих, они и так держали здесь за горло экономику, а следовательно, и всю Анголу. Главными источниками наполнения бюджета этой страны были: нефть — 90 процентов, алмазы — 5 процентов, кофе— 5 процентов. Всю добычу нефти осуществляли США. Какое количество добывалось — известно было только США. Но по договору США, независимо от объема добычи, ежемесячно перечисляли в национальный банк Анголы установленную годами сумму. Когда же кто-то заикнулся о том, что надо эту отрасль национализировать, оказалось, что никто, кроме специалистов США, не может ни эксплуатировать, ни тем более разрабатывать новые скважины в ангольских условиях, где шельф имеет нефтеносные пласты под углом и на большой глубине.

Что касается алмазов, то ангольцы тоже не знали, сколько их добывалось, они ежегодно лишь получали стабильную сумму от компании «Бельгия и К». И только сбор и переработка кофе находились в руках государства.

В этих условиях американцам не было смысла скрещивать шпаги. Они и так имели дармовой источник прибыли. Однако для них лучше было бы, конечно, если бы и режим был полностью марионеточным.

В том же году, когда мы посетили Анголу, ее руководство ближе к зиме приехало в Москву для уточнения некоторых вопросов по плану поставок. Кстати, вместе с ними приехали и кубинцы, которые представляли интерес своей группировки в Анголе. С самого начала переговоры приобрели несколько напряженный характер: они привезли цифры, которые были значительно выше тех, что были нами согласованы и занесены в план. Очевидно, ангольские товарищи под давлением наших

кубинских друзей решили пересмотреть позиции с целью увеличения поставок всех видов, хотя это ничем не подкреплялось. Было видно невооруженным глазом, что значительная часть цифр по поставкам оружия и техники была надумана. Поэтому, не накаляя ситуацию, наше руководство хоть и согласилось изменить некоторые цифры в сторону увеличения, но принципы поставок сохранило. Все, что требуется для существующей армии и флота, причем на год вперед, Ангола должна иметь (в том числе и на мобилизационное развертывание). При этом предусматривалось, что вооруженные силы будут вести боевые действия непрерывно. Словом, общий знаменатель все-таки был найден.

Не прошло и полгода, как обстановка на юге Анголы начала резко обостряться. Дело в том, что в Намибии, являющейся южной соседкой Анголы, начинались революционные преобразования, что полностью шло вразрез с интересами ЮАР. Поскольку движущей силой Намибии была политическая организация народа СВАПО (лидер Нуёма), то войска ЮАР, проводя карательные экспедиции по ликвидации этой политической организации на территории Намибии, вышли и на южную часть Анголы— тоже якобы в поисках отрядов СВАПО. Таким образом, ЮАР дважды нарушила международные конвенции: преследования СВАПО недопустимы, так как эта партия признана ООН как представитель своего народа; вторжение же на территорию Анголы означает попрание ее суверенитета.

ЮАР ставила своей конечной целью разгромить все демократические институты и саму демократию не только в Намибии, но и в Анголе. Не ликвидировав в Анголе МПЛА— Партию труда, ЮАР не сможет добиться уничтожения СВАПО в Намибии, а значит, не сможет добиться и установления в Намибии марионеточного режима.

Итак, ЮАР создает на севере Намибии крупную группировку сухопутных войск и авиации. Когда же Ангола заявила официальный протест, предупреждая ЮАР о последствиях ее возможной агрессии, последняя обосновала свои действия борьбой со СВАПО. Но через несколько дней, нанеся массированный удар авиацией по передовым частям 4-го и 5-го военных округов Анголы (а они с момента начала сосредоточения войск ЮАР на севере Намибии заняли оборонительные рубежи), юаровцы перешли в наступление на четырех направлениях: вдоль дороги на Шианге, по реке Кунене, на Кувелаи и по руслу реки Кубанго. Надо отметить, что правительственные войска Анголы в целом сражались уверенно и, несмотря на значительный ущерб,

который они понесли от бомбоштурмовых ударов авиации противника и обстрела его артиллерии, рубежи были удержаны на всех направлениях, за исключением одной бригады в центре боевого порядка 5-го военного округа. Здесь особо свирепствовала юаровская авиация, и это сказалось на состоянии частей. Бригада дрогнула и начала отходить. Противник, введя свежие силы, продолжал теснить бригаду на север. Неся большие потери, ангольская бригада отошла за двое суток на 70 километров. Командующий округа перебросил на это направление свой резерв и тем самым поставил заслон. Опираясь на него, бригада остановилась, однако потеряла при отходе все БТРы, тяжелое оружие и 50 процентов личного состава.

Противник между тем подбрасывал новые части.

Но и ангольское командование не дремало. На направление вклинения войск ЮАР была брошена авиация, которая хорошо проутюжила противника. Сюда же были направлены резервные части. Для нанесения поражения атакующим юаровцам максимально использовалась артиллерия.

На третий день наступление противника было везде приостановлено, правда, с обеих сторон активно велся артиллерийский и минометный обстрел. Авиация проводила разведывательные полеты и штурмовые действия по отдельным объектам.

У противника наблюдалось масштабное передвижение войск (как выяснилось позже, это была имитация — надо было нагнать страху), в связи с чем в штабах и на командных пунктах правительственных войск Анголы и в гарнизонах кубинских войск поднималось напряжение. Возможно, распространение слухов было делом рук противника, который наверняка имел в высшем эшелоне власти Анголы своих сторонников (кстати, такая ситуация имела место во многих странах Африки, Ближнего и Среднего Востока), или же сложившаяся на юге страны сложная обстановка действительно повергла всех в состояние страха. Президент Душ Сантуш вынужден был обратиться за помощью к кубинским друзьям. Командующий кубинской группировкой генерал Поло вместе с секретарем ЦК Компартии Кубы Рискетом, оценив обстановку, пришли к выводу, что кубинским войскам втягиваться в боевые действия нецелесообразно. Наоборот, им надо на занимаемом рубеже (т. е. на рубеже Бенгельской железной дороги) капитально оборудовать позиции, а правительственным войскам, чтобы сохранить свои силы, отойти на этот рубеж и дальше противника не пропускать. С таким предложением они вышли на своего Верховного главнокомандующего. Фидель Кастро с позиции государственного

деятеля выбирает из двух зол меньшее и, согласившись со своими представителями в Анголе, пишет Душ Сантушу (позже, когда я опять вернулся в Анголу, мне довелось это письмо прочитать):

«Дорогой брат! Для сохранения молодой республики нужны Вооруженные Силы. Погибнут Вооруженные Силы— погибнет и республика. Поэтому как бы это больно ни было, но в сложившейся обстановке у тебя только один выход — отвести свои войска на рубеж Бенгельской железной дороги и на этой позиции вместе с нашими воинами дать противнику генеральное сражение. Уверен, что он потерпит поражение, а войска Анголы затем смогут гнать юаровцев за пределы своей страны. Только отвод армии на указанный рубеж может ее спасти от разгрома, а вместе с этим и спасти республику». (Письмо дается в сокращенном виде.)

Душ Сантуш немедленно передает это письмо телеграммой в Москву и, в свою очередь, тоже просит совета, поддерживая при этом рекомендации Ф. Кастро.

Срочно собирается Политбюро ЦК КПСС. Докладывает обстановку и письмо секретарь ЦК Б. Н. Пономарев. Вывод — согласиться с Ф. Кастро. Генсек Ю. В. Андропов говорит: «Предварительно соглашаемся, но военным надо еще раз взвесить и доложить».

Д. Ф. Устинов с заседания приезжает в Генштаб и объявляет Н. В. Огаркову: «Политбюро решило поддержать предложения Фиделя Кастро». Начальник Генштаба вызывает меня. Прихожу. У него сидит Петр Иванович Ивашутин — начальник Главного разведывательного управления. Николай Васильевич объявил решение министра обороны, точнее, Политбюро ЦК, и, выжидая, посмотрел в мою сторону. Для меня это уже не было неожиданностью, так как мне позвонил К. Я. Курочкин и сориентировал о существовании письма Ф. Кастро.

— Думаю, что это поспешное решение, — сказал я. — Товарищ Ф. Кастро опирается на доклады своих соратников, но сам лично он обстановку не видел и ее не знает. А если бы увидел, то принял бы решение полярно противоположное.

— Почему? — допытывался Огарков.

— Во-первых, войска Анголы подготовлены и способны отстоять свое государство; во-вторых, отвод таких войск нанесет непоправимый моральный ущерб личному составу, а офицеры вообще сочтут это за предательство; в-третьих, почуяв кровь, после отката правительственных войск волки-юаровцы будут переть и дальше, до Луанды включительно; в-четвертых, отходить на рубеж кубинских гарнизонов — это, значит, надо отступить в глубину приблизительно на 300–350 километров. Другими

словами, надо без боя отдать противнику одну треть страны; в-пятых, это не просто одна треть страны — это житница государства: здесь всё зерно, мясо, овощи; в-шестых, это означает отдать все основные ископаемые богатства страны, так как они сосредоточены именно здесь. Поэтому в последующем выбить юаровцев отсюда будет невозможно, если тем более они пустят здесь корни — создадут производства и т. д. Но самое главное — Вооруженные Силы Анголы способны, как я сказал, сражаться. Переговорите на эту тему с генералом Курочкиным. Ну с какой стати надо отводить войска? У нас нет для этого никаких оснований.

— Я уже говорил с Курочкиным. Он мне звонил, — сказал Огарков.

— Думаю, что Валентин Иванович доложил убедительно, — начал П. И. Ивашутин, — к тому, что уже сказано, могу добавить, что крупных резервов у противника нет. Поэтому принципиально нарастить удар вводом больших резервов он не способен. Надо держаться, на мой взгляд, на тех рубежах, которые сегодня занимают правительственные войска.

Николай Васильевич, не говоря нам ни «да», ни «нет», снимает трубку «кремлевки» (правительственная АТС).

— Андрей Андреевич, это Огарков вас беспокоит. Я по поводу Анголы. Ситуация такая, что отводить правительственные войска нецелесообразно. Я понял вас так, что вы военных поддержите? Спасибо, Андрей Андреевич.

Огарков положил трубку и сказал, что Громыко будет голосовать так, как считают нужным военные, после чего предложил пройти к Устинову и доложить наше мнение. Мы согласились. Тогда он, позвонив министру, просит принять троих. Устинов согласился. Заходим. Министр обороны на взводе:

— Уже договорились? Ну, ну! Выкладывайте.

— Дмитрий Федорович, позвольте генералу Ивашутину доложить о противнике, т. е. о войсках ЮАР. Затем генерал Варенников сообщит о правительственных войсках Анголы, а уж потом я с небольшим резюме.

— Докладывайте.

П. И. Ивашутин разложил по полочкам войска ЮАР, как это было и в кабинете Огаркова, добавив, что Савимби, т. е. УНИТА со своими бандами нигде не высовывается. На наш взгляд, они выжидают — как в принципе будет развиваться обстановка. И кроме того, сейчас для Савимби невыгодно выступать под знаменами ЮАР, поскольку население ненавидит юаровцев.

Устинов не перебивал, но и не проявлял интереса к тому, что говорилось. Когда Петр Иванович закончил, министр, не

комментируя сказанного, перевел свой взгляд на меня. Я о правительственных войсках доложил подробно, так как уровень их высокой подготовки видел лично. В способности продолжать удерживать занимаемые рубежи сомнений не должно быть. Соотношение сил сейчас на этом южном направлении приблизительно равное, поэтому отвод войск ничем не объясним.

Представляя уже содержание выводов, которые хотел сделать Огарков, министр огбороны решил его упредить:

— Странные вы люди! Дальше формальных цифр и фактов ничего не хотите видеть. Ведь здесь не просто боевые действия, а политика. И когда вмешиваются в события лично главы государств, то их высказывания, их рекомендации должны быть поставлены во главу. У нас есть мнение Фиделя Кастро. Это мнение поддержано Душ Сантушем. О чем может идти речь? А вы о каком-то соотношении сил, о каких-то резервах, об уровне подготовки… При чем здесь все это, когда дана принципиальная рекомендация— отвести. А глава государства, т. е. глава Анголы, говорит: «Правильно, я согласен».

— Дмитрий Федорович, — начал Огарков, — если бы Душ Сантуш не сомневался в целесообразности отвода войск Анголы с юга страны, он бы не обратился к Советскому Союзу. Фактически он оказался в неловкой ситуации — Фидель прислал ему решение — отвести. А на чем оно может базироваться? На докладе руководителей кубинской группировки в Анголе. А они, находясь в Луанде, видят столько же и даже меньше, чем Душ Сантуш. Президенту Анголы было бы некорректно вступать в спор с Фиделем Кастро. Вот он и вышел на Советский Союз, как на старшего брата, который рассудит и поможет правильно сориентироваться.

— А старший брат решил их обоих поддержать! — категорически обрезал Устинов.

— Почему же? Решение, как я понимаю, еще не принято. Во всяком случае из разговора с Андреем Андреевичем Громыко я сделал вывод, что Генеральный секретарь поручил всем и в первую очередь военным обсудить этот вопрос и доложить предложения.

— А почему вы с Громыко обсуждаете этот вопрос? Вам что, министра обороны недостаточно?

— Дмитрий Федорович, во-первых, я имею право любой военно-политический вопрос обсуждать с любым государственным деятелем вплоть до Верховного главнокомандующего — я же начальник Генерального штаба, а не начальник канцелярии; во-вторых, зря вы меня в чем-то подозреваете — я не имел цели выяснять, как проводилось

заседание Политбюро, но я хотел в лице Громыко приобрести нашего сторонника: если Министерство обороны и Министерство иностранных дел будут единогласны, то остальные поддержат. В-третьих, Андрей Андреевич сам мне сказал, что Политбюро никаких решений не принимало, была лишь поставлена задача — вопрос уточнить и выйти с предложениями на вечернее заседание.

Дальше у них, т. е. у Устинова и Огаркова, началась перепалка: Дмитрий Федорович, существенно отклонившись от темы, обвинял Огаркова во всех грехах, а Николай Васильевич убеждал министра обороны в том, что он должен прислушиваться к мнению Генерального штаба, который никогда не подведет ни Верховного, ни министра обороны, ни страну в целом. «А вы, — заключил Огарков, — игнорируете Генштаб и слушаете каких-то шептунов. В связи с этим я вам, Дмитрий Федорович, заявляю, что Генеральный штаб категорически возражает против отвода правительственных войск на юге Анголы. Если бы в свое время прислушались к Генштабу, то не было бы сегодня проблем и с Афганистаном». Николай Васильевич явно вспылил. Да и с кем это не бывает.

На этом заседание у министра обороны закончилось, и мы опять вернулись в кабинет Огаркова. Петр Иванович начал нажимать на него, чтобы он вышел на Андропова и попросил, чтобы на заседание Политбюро вызвали начальника Генштаба. Я поддержал Ивашутина. Но Николай Васильевич отказался делать это, и, видно, он был прав. Уже и так отношения между министром обороны и начальником Генерального штаба приобрели уродливую форму. А такой шаг не только усугубил бы их, но со стороны был бы оценен отнюдь не в пользу Огаркова, что в конце концов боком вышло бы всему Генштабу. В общем, решили, что я к утру следующего дня подготовлю документы (в основном карты, диаграммы, графики), которые бы наглядно показывали, что отходить нет смысла. И при первом требовании вместе с письменной справкой все это можно было бы представить министру обороны или в верха.

После вечернего заседания Политбюро Устинов, не заезжая в Генштаб, отправился на дачу, но из машины позвонил Огаркову и сказал, что решение осталось в силе — войска надо отводить. Естественно по телефону много не скажешь, но, как рассказал Николай Васильевич, уже утром следующего дня будет полностью оформлено решение. Учитывая такой оборот и не теряя последней надежды, мы договорились с Огарковым с утра представить министру все документы, подробно растолковать ему все обстоятельства и убедить, чтобы он доложил на Политбюро:

мнение военных, начиная от советского военного советника в Анголе и до министра обороны СССР, едино— надо сражаться за интересы молодой республики и лозунг должен быть один — «Ни шагу назад!».

Так и сделали. Утром я, захватив документы, еще до приезда министра сидел в его приемной и ждал. Как только Устинов подъехал, подошел начальник Генштаба, и мы вдвоем вошли к министру. Огарков спокойно, как будто никаких обострений не было, сказал:

— Дмитрий Федорович, как вы и ориентировали нас, сегодня утром должно объявляться окончательное решение по Анголе. В связи с этим просим вас взять с собой на заседание вот эти документы, содержание которых мы сейчас доложим.

Документы были весьма наглядны и убедительны. Около часа мы подробно докладывали их содержание и самое главное — как с ними обращаться. Дмитрий Федорович заинтересовался и даже задавал вопросы, что уже говорило о том, что он может нашими материалами воспользоваться. Особенно важно было продемонстрировать на Политбюро карту, на которую были нанесены противостоящие группировки и наглядно продемонстрированы их состав, ближайшие резервы, размеры района, который предлагается отдать противнику без боя, и что в связи с этим может потерять Ангола.

Министр обороны отправился на заседание, а мы — к себе и стали ждать решения. Но долго томиться не пришлось — буквально через час Устинов вернулся. Его помощники позвонили нам: министр, еще находясь в машине, вызывает нас обоих. Мы зашли в приемную. Из кабинета вышел помощник министра и пригласил нас войти. Устинов, ожидая нашего появления, изготовился к действиям. Когда мы вошли, он взял пачку документов, которыми мы снабжали его перед заседанием, подошел к торцу большого стола и с силой бросил эту пачку на стол так, что она рассыпалась по всему столу, а несколько листов упало на пол. Никто не пошевелился. Тут министр, не выбирая выражений, буквально обрушился на нас:

— Вы вечно… (дальше следовало то, чего я от него еще ни разу не слышал, и ему это даже не шло). Упрямо пробиваете вопреки здравому смыслу. Это вы, — Устинов угрожающе мотал пальцами в мою сторону, — затеяли эту «кашу» с Анголой! Раз затеяли, то сами и расхлебывайте. Сегодня же вылетайте в Анголу и доводите все до конца.

— Есть, товарищ министр обороны, вылететь в Анголу! — с удовольствием повторил я распоряжение Устинова, как приказ для исполнения. Но я умышленно не сказал «сегодня», потому что

такой срочный вылет надо все равно готовить сутки.

Зашел адъютант Устинова, собрал все документы. Огарков остался, а я ушел к себе. Тут же дозвонился до Курочкина в Луанду, рассказал обстановку, попросил, чтобы министр обороны Анголы отдал распоряжение — «Стоять насмерть!». Сообщив, что через полтора-двое суток буду в Луанде, я попросил предупредить кубинских друзей, чтобы они не настаивали на отводе войск до моего приезда.

Потом занялся непосредственно командировкой. Первым делом набросал задание самому себе. Затем поручил заместителю начальника ГОУ собрать мне команду из девяти человек, перечислил вопросы, которые буду решать (команду надо собирать под задачи). Отдал распоряжение в Главный штаб ВВС о подготовке чартерного полета на завтра, а возможно, и раньше. Одновременно по этому вопросу заготовил в Анголу телеграмму за подписью начальника Генерального штаба. После обеда утвердил у Огаркова все документы и начал конкретно готовиться к поездке, в основном изучал справки всех видов.

И на этот раз я летел по тому же маршруту и в то же ночное время, и опять меня в Алжире среди ночи встречал наш посол Василий Николаевич Таратута. В Луанде встретились с нашим послом А. Ю. Калининым, Главным военным советником генералом К. Я. Курочкиным и командующим кубинской группой войск генералом Поло. Здесь же, на аэродроме, по просьбе кубинцев, я дал согласие приехать к ним уже сегодня, во второй половине дня. Мне же они сообщили, что накануне вечером, в связи с моим предстоящим прилетом в Анголу, из Гаваны прибыл куратор военных товарищ Рискет.

Генерал Поло уехал готовить встречу, а мы втроем (посол, Курочкин и я), расхаживая по перрону, беседовали о сложившейся ситуации. Я рассказал товарищам о возникших противоречиях и о том, что мы намерены все-таки убедить кубинцев (анголян убеждать не надо — они и так все поняли): отводить войска нецелесообразно. Посол категорически поддержал меня, сказав при этом, что отвод нанесет огромный ущерб моральному духу населения.

Приехав в резиденцию Главного военного советника, мы обсудили сложившуюся ситуацию с его аппаратом и условились о наших действиях. Договорились также, что через доверенное лицо президента офицера службы безопасности Роза-Мария Курочкин передаст Душ Сантушу, что я намерен просить принять меня после того, как у нас будет достигнута договоренность с кубинскими товарищами. Это, как выяснилось позже, полностью устраивало ангольскую сторону. Встреча без такой

договоренности, конечно, ставила бы президента в сложное положение.

В установленное время я, генерал Курочкин и три моих помощника (остальные уже работали в Генштабе ангольских Вооруженных Сил, изучая истинную обстановку) встретились с членом Политбюро, секретарем ЦК Компартии Кубы Рискетом, командующим кубинской группой войск в Анголе генералом Поло и другими кубинскими товарищами в их резиденции. После обычного протокольного обмена любезностями приступили к деловой части, при этом инициативу сразу хотел захватить Рискет, и я ему не препятствовал, хотя когда очередь дошла до меня, то я все-таки заметил, вроде бы в шутку: «А я-то по наивности думал, что, пользуясь статусом гостя, могу уже с порога докладывать, с чем я приехал». На что Рискет сразу отреагировал: «Мы советского генерала не считаем у себя гостем».

Естественно, товарищ Рискет свое выступление полностью построил на письме Фиделя Кастро и принципиальной позиции, которая там изложена: единственное спасение в сложившейся ситуации — это отвод ангольских войск на юге страны на рубеж Бенгельской железной дороги, т. е. на рубеж, где расположены гарнизоны кубинских и воинских частей. А далее — совместные боевые действия по защите Анголы. Акцент делается на значительные силы ЮАР, на то, что еще не подключались силы УНИТЫ плюс «…ограниченные боевые возможности правительственных войск». Более чем часовое выступление т. Рискета носило характер безапелляционной констатации сложившейся ситуации, в которой есть только единственный выход — он изложен в письме Ф. Кастро.

Следуя избранному Рискетом методу, я вместо более мягкой формы тоже решил называть все своими именами. И пошел по излюбленному методу: ставлю вопросы и сам на них отвечаю, причем с полным обоснованием. Если эти ответы оппонента не устраивают, он может предложить свои поправки. Сделав такую вводную, я спросил: «На основании чьих данных Верховный главнокомандующий Республики Куба сделал те выводы, которые изложены в письме к президенту Анголы и которые мы сейчас услышали?» И далее пояснил, что это могло быть только на основании того донесения и тех предложений, которые последовали от наших кубинских друзей. Ну, а с кем эти предложения были согласованы? Практически ни с кем: ни с советскими военными, в том числе с генералом Курочкиным, ни с министром обороны Анголы, ни с другими ангольскими специалистами.

— Это согласовано с Генеральным штабом Вооруженных Сил Анголы! — перебил меня Рискет.

Я многозначительно посмотрел в его сторону, сделал паузу, дав понять, что перебивать говорящего не тактично — я же его не перебивал! Но все-таки решил ему ответить:

— Надо внести ясность: согласовано не с Генеральным штабом, а лично с начальником Генштаба, который мне заявил (а я уже успел с ним встретиться), что это всего лишь его личное мнение, а не позиция Генштаба. Поэтому этот вывод ни с кем не согласован. И очень печально, что наша сторона вообще обойдена. А ведь во всех войсках Анголы находятся советские военные советники — специалисты высшего класса и они способны оценить ситуацию на своем участке лучше, чем кто-либо. Кстати, оценки наших офицеров совершенно не расходятся с оценками офицеров ангольской армии.

И далее я изложил наши взгляды на уровень подготовки воинских частей 5-го, 4-го и 3-го военных округов, которые обороняют рубежи на юге и юго-востоке страны. Это сильные части, и они способны нанести поражение агрессору. Отвод войск без боя за многие сотни километров окажет более тяжелое морально-психологическое воздействие на воинов ангольской армии, чем отход с боями, хотя я лично верю в то, что ангольская армия устоит на занимаемых рубежах. Далее я перечислил, что конкретно входит в эту зону (800–850 км по фронту и 300 км в глубину — это около 250 тысяч квадратных километров), которую предполагается отдать без боя противнику, какие ископаемые здесь имеются и что эти богатства ЮАР, конечно, постарается сохранить за собой.

Далее поочередно выступали и докладывали свои соображения (в основном из области, за которую они отвечали) офицеры сторон, обосновывая ту позицию, которую они представляли.

Шесть часов бесплодного разговора завершились тем, что мы решили встретиться на следующий день с утра. Но и этот день прошел в переговорах и не дал результата. Разговор перенесли еще раз. Однако следующий, т. е. уже третий день нудных и бесплодных переговоров только ухудшил нашу внутреннюю обстановку. Накануне я переговорил с маршалом Огарковым и сообщил ему, что пойду на более решительный шаг. Он меня поддержал. Поэтому вечером третьего дня переговоров я сделал заявление. Я констатировал тупиковую ситуацию, в связи с чем предложил каждой стороне завтра утром выступить с радикальным предложением, которое бы вывело нас из этого тупика. Рискет и его товарищи согласились.

На следующее утро я заявил, что советская сторона вносит предложение: создать смешанную группу офицеров, которая должна выехать на юг страны, объехать все три округа, защищающие это направление, побывать в воюющих бригадах вплоть до переднего края и, на месте выяснив обстановку, сделать окончательные выводы — отводить войска или продолжать удерживать занимаемые рубежи. При этом предложил создать смешанную группу уже сегодня. Я также заявил, что советскую часть группы буду возглавлять лично, а Главный советский военный советник в Анголе генерал Курочкин выступит в роли заместителя руководителя советской стороны на этом выезде. Мы готовы вылететь уже завтра.

Для кубинских друзей это было неожиданным шагом. Конечно, надо было посоветоваться. Они попросили получасовой перерыв. Мы спустились вниз понаслаждаться флорой и фауной. Кстати, у кубинцев были прекрасные огромные аквариумы и небольшие бассейны с фонтанами, где водились самые причудливые рыбы и другая морская живность (оказывается, вода была морская). Глядя на все это, конечно, отдыхаешь. Я сказал Константину Яковлевичу: «Хоть бы что-то похожее сделали у себя на территории в советской резиденции!» На что он мне ответил: «Вот когда всех врагов разгромим, тогда займемся рыбами и ракушками».

В установленное время мы снова встретились с кубинскими товарищами. Рискет объявил, что они наше предложение принимают, но только просят начать поездку не завтра, а послезавтра. Что касается состава группы, то от кубинского штаба будет пять человек во главе с генералом… Рискет назвал его фамилию — тот встал и поклонился. В эту же группу входят начальник разведки и три оператора из штаба генерала Поло. «К сожалению, ни Поло, ни заместитель министра обороны, который сейчас находится здесь, поехать с вами не смогут, так как имеют от министра задание и его надо выполнить на этих днях», — заметил напоследок Рискет.

Мы согласились с его предложениями, после чего договорились, что сегодня же составим проект плана действий нашей совместной группы и пришлем ему на согласование. Если будут какие-либо дополнения, можно вносить, мы заранее с ними соглашаемся.

Наши действия спланировали следующим образом. Из Луанды на юг вылетаем самолетом АН-24 Главного советского военного советника. Через два часа полета (около 800 километров) приземляемся на аэродроме в оперативных границах 5-го военного округа. Затем пересаживаемся на

бронетранспортеры и совершаем 300-километровый марш-бросок до командного пункта округа на юг, где тоже имелся аэродром, однако лететь туда было уже небезопасно — свирепствовала истребительная авиация ЮАР. Поэтому и наша бронегруппа имела в своем составе средства ПВО — три «Шилки» и «Осу» плюс несколько операторов с переносными зенитно-ракетными комплексами «Стрела» (кстати, «Шилки» были также ориентированы и на стрельбу по наземным целям, что особенно эффективно). Кроме того, были стационарно установлены средства ПВО и по маршруту в трех пунктах на высотах. Для обеспечения безопасности от нападения наземного противника (а засаду на 300-километровом маршруте, конечно, реально можно ожидать в любом месте, тем более саванна таит в себе много неожиданностей), нашу группу сопровождал батальон правительственных войск.

Действовали, как спланировали. Вылетели рано. Долетели до аэродрома назначения без происшествий. В зоне аэродрома барражировало звено наших истребителей. Пересев на бронемашины, отправились дальше. На протяжении всего пути видны тяжелые следы действия юаровской авиации: сгоревшие автомобили, транспортеры и боевые машины пехоты, воронки от разрыва бомб на полотне и особенно по обочинам дороги, пролысины выгоревших от пожаров трав и кустарников. До самого места назначения никаких населенных пунктов не встречалось. Оказывается, эта дорога, построенная португалами, умышленно не проходила через деревни — к ним отходили дорожные отростки. Видно, это целесообразно — обеспечивалась высокая скорость движения. Но мы, к сожалению, двигались медленно, со скоростью 40–50 км в час, так как действующий впереди нас отряд обеспечения движения не мог двигаться быстрее — ему надо было гарантированно исключить возможный подрыв наших машин на минах противника.

Вдоль дорог во многих местах видели, как местные жители работают в поле. Неподалеку от поля находились их хижины из камыша или чего-то подобного. Нам рассказали: в каждой хижине живет с детьми одна из жен главы семейства. А глава — отдельно. У него, как правило, от трех до пяти-шести жен (больше не прокормит). Они у него работают в поле, пасут скот и ухаживают за ним, кормят мужа и лечат его, если требуется, рожают ему детей, строят хижины, следят за огородом, приносят воду, а некоторые даже ходят на неопасную охоту (на птиц, змей и т. п.).

На командный пункт 5-го военного округа мы прибыли в середине дня. Командующий округа подполковник Календа встретил нас настороженно, но проявил должное внимание и

вежливость. Я знал, что все командующие войсками военных округов юга страны были, по просьбе главного военного советника, извещены о том, что приедет наша группа и будет интересоваться уровнем подготовки, способностью вести боевые действия. Им также будут предлагать отойти на рубежи, где сейчас стоят гарнизоны кубинских войск, и надо доложить свое мнение. Между прочим, командующий округа окончил нашу Военную академию имени М. В. Фрунзе и немного говорит по-русски.

Заслушав командующего, мы приняли совместное решение поехать и посмотреть две бригады из четырех, побеседовать с офицерами и солдатами, после чего сделать вывод о состоянии обороны, возможностях и способностях ангольских войск. Итог подвести на командном пункте округа. Оставив одного офицера из нашей группы на КП округа, мы отправились в бригаду, что «сидит» на дорожном направлении. Однако кубинцы наотрез отказались ехать с нами, сказав, что они решат все вопросы здесь, на КП округа. Но затем, посоветовавшись, все-таки послали с нами одного своего полковника — начальника разведки штаба генерала Поло. Командующий округа поехал с нами.

В бригаде мы выслушали командира, начальника штаба и отправились, уже пешком, сразу на передний край — нам сказали, что активная перестрелка была только вчера утром и уже более суток на передовой спокойно. Когда мы шли по первой траншее, я поражался мастерским избранием этой позиции — все прекрасно просматривалось на большое расстояние. Так можно было построить только в условиях отсутствия соприкосновения с противником и если работами руководил командир и инженер высшего класса. Оказывается, было и то, и другое, и третье. Траншеи проходили по песчаной местности, грунт был зыбким, поэтому стены траншей и окопов были «одеты» в щиты, сплетенные из прутьев. Кстати, местность здесь густо проросла кустарником, попадались отдельные деревья и клочки травы. Проходя роту за ротой, я отмечал множество стреляных гильз. Значит, здесь бывает горячо. Солдаты и офицеры выглядели очень довольно и во всех отношениях прилично. Возле одного солдата невольно «застряли». Маленький, худенький, чуть больше автомата, но — улыбается. Увидев, что я с недоумением разглядываю его, командующий округа спросил солдата (наш переводчик— двухметровый Кононов мне перевел):

— Тебе сколько лет?

— Уже больше двадцати.

— Женат?

— Да нет еще…

— Что это ты? Женилка не выросла?

— Да выросла. Денег еще не накопил.

— А что ты такой худой?

— Ну, зато я отлично стреляю и быстрее всех в роте бегаю.

— Куда бегаешь — вперед или назад?

— Куда прикажут, — не растерялся солдат, но невольно получилось, что солдат, не подозревая этого, поставил своего начальника в весьма пикантное положение.

Тут вмешался ротный командир, лейтенант:

— Это у нас хороший солдат. Он бы мог сейчас пострелять — по заказу с первой очереди сбивает. Но если мы стрельнем, то юаровцы начнут обстрел из миномета.

Мы попрощались. Подарили солдатам различные советские военные значки, а ротным командирам — бинокли. Хоть с нами кубинцев и не было (полковник остался в штабе бригады), я все-таки спрашивал солдат и офицеров: «Вы сможете без посторонней помощи удержать этот рубеж, если противник навалится большими силами?» И везде я встречал один и тот же ответ: «Мы защитим свою землю».

На следующий день мы посмотрели еще одну бригаду. Выводы были приблизительно те же.

Но меня удивляло отсутствие реакции противника. Ведь он уже накануне знал, что наша группа обязательно появится на фронте. Когда же мы прибыли на передний край, то, конечно, юаровцы нас наблюдали. Наконец, им многократно представлялась возможность накрыть нас артиллерийско-минометным огнем и обстрелять пулеметами на переднем крае. Но ничего этого не делалось. Почему? Мы терялись в догадках.

Наиболее вероятны были две версии, хотя и они не были очень уж убедительны. Первая — позавчера в течение суток ангольской авиацией было проведено три массированных авиационных налета (два днем и один — ночью) с нанесением бомбоштурмовых ударов по скоплению войск противника в районах Эвале, Перейра, Миенга — это все неподалеку от госграницы Анголы с Намибией. Скопление было достоверным, а удары, конечно, оказались неожиданными и весьма эффективными. Кстати, в налетах принимали участие и кубинские летчики, что делает им честь. Так вот, возможно, опасаясь подобных действий, противник решил пока «не трогать» ангольцев.

Вторая версия состояла в том, что работа нашей группы могла прикрываться мощными силами артиллерии, авиации и т. д. И если бы юаровцы начали обстрел, то отпор им был бы значительным и для них весьма опасным. Других предположений

у нас не было. По части же информации, т. е. к вопросу о том, как могли к ним просочиться данные о предстоящей нашей поездке, так эта, как я уже говорил, «болезнь» всех стран Африки, Ближнего и Среднего Востока. ЦРУ не жалеет денег, лишь бы иметь свои глаза и уши буквально везде (кстати, сейчас такая же обстановка и у нас в России). И мы это отлично знали и совершенно не опасались того, что информация о наших планах просочится к спецслужбам США. Это даже лучше, что они будут знать о внимании Советского Союза к этой проблеме.

Составив полную картину по 5-му военному округу, мы собрались у командующего на его командном пункте подвести итог. Предварительно я наедине переговорил с кубинскими товарищами и высказал им настроение солдат и войсковых офицеров — они готовы сражаться за свою землю с любым врагом.

Выступая перед собравшимися, я подробно пересказал, что мы видели. Особое внимание уделил настроениям личного состава, его боевому духу, готовности достойно встретить врага, если он вновь полезет. Обратил внимание на хорошо оборудованные ангольские позиции, достаточную обеспеченность вооружением и боеприпасами, нормальное материальное снабжение. И несмотря на все это, я выхожу с предложением, которое вызвало недоумение у всех — и у ангольцев, и у наших офицеров, и у кубинских друзей, чего я, собственно, и добивался. А если бы их недоумение переросло бы в возмущение, было бы еще лучше. Вот что я сказал в заключение:

— Дорогие наши товарищи, конечно, мы помогали и будем помогать всячески и впредь, пока вы не приобретете полную самостоятельность и независимость. Мы благодарны вам за тот труд, который вы вложили в создание высокоподготовленных воинских частей, мы тем самым убеждаемся, что наша помощь идет на пользу. Все это хорошо. И самое главное — дух всего личного состава 5-го военного округа на должной высоте. Воины округа — это истинные патриоты, и они готовы защищать свою Родину.

И все же мы должны быть реалистами. Мы не должны сбрасывать возможный вариант удара противника с многократным превосходством в силах, в том числе с применением танков. Тогда может разыграться трагедия похуже той, какая имела место в одной из ваших бригад. А для страны, для Анголы очень важно сохранить Вооруженные Силы. Сохранив их, можно рассчитывать и на то, что будет сохранена и республика. Поэтому напрашивается вывод о том, что ангольские войска могли бы отойти на рубеж Бенгельской железной дороги,

стать на одном рубеже с кубинскими войсками и совместно на этих позициях дать генеральное сражение тем, кто хотел бы посягнуть на Анголу. Мы хотели бы, чтобы командование округа хорошо взвесило «за» и «против» и доложило бы свое окончательное решение министру обороны. Если у командующего военного округа есть что сообщить нам, то мы готовы выслушать.

Пока я говорил об обстановке, лица у всех были спокойные (я специально наблюдал за всеми), но как только перешел к предложению об отводе войск, то все, подняв недоуменно брови, сразу уставились на меня. Некоторые явно ничего не понимали и, недоуменно пожимая плечами, смотрели друг на друга.

Первым начал командующий 5-м военным округом Календа. Без всякой дипломатии он сказал:

— Товарищ генерал! Это ваше личное мнение, что надо отводить наши войска. Но я уверен, что у ваших коллег и у кубинских друзей другое мнение — надо удерживать рубеж. И мы будем его удерживать. У нас не было, нет и не будет другого мнения и решения. И нам нечего взвешивать «за» и «против». Уже все взвешено в боях. Эпизод с одной нашей бригадой не показательный. Главным показателем является то, что мы в основном отстояли свои позиции и нанесли ущерб агрессору. Мы ему так дали, что он смог только первые три дня вести активные действия, а затем занимался только обстрелом. А теперь вот вообще заглох. А если полезет, то получит еще.

В ближайшее время мы намерены не отводить наши войска далеко в глубь нашей страны, а, наоборот, будем восстанавливать позиции бригады, которая временно отошла. И вообще меня удивила постановка вопроса. Вы же, товарищ генерал, видели, чем живут и чем дышат наши солдаты и офицеры! Я все это время был рядом с вами! А делать вывод о том, что можно было бы отвести — это значит сказать нам, что мы ни на что не способны.

Ничего больше взвешивать мы не будем. Я прошу от имени нашего округа передать своему руководству благодарность за помощь и одновременно наше решение — удерживать занимаемые рубежи, оправдать ту помощь, которую нам оказывают, и оправдать надежды нашего народа по защите Анголы.

Я его слушал, и у меня все пело внутри. Конечно, я от ангольской стороны ожидал принципиально такого решения, но чтобы оно было высказано столь ярко и категорично… Это прекрасно! Когда говорил командующий, я наблюдал за кубинским генералом. Пару раз наши взгляды даже встретились. Я понял, что на него и его коллег выступление командующего произвело должное впечатление.

Подводя итоги нашего разговора, я отметил, что других слов и другого решения у командующего округом, конечно, быть не может. От имени всех присутствующих я поздравил его с успехом в прошедших боях, пожелал побед в грядущих сражениях по защите своего Отечества. И в заключение наградил его памятным подарком — пистолетом советского производства. Все были в восторге за исключением кубинских друзей.

Затем мы отправились в соседний округ. Там была приблизительно такая же картина. Может, с одной лишь разницей — командующий округом был еще более резок и принципиален. В третьем округе командующий оказался несколько либеральнее своих коллег, но в принципе тоже придерживался этих же взглядов.

Возвращаясь через несколько дней в Луанду, мы в самолете договорились с кубинским генералом, что он доложит обстановку своему руководству, а оно примет решение, когда нам встречаться для окончательного подведения итогов. Я попросил его в беседе с руководством подчеркнуть тот факт, что противник уже длительное время вообще не ведет активных действий, а в последнее время перестал и обстреливать.

Луанда нас встретила как всегда знойным солнцем, а в этот день еще и хмурым видом генерала Поло. Наверняка он через начальника Генштаба ангольской армии уже имел всю информацию о нашей работе на юге страны, о настроении командующих. Встретившись с ним, я изложил то же самое, что и генералу, который был в нашей команде, и мы условились, что он (т. е. Поло) или Рискет дадут знать — где и когда состоится заключительная беседа.

С момента нашего появления в Анголе прошло уже три недели. Юаровцы, кроме обстрелов, больше никаких шагов не предпринимали. Для нас было также принципиально важно, что у ЮАР и УНИТЫ не было и единства действий. Но поступали сведения, что Савимби готовит главные силы УНИТЫ к наступлению. Поэтому, чтобы сорвать его планы, министр обороны с Генеральным штабом и главкомом ВВС Анголы в свою очередь готовили удары по «медвежьему углу» — так мы называли юго-восточный район Анголы, где базировалась УНИТА (Мукусо, Твежа и т. д.). Там нет не только медведей — вообще никакой живности. Как говорили ангольцы: «Там обитают только мухи цеце и УНИТА».

На следующий день мы с генералом Курочкиным поехали на наш узел связи и переговорили с Москвой. В первую очередь я доложил обстановку начальнику Генерального штаба. Он сказал, что они тревожились и опасались, вдруг у меня ничего не

получится с кубинскими друзьями. Я сообщил о предстоящей встрече с Рискетом. Затем он переговорил с Курочкиным.

В тот же день мы побывали на кораблях нашего Военно-Морского Флота. В порту на нашей базе стояли пришвартованными эсминец, большой десантный корабль, подводная лодка (дизельная) и два сторожевика. Корабли и особенно их экипажи вызывали высокое уважение и гордость. Конечно, служба в Анголе — это не мед, тем более если службу здесь несешь без семьи. Тяжелое это дело. Но все-таки ходишь по земле, пользуешься земными благами. А каково на корабле?! Мало того, что наши корабли базируются за тридевять земель, но они еще и уходят на месяцы в океан. Ничего вокруг. Только вода и небо да постоянная опасность.

Матросам и офицерам, конечно, приятно было встретиться и пообщаться с посланцами нашей Родины: как там, что там — обычные вопросы. Где бы ни был наш человек (если, конечно, он не оборотень), какие бы для него хорошие условия ни создавались, он всегда тоскует по своей стране, по дому. Так было и здесь. Смотришь ему в глаза и «слышишь», что он просит еще хоть чуть-чуть рассказать о нашем Советском Союзе. А тогда было что рассказывать, хоть и был «застой», как теперь называют этот период российские политики-предатели.

Прошли еще сутки, и кубинские товарищи объявляют нам, что завтра они готовы встретиться. Думаю, что это время было затрачено на консультации с Гаваной. Не знаю, до чего они договорились, но я опять приготовил сюрприз, на мой взгляд, приятный для всех.

Когда на следующий день снова приехали в резиденцию кубинцев, то мы увидели, что все были мрачные, как туча, и неразговорчивы. У Рискета шевелюра и борода были всклочены. Сам он выглядел уставшим. Возможно, у них были свои внутренние проблемы. Жизнь есть жизнь, и живые люди в этой жизни — носители множества проблем. Вот и у кубинцев — группировка более 37 тысяч человек находится в дружественной, но в чужой стране. Люди с оружием. Их надо занять подготовкой и всесторонне обеспечить. А дома, на Кубе у всех у них семьи…

Поэтому то, что они не были такими ясными, солнечными, как в прошлый раз, а стали хмурыми, как ненастный день, можно было объяснить разными причинами. Однако это не значило, что все это мне надо отнести в свой адрес. Хотя и этого исключать было нельзя.

Поздоровались, пожали руки, с некоторыми по-братски обнялись и сели за стол. Я окинул всех взглядом и почувствовал, что наши кубинские друзья уже хотят согласиться с нами. Кстати,

накануне вечером начальник Генштаба ангольской армии, который считается лучшим другом у кубинцев, намекнул генералу Курочкину, что Рискет и Поло после консультаций со своим руководством, очевидно, примут предложение советского Генштаба.

— Будем начинать? — обратился Рискет ко мне.

— Мы готовы. Но прежде чем что-либо обсуждать, я хотел бы сделать заявление.

Все насторожились. Рискет откинулся на спинку стула и любезно произнес: «Конечно, пожалуйста!»

Искренне поблагодарив кубинских товарищей за творческое и тесное взаимодействие с нами в изучении проблемы и обсуждении этого важнейшего военно-политического шага в жизни Анголы, а ангольское руководство— за предоставленную возможность посетить войска и рассмотреть эту проблему применительно к Вооруженным Силам и народу юга страны я сказал:

— Всесторонне изучив сложившуюся ситуацию на юге страны и имея в виду возможные последующие удары военщины ЮАР, а также учитывая возможности и способности Вооруженных Сил Анголы, мы пришли к выводу, что лидер Республики Куба товарищ Фидель Кастро глубоко предвидел дальнейшие события и мудро поступил, когда рекомендовал руководству Анголы отвести войска на рубеж Бенгельской железной дороги. Мы не только обязаны поддерживать это предложение, но и в возможно короткие сроки реализовать его.

Я сделал паузу и посмотрел на лица сидящих в комнате людей. Одни смотрели на меня, как на человека, который безнадежно заболел. Другие вертелись с широко раскрытыми глазами и обменивались вопрошающими взглядами с соседями, всё почему-то оглядываясь назад. Я понял, что цель достигнута — после высокого накала мы поддержали нашего друга и товарища Фиделя Кастро, выступающего на современном этапе символом борьбы за национальную независимость. Поддержали именно поэтому, а не из-за того, что ему посоветовали его представители в Анголе, не согласовав это с советским военным советником. Мы в своих действиях, конечно, обязаны были сделать все, чтобы и сохранить военно-политическое лицо Фиделя Кастро, и совершенно не подвергать риску юг Анголы, а вместе с этим не подвергать испытаниям и судьбу республики и авторитет Советского Союза.

Конечно, я понимал состояние моих друзей, которые, наверное, видели во мне фигуру человека, который был категорически против отвода войск. А тут вдруг все наоборот, и я

даже призываю быстрее это сделать.

Тем не менее я продолжил в том же духе:

— Убедившись в войсках, что они готовы защищать занимаемые рубежи и не намерены отходить, а также понимая, что товарищ Фидель Кастро прав — ударом на избранных направлениях, сосредоточив здесь основные усилия, в том числе и авиацию, противник может опрокинуть ангольские войска и беспрепятственно шагать в глубину страны, а разрозненные части добивать своими резервами и вторыми эшелонами. Теперь мы должны действовать возможно энергичнее, чтобы оперативно построить современную оборону.

Но решать эту задачу надо творчески. Оборона должна быть глубоко эшелонированной. Чтобы не получилось так, что противник, действительно сосредоточив большие силы на избранном направлении и тем самым достигнув трех- даже пятикратного превосходства над ангольцами, проткнет обороняющуюся линию, а за ней уже не будет никакого сопротивления. Вот поэтому нам товарищ Кастро и говорит, что надо отводить — имеется в виду определенную часть войск— в глубину вплоть до Бенгельской железной дороги. На наш взгляд, можно было бы пятьдесят процентов войск оставить оборонять те рубежи, которые они занимают сегодня, вторую же половину этих войск поставить опорными пунктами, на дорожных направлениях до рубежа железной дороги включительно. При этом перед передним краем и на флангах, в том числе между опорными пунктами шире применять инженерные заграждения. Наконец, иметь маневренный резерв. Да и вообще все силы, расположенные в глубине на приготовленных позициях, должны быть готовы к маневру. Таким образом, отведя определенную часть войск в глубину до рубежа нахождения кубинских войск, расположив их в опорных пунктах и подготовив к маневру, мы получим глубокоэшелонированную активную оборону, на завершающем рубеже которой подключаются и кубинские войска. Противник если и захочет наступать, то в такой обороне увязнет и своей цели никогда не достигнет.

Решая эту задачу, советским военным советникам и кубинским товарищам широко надо разъяснять, в первую очередь офицерам ангольской армии, цель наших действий, когда будет идти речь об организации опорных пунктов в глубине. Надо сделать все, чтобы у ангольских товарищей не создалось впечатление, будто мы отходим вообще. Нет, мы создаем непреодолимую оборону.

Вот теперь прошу обсудить внесенное предложение.

Все сразу заговорили, задвигались. Мое предложение было

воспринято весьма положительно. Кубинские друзья смотрели на меня мягко, с благодарностью за то, что был найден выход из сложного положения. Потом началось обсуждение. Высказались все кубинцы и два или три наших офицера. Каждый подчеркивал, что это единственно правильное решение, а затем кое-что предлагал от себя.

Когда мы прощались, товарищ Рискет сказал мне:

— Я знал, что всё, как всегда, закончится благополучно. Советские товарищи могут найти выход даже там, где его нет.

От кубинцев мы с Главным военным советником поехали на наш узел связи. Я написал донесение-шифротелеграмму, где изложил суть организации обороны с учетом предложения тов. Ф. Кастро. Подчеркнул при этом, что по существу его рекомендация принята с целью создания глубокоэшелонированной обороны. Отметил, что этим шагом мы действительно значительно укрепляем оборону, но Вооруженные Силы Анголы не намерены отходить, а будут защищать свое Отечество при любых условиях. Затем я это же устно передал по телефону Николаю Васильевичу Огаркову. Одновременно сообщил, что нашей группе желательно задержаться здесь как минимум еще на неделю, чтобы оказать помощь в проведении в жизнь замысла по югу Анголы. Начальник Генштаба мое предложение утвердил и сказал, что сразу идет докладывать министру обороны.

Решив все вопросы, в том числе по организации обороны, нанесению бомбоштурмовых ударов (в течение двух суток) по районам базирования основных сил УНИТА в юго-восточном районе Анголы и организации помощи отрядам СВАПО, которые действуют в этих же районах, мы со спокойной душой и чистой совестью улетели к себе на Родину. Кстати, в числе провожающих был и товарищ Рискет.

В Москве я первым делом, разумеется, явился с докладом к Н. В. Огаркову. Фактически повторил то, что было в телеграмме, но сделал акцент на некоторых существенных деталях. Одна из них — поведение противника. Во-первых, нет консолидированных выступлений ЮАР и УНИТЫ, во-вторых, на протяжении всего нашего пребывания не было ни одной попытки нанести где-нибудь удар. Мало того, через три-четыре дня после нашего прилета войска ЮАР перестали даже обстреливать позиции правительственных войск Анголы.

— Да, это существенный момент, — подчеркнул Николай Васильевич, выслушав меня. — Я думаю, что это связано с нами. Они, юаровцы, увидели, что Советский Союз решил капитально этим заняться, поэтому что-то предпринимать бесполезно.

— Вполне возможно. Но немаловажно еще одно

обстоятельство. Это уровень подготовки и боевой способности войск Анголы. Они все-таки обломали противнику зубы. Одно дело ангольские войска в 1975–1976 годах, и другое— в 1983–1984 годах. Это современные войска, и они с юаровцами воюют на равных.

Николай Васильевич согласился. Потом при мне позвонил министру обороны и доложил ему, что я прибыл, у меня все в порядке и «Варенников готов подойти и доложить». Устинов ответил, что он пригласит сам. Но сам он, разумеется, не пригласил. И правильно сделал. Мне было бы неудобно смотреть на него в ситуации, когда все получилось не так, как он настаивал. Но главное — дело не пострадало, и наш престиж остался на должном уровне.

Однако доклад в ЦК о нашей работе министр обороны, конечно, сделал. Вот тезисы этого доклада: «Военно-политическая обстановка в Анголе и вокруг нее остается напряженной. Борьба приобретает все более острый характер….

На месте рассмотрен поставленный кубинскими товарищами вопрос о построении обороны на юге НРА. В результате аргументированных обоснований кубинцы согласились с необходимостью построения в южных районах Анголы глубокой обороны с сохранением передового рубежа, занимаемого в настоящее время ангольскими войсками, и созданием ряда промежуточных позиций в глубине.

Следует отметить, что Вооруженные Силы НРА за последнее время значительно окрепли и способны вести борьбу с контрреволюционными бандформированиями УНИТА и отражать агрессию извне. Усилены сухопутные войска. Созданы национальные ВВС и войска ПВО. В целом в ангольской армии техники и вооружения для войск, авиации и флота НРА достаточно для выполнения Вооруженными Силами задач.

По рекомендации советской стороны начата одна из важнейших операций против УНИТА в провинции Мошико. В зависимости от результатов этой операции рекомендовано подготовить и осуществить операцию и в провинции Квандо-Кубанго. Успешное проведение операции в этих провинциях существенно подорвало бы позиции главной группировки УНИТА — Первого стратегического фронта и создало бы условия для коренного перелома в вооруженной борьбе с контрреволюцией.

В складывающейся обстановке особое значение приобретает согласованность советской и кубинской линий при выдаче рекомендаций ангольской стороне.

К сожалению, в последнее время у кубинских товарищей просматривается тенденция в одностороннем порядке выходить

на местную сторону, вносить коррективы в совместно ранее выработанные и переданные ангольскому руководству рекомендации (это относится и к операциям в провинциях Мошико и Квандо-Кубанго). Данный вопрос заслуживает внимания, и представляется целесообразным на двусторонней встрече в Москве его обсудить».

Таким образом, крупная проблема с Анголой была решена. Сделать это было непросто. Но — необходимо. И мы сделали. Главное, что всё сделанное — это во имя жизни.

Глава VI
Сирия. Йемен

Конфликты в этом регионе и их причины. Генштаб ВС СССР ставит непреодолимое препятствие агрессивным вылазкам Израиля против Сирии. Мы довольны своей работой, а сирийцы тем более. Кратко об Йемене.

Успех в решении ангольских проблем во многом был обусловлен нашей первоклассной боевой техникой и освоением (с помощью советских военных советников) эффективных методов ее применения. В Сирии всё было сложнее.

Мы привыкли говорить «Сирия». Но официально это государство называется так: Сирийская Арабская Республика. А если при встрече с сирийскими друзьями говоришь «Аль-Джумхурия аль-Арабия ас-Сурия», то они расплываются в улыбке.

Конечно, сирийцам есть чем гордиться — на их земле самые первые следы обитания человека отмечены в третьем тысячелетии до нашей эры. В свое время этот район находился на самом бойком месте (да и сейчас его значение не утрачено) между Малой Азией, Египтом и Аравией. Естественно, он стал объектом борьбы между многими царствами и княжествами. Со временем торговая экспансия европейских стран накладывает свой отпечаток и здесь. Первая мировая война, события в России, Вторая мировая война — все это отразилось и на жизни народов этого региона. Поднимается волна национально-освободительного движения. В 1925 году несколько небольших государств объединяются в одно под названием: «Сирия». В 1930 году принимается Конституция (точнее, ограниченный статус), согласно которой провозглашалась Республика. А в 1943 году был избран первый президент — представитель национального блока Ш. Куатли. Однако избавиться от англичан и французов сирийцам удается только в 1946 году.

Но уже через два года у Сирии появляется беспокойный сосед — Израиль, который провозгласил свое рождение 14 мая 1948 года на основании решения ООН, принятого в 1947 году. Согласно этому решению предусматривалось создать на землях Палестины (бывшей колонии Англии) два государства: арабское и еврейское. Их территория определялась как приблизительно равная, а главный город Палестины Иерусалим должен был стать самостоятельным городом под управлением ООН.

И вот государство Израиль было создано, а арабское так и не

родилось. Для экстремистских кругов Израиля «ничейные» земли второй половины бывшей Палестины представляли большой соблазн. Подталкиваемый и мощно поддерживаемый международным сионизмом, Израиль за короткое время вооружается до зубов и превращается в агрессивное государство.

Вначале вспыхнула арабо-израильская война 1948–1949 годов. Война Израиля против Египта, Иордании, Ирака, Сирии, Ливана, Саудовской Аравии, Йемена стала следствием империалистической политики подавления национально-освободительного движения народов Ближнего Востока. Она была спровоцирована, направлялась, материально-технически и финансово обеспечивалась США и Англией.

Затем Израиль, вопреки решениям ООН, объявляет город Иерусалим столицей своего государства с 1950 года, а в 1956 году при поддержке Англии и Франции развязывает войну против Египта.

Наконец, он готовится к осуществлению своего стратегического плана — к созданию «великого Израиля» от Нила до Евфрата. В мае 1967 года парламент Израиля дает своему правительству полномочия на ведение боевых действий против Сирии. Естественно, правящие круги США приложили и здесь свою руку, не только благословив, но и всесторонне обеспечив агрессора. Американцам нужен был в этом районе грозный полицейский, который бы к тому же был надежной опорой США. Конечно, для такой роли Израиль — настоящая находка.

5 июня 1967 года Израиль внезапно нападает сразу на три государства: Сирию, Иорданию и Египет. Всего за шесть дней войны войска Израиля захватили: Синайский полуостров с выходом к Суэцкому каналу, район Газы (Египет), Голанские высоты (Сирия), Западный берег реки Иордан (Иордания). Агрессор оккупировал территорию площадью более 70 тыс. квадратных километров с населением в несколько миллионов человек.

Уже на второй день агрессии и во все последующие дни Совет Безопасности ООН принимает резолюции о немедленном прекращении Вооруженными Силами Израиля боевых действий, но тот продолжал нагло захватывать чужие земли. Лишь после того, как 10 июня Совет Безопасности в очередной раз обратился к агрессору, а Советский Союз разорвал дипломатические отношения с этой страной и нашему примеру последовали и некоторые другие государства, — Израиль остановился. Очевидно, подействовало предупреждение правительства СССР, что если не будут прекращены агрессивные действия, то в отношении Израиля будут применены санкции.

Однако в итоге действий Израиля была создана кризисная обстановка. США добились своей цели — удар по народам, борющимся за национальную независимость, был нанесен сильный. Тем более что после захвата чужих земель Израиль начал строить на них свои населенные пункты и завозить сюда своих людей на жительство. Несмотря на множество решений ООН Израиль только сделал вид, что якобы освобождает земли, фактически же все продолжал удерживать в своих руках.

В октябре 1973 года на этой земле вновь вспыхивает пожар. И опять войну провоцирует Израиль. Египет и Сирия с некоторой помощью Ирака, Иордании, Саудовской Аравии, Кувейта, Алжира, Марокко и Туниса попытались хотя бы частично освободить свои земли. Но, на наш взгляд, подготовка была проведена недостаточная. Хотя вначале египетские войска и освободили часть Синайского полуострова, однако затем инициативу перехватили израильтяне: форсировав Суэцкий канал, они на западном его берегу создали плацдармы, с которых угрожали Египту в целом. Одновременно была захвачена часть сирийской территории, и уже совершенно реальной становилась угроза Дамаску.

И опять решительное вмешательство Советского Союза позволило пресечь боевые действия. По этому поводу было принято решение и Советом Безопасности ООН. Между враждующими сторонами встали войска ООН.

Наконец, в 1982 году Израиль в сговоре с США и при его открытой поддержке развертывает широкомасштабные боевые действия на территории Ливана с целью уничтожения боевых отрядов Организации освобождения Палестины. Но в основном главная охота была за руководством этой организации — Ясиром Арафатом и его соратниками. Естественно, Сирия не могла оставаться в стороне и тоже втянулась в боевые действия. Израиль наносит ряд ударов по сирийским войскам, по различным объектам, в том числе по Дамаску.

Разумеется, снова вмешалась ООН, и опять Советский Союз пригрозил агрессору. Израиль вроде притих, но нет-нет да и ударит по Сирии.

И вот как-то вызывает меня к себе Огарков.

— Есть идея, — говорит он и с хитрецой смотрит на меня. Я молчу, но всем своим видом показываю, что готов не только выслушать, но и ввязаться в это дело — если идея начальника, значит, осуществлять ее придется непосредственно подчиненным. — Надо положить конец израильскому беспределу, — продолжает Николай Васильевич. — Ну, вы смотрите — ведет себя как бандит на большой дороге: что хочет,

то и вытворяет.

— Верно, — соглашаюсь я. — На мой взгляд, надо объединить наших друзей-арабов, чтобы они навалились на агрессора всем миром. Защита своей земли — это их, в первую очередь, дело.

— А какая у них сейчас обстановка, как они обеспечены вооружением, боевой техникой и прочим? Чем уже помогли им мы?

Я доложил Николаю Васильевичу в общих чертах (конкретных цифр не было — не взял с собой необходимых справок), да и вообще это не мои вопросы — этим занималось 10-е Главное управление Генштаба. Но в принципе должно знать все Главное оперативное управление Генштаба. Тем не менее я напомнил Огаркову и о том, что начальник Генерального штаба сирийской армии генерал Шихаби при своем последнем визите в Москву (а это было буквально за месяц до вторжения Израиля в Ливан — в долину Бекаа) информировал, что они вооружением обеспечены хорошо, кадры готовятся нормально, уже закончили строить защищенный командный пункт и этот КП имеет отличные связи со всей страной и зарубежьем, вплоть до Москвы.

Огарков начал при мне названивать и наводить справки в 10-м Главном, в Главном разведывательном управлении и даже в Первом Главном управлении КГБ (внешняя разведка). Все говорило о том, что страна и Вооруженные Силы всем необходимым обеспечены, людских ресурсов в Сирии больше чем достаточно, подготовка частей с помощью наших специалистов поддерживается на хорошем уровне. А противник преимуществ не имеет. Так зачем же остановка? Почему агрессор безнаказанно вытворяет все, что ему вздумается?

Обсуждая обстановку вокруг Сирии, мы вернулись к идее Николая Васильевича, ради чего он меня и вызвал. Она прямо касалась сирийской проблемы, судьбы этого государства.

— Пока мы будем наблюдать за событиями на Ближнем Востоке со стороны, довольствуясь тем, что присылают послы или наши главные военные советники, до тех пор мы не сможем разобраться: а что же там на самом деле происходит, — сказал он. — Даже отдельные специальные группы, направленные, допустим, в Сирию для разбирательства каких-либо проблем, не могут дать полной картины. Как бы ни были объективны наши послы и главные советники, как и другие представительства, на них все-таки лежит определенная тень заинтересованности. Поэтому только личный выезд самых компетентных лиц Генштаба позволит вывернуть все наизнанку и увидеть корни всех бед, которые постоянно сопровождают Сирию. И это позволит наконец

сделать вывод, что конкретно надо предпринять, чтобы оградить Сирию от израильской агрессии. Создается такое впечатление, что мир просто начинает привыкать к тому, что одни страны, как, например, Израиль, стали агрессорами, а другие должны быть только безропотными, потому что за Израилем стоят США.

— Полностью с вами согласен, товарищ маршал. Действительно, чтобы предпринимать что-то конкретное в организации обороны страны, надо знать хорошо обстановку. Однако для того, чтобы вывернуть все «наизнанку», нужны, с одной стороны, полномочия нашего руководства, а с другой — согласие президента Асада.

— Я намерен по этому поводу поговорить с Дмитрием Федоровичем. Думаю, что он согласится доложить генеральному. Через дипломатические каналы можно было бы договориться и с президентом Сирии. Если будет «добро» на поездку, то поедем мы с вами и еще человек 10–12. Вы можете сделать прикидку кто конкретно, — заключил Огарков.

На этом мы и остановились, а буквально через неделю уже состоялось решение о нашей поездке в Сирию. Команду, как и предполагалось, возглавлял Н. В. Огарков.

Дамаск нас встретил хорошей, солнечной погодой и приветливыми улыбками наших сирийских друзей и офицеров советнического аппарата. В первой половине дня повстречались с министром обороны генералом Тлассом и отдельно (так у них было принято) — с начальником Генерального штаба генералом Шихаби. Уточнили планы действий, окончательно согласовав их с Шихаби.

Во время беседы с Тлассом и Шихаби Николай Васильевич Огарков в основном напирал на тот факт, что за последнее время позиции Сирийской Арабской Республики заметно окрепли, и мы гордимся тем, что за короткий промежуток времени удалось совместными услиями достигнуть дальнейшего укрепления национальных Вооруженных Сил. Это, конечно, всерьез заставляет израильских агрессоров задуматься над возможными последствиями их действий. Говоря об этом, Огарков не только объективно констатировал сложившуюся ситуацию, но и вселял обоим военачальникам уверенность в свои силы, в большие возможности Вооруженных Сил Сирии.

— На сегодняшний день уже достигнуто устойчивое равное соотношение сил и средств с противником в условиях противостояния Сирии один на один с Израилем, — говорил Николай Васильевич. — При этом с завершением в ближайшее время проводимых вами мероприятий по формированию новых дивизий это соотношение, по многим показателям, будет в пользу

сирийской армии. Поэтому вы способны не только отразить удар агрессора, но и обязаны разгромить его в случае нападения.

Н. В. Огарков отметил, что Советский Союз поставляет технику и вооружение для Вооруженных Сил Сирии в объеме наших соглашений и в срок, что позволяет сирийской армии иметь оснащение на высоком современном уровне. И особо подчеркнул реализацию зенитных ракетных полков дальнего действия, сказав при этом, что им надо оказать помощь в заступлении на боевое дежурство. Естественно, за этим будет следить разведка противника с целью сорвать это мероприятие. Потом Огарков посоветовал, что надо хорошо отладить взаимодействие ВВС и ПВО, а также ВВС с Сухопутными войсками, организовать боевое дежурство, обеспечить постоянную боевую готовность. Сообщил, что мы приехали, чтобы оказать помощь, и об этом он будет сегодня говорить с президентом Сирии.

Во второй половине дня состоялся визит к президенту. На аудиенцию вместе с Огарковым отправилось пять человек.

Дорогой к президенту я невольно отмечал, что всё вокруг весьма скромно, никакой помпезности, но аккуратно и красиво.

Улица, на которой размещалась резиденция президента, была обычной и находилась в центре города, неподалеку от того места, где проживали мы.

Дом президента стоял в одном ряду с другими, примыкал к ним своим торцом и внешне отличался от других отсутствием каких-либо украшений. Вход в резиденцию прямо с улицы. При этом у входной двери незаметное крылечко.

Войдя в помещение, мы попали в небольшой тамбур, откуда наверх вела неширокая деревянная лестница, прижавшаяся к левой стене. Поднявшись на второй этаж (здание было двухэтажным), мы оказались на большой площадке типа балкона. Средняя дверь была раскрыта, и Огарков шагнул туда вслед за нашим сопровождающим. Мы — за ним. И все сразу оказались перед президентом. Комната была большая (но не зал), с невысоким потолком и некричащей мебелью и убранством. Ничего лишнего, освещение электрическое.

В общем, с президентом Х. Асадом мы встретились точно в назначенное время. Поздоровавшись с каждым за руку, президент пошел к своему креслу, пригласив Огаркова занять место визави. Остальных рассадили поблизости.

Сегодня все эти воспоминания просто не позволяют мне представить Ельцина в этой скромной обстановке. Для того, чтобы озолотить свои и без того золотые хоромы, он в один присест израсходовал на это более 360 миллионов долларов. Но

ведь весь Кремль отдан в пользование одному человеку!!! И это в условиях, когда страна и народ бедствуют, страдают от нищеты и угнетения. Хорошо хоть, что сейчас это выравнивается, в т. ч. пользование Кремлем.

А ведь Хафез Асад, по сути ровесник Ельцина (разница один год), был министром обороны, председателем правительства и уже 30 лет является президентом и более 30 лет генералом армии. И прекрасно руководит страной в условиях сильнейших межгосударственных противоречий на Ближнем Востоке и внутренних сложных течений.

Беседа шла в основном между Асадом и Огарковым. Хотя президент, внимательно слушая Николая Васильевича, не оставлял без внимания и всех остальных, бросая свой взгляд на наше представительство. Разговор после обоюдных любезностей и передачи Огарковым приветствий и наилучших пожеланий от наших руководителей, в первую очередь от Андропова и Устинова, сразу принял деловой конкретный оборот.

Хафез заметно оживился, особенно когда зашла речь о целях нашего приезда и методах работы.

Президент Асад согласился с Огарковым в том, что за последнее время авторитет Сирии вырос, а Вооруженные Силы с помощью Советского Союза значительно окрепли. Конечно, это обстоятельство заставит израильских агрессоров призадуматься. Но геополитическое положение Сирии — очень сложное. Во-первых, союзники пока еще не готовы включиться в войну, если вдруг Израиль опять нападет. Во-вторых, агрессор, какой бы он ни был, всегда захватывает в первые же часы и дни инициативу. В-третьих, по времени противнику не потребуется тратить много времени на бои и достижение цели.

Местоположение Дамаска, находящегося вблизи от границы с Израилем, особенно ставит страну в очень сложное положение. От Дамаска до границы — всего 60 километров. Внезапным концентрированным ударом можно прорваться в столицу, тем более если он будет сопровождаться массированными ударами авиации противника. И этого нельзя сбрасывать со счетов.

Президент — военный человек и он четко и ясно представлял себе возможный наихудший вариант развития событий и высказал открыто это Огаркову.

Но Николай Васильевич «не сдавался» и тоже, как и в разговоре с министром обороны и начальником Генштаба, старался показать, что все это, несомненно, мы учитываем. Однако сегодня ситуация значительно изменилась даже в сравнении с недалеким прошлым, и она вселяет оптимизм. Особо зримые изменения произошли в укреплении системы ПВО и ВВС.

В этом отношении сделано действительно многое. И как только два зенитно-ракетных полка дальнего действия системы ПВО будут поставлены на боевое дежурство — возможности противовоздушной обороны страны сразу же кардинально изменятся. «Цель нашего приезда и состоит в том, чтобы эти новые возможности максимально задействовать, а боеготовность и боеспособность армии Сирии максимально повысить», — заявил Огарков.

Президент, приветствуя это, сказал, что он даст все необходимые распоряжения, чтобы нашей группе была представлена возможность всесторонне изучить состояние дел в Вооруженных Силах.

Руководители беседовали, а мы делали в своих блокнотах пометки, не забывая наблюдать за происходящим. Я, например, позволил себе хорошо рассмотреть Асада. Это был высокий, хорошо сложенный, подтянутый человек. Величественное благородное лицо, высокий, немного шишковатый лоб, большие умные глаза, неторопливые, но выразительные жесты. Держится уверенно и чувствует себя твердо.

Правда, некоторые считают, что Асад излишне суров, что он поощряет жесткие действия общинных и религиозных судов в отношении аморальных поступков. Например, в отношении лиц, совершивших кражу, насилие, бандитское нападение и т. п. К этим преступникам принималась одна мера наказания — лишение жизни через повешение. Лично я полагаю, что это хоть и суровая мера, но она быстро очищает общество от мрази.

Как-то уже в ходе нашей работы, когда мы ехали по делам с генерал-лейтенантом Али — первым заместителем начальника Генштаба (он был постоянно со мной, неплохо говорил по-русски), я задал ему вопрос:

— Скажите, почему у вас многие частные магазины — без продавцов? Я наблюдаю, что магазины выставляют даже свой товар на тротуар, а хозяина нет.

— Хозяин есть. Может быть, он сейчас у себя дома, наверху. Если кто-то что-то хочет купить, то надо подергать за шнур и колокольчик вызовет хозяина.

— Никакого ущерба нет от того, что хозяин оставляет магазин?

— Нет, конечно. Он даже может уйти к соседу или куда-то по делам, а магазин не просто бросить открытым, но многое вынести с прилавками вместе на тротуар. У нас воровства вообще нет. За воровство, изнасилование и подобное общинные суды (а в Дамаске они в каждом районе) приговаривают совершившего преступление только к высшей мере наказания — казнь через

повешение. Давайте поедем к месту казни — может, кто-то висит и сегодня.

Не спрашивая моего согласия, он дал команду водителю и мы отправились к этому месту. Оказывается, под мостом, расположенным в центре города, установлены виселицы и казнь вершится как обыденное дело. Даже без стечения большого количества людей. Наверное, на мое счастье, никто под мостом не висел. Я просто не нашел бы что сказать по этому поводу. Однако генерал продолжал повышать мои знания в этой области. Проезжая в центре города одно видное здание, он сказал:

— Это центральный банк. Не так давно директора этого банка уличили в хищении 70 тысяч долларов. Судили и повесили, но не под мостом. Соорудили виселицу прямо перед банком и повесили. Неделю висел. Сотрудники обозревали своего бывшего начальника. Не нужна никакая агитация по поводу недопущения воровства.

Я не вправе давать какие-то оценки всему этому. Тем более преступление налицо. Однако чувствую, что сам факт прилюдной казни и тем более демонстрация повешенного в течение многих дней не очень согласуется с принятыми международными канонами.

Но международные каноны не могут быть стандартом для всех народов. А вы посмотрите, какой уровень преступности в передовых странах мира, и сравните его с нашими показателями. Их вообще нельзя сравнивать. Но зато в этих странах не казнят при народе или казнь вообще не предусмотрена. На мой взгляд, одобряя гуманность в принципе, надо оценивать ее, исходя из интересов человечества, его будущего, а не только сегодняшнего дня и интересов одного конкретного Рафика или Иванова. Если мы даем слабину, то позволяем развиваться гниению здорового тела. Но если мы с корнем уничтожаем все гниение— обеспечиваем здоровую жизнь всему организму, хотя и остается шрам.

Вот такой был удивительный разговор.

Наша группа остановилась в одном из домов в центре города. Вверху место для отдыха, внизу — гостиная, место для ведения деловых разговоров, здесь же была устроена для нас столовая. Кроме нашей группы в доме больше никто не проживал, если не считать охраны и, очевидно, части обслуги.

Первая ночь в Дамаске принесла всем, кто был там впервые, интересный сюрприз. Под утро (ориентировочно в 4.20), когда солнце только-только собиралось нарушить сон спящего города и осветить темное небо, вдруг почти одновременно заговорили множество мечетей. Муллы через мощные динамики обращались

к жителям столицы, призывая их к молитве во имя Аллаха. Это было так неожиданно, так громко и так эффектно, что я быстро поднялся с кровати, не понимая, что же происходит, подошел к окну и открыл его. Голоса сотен мулл с новой силой ворвались в комнату. Я стоял как завороженный, глядя на хорошо освещенный даже в эту раннюю пору город. Красивые, с подсветкой высокие минареты при мечетях, как ракеты, стояли по всему городу, подпирая темно-синее небо с еще не погасшими огромными и яркими звездами. Какой сказочный мир! В итоге-то я понял, что происходит, но зато какой картиной удалось полюбоваться!

Минут через двадцать все муллы успокоились. Но город уже зашевелился. Чувствуется, что он уже бодрствует, дышит полной грудью. Конечно, до подъема я уже не спал. Начал еще и еще раз перебирать в памяти свои сведения о исламе. «Еще раз» потому, что в него я немного был посвящен, когда в юности жил на Северном Кавказе. Затем понадобилось обогатить свои знания в этой области, когда после войны командовал полком, дивизией и военным округом — ведь в подчинении много было и верующих в ислам. Наконец, сейчас в Генштабе: перед вводом войск в Афганистан — знание ислама было одним из важнейших факторов. И вот сейчас, приехав в страну, где почти все поклоняются исламу, надо было быть на высоте.

Кроме того, что ислам возник в Аравии и его основателем был Мухаммед, а источником власти Мухаммеда был Аллах, который наделил своего посланника абсолютной религиозной прерогативой, надо, конечно, знать и другие принципиальные основы, на темы которых обычно возникают разговоры во встречах. Для меня было очень важно (да и для любого), что ислам, помимо Мухаммеда, признает высшими из категории посланников Бога (или расуль) такие фигуры, как Адам, Ной, Авраам, Моисей и Иисус Христос.

Я знал, что в основу ислама положены пять положений, которые должны выполняться при всех условиях. Это произнесение молитвы (шахада) должно делаться вслух, богослужение (намаз) должно быть пятикратным в день, соблюдение поста в месяц рамадан, проявление благотворительности или подача милостыни, паломничество в священный город Мекку.

Понятно и появление в исламе, кроме ортодоксального суннизма, другой параллельной ветви — шиизма. Даже понятно и зарождение в последнем (т. е. у шиитов) различных сект, в том числе исламистов (кстати, в Афганистане среди них у меня было много друзей). Но вот почему ислам делит всех людей на «правоверных» (т. е. мусульман) и на «неверных» (т. е. всех

остальных), это усвоить не мог. Так же, как и «джихад» или «войну за веру», так сказать, «священную войну». На эту тему у нас было много бесед, в том числе со «специалистами» (т. е. мусульманами), но ясности в этом вопросе нет по-прежнему. И, видно, не будет потому, что в основе каждой религии лежит добро, справедливость, равенство, братство, а не вражда и война. Но беда в том, что во все времена власти и отдельные служители культа нарушали эти каноны, разжигали религиозные войны.

Утром собравшись на завтрак за общим столом, мы обменивались впечатлениями. В центре разговоров оказывалась деятельность столичных мулл. С нами постоянно был генерал от сирийского генштаба, который следил за протоколом и выполнением намеченных дополнительных мероприятий. Он тоже завтракал с нами, и мы старались использовать его присутствие для выяснения некоторых обстоятельств. Кое-кто шутил. Например, говорил, что если бы военные вот так работали, как муллы, — у нас бы не было проблем. Генерал, улыбаясь, говорил, что мы не должны особенно обольщаться работой мулл. После нашего напора — что же он, генерал, имеет в виду? — генштабист просветил нас:

— Вы думаете, что мулла уже в четыре часа утра поднимается на минарет и, надрываясь, кричит всему городу, призывая правоверных к молитве?

— Ну, конечно! А как же иначе? Да мы и сами все слышали и убедились в этом.

— Да нет! Мулла спит! Это его работник, поднятый будильником, в установленное время включает магнитофонную запись голоса муллы и транслирует ее через мощные динамики, установленные на минаретах. Через двадцать минут выключает их и тоже ложится спать.

Это сообщение вызвало у нас веселое оживление. А генерал продолжал просвещать нас. Главное, сказал он, в течение дня мусульманин должен пять раз совершать намаз. Все остальное не имеет особого значения.

После завтрака мы отправились в местную столичную дивизию, которая подчинялась президенту. Она была огромной, содержалась по особому штату, имела в своем составе много танков, бронетранспортеров и артиллерии. Личный состав подбирался персонально. Обеспечение было очень хорошее. Поэтому никаких проблем здесь не было.

Мы посетили также остальные дивизии и бригады, и там, если возникали какие-то вопросы, их решали немедленно в этот или, в крайнем случае, на следующий день. Но все это было только подготовительными шагами к главному. Устанавливался

уровень подготовки и готовность сил и средств к действиям по отражению агрессии. Изучен был, кстати, и центральный командный пункт, его защита и способность обеспечить управление Вооруженными Силами и страной в целом. Этот объект был на современном уровне и даже оснащен электронной техникой, что для начала 80-х годов было весьма и весьма неплохо.

Теперь следовало установить причины безнаказанного вхождения в воздушное пространство Сирии израильской авиации и беспрепятственного решения ею своих боевых задач. А также определить, что конкретно надо предпринять, чтобы решительно и окончательно пресечь этот бандитизм. Для этого следовало выехать к границе, точнее, к рубежу реального соприкосновения с войсками Израиля. Мы разделились на три группы. Одну возглавил Н. В. Огарков, она поехала к центру Голанских высот и далее на юг, вплоть до границы с Иорданией. Во второй группе старшим был я, и мы отправились в Ливан — в долину Бекаа, на рубежи, оборудованные к ее подступам, и далее на юго-восток к Голанским высотам. Третья группа оставалась в Генштабе, как связующее звено между этими двумя группами с Дамаском, между самими группами и между нами и Москвой.

Наша группа сразу поехала в знаменитую в то время долину Бекаа. Мы намеревались вначале изучить именно там, на одном из самых горячих участков, условия ведения боевых действий, а затем, возвращаясь обратно к Дамаску, осмотреть все подготовленные оборонительные рубежи. Надо иметь в виду, что на этом направлении возглавлял группировку сирийский генерал в ранге командира корпуса. На наш взгляд, он командовал этой группировкой уверенно и со знанием дела.

Долина тянулась с севера Ливана на юг на несколько десятков километров. Ширина ее была разной. Там, где были мы, она достигала более километра. Между прочим, мне сразу бросился в глаза высокий уровень цивилизации, особенно дизайн строений и приусадебных участков, а также культура земледелия. Конечно, долина Бекаа— это одна из самых плодороднейших земель на планете, а климатические условия весьма благоприятствуют выращиванию высоких урожаев. Но чтобы получить такие урожаи, нужен немалый труд. И мы всюду видели следы и плоды этого труда. К примеру, виноградники устроены галереями. По П-образным деревянным стойкам, закрепленным сверху между собой для устойчивости рейками, плетется лоза, образуя с боков сплошную стену, а сверху — густую крону. Это очень удобно и для растения, и для работника.

Жаль, конечно, что у меня не было времени хотя бы в общих

чертах изучить жизнь и быт местных жителей. Надо было заниматься своим делом — изучать условия ведения боя.

Изучив оборону, мы с сирийскими товарищами единодушно пришли к выводу, что она весьма примитивна: долина на двух участках «разрезана» поперек так называемым противотанковым рвом, плюс на некоторых прилегающих высотах установлены несколько пулеметов. И всё. Пехота, различные специалисты и даже минометчики забрались в эти противотанковые рвы, считая их неприступными рубежами. Разобрав все детально, как надо провести дополнительно инженерное оборудование и какая должна быть система огня, мы отправились на высоту «Султан», которая возвышалась, как искусственный огромный холм между двумя противотанковыми рвами, но ближе ко второму (северному) и несколько сдвинутый к западу. Это было просто чудо природы — в спокойной долине вдруг такой холм высокий в 100–120 метров (а может, и больше). На макушку холма шла хоть и узкая, но отличная с твердым покрытием дорога. По всему холму были разбросаны домики с садами и огородами. Наверху находилась смотровая площадка — видно, специально построенная для туристов. Отсюда открывалась прекрасная панорама на несколько километров вверх — на север и вниз — на юг (т. е. в сторону противника). А что же здесь из оборонительных средств? Только один крупнокалиберный пулемет.

Конечно, мы всё капитально поправили. В том числе рекомендовали разместить здесь не только огневые средства и боевые подразделения, превратив «Султана» в неприступную крепость, но и командно-наблюдательные пункты общевойсковых и артиллерийских командиров, а также авианаводчиков. Поскольку у наших сирийских друзей было так заведено, что инженерное оборудование рубежей и огневые позиции всех видов строили гражданские инженерные организации по найму (договору), мы порекомендовали товарищам срочно привезти сюда, в долину Бекаа, несколько тысяч больших саперных лопат (которыми у них — сирийцев, кстати, завалены все склады), проинструктировать офицеров и солдат, что конкретно от них требуется: минимум — окоп для себя и офицера, чтобы сохранить жизнь, а максимум — взводный или ротный опорный пункт. А затем как продолжение дополнительно строить оборону уже будут, как это и заведено, инженеры.

С нами согласились, и работа если уж не закипела, но началась. Мы обещали подъехать завтра и посмотреть результаты.

Очень важным моментом мы считали оборудование позиций на высотах гор, обрамляющих долину Бекаа с востока и запада. С этих позиций все прекрасно просматривалось и простреливалось.

И если в самой долине, в затылок противотанковым рвам в 100–200–300 метрах отрывались траншеи для боевых подразделений и огневые позиции (в том числе для танков, артиллерии) с целью отражения удара с фронта, то на этих высотах должны быть позиции главных сил, которые вначале огнем обязаны были нанести атакующему существенный ущерб, а затем контратаками добить агрессора. Конечно, непосредственно в долине противник может массированно применить танки, но тем самым он попадает в огневой мешок. Что и требуется.

С таким приблизительно подходом у нас было рассмотрение и последующих рубежей, на которые должен был наткнуться противник в случае, если вздумает развивать удар с долины Бекаа в направлении Дамаска. При этом мы тоже рекомендовали не ожидать подхода строителей для инженерного оборудования оборонительных рубежей, а начинать это делать войсками, как у нас.

Интересно складывалась обстановка с нашей оценкой ситуации в районе Голанских высот.

Мне сразу бросилось в глаза, что по гребню этих высот установлены различного рода радары, развернутые в сторону Сирии безо всякой защиты. Это походило просто на вызов, поскольку эти РЛС были вполне досягаемы даже из 82-мм минометов. Они стояли на сирийской земле и нагло просматривали всю территорию, при этом даже не делалось попыток укрыть хотя бы их жизненно важные элементы. Что ж, эта их самоуверенность и пренебрежительный вывод о том, что сирийцы не посмеют их тронуть, тоже должны быть нами использованы в полную меру.

Радиолокационные станции, расположенные на Голанских высотах, обеспечивали техническую разведку большой части территории Сирии и все ее воздушное пространство, а также управление всей боевой авиацией Израиля (наведение на воздушные и наземные цели).

Характерно, что аэродромы, на которых базировалась израильская боевая авиация, находились сразу за Голанскими высотами. Подлетное время от ближайшего аэродрома было всего лишь пять-семь минут. Это, конечно, ставило агрессора в очень выгодное положение. И наоборот— в сложном положении оказывалась сирийская сторона: парировать такой внезапный удар было очень сложно. Но при всех условиях, даже если бы мы по «горячей» линии могли передавать сообщения сирийским друзьям через две-три минуты после массового взлета авиации противника (используя свою систему спутников), то и в этом случае при внезапном нападении вся боевая авиация Сирии не

успевает подняться в воздух и будет застигнута ударами на аэродромах.

Что делать?

Мне приходит мысль о создании системы немедленных ударов по важнейшим объектам (СНУВО) противника, от которых в первую очередь зависит всё управление силами и средствами нападения. В частности, если все радиолокационные станции на Голанских высотах поразить ударом дежурных артиллерийских средств прямой наводки и с закрытых позиций, то у противника полностью разрушается система управления авиацией. Его ударные самолеты, имеющие боевое задание нанести бомбоштурмовой удар по конкретным целям, каждый раз рассчитывают на корректировку своего полета и детальную наводку со стороны командно-наблюдательного пункта, который отлично «видит» своими локаторами и каждый самолет, и каждую цель. С этих командных пунктов осуществлялось и наведение истребительной авиации на авиацию сирийских ВВС, если та успевала взлететь. Поэтому, разрушив систему управления авиации противника, можно было бы рассчитывать на дальнейшую победу.

В моем представлении эта система должна выглядеть следующим образом.

Располагая достоверными данными разведки о всех военных объектах противника, отбираются важнейшие — это в основном пункты управления, радиолокаторы, наиболее опасные ударные средства типа самолетов на аэродроме, ракетных установок и т. п. По перечню отобранных целей назначаются наши средства поражения — артиллерийские и минометные батареи, танковые подразделения (главным образом для стрельбы прямой наводкой), ракетная бригада (головные части ракет в обычном снаряжении). На главные цели назначаются по два-четыре средства поражения. Для них оборудуется две и более огневых позиции с мощной инженерной защитой. Все ударные средства постоянно наведены на свои цели. Они находятся на боевом дежурстве в готовности: артиллеристы, минометчики и танкисты — к открытию огня через две-три минуты после команды; летчики дежурных звеньев вертолетов и самолетов — к взлету через три-пять минут после команды; летчики остальных боевых самолетов и вертолетов с подвешенными ракетами и бомбами — через 15–30 минут после команды (летчики на казарменном положении— как временная мера); пуски тактических и оперативно-тактических ракет — через 15 минут (в основном по аэродромам — взлетно-посадочным полосам и пунктам управления полетами).

Прибыв в Дамаск, я поделился этими мыслями с Н.В.Огарковым. Мое предложение его заинтересовало. Мы собрали узкий круг наших специалистов, посоветовались, прикинули — вроде должно получаться. В том числе можно иметь три-четыре смены артиллеристов и танкистов, если будут дежурить по месяцу.

Но вдруг Николай Васильевич засомневался:

— Все это соблазнительно, но смогут ли наши сирийские друзья удержать все это в тайне? У них даже из Генштаба кое-что просачивается буквально на следующий день.

— Думаю, этого опасаться не надо, — успокоил я Огаркова, — на мой взгляд, это даже лучше. Надо создать вокруг этого ореол строжайшей секретности, чтобы привлечь внимание. А тем временем делать всё капитально, как задумано. Наша цель — с началом агрессии уничтожить или подавить особо важные объекты противника. И мы будем это делать при любом условии — знает противник о нашем замысле или не знает. Но если мы определим, что он против наших огневых средств будет назначать свои соответствующие средства, — примем дополнительные меры. Осведомленность противника об этих мерах будет только отрезвляюще действовать на охотников поиграть в войну. А это тоже в наших интересах.

Разобрав этот вариант, пришли к выводу, что путь правильный. Обсудили и с Шихаби. Он сразу ухватился за эту идею. Решение было принято и в течение недели выполнено по всему фронту (правда, завершилась работа уже без нас). Это действительно была целая эпопея. И, естественно, практические дела по оборудованию позиций, по постановке на позиции материальной части, по проведению тренировок — все это соответствовало содержанию той директивы, которая родилась в Генштабе сирийских Вооруженных Сил в течение суток (разумеется, с нашей помощью). По данным нашей разведки, в Генштабе Израиля переполошились: они приобрели копию директивы Генштаба Сирии, сопоставили с тем, что было на местности, и пришли к выводу, что перед ними возникла новая реальная грозная опасность. Генерал армии П. И. Ивашутин, не зная замысла маршала Н. В. Огаркова, прислал через нашего Главного военного советника в Сирии последнюю шифровку, где кроме прочего писалось: «Отсутствие должных мер по сохранению в тайне тех мероприятий, которые проводятся нашими сирийскими друзьями по Вашей рекомендации, привело к тому, что в Генштабе Израиля стало обо всем известно».

Николай Васильевич, дав мне шифровку для ознакомления, довольно улыбнулся:

— Вот так надо работать!

Я согласился с ним, хотя его вывод мог подразумевать разное: и оперативность израильского Генштаба, и удачную «наживку», которую мы этому Генштабу подсунули, и моментальную информацию нашего Главного разведывательного управления о ситуации в военном ведомстве Израиля.

По итогам нашей работы состоялась еще одна встреча с президентом Х. Асадом. Уже до начала разговора можно было почувствовать, что он в хорошем настроении и доволен работой нашей группы — о ней начальник Генштаба генерал Шихаби докладывал ему ежедневно.

Огарков сделал информацию о впечатлениях по Вооруженным Силам Сирии о наиболее сложных проблемах, принятых мерах и предложениях на перспективу. Особо был разобран вопрос о системе нанесения ударов по особо важным объектам и об ответно-встречном (ответном) огневом ударе по противнику в случае развязывания им агрессии. Кроме того, было рекомендовано — и президент согласился с этим — провести под его руководством оперативное командно-штабное учение по отработке организации и нанесения ответного удара и разгрома агрессора. План проведения учения мыслилось разработать с нашей помощью.

Президент Х. Асад отметил в заключение, что морально-политическая атмосфера в арабском мире меняется к лучшему, но вероятность вооруженных провокаций со стороны Израиля не исключена. Поэтому будет делаться всё, чтобы бдительность народа Сирии и боеготовность Вооруженных Сил Республики были бы на высоте. Он попросил Огаркова передать приветствие советскому руководству и заверение в том, что сирийское руководство будет настойчиво крепить дружбу с Советским Союзом.

Вернувшись в Москву, мы, как это обычно практиковалось, подготовили доклад в ЦК КПСС за подписью министра обороны Д. Ф. Устинова. Он отражал фактическую сторону состояния дел и наши предложения.

Прошло приблизительно четыре-пять месяцев. Экстремизм Израиля значительно приутих. Однако, желая убедиться в том, что наши рекомендации выполняются эффективно и для оказания помощи сирийским друзьям, начальник Генерального штаба с разрешения министра обороны и с согласия сирийской стороны послал туда наших генштабистов. Они поработали несколько дней, оказав помощь в подготовке и проведении командно-штабного учения высшего командного состава. Непосредственно помощь генералу Шихаби оказала группа наших офицеров под

руководством генерал-полковника М. А. Гареева— высокого военного специалиста и прекрасного методиста.

В целом работа наших офицеров под руководством маршала Н. В. Огаркова, конечно, оказала кардинальное влияние на дальнейший ход событий в Сирии и вокруг нее. Фактически с тех пор уже прошло более 20 лет, но столкновений между арабским миром, с одной стороны, и Израилем — с другой больше не было.

Но было бы неправильно, если бы я утаил некоторые эпизоды, которые имели место в ходе нашей работы в Сирии, в том числе и со мной. Однако жизнь есть жизнь, она такая, какая есть. И воспринимать это надо без вздохов.

Поскольку особое внимание мы уделяли постановке на боевое дежурство наших двух дальнобойных зенитно-ракетных полков С-200 (один уже стоял, а второй только прибывал), я, конечно, поехал в эти полки, чтобы изучить все их проблемы. Не доезжая несколько километров до полка, вдруг наблюдаю полет одной, затем второй ракеты. Мы остановились, выскочили из машины. Ракеты ушли в сторону Ливана. Через несколько секунд где-то на горизонте раздался взрыв, а затем — второй. Подождали— никакого развития событий. Мы помчались в полк, где нас уже ждали. Первый мой вопрос: «Что случилось?» Командир полка с суровым лицом докладывает:

— Товарищ генерал армии! Зенитно-ракетный полк находится на боевом дежурстве. Никаких происшествий не произошло, за исключением того, что приданный полку зенитно-ракетный дивизион «Оса» недавно пустил две ракеты по неопознанной цели. Сейчас разбираемся.

Поехали сразу в дивизион. Не раскладывая все по полочкам, как назревал пуск, хочу сразу перейти к итогу.

Радиоэлектронная система зенитно-ракетного комплекса «Оса» — крайне чувствительная. На экране локатора появилась цель. Ее запросили. Она не отвечает, но двигается на огневую позицию полка. Высота 200 метров, однако скорость низкая. Учитывая, что цель к тому же в секторе особой ответственности дивизиона и имея в виду наши последние требования (с нашим приездом), командир дивизиона дает команду — цель уничтожить. Когда задача была решена — начали разбираться. Оказывается, это летела стая гусей. Но учитывая, что они летели курсом строго на огневые позиции, было сложно определить скорость «цели», а отсюда и ее характер. Но в целом был допущен ляп.

Определив с командованием полка и этого дивизиона, какие технические меры надо принять дополнительно, чтобы не допустить подобных случаев, вместе с командиром полка

перешли на его командный пункт. Он представлял собою мощнейшее сооружение. Только прямое попадание в антенны может вывести ракетный комплекс из строя. Личный состав и техника укрыты прекрасно. Огневые позиции под пусковые установки тоже в бетоне.

Сели к главному экрану локатора. Офицер-оператор дал необходимые пояснения того, что я вижу на экране, а затем добавил:

— А это ходит поперек моря американский «Авакс».

— Сколько до него? — спрашиваю я.

— От 180 до 200 километров — в зависимости от того, в какой части своего маршрута патрулирования он находится. Но входит он в воздушное пространство Сирии, если отсчет вести от порта Тартус.

— Так вы чего смотрите? — обратился я в шутку к командиру полка.

А тот всерьез отвечает:

— Разрешите сбить? Стреляем на 240 километров. Разрешите?

Этот встречный вопрос поставил меня в тупик.

— Давайте пока на этот раз воздержимся.

Вот такие эпизоды бывали в нашей жизни.

А в целом в Сирии всё прошло благополучно. Уверен, что наша работа тех лет положительно сказывается на обороне этого государства и сегодня.

Повествуя о Сирии, мне хочется несколько мыслей высказать еще об одном интересном государстве, куда я не попал чисто случайно. Не выделяя в отдельную главу, я все-таки расскажу читателю и об этом.

Есть такая страна — Йемен (точнее, две страны) на юге Аравийского полуострова. Вообще, о ней можно было бы и не писать, так же, как и о Вьетнаме, Мозамбике, Никарагуа, где я тоже не был. Но все-таки кратко остановлюсь, и не только потому, что в самый горячий для Южного Йемена период внутриполитического конфликта, который перерос в боевые действия враждующих сторон, в Аден была дана телеграмма на имя представителя КГБ в советском посольстве о том, что я вылетаю в эту страну — я хочу подчеркнуть широкие возможности по управлению нашими представительствами, которыми мы в Советском Союзе располагали, чтобы влиять на обстановку с помощью наших советников.

Так распорядилась судьба, что Йемен, являясь одним из древнейших очагов цивилизации так же, как и Сирия, на каком-то

этапе застыл в своем развитии. По-разному назывались государства на этой территории, сменявшие друг друга. Страна в целом в различные годы входила в состав Персии, затем Арабского халифата, Египта, Великой Османской империи. Характерно, что в первой половине XIX века Англия захватила порт Аден. Казалось бы, можно было ожидать, что она окажет положительное влияние на развитие этого города и в целом юга Йемена. Однако такого не произошло, как и с другими колониями Великобритании. Оба Йемена и сейчас относятся к числу экономически наименее развитых стран мира.

В начале XX века Северный Йемен добивается автономии и провозглашает независимое королевство. А в начале второй половины XX века был свергнут глава мусульманской общины имам и провозглашена Йеменская Арабская Республика (ЙАР). Приблизительно до 1970 года на этой земле бушевала гражданская война, затем обстановка стабилизировалась и страна встала на капиталистический путь развития.

А Южный Йемен долгое время прозябал на правах колонии. Но когда после Второй мировой войны на планете поднялась волна антиколониальной борьбы за национальную независимость и Северный Йемен добился свободы — все это подтолкнуло патриотические силы Юга к борьбе за независимость. В конце 60-х годов Южный Йемен становится самостоятельным государством, в 1970 году провозглашается Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ), которая берет курс на построение социализма.

Так на земле Йемен образовались два государства с разной ориентацией, разной идеологией. Естественно, возникли и новые проблемы. В первую очередь они были связаны с главным вопросом — устранением всё усиливающегося антагонизма и созданием условий объединения этих двух, по существу братских, народов, но теперь уже с разным курсом развития.

Глава (с 1978 года) Северного Йемена Салех, фактически узурпировав всю власть, проводил гибкую внешнюю политику — так сказать, политику равной удаленности от двух мировых систем — капиталистической и социалистической. При этом он преследовал цель как можно больше выкачать с одного и с другого полюса. И это ему удалось. Советский Союз втянулся в оказание Северному Йемену помощи, в том числе вооружением и боевой техникой. А когда появился независимый Южный Йемен, то мы и ему стали оказывать такую же (и даже большую) помощь.

Но наши предложения и пожелания о содействии процессу объединения двух Йеменов в одно государство оставались только пожеланиями, ибо практические шаги совершенно не учитывали

реальной силы существовавших в народе непреодолимых в то время родоплеменных и феодальных пережитков, а также мощного влияния исламского духовенства. В общем, наши попытки что-то сделать в области сближения и объединения двух Йеменов выглядели крайне неуклюже. И особо нелепой была поддержка ретивых государственных деятелей Южного Йемена в их действиях по искоренению «пережитков прошлого» или проведению мер по борьбе с религией, и это в стране, сто процентов населения которой были в лучшем случае просто верующими (а вообще-то в своем большинстве это фундаменталисты). Нужно ли было организовывать борьбу с религией? Наоборот, религию, как интимную духовную область жизни человека (а для верующего она самая важная и дорогая), надо было использовать на благо всех людей, в том числе и в решении проблемы объединения.

Эти обстоятельства, а также вооружение обоих Йеменов способствовали не их сближению, а противостоянию и конфронтации. Нельзя сбрасывать со счетов и кипучую деятельность ЦРУ в Северном Йемене, поскольку США считали своей главной задачей подтолкнуть Север к войне с Югом, как это было и в Корее, и во Вьетнаме. Зачем? А затем, чтобы в ходе и в итоге этого столкновения поставить Север в полную свою зависимость.

Таким образом, в 1972-м и в 1979 годах произошли две тяжелые вспышки гражданской войны, которые унесли тысячи жизней, вызвали большие материальные затраты и в очередной раз отбросили обе страны в своем развитии на десятки лет назад, хотя и без того они пребывали в тяжелом состоянии и на низком уровне.

Колоссальный ущерб обоим государствам наносила и внутриклановая борьба в ЙАР и НДРЙ.

Например, когда в 1978 году в Южном Йемене к власти пришли: главой государства — Исмаил, министром обороны — Антар, премьер-министром — Хасани, уже тогда крайне накалились внутриклановые отношения. Стремясь отвлечь внимание общественности и переключить его на якобы крупные стратегические задачи, эти руководители, согласовав свои действия с партизанским движением Юга ЙАР, организуют уже в следующем году вторжение Вооруженных Сил НДРЙ на территорию Северного Йемена. Им удалось продвинуться на 50–60 километров и захватить несколько крупных городов. Лишь экстренные меры Лиги арабских государств погасили эту схватку. В Кувейте проходит встреча Исмаила и Салеха, где они подписывают документы о перемирии и мирном объединении

двух стран.

Но внутренняя борьба тем не менее не спадает. Идет откровенная схватка за власть. В итоге президент НДРЙ Исмаил был смещен со своего поста премьер-министром Мохаммедом Хасани. Разумеется, не без помощи министра обороны Али Антара — человека с крайне обостренными амбициями, который был не прочь сам стать президентом. Самовлюбленный, но с весьма ограниченными интеллектуальными способностями, небольшого роста, надменный крепыш вел самостоятельную линию. Когда во время официального визита правительственной делегации НДРЙ в Москву я встретился с ним впервые, то понял, что с ним можно ходить только на охоту на слонов. С учетом потенциальных склонностей Антара к обострению обстановки, к чему, кстати, его подталкивал и клан, нами предпринимались через наш советнический аппарат всяческие меры по упреждению его возможных поползновений на власть и вообще различных непредвиденных действий.

И однако борьба за власть того или иного клана НДРЙ велась постоянно. Не располагая конкретными данными о причастности к этому Северного Йемена (чего нельзя исключать), а также ЦРУ США, я не намерен затрагивать эту тему. Но факт остается фактом — внутренние потрясения здесь случались почти ежегодно. Во время одного из таких событий в 80-х годах я должен был отправиться в Южный Йемен спасать положение. Дело дошло уже не просто до потасовки со стрельбой — произошел раскол и в руководстве НДРЙ, и в вооруженных силах. Враждующие стороны применяли против друг друга все имеющиеся силы и средства. Одним словом, шла война. Многие посольства, в том числе и посольство СССР, стали эвакуировать свои семьи.

Искрой, которая зажгла эту войну в Адене и прилегающих районах, явилась ссора между членами Политбюро правящей партии Народного фронта освобождения Йемена, которые перестреляли друг друга прямо на заседании. Оставшиеся в живых подняли с оружием своих сторонников.

Буквально через час о событии стало известно в Москве — в Генеральном штабе, в Министерстве иностранных дел и в КГБ. Три органа получили сначала устные сообщения по закрытой связи, а вслед за ними — шифротелеграммы.

В Главном оперативном управлении Генерального штаба этот участок вело направление полковника Прокопчика. Имея свою военную засекреченную связь с Главным советским военным советником и его аппаратом в Южном Йемене, мы обстановку по стране в целом и отдельно— по Адену наносили на специальные

карты. По столице и прилегающим районам у нас была карта-план с указанием всех улиц города и важнейших учреждений и объектов. А динамика событий была такой, что многое менялось в течение одного-двух часов.

Наши советские государственные органы делали всё, чтобы пресечь негативное развитие событий. Но, естественно, в первую очередь поддерживая законные государственные органы. Зная до деталей обстановку, расклад сил и их возможности, мы давали необходимые советы.

Особенно трагично развивались события вокруг правительственных зданий и при удержании столичного аэродрома. И чем дальше, тем положение становилось хуже. Например, эвакуацию ряда сотрудников посольства и их семей пришлось проводить уже не самолетами, а из порта катерами. Вначале их доставляли к пароходу, который, опасаясь обстрела, стоял на рейде, затем пассажиры доставлялись морем в Джибути (это около 500 км на юго-запад от Адена) и далее нашей военно-транспортной авиацией перебрасывались в Москву.

Наш Генеральный штаб проявлял особое беспокойство в отношении возможных агрессивных действий Северного Йемена. Мы не исключали, что Салех мог воспользоваться благоприятным для себя моментом и захватить Аден, а что касается остальной территории Южного Йемена, то она само собою будет приобщена. В связи с этим и учитывая, что на юге Северного Йемена передвигались войска, мы с помощью нашего МИДа старались влиять через посла на Салеха, удерживая его от опрометчивых шагов. Одновременно сделали всё, чтобы к государственной границе с ЙАР были подтянуты три соединения НДРЙ, которые могли бы парировать удар северян. Этим шагом мы преследовали также цель — исключить втягивание в боевые действия в Адене и вокруг него новых сил, в особенности подпавших под влияние экстремистов.

Руководство первоначально решило срочно направить меня с небольшой группой прямо в Аден. В связи с этим начальник Генерального штаба маршал Н. В. Огарков сказал мне, что первым делом придется начинать работу с мятежной стороной, так как аэродром был в ее руках. Затем через разведчиков предстояло сконтактировать с правительственной стороной и склонить обе стороны вначале к немедленному прекращению огня, а затем договориться о тройственной встрече — две враждующие стороны плюс советский посол с представительствами Министерства обороны и КГБ СССР.

Задача была ясна. Группа для вылета создана. Самолет на Чкаловском аэродроме уже был готов. Оставалось сообщить в

Южный Йемен о моем прибытии (а начальник 3-го Главного управления КГБ генерал-полковник Душин уже сделал по своей линии такое сообщение). Но вдруг выяснилось, что взлетно-посадочная полоса на аденском аэродроме повреждена. Тогда решили, что я полечу в Джибути, где должно быть какое-нибудь наше судно, которое могло бы не только доставить меня к Адену, но и вызвать из Аденского порта катер для доставки меня с парохода на берег. Однако и здесь возникло препятствие — метяжники захватили порт, вдоль берега установили несколько танков и орудий на прямую наводку и без предупреждения обстреливали любое судно, которое проходило от берега ближе десяти километров. Тогда я предложил лететь в Сану, а там попросить Салеха, чтобы он дал нам автомобили и мы бы отправились на них в Аден, предварительно оговорив все вопросы с НДРЙ.

Этот вариант Николаю Васильевичу Огаркову понравился, и он готов был уже докладывать о нем министру обороны. Как вдруг стали поступать сведения о том, что появились признаки перемирия: прекращена стрельба, идет обмен посланцами, стороны намерены встретиться. Это коренным образом меняло обстановку. И действительно, враждующие стороны с помощью наших представительств быстро договорились о прекращении боевых действий и о последующих шагах. Это было то, что надо. Поездка нашей группы была временно отложена.

Тем не менее в последующем, как и следовало ожидать, потрясения эту несчастную страну не оставили.

В 1986 году в НДРЙ происходит очередной государственный переворот: вместо свергнутого с поста президента Мохаммеда Хасани к власти приходит Хейдар Бакр аль-Аттас. Советскому Союзу не оставалось ничего другого, как признать де-юре свершившийся факт. Но как ни печально, без репрессий не обошлось: сторонников Хасани кое-где убирали силой. Клановая принадлежность, конечно, ставилась во главу. А в целом эта бойня стоила народу десять тысяч жизней. И удивляться тут нечего. Ведь даже у нас в Советском Союзе родоплеменные обычаи в некоторых республиках были довольно сильны, сохранялись и кланы. Конечно, 70 лет жизни при социалистическом строе, который в целом обеспечил нам и равноправие, и настоящую дружбу народов, сыграли большую роль в преодолении клановости. Этому способствовало также и то, что в республиках Закавказья, Средней Азии и Прибалтики, как правило, вторыми секретарями ЦК Компартий были русские. Их главная задача состояла в том, чтобы в республиках правильно проводилась национальная и кадровая политика. И это в

основном (хотя и не в полную меру) удавалось сделать, что, конечно, благотворно сказывалось и на развитии самой республики, и в целом на развитии всей страны. Эта линия, установленная еще Сталиным, была правильной, хотя и временной. Однако родоплеменные отношения были слишком живучи и требовалось еще немало времени, чтобы преодолеть тяжкое наследие прошлого.

Когда был разрушен Советский Союз, то вместе с другими негативами стал процветать и клановый подход в кадровой политике.

Например, Ельцин перетянул в Москву весь свой «свердловский клан» от Бурбулиса до Лобова.

Такая же «волна» прокатилась и по всем бывшим республикам Советского Союза.

Аналогичная борьба шла в 70-е и 80-е годы в Йемене. Однако перестройка в СССР привела нашу великую державу в упадок, так что от Советского Союза ждать помощи было уже нельзя. В НДРЙ поняли, что без советских субсидий (ежегодно несколько сотен миллионов долларов) страна обречена. Поэтому было решено идти на объединение с Севером. В 1989 году Север и Юг объявили о выработанном для объединенного государства проекте Конституции. А уже в 1990 году ЙАР и НДРЙ объединились в одно государство, и оно стало называться Республика Йемен.

На что рассчитывали руководители, подписывая соглашения об объединении этих двух стран, у которых были полярно противоположные общественно-политические системы? Очевидно, на максимально быструю разработку нефтяных запасов и получение нескончаемого долларового потока от продажи этой нефти, что даст возможность молодой объединенной Республике Йемен процветать и стать вторым Кувейтом. А что касается разных политических систем, то все это, мол, притрется. Лидеры страны рассчитывали, что разработать нефтяные запасы им помогут богатые соседи и США. Но поскольку Салех во время кризиса в Персидском заливе поддержал Саддама Хусейна, то ни Саудовская Аравия, ни Кувейт, ни другие богатые арабские страны, ставшие против Ирака под зонтик США, не поддержали Йемен. А США не только полностью свернули свою небольшую помощь, но и потребовали от всех своих союзников сделать то же самое.

Напряжение растет. Безработица резко скачет вверх и достигает 35 процентов от трудоспособного населения. Инфляция в годовом исчислении составила сто процентов. В Южном Йемене растаяли, как утренний туман, все социальные завоевания — бесплатное образование, медицинское обслуживание, жилье,

стабильность цен. Все это уже было и все исчезло. Госпредприятия оказались на грани банкротства (точно как у нас в период с 1992 по 1999 год).

Но самое главное — северяне физически уничтожили партийных функционеров и государственных деятелей Юга. За три года — с 1990-го по 1993 год — было убито 163 человека. И тогда терпение у южан лопнуло. Их лидер С. аль-Бейд покидает Сану и опять обосновывается в Адене. А к концу 1993 года из Северного Йемена в Аден перемещаются уже все члены Йеменской социалистической партии (главной партии Юга).

В апреле 1994 года опять начинаются боевые действия между Севером и Югом. В мае С. аль-Бейд объявил о возрождении НДРЙ. Это объявление народом Юга было воспринято с энтузиазмом. Но Салех сделал заявление, что это незаконно.

И хотя сейчас государство существует в границах объединенной Республики Йемен, его обычаи можно сравнить разве что с жизнью на вулкане, который временно угас, но готов взорваться в любую минуту. Что ждет народ этой страны в перспективе — никто не знает. Не знаем пока и мы.

Глава VII
Эфиопия

Удивительная страна, удивительный народ, удивительная обстановка. Упрямство и жестокость Менгисту. Мы должны сокращать неоправданные затраты. Страна наконец избавилась от узурпатора, но он ушел в интересах народа.

В этой стране мне довелось решать поручения нашего руководства в 1989 году, т. е. будучи уже в должности Главнокомандующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил Советского Союза. То есть я по хронологии забегаю несколько вперед, но делаю это умышленно, чтобы различные, но близкие по аналогии разделы моей службы и жизни были скомпонованы в одной книге.

Замечу попутно, что мне приходилось выезжать на фронты в разные страны мира. Было, конечно, много и обычных поездок с официальными визитами, но эти поездки проводились только с целью поддержания добрых отношений, выяснения некоторых несогласованных вопросов, внесения определенных предложений и т. п. Такие поездки не были сопряжены с решением особо важных и крупных военно-политических проблем и тем более с риском.

Эфиопия — это страна, которая заняла свое место в моем сознании еще в 30-е годы, как, очевидно, и у каждого из моих ровесников, потому что народ Эфиопии боролся с итальянскими оккупантами, отстаивая свою честь и независимость, и мы, естественно, всей душой были на стороне борющегося народа. Но тогда, т. е. в 1935–1936 годы, Италия, используя договор с Францией, который давал свободу действий Муссолини, и широко применяя танки, самолеты и артиллерию, чего, конечно, не было у эфиопов, захватила эту страну и создала колонию Итальянской Восточной Африки. В нее вошли сама Эфиопия, Эритрея и Итальянские Сомали. Надо отметить, что в Лиге Наций единственная страна — Советский Союз — выступила за пресечение агрессии и оказание помощи народу Эфиопии. А Великобритания, Франция и США снабжали Италию вооружением и всем необходимым для ведения войны. Между прочим в этой позорной войне Муссолини применил даже отравляющие газы.

Однако народ Эфиопии не покорился — он вел партизанскую борьбу, и уже в начале 1941 года эфиопы освобождают свою

столицу Аддис-Абебу, а к исходу этого года вообще изгоняют оккупантов из страны. Эфиопия становится на истинно демократический путь развития. В начале 50-х годов, в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН, к Эфиопии была присоединена и Эритрея— бывшая колония Италии. Кстати, эритрейский вопрос имеет свои корни.

В конце прошлого века Эфиопия, ослабленная междоусобицей, утратила порты на Красном море и вынуждена была заключить с Италией неравн оправный договор, по которому последней, кроме захваченных ею портов, отошла еще и северная часть Эфиопии с городом Асмара и этот район назвали Эритреей, которая стала колонией Италии. С тех пор у некоторой части населения Эритреи продолжает жить дух сепаратизма, хотя после изгнания из этих краев последнего итальянского оккупанта и колонизатора прошло много десятков лет. На мой взгляд, эта часть общества хотела бы, чтобы Эритрея существовала на равных с Эфиопией, хотя в едином государстве с последней она, конечно, могла бы процветать, т. к. вся ее экономика связана с экономическими объектами центра Эфиопии.

Надо отметить, что демократическое развитие Эфиопии шагнуло так далеко, что именно здесь в 1963 году была проведена Конференция глав правительств независимых государств Африки, на которой учредили Организацию Африканского Единства. А в Аддис-Абебе расположилась штаб-квартира этой организации.

В начале 70-х годов на Эфиопию обрушивается ненастье — засуха, а вслед за ней — голод, болезни и т. д. К власти приходит Временный военный административный совет (ВВ АС). Проводятся демократические реформы, в том числе национализация. Это обостряет внутриполитическую обстановку — поднимают голову экстремисты и сепаратисты всех мастей. А вслед за этим на Эфиопию внезапно нападает Сомали. Это был гром среди ясного неба. Видно, наша соответствующая служба проморгала подготовку этой акции. И в первую очередь этот «ляп», на мой взгляд, объясняется тем, что и Сомали, и Эфиопия были у нас в общем списке друзей, а вожди Сомали, в первую очередь глава государства Барре, постоянно и везде заявляли о своей вечной любви к Советскому Союзу.

Руководители Сомали поставили перед собой цель — используя сложившиеся экономические и социально-политические трудности внутри Эфиопии, коротким и решительным ударом отхватить западную часть земли своего соседа, которая углом вдавалась в Сомали. Это приблизительно по линии: от озера Аббе на севере, около 150 км юго-западнее

города Джибути, и до реки Уоиб — по восточному ее берегу к городу Доло на юге. Как минимум они считали, что надо отвоевать плато Хауд по линии реки Фафэн, которая далее впадает в реку Веби-Шебели. Этот район представляет ценность не только тем, что здесь занимаются скотоводством и земледелием, но и своими не разведанными до конца природными богатствами (признаки богатств имеются). Если рассматривать этот район с позиций административного деления, то агрессия приходилась на провинцию Огаден.

Война началась 23 июля 1977 года внезапным вторжением сомалийских войск. К декабрю этого же года они захватили значительную территорию Эфиопии, продвинувшись на разных направлениях от 300 до 700 километров. Фактически они добились той цели, которую ставили.

Однако были и глубинные цели. Как выяснилось, руководство Сомали имело задачу свергнуть ту демократическую власть, которая была в то время в Эфиопии. Возникает вопрос — а кто в этом был заинтересован? Кому и для чего требовалось в 1977 году свержение народно-демократической власти в Эфиопии? Разумеется, не Советскому Союзу. Мы всячески поддерживали эту власть и все ее преобразования в стране, как поддерживали и власть в Сомали. Может, эта война требовалась Сомали? Конечно же, нет — любому государству, если у руководства находятся нормальные государственные деятели, необходимо укреплять отношения с соседями до уровня дружеских. Захват Сомали восточного клина эфиопской территории и агрессия были всего лишь прикрытием главной цели — свержения власти в Аддис-Абебе. Так кому это понадобилось? Конечно, США, а осуществило задуманное, как всегда, ЦРУ. Разве американская администрация в то время могла допустить, чтобы Советский Союз все больше и больше «закреплялся» в Африке? Нет, конечно.

Джимми Картер, победив в декабре 1976 года своего основного соперника Д. Форда и став президентом США, пообещал американцам вытянуть страну из омута политического и психологического унижения, в который они попали в связи с уотергейтом Никсона и позорным для США концом дикой войны во Вьетнаме. Вполне объяснима поэтому его, Картера, суета по каждому внешнеполитическому поводу (правда, спасительный круг, в виде ввода советских войск в Афганистан, невольно подаренный ему Советским Союзом, он в полной мере не смог использовать). Вот подвернулись Сомали. Конечно, с его ведома Центральное разведывательное управление США начало форсированно осуществлять идею — задушить в Африке демократию руками самих демократов. А соответствующая

тактика у них на вооружении была уже много лет (судя по Анголе, Намибии, Марокко, Заиру, Конго и др.). А сейчас можно было бы блеснуть и здесь, в Эфиопии.

Получив благословение президента и имея и без того большое влияние на предводителя Сомали (того времени) Барре, американские спецслужбы под видом подготовки Вооруженных Сил Сомали проводят серию эффективных мероприятий, позволивших решительно расшевелить это «сонное царство». Сам Барре, падкий на все, что ему дают, не был лично обижен и в этот раз.

Поэтому он рьяно взялся за подготовку к агрессии. Он шел на нее сознательно и должен был видеть ее возможные последствия, в том числе и в отношениях с Советским Союзом. Однако он прекрасно понимал и другое: если дело дойдет до разрыва с СССР, то последний просто не сможет забрать с собой все то, что было настроено нашими специалистами, нашими силами и фактически за наши средства. Различные промышленные предприятия, жилые кварталы, дороги, оборонные объекты и многое другое. Дипломатические отношения с этой страной у нас были установлены с 1960 года, и с этого времени начинается и советская помощь. А когда в 1969 году был убит президент Сомали А. Шермарк и над страной нависла угроза перехода власти в руки реакции, наша помощь стала еще более эффективной. Как известно, власть захватила прогрессивная часть офицеров сомалийской армии во главе с командующим армией генералом Барре. А затем вся власть перешла к Верховному Революционному Совету. Президентом Совета стал Барре. Руководство страны объявило, что в основе развития Сомали будет идеология социалистического пути, и это нашло у нас полную поддержку. Однако Барре предал свой народ, что в то время предположить было сложно. Но предатель в своих расчетах оказался прав — Советский Союз, порвав отношения с этой страной (хотя народ ни в чем виновен не был), не мог компенсировать те расходы, которые были сделаны им в отношении Сомали. А они были огромны. Ведь мы построили и дорогостоящие стратегические объекты типа суперсовременного аэродрома со взлетно-посадочной полосой для всех видов самолетов (в том числе на перспективу) и огромной емкостью, со всеми элементами всестороннего обеспечения и обслуживания.

И лично мне непонятно, почему наши дипломаты и наши спецслужбы того времени прозевали перерождение Барре, а главное — не заметили подготовки к агрессии? И почему с момента первого обострения отношений между Сомали и Эфиопией (а к этому времени сомалийские войска уже

изготовились к нападению), что выразилось в территориальных претензиях, высказанных Барре в адрес Эфиопии, почему даже в это время наше правительство действовало недостаточно категорично?

В итоге агрессия свершилась. В этих условиях Советский Союз, конечно, поддержал Эфиопию, оказал ей всяческую помощь и осудил агрессора Сомали. Было предпринято все, чтобы Эфиопия не только отстояла свои границы, но и разгромила полностью все те сомалийские воинские части, которые вторглись на ее территорию.

Эфиопия в течение февраля и марта месяцев 1978 года с помощью СССР и других социалистических стран разгромила агрессора и отстояла целостность своего государства. Молодой глава временного военного правительства Эфиопии Менгисту Хайле Мариам был на высоте. Он завоевал огромный авторитет. О нем заговорил весь мир. Он «взлетел», но забыл своевременно приземлиться, что в итоге тоже бросило тень на его имя. Конечно, умного человека, действительно преданного своему народу, истинного патриота никакое положение испортить не может. Однако, увы, мы, к сожалению, имели дело с другой личностью.

Думаю, что я буду прав, если скажу, что наши два главных ведомства в то время — это МИД и КГБ (которые в период 1985 по 2000 год вообще поблекли) должны были проявлять больше творчества в своей работе. Ведь речь шла о судьбе народа, а не только личности. Но именно от него зависит многое или даже почти все, поэтому с ним надо капитально работать, а не кокетничать. Надо отдать должное американским спецслужбам в отношении первых лиц в государствах — Горбачева, Ельцина, Кравчука, Кучмы, Назарбаева, Ландсбергиса и других — они работали и работают виртуозно. Например, американцы даже в Политбюро ЦК КПСС организовали Горбачеву «достойное окружение» в лице Яковлева и Шеварднадзе. А что касается Ландсбергиса (Литва), то у него еще в 1990 году были открыто введены в штат властных структур американские советники, которые не советовали, а требовали, диктовали. Естественно, в «цивилизованной» форме. И сейчас требуют. Они не выбрасывают доллары на ветер. Только — под условия. Вот так России диктуют и Мировой банк, и Международный валютный фонд, и различные сорросы. МВФ обещает дать очередной кредит — подачку только при условии продолжения ельцинских реформ, т. е. прозападного курса. О какой демократии может идти речь? Это просто смешно. Поэтому российские правители могут сколько угодно разводить демагогию, но обязаны делать то, что угодно американскому монстру.

Летом 1998 года я встретился с одним близким знакомым (по определенным соображениям могу назвать только его имя — Владимир). Он поделился со мной впечатлениями о своей недавней поездке в США, где он был впервые, но долгое время. Уже в самом начале разговора он буквально вскрикнул: «О какой демократии может идти речь, если говоришь о США? Там и признаков ее нет! Народу вдолбили, что они живут в демократическом обществе. Трезвонят об этом всему миру. Но демократии там нет и при их системе быть не может. Конечно, американцы за счет других народов мира живут значительно лучше. Их правители и дальше будут стремиться к улучшению жизни в США, ставя в экономическую и политическую зависимость другие страны. Сейчас вот добьют Россию. Затем — Украину, Казахстан, бывшие республики Средней Азии, Закавказья, Прибалтики. Но и у них есть армия безработных, бомжи, ужасная преступность. Я разочарован. У них главное в жизни — нажива любым путем. Мерзость! Сюда — в это вонючее болото они теперь тянут и нас».

Естественно, я согласился с ним, вспомнив и свое пребывание в США. По моим наблюдениям, у американцев отсутствует та высокая духовность, что присуща нашему народу. Хотя в принципе у них вообще нет никакой духовности. Вот почему американский образ жизни нам не прививается и не привьется. В США господствует идеология индивидуализма и закон силы. А мы — коллективисты. Наш советский дух получил благодатную почву во многих странах мира. И там стала зарождаться истинная демократия. Это, конечно, противоречит интересам США (точнее, правящим кругам), тем более их глобальным планам завоевания мирового господства.

Впрочем, эта тема отдельного разговора. Ну, а в 70-е годы США активно вмешивались в дела молодых африканских государств, ставших на путь демократического развития, стремясь подчинить их своему влиянию. Но ведь это дело самого народа, как строить свое будущее. Однако надо быть честным и говорить откровенно, что в то время, несомненно, народ Эфиопии нуждался не только в материальной и духовной помощи, но и в чисто организационной — в налаживании работы государственного аппарата, в укреплении экономики и в целом внутренней политики государства. Следовательно, нашему МИДу и КГБ, да и правительству в целом, надо было настоятельно помогать главе государства Менгисту Хайле Мариаму. Но на каком-то этапе дела здесь были упущены. А когда в эту страну Главным военным советником приехал генерал армии Василий Иванович Петров (с 1978 по 1980 год), то он окунулся в гущу

тяжелейших противоречий. Особенно во взаимоотношениях центральной власти Эфиопии с властями провинции Эритрея. Сепаратистские силы Эритреи, используя сложное положение страны, которое было обусловлено войной с Сомали, решили отделиться и создать самостоятельное государство. Вместо того, чтобы проявить мудрость, определенный такт и политическим путем снять этот негатив, Менгисту решил обрушиться на Эритрею силами Второй Революционной армии, которая дислоцировалась на севере страны в районе Асмары. Однако эритрейцы хорошо подготовились к такому развитию событий и столь тяжелый оборот предусмотрели. Началась гражданская война. Вскоре она приняла затяжной характер. Вместо развития страны и повышения благосостояния народа основные силы и средства уходили на войну. В. И. Петров хоть и многое сделал для Эфиопии, как, очевидно, и представители других ведомств СССР (МИДа и т. д.), но войну остановить не смог. А приехавший сюда затем генерал-полковник Михаил Александрович Тягунов фактически продолжил сложившийся курс. Будучи очень старательным человеком, он тоже внес свою лепту в строительство Вооруженных Сил Эфиопии. А вот войну он тоже не погасил. Да и невозможно это было сделать без Менгисту. Но склонить его к такому решению было непросто.

Ситуация еще более усугубилась, когда нашим Главным военным советником стал генерал-лейтенант Денисов. Мало того, что он ни по каким параметрам не подходил для этой военной политико-дипломатической работы, так он к тому же еще и болел. Причем болезнь была ярко выражена, что вызывало у соотечественников сострадание, а у эфиопов — неприязнь. Хотя Денисов был человек, безусловно, хороший. Однако рассчитывать, что после моего отъезда он сможет реализовать намеченный план действий, было бесполезно, тем более нельзя было ожидать от него радикальных шагов.

Что же это за недуг одолел Денисова? На мой взгляд, это была какая-то форма склероза сосудов головного мозга. Представьте себе, этот мужчина под 50 лет, хорошо в целом сложенный, с небольшим излишком в весе, достаточно разговорчивый и общительный, в меру подвижный. Но когда мы куда-нибудь заходили и едва садились, как он немедленно засыпал. Засыпал в буквальном смысле, ставя всех остальных, в том числе и меня, в неловкое положение. Когда в первый день я попал в такую ситуацию, то подумал: «Наверное, бедняга всю ночь занимался делами». Действительно, такое нельзя было исключить. Поэтому до конца этого дня я старался втянуть его в живой разговор — в ответы на вопросы и т. д., лишь бы он не

уснул. Или же говорил ему, чтобы он с помощником еще что-то сделал, пока я проведу с кем-то беседу. Но когда все это повторилось и на следующий день, я поинтересовался у его коллег: «В чем дело?» Мне разъяснили, что это продолжается все время и, возможно, на этой почве у Денисова нулевые отношения с Менгисту, они фактически не встречаются, а с бывшим министром обороны видятся очень редко, так как последний избегает таких встреч.

Однако аппарат Главного военного советника был нормальный. Хорошее впечатление на меня произвело и наше советское посольство. В то же время главная проблема — потушить пожар войны в Эритрее — не только не разрешается, но идет эскалация войны, боевые действия развернулись уже и в провинции Тигре. 3-я армия задействована здесь в полную силу и несет значительные потери, отходит под ударами частей так называемого Народного фронта Тигре. Народный фронт повстанцев захватил у правительственных войск большое количество боевой техники, вооружения, боеприпасов и продожал теснить 3-ю армию.

Эта война была ни к чему не только для народа Эфиопии, но и для Советского Союза. Этот хомут был большой обузой для нас. Тем более после Афганистана, при наличии Анголы и других подобных стран. Давали себя знать и внутренние проблемы, вызванные пресловутой горбачевской перестройкой. Словом, мир между Эфиопией и Эритреей для всех был бы благом. Требовались решительные изменения в политике Менгисту, а он вместо этого шлет телеграммы руководству СССР и настоятельно просит дополнительную помощь в боевой технике, и особенно в боеприпасах.

Руководство нашей страны принимает решение направить в Эфиопию военную делегацию, которую поручено было возглавить мне. Задача — разобраться в обстановке и подтолкнуть Менгисту к миру.

Приезд советской военной делегации был воспринят различными слоями эфиопского общества неоднозначно. Одни считали, что этот визит окажет стабилизирующее влияние на обстановку, и мирные шаги правительства Народно-Демократической Республики Эфиопия найдут свое место в проводимой политике. Другие заявляли, что приезд делегации повлечет за собой усиление вооруженного конфликта и может нанести ущерб начавшимся переговорам между правительством и оппозицией. А между тем еще за неделю до нашего вылета все было согласовано с Менгисту и он, возможно, с учетом появления нашей делегации, инициировал переговоры с оппозицией,

которая, кстати, от них никогда не отказывалась.

В то же время средства массовой информации антиправительственных организаций распространяли слухи, что советская военная делегация прибыла для оказания «силового давления» на оппозицию, что разжигало тем самым антисоветские настроения. В свою очередь, эфиопское руководство всячески популяризовало пребывание в стране советской военной делегации. Лично Менгисту Хайле Мариам стремился использовать ее приезд для укрепления своего авторитета. С этой целью делегации было оказано подчеркнутое внимание как в центре, так и в войсках и в провинциях.

В ходе нашей работы для полного представления картины об обстановке в стране я побывал во всех трех армиях (две из которых вели боевые действия), в резервных соединениях, на основной базе Военно-воздушных сил, на военно-морской базе и проехал вдоль западного побережья Красного моря от порта Массаура (побывав у наших моряков на острове Дахлак) до порта Асэб, от которого идет прямая дорога в Аддис-Абебе. Это довольна сложная поездка потребовалась мне еще и для того, чтобы осмотреть расположенные здесь склады боеприпасов (а их было много) и арсеналы. И я действительно их полностью осмотрел, и не выборочно, а в полном объеме все основные хранилища боевой техники, вооружения, военного имущества и боеприпасов. Все, что мог, с помощью моих товарищей посчитал. Это было очень важно, так как в телеграммах Менгисту говорилось, что у них почти ничего нет, склады пустые, и если вдруг потребуется что-то подать для войск, то они этого сделать не смогут. А наши грубые подсчеты, как и данные Главного военного советника, говорили о другом. В связи с этим у нас возникала мысль, что определенные военные круги эфиопской армии, желая оправдать свои поражения в бою отсутствием вооружения и боеприпасов, могли вводить Менгисту в заблуждение (если это не его собственное «творчество»). Чтобы все поставить на свое место, мы и предприняли такие шаги.

Осмотрели мы и военно-учебные заведения.

Интересно, что кроме первой встречи, на которой я передал Менгисту приветы от политического и военного руководства Советского Союза и рассказал о целях приезда нашей военной делегации (Менгисту добавил и свои просьбы), и кроме итогового нашего разговора, глава страны приглашал меня еще несколько раз. На этих промежуточных встречах он интересовался в основном моим мнением о том, что я увидел. Возможно, для него были не столь важны мои характеристики и выводы, сколько требовалась демонстрация таких контактов для создания в

интересах Менгисту соответствующего общественного мнения.

Наша поездка по стране началась с севера, т. е. с Асмары, где 2-я Революционная армия вела боевые действия с сепаратистами Эритреи.

Сложность положения эфиопских Вооруженных Сил в целом и 2-й армии в частности состояла в том, что буквально за два месяца до нашего приезда Менгисту арестовал и расстрелял более 600 офицеров. Это в основном коснулось генералов и полковников. Недовольная политикой президента наиболее прогрессивная группа офицеров выступила против его курса, который завел страну в тупик, особенно в войне с Эритреей. Они считали, что гражданская война вообще недопустима. Используя каналы связи с руководством Эритреи, они вели переговоры о том, что войну надо прекратить на условии, что Эритрея, получив автономию, остается в составе Эфиопии. В стране проведут досрочные выборы представительной власти, куда войдут и депутаты от Эритреи.

Свое выступление офицеры приурочили к моменту, когда Менгисту вылетел из страны на один из международных форумов. Однако в органах государственной безопасности практически все были люди Менгисту — не только из одного племени, но и родственники. Используя отсутствие армейской охраны, должной бдительности, а также используя благодушие повстанцев, они провели аресты в центре (выступление возглавлял начальник Генерального штаба) и в армиях, особенно во 2-й, где недовольство президентом за многолетнюю, изнурительную, никому не нужную войну было особенно сильно. О случившемся служба безопасности дала телеграмму Менгисту. Тот, прервав свою поездку, срочно вернулся домой. Разобравшись в течение суток в обстановке, приказал всех арестованных расстрелять. Было оформлено что-то типа суда по материалам органов безопасности.

Эта трагедия бросила еще большую тень на и без того уже мрачную фигуру президента.

В принципе Менгисту представлял собой незаурядную личность. И для своего народа он сделал много хорошего. Однако отсутствие контроля со стороны парламента и объективного самоконтроля (Бог не дал) способствовало росту амбиций. Все явственней становились отрыв от здравого смысла и склонность к порочному принципу: «Знаю только я, и только я прав». Перерождение мышления и психики становилось необратимым. В этих условиях от Менгисту трудно было ожидать каких-либо новых решительных шагов, стабилизирующих внутриполитическую обстановку. Он прибегал только к силе.

Звезда его уже закатывалась.

Во 2-й армии фактически было обезглавлено всё — сама армия, все дивизии, бригады, полки и даже некоторые батальоны. У тех, кого только назначили, кто временно исполнял чью-то должность, настроение было скверное. Они, конечно, отвечали на все вопросы, старались быть любезными, проявляли ко мне должное внимание. Однако это было всего лишь выполнением своих служебных обязанностей, но не открытый товарищеский разговор. Поэтому хоть мы и посвятили армии несколько суток, хотя и прошли непосредственно большую часть ее переднего края, повстречались с офицерами и солдатами в частях первого и второго эшелона, на огневых позициях артиллерии и у танкистов, но однозначный вывод о дальнейшей перспективе развития событий на этом направлении сделать было сложно. Все-таки все в основном склонялось к тому, что бои надо кончать.

Вот некоторые моменты из жизни этой армии.

Передний край армии и противника, т. е. сепаратистов, разделяют 700–800 и более метров. В такой ситуации ружейно-пулеметный огнь (за исключением крупнокалиберных пулеметов) неэффективен. Поэтому с той и другой стороны личный состав укрываться и передвигаться только по траншеям особо не старался. Но когда открывался огонь из орудий и минометов, то все прыгали в траншеи и окопы. В инженерном отношении позиции были оборудованы добротно. Система огня и инженерные заграждения, в том числе минные, не оставляли сомнений в том, что если противник рискнет атаковать, то неминуемо понесет большие потери и безуспешно откатится. Личный состав хорошо знал свои задачи. Резервы были отлично тренированы, а их действия по выдвижению на свои рубежи были отработаны. Артиллеристы и минометчики показывали мне со своих наблюдательных пунктов, где у них на местности должны лечь огни — неподвижные заградительные и сосредоточенные. Обеспечение, на наш взгляд, было нормальное — мы даже в одном из подразделений пообедали. Боеприпасов всех видов хватало с лихвой и в подразделениях, и на складах частей и армии.

Местность для ведения боевых действий оказалась сложной — резкопересеченная, гористая, кое-где склоны гор покрыты редким лесом. Я представил себе несколько вариантов активных (наступательных) действий и пришел к выводу, что любой из вариантов приведет только к большим неоправданным потерям. Во время нашей работы на некоторых участках совершенно не было никакой стрельбы. И это вынудило меня задать вопрос: «У вас всегда так?» Но офицеры объяснили: «Противник знает, что

группа советских офицеров будет у нас, и поэтому не стреляет». «Поэтому и мы не стреляем», — заключил офицер. Это меня еще больше удивило, но и позволило сделать вывод, что так называемые сепаратисты в отношении советских военных враждебно не настроены. Наоборот, они демонстрируют свою готовность к миру. И когда я спросил: «А если вы буквально сегодня-завтра скажете им, сепаратистам, что прекращаете боевые действия, сделают ли они то же самое или же воспользуются этим и захватят ваши позиции?» Все присутствующие при этом разговоре эфиопские офицеры в один голос заявили, что противник сразу же поддержит эту мирную инициативу и никаких территориальных претензий заявлять не будет, кстати, они и сами раньше неоднократно предлагали то же самое.

Был у нас и интересный эпизод. Собираясь к исходу одного из дней отправиться к себе «на базу» (мы остановились в гостинице в Асмаре), мы попали на солдатские именины буквально на переднем крае. Здесь солдаты одной из рот организовали под руководством своего офицера в одном из блиндажей нехитрые украшения из флажков, бумажных цветов, фантиков, каких-то коробочек. Кто-то нарисовал карандашом портрет юбиляра (ему было 20 лет). На импровизированном столе лежали какие-то жареные зерна, фрукты, леденцы. Юбиляр в аккуратной солдатской форме стоял здесь же. Это был среднего роста, правильно сложенный, с красивым лицом эфиоп. Кучерявая голова, глаза — маслины, темная кожа, но нос — прямой и даже немного с горбинкой, что отдавало Европой. Я почему-то невольно вспомнил предков Пушкина. Молодой человек все время улыбался и, постоянно щелкая пальцами, выкрикивал: «Совьет, совьет…» Видно, хотел продемонстрировать свое доброе отношение к советским товарищам.

Нам объяснили, по какому поводу праздник. Мы присоединились к поздравлениям и подарили имениннику различные значки солдатской славы и наручные часы с советской символикой на циферблате (я постоянно возил с собой набор скромных сувениров). Все было очень тепло и сердечно.

Поинтересовался, является ли это традицией, или они устроили такое торжество только для этого солдата (не стал уже говорить, что, возможно, это связано с нашим пребыванием). Но мне сказали, что у них всегда и везде, в том числе и в армии, отмечается день рождения.

Что ж, приятно, что у этого народа такая добрая традиция.

Закончив свою работу в центре и на левом фланге, как-то рано утром мы отправились на самый правый фланг армии,

который упирался в Красное море. Здесь же познакомились и с военно-морской базой, ее возможностями и способностями, а также обеспеченностью. Катером ходили на остров Дахлак, где обосновалась наша морская материально-техническая база, которая обеспечивала и обслуживала наши корабли, которые решали свои задачи в Индийском океане, на переходе из Индийского океана в Средиземное море, или наоборот. Тяжела служба на материке (Эфиопия — это не Украина и не Франция), а на Дахлаке — вдвойне тяжелее. Но как рады были эти люди, увидев соотечественников! И мы сделали все возможное, чтобы нашим морякам было приятно. А когда настало время уезжать (а впереди нас еще ждала большая дорога), то охватило чувство невольной вины перед этими воинами, будто мы бросаем их на острове в Красном море, а сами отправляемся в райские места.

Тяжелым был марш нашей небольшой группы на машинах вдоль берега до следующего порта — Асэба. Но было крайне полезно осмотреть один арсенал с оружием и два крупных склада с боеприпасами (количество мелких складов не считали). А путь фактически проходил через пустыню, но дорога была построена хорошая.

После очередного визита по моей просьбе к Менгисту мы отправились в 3-ю армию, базировавшуюся в провинции Тигре. Вначале встретились на границе провинции с недавно назначенным начальником Генерального штаба, который до этого занимал пост командующего ВВС. Мы хорошо с ним устроились в одной машине. С нами были еще мой переводчик и шофер. Начальник Генштаба «успокоил» меня: «Будем ехать на первой машине. Бандиты если нападают на колонну, то обычно обстреливают почему-то последние машины. Но легковые обстреливают редко — они охотятся за оружием, боеприпасами, продовольствием. А это все — на грузовых». Я подумал: «Как в Афганистане», а вслух сказал: «Так, может быть, надо было по маршруту выставить охранение? Нежелательно, чтобы кто-то из моей группы погиб».

Начальник Генштаба заверил меня, что на наиболее опасных участках такое охранение поставлено. Однако хотя мы и проехали большой отрезок пути, я не видел ни одного поста или охраняемого участка. Да и нападений не было. Я подумал даже, что генерал мог бы для эффекта дать информацию о грозящей опасности. Правда, мы видели другое, попутно беседуя о состоянии Вооруженных Сил Эфиопии и о проблемах 3-й армии в частности.

Перед нами бежала, круто извиваясь, современная, неширокая шоссейная дорога с нагорными, красиво сложенными

из камня стенками и сточными, тоже каменными, канавами, что позволяло перехватывать падающие с вершин камни. С другой стороны тоже был сооружен мощный парапет высотой немногим более метра, но массивный. Он надежно защищал машины от падения в пропасть в случае, если водитель не справился с управлением. Местность была покрыта буйной растительностью. Местами на деревьях гроздьями висели обезьяны. Вдруг на одном из поворотов водитель громко сказал: «Смотрите!» — и притормозил машину. На парапете сидела горилла — огромная обезьяна-самец ярко-рыжего, почти красного цвета. Мы поравнялись с нею. Я заметил массивную голову с громадными, как у льва, клыками. Этот великолепный обитатель джунглей смотрел куда-то в сторону, не обратив внимания на автомобили. Генерал сказал водителю, чтобы не останавливался, потому что некоторые особи могут напасть. Мы проехали мимо, а хозяин здешних мест вяло соскользнул с парапета и лениво пошел вдоль дороги.

Мы невольно переключили разговор с военной темы на фауну Эфиопии. Оказывается, она очень богата и разнообразна — львы, леопарды, слоны, бегемоты, буйволы, жирафы, антилопы, зебры, горные козлы, множество видов обезьян и птиц, в том числе страусы. Что касается горилл, то они уже относятся к редкостным видам, в основном же водятся в этой местности мартышки и павианы.

В штабе армии нас уже ждали. Здесь хорошо была слышна артиллерийская стрельба. Заслушав обстановку по карте, я предложил выехать в две-три части, которые сейчас ведут бой.

Оказывается, вся провинция Тигре, расположенная южнее Эритреи, уже находилась в руках повстанцев. Прямая автомобильная связь из Аддис-Абебы с Асмарой (т. е.с севером) отсутствовала, поскольку дорога была перехвачена. Во 2-ю армию все подавали только морем. Мало того, повстанцы опустились еще южнее и вошли в провинцию Уолло. А это уже создало вполне ощутимую угрозу столице.

В воинские части мы отправились на трех бронетранспортерах с крупнокалиберными автоматическими пушками. Вначале я высказал мнение, что «Шилки» можно бы и не брать — это же средство ПВО, а у противника авиации нет. Но меня убедили, что наземный противник боится «Шилку» больше танка. И мы двинулись в путь.

Условия боевых действий были сложными. Они проходили на всхолмленном плато, редко поросшем высоким колючим кустарником. Под ногами хрустит галька, спрессованная с песком. Солнце безжалостно жжет всех. Воды, как всегда в таких

условиях, недостает. Все — и черные эфиопы, и белые советники — еще больше почернели от копоти, пыли, а потом и нещадного солнца.

К моменту нашего приезда часть, в которую мы попали, уже дважды отразила атаку повстанцев. И сейчас шла вялая артиллерийская перестрелка.

Разобравшись в обстановке, я понял, что у противника в атаку идет только пехота и ее поддерживают огнем крупнокалиберных пулеметов пять БТРов (кроме, разумеется, артиллерии и минометов, которые стреляют постоянно). Когда я поинтересовался — есть ли здесь поблизости какой-нибудь резерв, мне сказали: танковая рота из семи танков стоит в пяти километрах и готова к действиям.

В течение двух часов мы вместе с начальником Генштаба подготовили контратаку, которая должна начаться сразу, как только противник перейдет в очередную атаку. Подготовили мы и эскадрилью штурмовиков с подлетным временем 18–20 минут.

Для проведения этой акции мы подтянули танкистов до последнего укрытия. Встретившись с ними, я и вручил всем значки Советской Армии, а командиру роты (больше офицеров не было) и всем командирам танков — наручные часы и пожелал им успехов. Потом проверили все связи, выбрали удобное место для наблюдения и приготовились.

Получилось как нельзя лучше. Противник начал массированный огневой налет — явный признак подготовки к атаке. Начальник Генштаба вызвал авиацию. Наша артиллерия открыла огонь по батареям противника. Через 15 минут сепаратисты перешли в атаку. Наша артиллерия переносит огонь по атакующей цепи, а авиация нанесла бомбоштурмовые удары по артиллерии противника. Танки идут в контратаку. Как только они миновали наш передний край, пехота поднялась и, прикрываясь броней танков, тоже перешла в контратаку. Танки с ходу открыли огонь из орудий и пулеметов.

Пехота противника вначале остановилась и залегла. Затем помчалась обратно на свои позиции. Танки буквально на плечах отходящего противника ворвались в его оборону, пехота — вслед за танками. А через 30 минут мы тоже переместились на передний край сепаратистов. Еще два километра шло преследование. Противник фактически был рассеян.

Я предложил начальнику Генштаба закрепиться на рубеже захваченных позиций противника, создать здесь оборону и одновременно начать переговоры с сепаратистами о возможном прекращении боевых действий.

Приехав в соседнее соединение, я увидел совершенно другую

картину. Укомплектованность частей здесь была крайне недостаточная. Никаких резервов нет. Моральный дух личного состава низкий. При первом же ударе противника они могут побежать и тем самым открыть дорогу на Аддис-Абебу и в тыл тем соединениям, которые удерживают свои рубежи.

В связи с этим договорились с начальником Генштаба, что он сосредоточит всю боевую авиацию на этом направлении, она будет постоянно, с максимальным напряжением наносить бомбоштурмовые удары по войскам сепаратистов. Одновременно в 1-й армии, которая стоит на сомалийском направлении, т. е на юге-востоке страны, будут взяты как минимум два соединения и срочно переброшены на это направление (Тигре).

Последующие события показали правильность этого решения. Переброшенные на это направление эти и другие соединения плюс эффективные действия боевой авиации охладили пыл экстремистов. Предложения же о прекращении огня и пресечении братоубийственной гражданской войны, сделанные по различным каналам, окончательно их остановили и заставили идти на переговоры.

Наконец, 1-я армия. В отличие от двух других, она находилась в «оранжерейных» условиях — никаких боев, никакой стрельбы, все тихо и спокойно. Изредка на постах захватывают каких-либо контрабандистов. Когда мы прилетели в эту армию, то даже внешний вид офицеров и солдат говорил, что они живут будто совсем в другом мире. А командарм даже в парадном мундире, белых перчатках и со стеком.

Мы познакомились и поехали в штаб армии. Он стоял отдельным военным городком-парком. Несколько одноэтажных помещений размещались на фантастически красивой территории, сплошь усеянной цветущими деревьями и декоративным кустарником, ярко-зелеными газонами, замысловатыми малыми формами архитектуры, всюду важно расхаживали страусы и павлины, а на деревьях висело множество попугаев. Это была сказочная идиллия.

Но особое впечатление на нас произвел лев. Для него в естественной скале была вырублена огромная ниша — пещера, а вся входная часть закрыта мощной металлической решеткой. Лев среднего размера, судя по всему, еще молодой, на людей не реагировал. Видно, неволя и постоянные зеваки надломили его. Я поинтересовался: «И давно он сидит в этой тюрьме?» Командующий армией сказал, что меньше года. Поймали его сетями. И гордо заявил: «У нас только наша армия имеет льва. Поэтому и наша эмблема — лев с поднятой лапой».

Из докладов, которые были сделаны в штабе, мы поняли:

особых проблем в армии нет, если не считать, что среди сомалийцев идет постоянное брожение. Связано это с тем, что у многих эфиопов родственники проживают в Сомали, и если раньше туда был свободный проход, то сейчас всё закрыто. В случае же нарушения пограничного режима могут застрелить без предупреждения. Известно, что запретный плод сладок. Закрытие границы только усиливает тягу к общению.

Что касается укомплектованности армии, ее обеспечения, то здесь никаких проблем нет. Необходимые запасы имеются. Расставаясь с командующим армией, я пожелал ему дальнейшего процветания, появилась возможность для сближения с Сомали.

Вернувшись в столицу, наша группа выполнила все оставшиеся в нашем плане мероприятия, в том числе посетила базу ВВС, училища, ряд центральных объектов хранения вооружения и боеприпасов. К сожалению, кроме хороших моментов были и неприятные, связанные главным образом с морально-нравственными «вывихами». Я заметил, что армиям стремились показать, что они слабо обеспечены вооружением и боеприпасами. При этом прибегали к неприличным методам — перебрасывали свое имущество из той части, куда мы должны поехать, в ту, где мы уже побывали. В связи с этим я распорядился, чтобы офицеры Главного военного советника не спускали глаз с центральных складов и арсеналов. Это, конечно, нас не украшало. Но еще хуже выглядели, на мой взгляд, руководители тыла эфиопской армии, которые занимались таким очковтирательством.

Вечером, накануне поездки по центральным складам, мы уточнили с генералом — начальником тыла Вооруженных Сил (кстати, он же был и врио министра обороны, так как после массового расстрела новый еще не был назначен) порядок посещения этих объектов, согласовав его одновременно с поездками по военно-учебным заведениям и другим учреждениям (т. е. чтобы не проезжать один и тот же маршрут дважды).

Буквально через три часа наш Главный военный советник докладывает мне, что на главный склад боеприпасов, куда я был намерен ехать утром, нагнали большое количество машин. Приехали погрузочные команды и на другой склад, который не попал в перечень проверяемых после уточнения нашего плана. Командование армии начало вывозить артиллерийские снаряды и авиационные бомбы.

— Разрешите пресечь эти паскудные действия начальника тыла? — с возмущением попросил меня Главный военный советник.

— Зачем же? — спокойно сказал я. — Наоборот, пусть всё

перевозят. А ваша задача — узнать, куда они перевозят.

— Уже узнали — на два других склада неподалеку от Аддис-Абебы.

— Вот и прекрасно. Завтра утром мы поедем прямо туда. Только вы пока об этом не объявляйте. Прихватите с собой фотоаппарат или видеокамеру.

Утром следующего дня к завтраку подъехал начальник тыла. Настроение у него было прекрасное. Трапеза прошла в хорошей обстановке — мы мирно беседовали об истории Эфиопии, о культуре, традициях и обычаях народа. Кстати, генерал просветил нас в одном интересном вопросе. Среди просяных культур, которые выращиваются земледельцами этой страны, основное место занимает тэфф. Он употребляется в пищу в разных видах, но, в отличие от других, обладает исключительно высокими лечебными свойствами, способствуя укреплению мышц вообще и в особенности мышц легких и сердца. Генерал спросил нас:

— Знаете ли вы, кто является постоянно чемпионом мира и чемпионом Олимпийских игр в беге на длинные дистанции? Эфиопы! Почему? А вот секрет в этой культуре (кроме естественно сложившейся школы спортивной подготовки).

Закончив завтрак, мы отправились к машинам. Я на ходу говорю генералу:

— Вы знаете, мы сегодня утром посоветовались и решили внести небольшие коррективы в наши планы: посмотрим два склада боеприпасов (и назвал именно те, куда всю ночь перевозили боеприпасы с центрального склада), а затем на обратном пути на этом направлении — военное училище. Оказывается, училище завтра выходит на полевые занятия, а мы хотели бы познакомиться с офицерами и курсантами в его стенах.

Приподнятое настроение генерала как ветром сдуло.

— Тогда я прикажу, чтобы училище пока в поле не выходило. Это не проблема, — без особой радости сказал он.

— Ну зачем же ломать планы учебного процесса. Да и мы будем поставлены в неловкое положение. Ведь ничего принципиально не меняется — найдем время посмотреть и центральный склад, — невинным тоном сказал я.

— Но там же уже ждут, — не сдавался генерал.

— Поэтому прошу вас, товарищ генерал, пошлите туда своего офицера, который передаст, что посещение откладывается. Пусть они занимаются по своему плану. Я уверен— у них много работы.

Бедняга генерал совсем сник. И не зная, что же ему делать, начал шарить по своим карманам, доставая какие-то бумаги, блокноты. А потом спросил:

— Вы не возражаете, если я не поеду, а вас будет

сопровождать мой заместитель?

— Нет, конечно, — успокоил я его. — Я сам хотел предложить вам этот вариант. Все-таки вы остались за министра и можете в любой момент понадобиться президенту.

— Да, да. Он мне уже дал одно важное поручение.

Мы расстались. Генерал отправился в Генеральный штаб, а мы — на склады. Первый из этих складов был на окраине города, поэтому мы добрались быстро. И хотя после расставания с генералом прошло немного времени, однако начальник склада, подполковник, нас встречал уже при въезде. А через минут пять приехал полковник — исполняющий обязанности начальника вооружения (начальник был расстрелян в числе мятежников). Знакомясь с начальником склада, я обратил внимание на его уставший и недостаточно опрятный вид. Мне было ясно, что это — следствие бессонной напряженной ночи. Кстати, в тот момент, когда мы подъезжали, с территории склада выехало несколько грузовых машин с солдатами — очевидно, погрузочно-разгрузочная команда. Но мы сделали вид, что не обратили на них внимания.

Находясь в любой стране, я всегда старался избегать приема рапорта (доклада) офицера армии страны нашего пребывания, за исключением почетного караула, когда это приходится делать в связи с протоколом. Поэтому и сейчас подполковник доложил не мне, а закрепленному за нашей группой на постоянной основе офицеру Генштаба. А затем мы, спокойно расхаживая по складу, побеседовали с подполковником.

— Вы давно руководите этим складом? — спросил я его.

— Уже три года. Даже больше…

— Так вы не просто начальник, но и дока в своей профессии!

— Знаю склад хорошо и стараюсь его поддерживать на должном уровне. У нас в этом году не было происшествий. Замечаний не имеем, — с гордостью сказал подполковник.

— Прекрасно. А вы лично, товарищ подполковник, как себя чувствуете?

Подполковник метнул в меня полный огорчения взгляд:

— Да ничего. Пока нормально.

— Вы извините, что я задал этот неделикатный вопрос, но у вас белки глаз покраснели. Мне показалось, что, может, сегодня вам нездоровится? Поэтому можно было бы поручить представлять склад вашему заместителю.

— Нет, нет! Я сделаю это сам. Я просто немного переутомился… Семейные обстоятельства.

— Ну, хорошо. Скажите, какие виды боеприпасов хранятся на вашем складе?

— У нас только артиллерийские снаряды для всех систем орудий и мины для всех минометов. Кроме того, вон там в дальнем углу имеется подземный бункер, где хранится несколько тонн взрывчатого вещества.

— Учет ведется? Вы можете точно доложить, сколько на складе боеприпасов каждого вида?

Подполковник начал докладывать по памяти, но когда офицер нашего Главного военного советника начал его поправлять, он взял журнал учета и доложил вполне квалифицированно.

— А вот эти хранилища, которые мы видим, — они что, все переполнены? — спросил я.

— Нет, многие из них полупустые, можно посмотреть.

— Давайте пройдем всё и посмотрим. Но удивляет — почему у вас буквально на всей территории склада вот такие горы боеприпасов?

— Да все нет времени хорошо сложить… Мало дают солдат для этой цели…

Хранилища были в основном заполнены, но некоторые могли бы принять еще какое-то количество боеприпасов. Во всяком случае, около четверти того, что сложено под открытым небом, можно было бы поместить под крышей. Но самое интересное другое — когда мы начали осматривать штабеля ящиков с боеприпасами на открытых площадках, то обнаружили большое количество авиационных бомб, ракет, реактивных снарядов. На вопрос — почему во время общего доклада ничего не было сказано об этом? — начальник склада постоянно твердил одно и то же: «Завезли ошибочно, а вернуть боеприпасы адресату еще не успели».

Конечно, все это выглядело, мягко говоря, некрасиво. Мы сделали съемки. А представителя Генштаба и других эфиопских офицеров попросили составить акт о наличии на складе неучтенных боеприпасов. Копию акта Главный военный советник взял себе. Ночная «операция» по перевозке снарядов обернулась против их организаторов.

Приблизительно такая же картина была и на втором складе. Зато в военном училище мы получили полное удовлетворение. Настроение у офицеров и курсантов — хорошее. Условия жизни и учебы — нормальные. Обеспечение— всестороннее. Единственно, нам было непонятно, почему никто ничего не спрашивал, хотя в целом личный состав был общительный, легко вступал в контакт и разговор. Лица приятные, белозубые улыбки.

Наконец, пришло время подводить итоги. С учетом полученного мной задания в Москве и принимая во внимание

ситуацию, с которой мы встретились на месте, мне, как я это себе представлял, надо было решить две принципиальные задачи: убедить Менгисту, что только политическим путем — путем переговоров и компромиссов — можно решить задачу выхода из тупика в войне с оппозицией. Это первое. И второе — показать Менгисту, что его непомерные запросы по оказанию помощи Эфиопии оружием, боевой техникой и боеприпасами не вызываются сложившейся обстановкой и уровнем оснащенности эфиопской армии на сегодняшний день. Хотя, конечно, кое-что и надо было дополнительно выделить, но это незначительно. Но самым главным я считал — без дипломатии объясниться с Менгисту начистоту.

Поэтому во время последней встречи с Менгисту я сделал ему следующее сообщение:

— Мы констатируем, что военно-политическая обстановка в Эфиопии по-прежнему остается сложной. Но главная опасность состоит в возможном обострении, особенно в Эритрее и Тигре. Наша группа подтверждает целесообразность рекомендаций советского руководства о необходимости отыскания политического пути разрядки обстановки, осложнение которой наступило по причине упорного нежелания руководства Эфиопии переоценить отношения с оппозицией и пойти по пути соглашений. Ведение же переговоров с Народным фронтом Эритреи и Народным фронтом Тигре только с позиций силы ничего не даст. Наоборот, «болезнь» загоняется все глубже и глубже. Ведь всем видно, что с годами силы оппозиции растут, а не уменьшаются. Но еще опаснее то, что в стране идет процесс консолидации оппозиционных сил. В то же время налицо тенденция усиления процесса изоляции Менгисту Хайле Мариама. Об этом свидетельствует и заговор офицерского состава. Мы осуждаем эти выступления. Но одновременно подчеркиваем, что принятые в отношении заговорщиков меры не разрешат кризиса. Это только породит новую волну недовольства, следовательно, популярность Менгисту будет падать. А от затянувшейся войны народ устал. Конечно, назначенные недавно начальник Генерального штаба, главнокомандующие видами Вооруженных Сил, командующие армиями, командиры корпусов и дивизий будут выполнять приказы своего Верховного главнокомандующего. Но не исключены рецидивы, если Менгисту не изменит своего курса и если не поведет линию на установление мира в стране.

Я также дал подробную информацию (кое-что повторил из того, что было в моих промежуточных сообщениях) по каждой армии и виду Вооруженных Сил. Подчеркнул, что наиболее

тяжелая обстановка в провинции Тигре и прилегающих к ней районах, т. е. в зоне ответственности 3-й армии. Противник (точнее, Народный фронт Тигре) нанес армии значительное поражение, продвинулся на 120 километров и фактически полностью контролирует положение в этой провинции и частично в провинциях Уолло и Гондар. Он захватил у правительственных войск большое количество вооружения и военной техники. Одновременно в ходе своего наступления отмобилизовал до ста тысяч населения Тигре и Уолло. Тем самым руководство Народного фронта Тигре достигло значительного изменения соотношения сил в свою пользу.

В то же время правительственные войска в этом районе, понеся потери в личном составе, боевой технике и запасах на 70 процентов, отошли на юг к Уолдии. Сейчас принимаются меры к подаче в сохранившиеся воинские части пополнения и вооружения. Одновременно принимаются экстренные меры по организации обороны этого района. Новый начальник Генерального штаба и его основные силы находятся в 3-й армии и вместе с офицерами нашего Главного военного советника решают эту задачу.

В ходе доклада я старался раскрыть президенту стратегическое значение занимаемого сейчас здесь правительственными войсками рубежа для судьбы страны в целом. Нарисовал также картину возможных вариантов действий мятежников и соответственно — какие меры надо принять, чтобы парировать эти удары правительственными войсками.

Подчеркнул, что в случае еще одного такого поражения войск 3-й армии будет открыта дорога на Аддис-Абебу со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, противник может блокировать дорогу от главного морского порта страны Ассаб на Аддис-Абебу и беспрепятственно войти в районы этого порта. А в хранилищах порта имеется огромное количество боеприпасов, вооружения, боевой техники, грузовых автомобилей, продовольствия и других материальных средств.

В связи с этим рекомендовал Менгисту срочно, дополнительно к тому, что уже было переброшено, направить в район боевых действий 3-й армии несколько боевых соединений, в том числе из 1-й армии, расположенной на границе Сомали. Одновременно организовать отмобилизование ресурсов в районе боевых действий 3-й армии, а также в оперативных границах 1-й армии для восполнения ее состава в связи с отправкой значительных сил в Тигре. Кроме того, рекомендовал силами органов госбезопасности и Министерства внутренних дел экстренно организовать ликвидацию всех очагов оппозиции,

организованных в центре и в тылу расположения 3-й армии. При этом усилил тезис о том, что эти органы преданы президенту и обязаны быстро и четко выполнить его приказ. Сказал также, что в Аддис-Абебе и прилегающих провинциях надо немедленно создавать сильные маневренные резервы на базе военных училищ и подразделений МВД, призывая к защите Отечества и созданию народных ополчений.

Наконец, рекомендовал все силы ВВС, всю боевую и транспортную авиацию использовать только в интересах 3-й армии в районе Тигре.

Что касается обеспеченности Вооруженных Сил Эфиопии, то я сказал как бы между прочим одной фразой: «Войска, все армейские и центральные склады страны переполнены вооружением, боевой техникой, боеприпасами и другим имуществом, поэтому этот вопрос ни в коем случае не должен вызывать у президента Эфиопии беспокойство и тем более опасение, что может подтвердить временно исполняющий обязанности министра обороны».

Все рекомендации были приняты с благодарностью. При этом договорились с Менгисту, что советские военные советники буквально сейчас вместе с оставшимися в Аддис-Абебе офицерами Генштаба подготовят телеграммы и директивы и немедленно выедут в те органы и организации, от которых будет зависеть непосредственное исполнение распоряжений президента.

Однако перед тем как попрощаться с Менгисту, я постарался осторожно, в деликатной форме, высказать ему еще одну важную, на мой взгляд, мысль. Я считал, что в этих условиях надо обратиться к народу за помощью и поддержкой. Однако если это сегодня сделает Менгисту, то не только не будет никакой поддержки, но может быть обратная реакция. Поэтому я сказал: «В условиях, когда решается судьба страны, надо, чтобы народ Эфиопии принял в этом самое активное участие. Поэтому было бы неплохо, если бы наиболее мощная и авторитетная общественная организация обратилась к народу и президенту страны с призывом мобилизовать все силы для спасения Отечества. При этом обязать все властные структуры оказать всяческую поддержку этому обращению, а все средства массовой информации мобилизовать на доведение этого исторического документа до народа».

Вначале я думал, что Менгисту не воспринял это предложение. Обычно, когда он предложения не принимал, то просто молча, без комментариев их пропускал. Однако когда кто-то со своим предложением наступал ему на «больную мозоль»,

как это было с идеей организации переговоров на равных с сепаратистами Эритреи, он взрывался: «Вы же поймите — это бандиты! Как с ними вообще вести переговоры?!» Однако в данном случае он не только спокойно воспринял мой совет, но и оживился, соглашаясь, что это будет важной мерой.

Менгисту живо воспринял и наше предложение создать Ставку Верховного главного командования. Я рассказал ему, как это было сделано в Афганистане. Подчеркнул, что было бы целесообразным, чтобы на всех заседаниях Ставки присутствовал наш Главный военный советник или его начальник штаба. Это могло бы обеспечить оперативность в разрешении многих вопросов. При этом Менгисту высказал просьбу количество военных советников не уменьшать.

Прощаясь, я сказал президенту Эфиопии, что Советский Союз был и остается верным и искренним другом Эфиопской революции, народа Эфиопии, глубоко заинтересован в нормализации военно-политической обстановки в стране и всемерно будет поддерживать мирные инициативы Народно-Демократической Республики Эфиопия, направленные на разблокирование эритрейской и тигрейской проблем политическим путем.

Улетая из этой страны к себе в Москву я, как и мои коллеги, уносил с собой тревожные чувства за дальнейшую судьбу этого народа, хотя все наши предложения были восприняты не формально и переводились в плоскость практических решений. Например, о создании службы технического обеспечения Вооруженных Сил была подписана директива, которая определила структуру этой службы, функции, задачи и регламент. В том числе особое внимание было уделено техническому обслуживанию бронетанковой и автомобильной техники. Раньше солдат водил танк или автомобиль до тех пор, пока он не заглохнет. Как заглох — бросает его и требует, чтобы дали новый. Теперь же этот солдат вместе с ремонтниками будет проводить профилактику, чтобы машина не заглохла.

Было учтено, что надо немедленно досрочно выпустить группу военных летчиков, которые обучались в Советском Союзе. В настоящее время на 126 боевых самолетов и вертолетов имеется только 65 экипажей (много летчиков по подозрению были арестованы).

Были приняты во внимание и другие просьбы материально-технической направленности. Конечно, помогать надо. Но аппетит уже был радикально (процентов на 60–70) поумерен.

Однако всё это, на наш взгляд, было не самым главным. Главное — нужны смелые политические шаги, что позволит

реально разрешить проблемы севера Эфиопии мирным путем (Эритрея и Тигре). Но сможет ли решиться на это Менгисту? Найдется ли у него достаточно мужества и мудрости сделать нужные шаги во имя благополучия народа (даже если это ущемит личный престиж)? Будет ли он и дальше действовать так, как было условлено?

О результатах визита в Эфиопию делегации Министерства обороны СССР было официально, письмом, доложено министром обороны маршалом Дмитрием Тимофеевичем Язовым в ЦК КПСС 1 сентября 1989 года. Но для нас, т. е. для меня и всей военной делегации, вопрос закрыт не был. Мы обязаны были, решая свои главные задачи по функциональным обязанностям, одновременно следить (согласно плану), что и как выполняется в Эфиопии (как и в других подобных странах). В частности, далеко не просто решался кадровый вопрос по нашему советническому аппарату. С одной стороны, подавляющее большинство офицеров советнического аппарата, начиная с Главного военного советника, должны были быть заменены, так как они работали вместе и долгое время с теми, кто был расстрелян. Просто с чисто моральных позиций нежелательно было их оставлять дальше в этой стране. В то же время исключительно тяжелая военно-политическая обстановка не только не позволяла большую часть советников заменять, но и вообще их трогать.

И все-таки замену мы начали проводить. В числе первых был Главный военный советник генерал Демин. И потому, что уже был назначен новый начальник Генерального штаба эфиопской армии, и потому, что ожидалось назначение нового министра обороны, и потому, что здоровье генерала, конечно, не позволяло ему работать в этой тяжелой в климатическом отношении стране.

Но прошло всего лишь около трех месяцев после нашего возвращения, как вдруг сенсация — Менгисту покинул Эфиопию и на своем самолете улетел в одну из африканских стран. Конечно, в Сомали или в Судан он по политическим мотивам отправиться не мог. Маловероятно, чтобы он улетел в Саудовскую Аравию, Северный или Южный Йемен (в двух последних государствах тоже было неспокойно, а Саудовская Аравия симпатизировала эритрейцам). Поэтому из соседей оставалась только Кения. Или это была любая другая страна Африканского континента до Заира включительно. Но телевидение показало лишь момент посадки Менгисту в самолет и его убытие.

Теперь это совершенно не имело никакого значения. Важно, что свершилось главное — тот, кто поддерживал напряжение в стране, самоотстранился от занимаемой должности и сам добровольно покинул государство, где фактически был

диктатором. Тем самым были сняты все оковы, сдерживавшие мирное разрешение проблем в Эфиопии и прекращение гражданской войны.

По-разному оценивался поступок Менгисту. Одни говорили, что он сбежал от неотвратимого возмездия за ущерб, который он принес в последние годы. Другие говорили, что у него другого выхода не было. Я же полагаю, что, не отбрасывая первые две версии (они в определенной степени были вполне вероятны), целесообразно посмотреть на этот шаг с позиций интересов народа и государства. Конечно, кому хочется бесславно умирать?! Тем более если он только что перешагнул за сорок. Никому. А в положении Менгисту тем более. Но не каждый решится на такой шаг — оставить трон ради стабилизации обстановки в стране. При этом уход с поста главы государства совершен не в условиях хаоса и безвластия, как, например, это сделали в свое время Керенский или Ельцин. Менгисту ушел со своего поста в обстановке сильной власти и четко организованной и управляемой государственной системы. Мне его шаг немного напоминает попытку Наджибуллы в Афганистане, где только предательство министра иностранных дел Вакиля сорвало вылет Наджибуллы в Индию.

Менгисту политик-реалист и прагматик. Он был твердо убежден, что с сепаратистами ему не договориться, и причина одна — они не выполняют его условий. В то же время народ устал от войны и готов был на что угодно, лишь бы наступил мир. А Советский Союз в этих условиях поддерживал настроения народа. Поэтому, исходя из всех обстоятельств, Менгисту принимает решение сложить с себя полностью полномочия главы государства. Правильный ли это был шаг? Несомненно. Но с учетом нравов и обычаев Африки после ухода с высшего поста Менгисту нельзя было оставаться в своей родной Эфиопии. И он покидает Родину — может, до лучших для него времен, а может, и насовсем.

Далеко не каждый из государственных деятелей решится самостоятельно на такой шаг. Во всяком случае, президент России Ельцин, который вместе с Горбачевым, Кравчуком и Шушкевичем развалил Советский Союз, а затем до 2000 года разваливал и Россию, который полностью потерял в народе всякое доверие, такое решение никогда не примет. У него нет чувства ответственности за судьбу своего народа, нет государственной мудрости и нет необходимого для нормального мужчины мужества. Он трус по натуре, как и Горбачев, но эту трусость прикрывает угрозами или невнятными фразами. Например, на пресс-конференции Ельцина и Клинтона в Кремле 5

сентября 1998 года американский корреспондент спросил у него: «Думаете ли вы распускать Государственную Думу, если она не проголосует за Черномырдина?» Казалось бы, чего проще сказать так, как говорил Сталин, четко и однозначно да или нет — и всё. А Ельцин после долгого молчания наконец изрек: «Нас ожидают большие, интересные события…» Все присутствовавшие, в том числе Клинтон, как, видимо, и миллионы телезрителей, ожидали, что за этим последует основное содержание ответа. Но Ельцин только удивленно поднял брови, повернул голову к Ястржемскому, который сидел за соседним столом, и добавил: «Всё…» В зале послышался шум, смех. Кто-то громко сказал: «Оригинальный ответ!» Вот уж точно, «оригинальный». И вообще, чем дальше, тем Ельцин становится «оригинальнее». Как известно, в день начала учебного года Ельцин обязательно посещает одну из московских школ. В 1997 году это совпало по времени с гибелью принцессы Дианы. И президент говорил школьникам со скорбным лицом: «Конечно, во всех странах будут жалеть о гибели актрисы (?!) Дианы. Особенно в Англии, Великобритании… да и в Лондоне…» А в 1998 году на вопрос одного из учеников: «Борис Николаевич, какой литературный герой является вашим кумиром?» — российский президент опять оказался «на высоте»: «Пушкин… понимашь. Все в детстве пытались писать стихи». Уверен, что эта встреча останется в памяти учеников на всю жизнь, как все годы царствования Б. Н. Ельцина в памяти наших соотечественников.

Но, наверное, потомки долго будут помнить, что осенью 1993 года, отрешенный съездом народных депутатов России от должности президента, Борис Ельцин не ушел с поста. Вместо этого он расстрелял из танков избранный народом Верховный Совет и тысячи безоружных людей. Личная власть оказалась дороже человеческих судеб и спокойствия всей страны.

И то, что в декабре 1999 года Ельцин передал власть Путину — это отнюдь не мудрый и тем более не демократический шаг, а страх. Страх перед той развязкой, которая уже нависла над ним.

Такие вот напрашиваются параллели.

Ну, а глава Эфиопии Менгисту принимал решение об уходе сам. Конечно, нельзя исключать и влияние на его решение всех сопутствующих обстоятельств, в том числе, возможно, определенную роль сыграла и наша военная делегация.

Во всяком случае, шаг был предпринят мудрый — в первую очередь во имя народа.

Глава VIII
Обстановка в Генштабе сложная

Патологическое отторжение Генштаба Устиновым. Письмо Огаркова на имя генсека. Развязка с Огарковым — ничего неожиданного. Прощусь в войска — Устинов против. На моем горизонте Афганистан. Приближаются кардинальные изменения. Смерть Устинова. Министр обороны Соколов. Заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану. Первая встреча с Горбачевым.

На мой взгляд, один только перечень даже не всех, а лишь крупных мероприятий, которые мы провели за пять лет, уже позволяют читателю сделать некоторый вывод о месте и роли Генерального штаба, а также о характере его работы, высокой напряженности (физической и моральной) его офицеров, о его именно повседневном, всеохватывающем труде. Раньше уже говорилось о Генштабе в целом, как об основном органе управления Вооруженными Силами. А сейчас хотелось бы акцентировать внимание только на последних пяти годах его деятельности в условиях, когда Д. Ф. Устинов и Н. В. Огарков были вместе, но действовали врозь.

Итак, вот этот перечень мероприятий только за период 1980–1984 годы.

— Разработка и ежегодное уточнение оперативно-стратегических планов Генерального штаба использования Вооруженных Сил в войне в случае агрессивных действий какой-нибудь страны.

— Подготовка и проведение (можно назвать их государственными) крупномасштабных стратегических учений дважды на западе, на юге, и дважды на востоке страны. О размахе учений можно судить хотя бы по оперативно-территориальным границам: учения на западе затрагивали территории и, естественно, органы военного управления, войска и флоты — РСФСР, Белоруссии, Эстонии, Литвы, Латвии; учения на юге — территории РСФСР, весь Северный Кавказ, Азербайджан, Грузию, Армению, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизию, Казахстан; учения на востоке охватывали все, что было от Урала до Тихого океана. Для Генерального штаба учения и маневры были основной формой подготовки Вооруженных Сил СССР.

— Подготовка и проведение «военных игр» с участием руководства государства по управлению стратегическими

ядерными силами — ежегодно. Терминология «военная игра» не должна у читателя вызывать недоумение. Фактически в это вкладывается большое (в данном случае стратегическое) содержание.

— Подготовка и проведение фронтовых учений с крупными военными округами или группами войск (типа Группа Советских войск в Германии).

— Разработка важнейших вопросов советской военной теории — научно-исследовательская деятельность. На основе проведенных учений — создание главных военных канонов: «Основ подготовки операций» (всех видов), которыми должны были руководствоваться все, начиная от Верховного главнокомандующего.

— На базе многочисленных аналитических заседаний «пятерки» (МО — руководитель, МИД, КГБ, ВПК и ЦК) выработка предложений для руководства страны по военно-политическим проблемам, в том числе по вопросам ограничения и сокращения ядерных и обычных вооружений, а также Вооруженных Сил в целом.

— Руководство группировкой наших войск в Афганистане, деятельность которой преследовала главную цель — стабилизацию обстановки. Всесторонняя подготовка этой группировки и ее материально-техническое и кадровое обеспечение. Создание вокруг нашей группировки благоприятного морально-политического климата.

— Руководство структурой советских военных советников в различных странах мира в соответствии с политикой нашего государства; обеспечение соответствующих стран военно-техническим имуществом, строительство специальных объектов, подготовка военных кадров для национальных Вооруженных Сил (особенно стран Восточной Европы, Монгольской Народной Республики, Анголы, Сирии, Мозамбика, Эфиопии, Вьетнама, Кореи, Кубы, Никарагуа и др.).

— Разработка совместно с главкомами видов ВС и аппаратом заместителя министра обороны по вооружению военно-технической политики в Вооруженных Силах, руководство военно-техническими исследованиями, определение военных заказов.

— Проведение мероприятий по подготовке высшего звена Вооруженных Сил (конференции, военные игры, разборы учений, информация и исследования).

— Поддержание на должном уровне мобилизационной готовности войск, народного хозяйства и страны в целом (проверялась мобилизационная готовность ряда заводов-гигантов

и группы заводов региона, издавалась соответствующая директива ЦК и Совмина, составлялся конкретный план их дальнейшей подготовки).

— Подготовка Западного и Дальневосточного театров военных действий (в эти годы именно здесь были сделаны радикальные шаги).

Каждый из этих разделов в свою очередь имел свой большой перечень мероприятий. Я уже не касаюсь вопросов повседневной жизни и управления Вооруженными Силами, несения ими боевого дежурства (особенно стратегических ядерных сил и войск ПВО страны) и поддержания в целом высокой боевой готовности, способности включаться в боевые действия согласно оперативным планам.

Читателю может показаться слишком пространным и нудным такое перечисление. Однако если это чувство и возникнет, то, думаю, только у незначительной части лиц, для которых всё военное вызывает скуку, даже если об этом пишут Пушкин, Лермонтов, оба Толстых, Шолохов, Симонов, Стаднюк, Бондарев, Чуковский, Семенов, Гроссман, Карпов, Фурманов. Есть же такие экземпляры, которые стараются от воинской службы (а следовательно, от святая святых — защиты Отечества) убежать, спрятаться и даже гордятся сейчас тем, что обманули военкомат и увильнули от службы в армии. Конечно, такому трудно растолковать, да и не следует на это тратить время, он все равно не поймет, что такое солдат в широком смысле (как воин, как военный человек в любом звании) и, естественно, все структуры и атрибуты, связанные с соладатом и с защитой Отечества, начиная с Генерального штаба. Это его не касается. Для него важно, что сам он существует, а его ближние живут благополучно, в свое удовольствие. А что для них армия? Ее если вообще не будет, так это даже лучше — всё, что тратится на армию, пойдет на благо его и таких, как он.

И все-таки я хотел бы объясниться с читателем. Такой далекий заход с перечислением принципиальных вопросов, которые решались Генштабом за последние пять лет службы в нем Н. В. Огаркова, я сделал неспроста. Мне хотелось на этом фоне показать отношение к Генштабу Д.Ф.Устинова как министра обороны. Можно представить, что между министром и начальником Генштаба лично отношения не сложились. Такие случаи в нашей практике бывали и до этого. Но всегда и при всех условиях Генеральный штаб неизменно занимал должное место, в том числе и сознание министра обороны. Однако в начале 80-х годов появился прецедент — министр обороны решил низвести Генштаб до уровня своей канцелярии. Николай Васильевич

Огарков не один раз в деликатной форме говорил Дмитрию Федоровичу Устинову, что этого делать нельзя, ничего хорошего из такой затеи не выйдет. Такими действиями министр обороны лишь нанесет ущерб лично себе, своему авторитету, бросит незаслуженную тень на офицеров Генерального штаба, но главное — нанесет ущерб делу, стране, ее Вооруженным Силам.

Личные отношения можно было бы отделить от Генштаба. И это мог и должен был сделать Устинов. Однако этого не произошло. Наоборот, свою неприязнь к Огаркову он перекладывал и на Генштаб. Он никак не мог смириться с тем, что министр обороны и Генштаб (следовательно, и его начальник) выступают на равных, хотя в мирное время Генштаб и подчиняется министру обороны. И уж совсем не воспринимал, что у начальника Генштаба может быть совершенно иное, отличное от министра обороны, мнение. Другое дело, что министр обороны и Генеральный штаб (не только его начальник) обязаны найти единство взглядов на проблему. Но Устинов об этом и слышать не хотел.

У Дмитрия Федоровича, уже начиная с 1981 года, была ярко выраженная патология в отношении Генерального штаба.

Конечно, в этом виновен был не только он сам, не только его ближайшее окружение и его сторонники (точнее, личные оппоненты Огаркова), но и Николай Васильевич Огарков. Я не один раз говорил ему все, о чем раньше здесь сказано, я его просил, чтобы он не обострял отношений с министром. Надо было учитывать особенности характера Устинова. Но Огарков этого не делал, поэтому Устинов, рассвирепев, старался выместить свою злобу на Генштабе в целом.

Мне не раз приходилось быть свидетелем таких неприятных сцен. Сижу в кабинете Николая Васильевича, идет обсуждение какого-то вопроса. Вдруг звонит по прямому телефону министр. Громкость большая, и мне все слышно. Министр говорит:

— Здравствуйте, Николай Васильевич!

— Здравия желаю, Дмитрий Федорович, — отвечает Огарков.

— Завтра с утра в конструкторском бюро Микояна будет докладываться очень интересная работа. Они приглашают нас. Завтра суббота. Я приеду сюда в 9.00, посмотрю бумаги, и мы в 9.40 вместе отправимся, — предлагает Устинов и слышит в ответ:

— Нет, Дмитрий Федорович, я не могу — у меня работа.

— А это что — прогулка? Главный авиационный конструктор будет военным докладывать новую машину. Разве мы должны быть в стороне? — уже начинает сердиться министр.

— Да нет. Мы обязаны следить за этим. Но завтра я не могу. У меня уже все спланировано, — сухо бубнит свое Огарков.

— Ну, как хотите, — разочарованно произносит министр.

На этом разговор окончен.

Николай Васильевич, положив трубку на место, задумался. Я нарушил паузу:

— Товарищ маршал, вы извините, но это не лучший вариант вообще, а в условиях натянутых отношений — тем более, — не выдерживаю я. — Какие у вас дела на завтрашнее утро? Поручите нам — мы всё исполним. А вы бы поехали с министром. Это на пользу дела, а тем более на пользу ваших взаимоотношений.

— Этого не будет. Со стороны кажется, что все так просто. А фактически уже далеко не так, — возражает Огарков. — Во-первых, ему это приглашение прислали в понедельник, и он знал о нем. Разве он не мог мне тогда же позвонить и предупредить? Я бы спланировал свои действия. Во-вторых, у меня действительно на завтра, на утро приглашены академик Владимир Сергеевич Семенихин со своими специалистами и ракетчики-стратеги. Будем детально разбирать ход заключительных работ по системе управления (назвал систему. — В. В.).

— Все это правильно. Но министр — все-таки министр. И идти ему навстречу — это значит и выравнивать наши общие дела. Ведь за вашими плечами коллектив офицеров, более двух тысяч. И для них небезразлично — уважительно относится министр к Генштабу или озлобленно.

— Валентин Иванович, никакого заискивания не будет, — сурово молвил Огарков. — Давайте на этом закончим эту тему и вернемся к тому, что обсуждали.

Вот так бывало не один раз. В итоге дело дошло до того, что если кто-то в своем докладе упоминает Генштаб, Устинова это сразу начинало коробить, и он допускал унизительные и оскорбительные высказывания. Мы были просто поражены. Ведь умный же человек! А в военной промышленности вообще гигант такого масштаба, как Б.Л.Ванников, В. А. Малышев, А. И. Шахурин, П. И. Паршин. Ведь им всем при жизни надо было памятники ставить. Генштабистов переполняла горечь обиды на министра. И для нее были все основания.

Печально, но факт — отношение к Генштабу у министра было крайне плохое. Вот один, на мой взгляд, любопытный пример. Как-то в воскресенье утром я поехал не в Генштаб, как обычно, а на стройку, рассчитывая к 10 часам управиться и прибыть к себе на службу. Мы завершали в Хамовниках строительство спортивного зала для Генерального штаба — переоборудовали помещение бывших конюшен под спортивный комплекс. Я немного задержался. Н. В. Огарков знал, что такая работа делается, но не вмешивался. Я же, несмотря на невероятную

загруженность, сам явился инициатором этого дела и сам же руководил этой стройкой. Хотелось иметь под боком такой объект — офицеры Генштаба болеют, надо чтобы они занимались спортом. От Генштаба до Хамовников двадцать минут ходьбы.

Когда я был на объекте, вдруг из машины прибегает водитель и докладывает, что дежурный генерал по центральному командному пункту Генштаба (ЦКП) просит срочно подойти к аппарату. Прихожу:

— Слушаю вас.

— Товарищ генерал армии, прибыл министр обороны и разыскивает вас.

— Вы доложили ему, что я нахожусь здесь?

— Так точно. После этого он приказал, чтобы вы немедленно прибыли.

Приезжаю в Генштаб, поднимаюсь к себе, звоню Устинову:

— Товарищ министр обороны, докладывает генерал Варенников. По вашему приказу прибыл в Генштаб и нахожусь на своем рабочем месте.

— Где вы были?

— Товарищ министр, я был в Хамовниках. Мы там переоборудовали конюшни под спортивный зал для офицеров Генерального штаба…

— Для какого еще Генерального штаба? — взорвался министр. — Что вы выдумываете? Есть Министерство обороны, которое имеет целый спортивный комплекс на Ленинградском проспекте. Называется ЦСКА — Центральный спортивный клуб армии. Слышали о таком? Так вот, там все военные и занимаются. Там должен заниматься и ваш Генштаб. Он тоже входит в Министерство обороны, и никаких отдельно спортзалов. Ясно?

— Ясно.

Через некоторое время звонит Огарков:

— Что там за переполох с утра, да еще и в воскресенье?

Видно, министр обороны уже переговорил и с ним. Я подробно доложил, что произошло.

— Какие-нибудь служебные вопросы поднимались? Задачи какие-нибудь Дмитрий Федорович ставил? — поинтересовался Огарков.

— Да нет.

— Надо поспрашивать у помощников министра, возможно, они знают. Просто так он бы не звонил.

— Есть. Разберусь и доложу.

Звоню Илларионову. Тот говорит, что ни о чем министр не спрашивал, ничем не интересовался. Странно. Но ведь Огарков прав — министр не стал бы попусту звонить. Значит, у него были

какие-то вопросы.

Вызываю к телефону дежурного генерала по центральному командному пункту:

— Воспроизведите еще раз точно разговор с министром обороны, когда он прибыл в Генштаб.

Министр обороны звонит мне по прямому и спрашивает, какая обстановка. Я докладываю, что в Вооруженных Силах и в стране в целом все нормально, происшествий не произошло. Боевое дежурство сил и средств несется бдительно, все находится на контроле. В мире все спокойно.

— И все?

Затем министр обороны спрашивает: «Кто есть в Генштабе из руководства?» Я ответил, что он прибыл сегодня первым. Маршалы Огарков и Соколов уже должны скоро подъехать, Ахромеев вызвал машину, а вы на стройке. Министр обороны переспросил: «На какой стройке?» Я ему доложил.

В конце концов оказалось, что действительно его возмутило именно только то, что для Генерального штаба делается небольшой спортивный комплекс неподалеку от рабочего места. Здесь каждое управление Генштаба могло отлично заниматься дважды в неделю по два часа. Спортивный зал открывался в 8 утра и закрывался в 22 часа, а в субботу был открыт для всех желающих.

Поездки же на Ленинградский проспект были связаны с многими проблемами и требовали большой затраты времени. Я переговорил с Николаем Васильевичем и попросил в личном разговоре убедить министра, что Генштабу совсем неплохо иметь почти рядом такой объект, и попросить также, чтобы он снял свое вето. Тем более что спортивный комплекс уже готов. Огарков без особого желания согласился переговорить. Через несколько дней сказал мне, что министр обороны согласился с Хамовниками, но предупредил, чтобы Генштаб больше ничего для себя не выдумывал.

Что ж, уже это было хорошо. И вскоре состоялось открытие спортивного комплекса. Верховным спортивным руководителем в Генштабе стал начальник одного из управлений нашего Главного оперативного управления генерал-лейтенант Е. А. Евстигнеев (затем он стал заместителем начальника Генштаба). Человек спортивный, очень активный, энергия из него так и выпрыгивает. Спорт же он не просто любит, но и умело приобщает к нему всех, кто его окружает. Так что ему и карты в руки. Дело у нас благодаря Евгению Андреевичу Евстигнееву быстро наладилось, так что я и не знал забот.

Однако, как говорят в народе, беда не приходит одна. В это

время я уже затеял переоборудовать расположенное неподалеку от Генштаба здание под гостиницу для лиц, которые приезжают в Генштаб. Я уже говорил о том, что у Министерства обороны была гостиница на Мосфильмовской. Гостиница хорошая, но вечно переполненная. Надо заранее подавать заявку, и к тому же находилась она далеко. Вторая гостиница — на площади Коммуны — была в ведении Главпура. Гостиница очень слабая, запущенная, вечно грязная и тоже далеко. А в Генштаб постоянно прибывают из войск с оперативными документами (для уточнения) командующие ввойсками, начальники штабов военных округов и флотов, начальники родов войск. Они частенько работают далеко за полночь (особенно начальники штабов и операторы), и, естественно, если бы у Генштаба была бы своя небольшая гостиница, чтобы ни от кого не зависеть и в любое время разместить приезжающих в Генштаб, — это было бы прекрасно. Тем более что она чуть ли не под боком.

Здание, которое я переоборудовал, находится в двух шагах от Гоголевского бульвара, т. е. фактически рядом с Генштабом. Раньше здесь располагались склады Военной академии Генерального штаба, а когда академия получила новое добротное здание и переехала туда со всеми атрибутами, то здание у станции метро «Кропоткинская» освободилось. Десятое Главное управление Генштаба хотело прихватить его под свои склады. Но, убедив их, что это недопустимая роскошь, я приступил к реставрации здания. А это величественное сооружение датировалось XVIII веком и имело грамоту императрицы Елизаветы. Оно представляло собой здание в несколько этажей, с высокими окнами. Оно стояло во внутреннем дворе одного из переулков, где было тихо, спокойно и весьма удобно.

Работа уже бурлила полным ходом. Но если министр обнаружит, что это будущая гостиница для Генштаба, то разразится очередной скандал. А их у нас и так хватало. Надо заниматься своим делом, а тут вдруг очередной «поджог рейхстага» (так я называл такие эпизоды, а иначе как провокацией их и не назовешь).

Что делать? Надо найти приемлемую для министра обороны форму (как видит читатель, и тогда дорогое время часто тратилось на различную чепуху, чтобы ублажить начальника). Вроде нахожу вариант и еду к заместителю министра по строительству маршалу инженерных войск Н.Ф.Шестопалову. А мы с ним фактически вдвоем решились на этот шаг.

Приезжаю, рассказываю ему об эпизоде со спортивным комплексом в Хамовниках и говорю, что надо, на мой взгляд, внести необходимые поправки в документацию, что это гостиница

не Генерального штаба, а Министерства обороны и здесь будут останавливаться лица по вызову министра обороны из войск. Формула была принята и получила свое утверждение. Мы договорились, что сами ни с кем на тему гостиницы говорить не будем. Ну, а если кто-то что-то затеет, то у нас всё однозначно: объект Министерства обороны, но, так сказать, ключи от этой гостиницы будут в ГОУ Генштаба.

К счастью, опасения были излишними — не только министр обороны об этой гостинице ничего не знал (и так и не узнал), но и начальник Генштаба о ней услышал впервые, только когда мы в очередной раз собирали командующих войсками, начальников штабов и членов Военных советов военных округов (групп войск) и флотов на годовое итоговое совещание. Как раз номеров было ровно столько, чтобы разместить эту категорию военачальников.

Когда, как всегда, у Николая Васильевича разбирали все организационные вопросы и дошли до размещения, Огарков сказал:

— Размещать будем по старой схеме в гостинице на Мосфильмовской. Надо только заранее дать распоряжения, чтобы за три дня до наших мероприятий они ее освободили в той части, которая потребуется для нас.

Я вынужден был доложить:

— Есть еще один вариант.

Николай Васильевич удивленно посмотрел на меня, потом на Шестопалова. Тот улыбался.

— Целесообразно трех основных начальников военных округов и флотов разместить в гостинице Министерства обороны на Кропоткинской, а остальных — на Мосфильмовской.

— Это что еще за гостиница?

— Уютный старинный дом переоборудован под гостиницу со всеми современными удобствами. Имеется буфет с горячей едой. Так что командующих, начальников штабов, членов Военных советов можно разместить рядом с Генштабом.

— Мне надо посмотреть этот дом.

На том все в части приобретения законности существования этой гостиницы и закончилось. Очень приятно, что ее не развалили и не растащили, как это произошло, к сожалению, с некоторыми объектами, и она функционирует по сей день.

Однако отторжение (уже патологическое отторжение) Генштаба у министра обороны маршала Д. Ф. Устинова было в то время более чем явное. В первую очередь, он уже не переносил Н. В. Огаркова. Он просто мучился, когда кто-то произносил: «Генеральный штаб», а тем более — «начальник Генерального штаба».

Как известно, Леонид Ильич Брежнев умер 10 ноября 1982 года. Но последние пять-шесть лет, и особенно в начале 80-х, он выглядел совсем неважно.

Поэтому, возможно из-за боязни, что Брежнев долго не протянет или, возможно, потому, что самому Н. В. Огаркову уже было невмоготу все то, что происходило между ним и Д. Ф. Устиновым, Николай Васильевич в середине 1982 года решается на неординарный шаг — он пишет письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС — Верховного главнокомандующего Л. И. Брежнева. Предварительно Николай Васильевич договаривается с В. В. Пивоваровым, что тот передаст его письмо из рук в руки, поскольку у него были большие возможности встретиться с Леонидом Ильичом. Однако ситуация сложилась таким образом, что Виктор Васильевич Пивоваров не мог повстречаться с Брежневым, о чем сообщил Огаркову. И тогда тот попросил передать письмо помощнику генсека Блатову, который поклялся, что передаст. И через пару дней сообщил, что якобы передал. Однако никакой реакции не последовало. Многие догадки в то время мучили Огаркова: то ли письмо застряло у Брежнева, то ли Брежнев передал его Устинову, то ли Блатов отдал письмо не Брежневу, а Устинову.

Обо всем этом мне стало известно значительно позже, а пока внешне обстановка оставалась прежней, ненормальной, а проще — плохой. Но почему Николай Васильевич избрал для направления своего письма именно этот момент? Дело в том, что незадолго до этого проводилось заседание Совета обороны и среди других стоял вопрос о состоянии боевой готовности Вооруженных Сил. Докладывал Н. В. Огарков. Николай Васильевич смог построить свой доклад до того умело и увлекательно, что даже Леонид Ильич вклинивался в этот доклад-рассказ и задавал по ходу интересные вопросы. Огарков, кстати, ввернул сообщение о нашем стратегическом учении «Запад-81», сравнив его с крупной операцией Великой Отечественной войны (что соответствовало действительности). Леонид Ильич поблагодарил за доклад и сказал, что надо действовать именно так и впредь, чтобы Вооруженные Силы были у нас на высоте. Доклад не обсуждался.

Очевидно находясь под впечатлением этого заседания и предполагая, что у Леонида Ильича все еще свежо в памяти (имеется в виду разговор на Совете обороны), Огарков и решился на этот шаг — куй железо, пока горячо! Но ковать Николаю Васильевичу ничего не пришлось. Всё и все молчали.

Прошло еще два года удивительно странной и напряженной, до изнеможения, работы в Генштабе, где вместо того, чтобы

полностью отдаваться именно работе на благо Отечеству, занимались плюс к этому еще и разбирательством внутренних течений. Конечно, это угнетало.

Как-то после майских праздников 1984 года я закончил доклад своих документов начальнику Генерального штаба и уже собрался было уходить, как вдруг Николай Васильевич говорит:

— Создалась тут у меня сейчас скверная ситуация. — Он встал из-за стола и начал ходить, видимо обдумывая, как бы лучше подать эту скверность. Огарков, как правило, ходил лишь в тех случаях, когда переживал или его одолевали тяжелые думы. Как только он сказал, что «создалась сейчас скверная ситуация», я подумал: «Почему сейчас? Она уже несколько лет. А с момента присвоения Сергею Федоровичу Ахромееву звания маршала Советского Союза — ситуация приняла необратимый характер и уже перешла в стадию замены Огаркова на Ахромеева. Это всем уже было ясно. Во всяком случае, в Вооруженных Силах, в Военно-промышленном комплексе, в правительстве, в ЦК».

Я, конечно, об этом ему не говорил, тем более что у нас с ним объяснение уже состоялось, когда я прямо сказал: «Устинов вас снимет с занимаемой должности». Это было сказано еще до присвоения звания маршала Сергею Федоровичу Ахромееву. Тогда Огарков, возмущаясь, возразил мне: «У нас что, нет Советской власти?» На что я ему ответил, что сейчас вся власть над военными и над военной промышленностью только у Устинова и никто ему ни в чем мешать не будет. Тогда Николай Васильевич промолчал, а сейчас вот заговорил о какой-то скверной ситуации…

Немного походив по кабинету, он остановился и, как бы размышляя вслух, произнес:

— Мне казалось, что у нас очень хорошие отношения с Константином Устиновичем Черненко. Он всегда меня поддерживал, особенно при Брежневе. Учитывая эти отношения и сложившееся у меня с Дмитрием Федоровичем напряжение, я хотел встретиться с генсеком и поговорить по душам. Надо же в конце концов разрядить обстановку! Поэтому я вчера позвонил Константину Устиновичу и попросил его принять меня по личному вопросу. Он спрашивает меня: «Что случилось?» Я ответил, что хотел бы все доложить при личной встрече — не все у нас с Дмитрием Федоровичем благополучно. Он отвечает: «Хорошо, дам знать». А сегодня утром меня вызывает к себе Устинов и прямо выкладывает: «Что это вы там названиваете генсеку? Делать ему, что ли, больше нечего — только заниматься вашими личными делами? Что вам, собственно, не ясно?» И смотрит на меня. Я ему сказал, что к нему у меня никаких

вопросов нет. И ушел.

— Ну, и правильно сделал. Что вам с ним выяснять? Всё уже предельно ясно. И остановить это уже нельзя. Но вы зря обратились к Черненко.

— Да, теперь-то и мне ясно, что я зря это сделал. Но кто мог подумать, что Константин Устинович немедленно об этом сообщит министру? Ведь это неблагородно!

— О каком благородстве может идти речь, когда вы фактически поставили Черненко перед выбором: Устинов или Огарков? Ну, кто ему ближе — вы или Устинов? Конечно, Устинов. Он с ним десятилетиями служил под одной крышей и, извините, из одного самовара сколько чая выпили. Разве он мог бы вас вызвать, не сказав ничего министру? Конечно, нет. Об этом стало бы известно Устинову, и тот мог бы обидеться на Черненко. А нужно ли Константину Устиновичу иметь в лице министра обороны личного врага? Ни в коем случае! Наоборот, министр должен быть его опорой. А потом, для чего сейчас генсеку о чем-то с вами беседовать? Извините, но вопрос уже предрешен. Я даже не представляю, о чем вы могли бы его просить? Это надо было делать раньше, несколько лет назад.

Вот здесь-то Николай Васильевич и разоткровенничался:

— При жизни Брежнева я к нему, к Леониду Ильичу, обращался с письмом, в котором кратко описал обстановку и просил меня лично принять, чтобы доложить, в том числе предложения. Больше я ничего не просил. У меня была надежда, что он со мной переговорит, затем пригласит меня вместе с Дмитрием Федоровичем и учредит, так сказать, между нами мир. Леонид Ильич мастер это делать. Он сам по складу человек добрый и любил, чтобы и остальные работали и жили в добре и согласии. Но из моего замысла ничего не вышло. Вначале мы с Виктором Пивоваровым решили, что лично он передаст письмо. Но этого не получилось, и мы вынуждены были передать его через Блатова. Тот сказал нам, что передал, но никаких обратных действий со стороны Леонида Ильича не было. Как видите, я попытки делал и раньше.

— Конечно, сегодня можно только сожалеть, что ничего не получилось со встречей. Однако думаю, что нельзя исключать варианта, что и в случае с Брежневым действовала та же схема: Леонид Ильич сказал или даже показал письмо Устинову, а тот попросил Брежнева не реагировать. Почему так могло получиться? Да потому, что Брежнев и Устинов были дружны. Кто, как не Устинов, инициировал Брежневу все награды 70-х и начала 80-х годов? А потом Устинов откровенно всегда демонстрировал, что он как министр обороны для Брежнева

вечная и непоколебимая опора. Кстати, он это демонстрировал и при Гречко, почему, собственно, и стал министром.

— Да, дела как сажа бела… — грустно сказал Огарков.

— Ничего, товарищ маршал, — успокаивал я Николая Васильевича, — жизнь на этом не кончается.

— Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют— это вы хотели сказать? — повеселел Огарков.

— Вы известная личность. Вас знает страна. И любое ваше перемещение будет правильно оценено народом.

— Да, так дальше работать невозможно, — как бы подводя итог, заметил Огарков.

Действительно, через три месяца, т. е. в сентябре 1984 года, состоялось назначение Н. В. Огаркова на должность Главнокомандующего Западным стратегическим направлением. А вместо него на должность начальника Генштаба был назначен С. Ф. Ахромеев.

Развязка наступила. Для меня лично, как и для многих в Генеральном штабе, это уже не было неожиданностью. В тот же день Устинов провел коллегию Министерства обороны и представил всем Сергея Федоровича в новом качестве. Самого Николая Васильевича на коллегии не было. А на следующий день меня вызвал уже новый начальник Генштаба и спросил:

— Так мы будем и дальше под крышей Генштаба вместе или как?

— Сергей Федорович, я думаю лучше — «или как». Для пользы службы мне надо быть в войсках.

— Вам виднее. Я упрашивать не намерен.

— Вот и прекрасно. С вашего позволения я буду ждать команду.

От новоиспеченного начальника Генштаба я возвращался к себе с некоторым облегчением и одновременно с тоской и тяжестью в душе. Чувство облегчения я испытывал потому, что все-таки вырываюсь из этой обстановки — именно из этой затхлой, напичканной интригами, обстановки, а не из Генштаба, к которому я за пять лет уже «прирос». И особо было печально то, что эта интриганская обстановка создавалась в первую очередь Устиновым. Будучи секретарем ЦК и членом Политбюро, он и там тоже был главным источником всей интриганской возни. Чего только стоят его «сети» против Косыгина, Гречко, Романова!

В 1967 году, после того как Косыгин вручил орден Ленина Вологодской области и мы его проводили в Москву, первый секретарь обкома Анатолий Семенович Дрыгин оставил несколько человек для подведения итогов этого недельного визита предсовмина. Перечислял, что конкретно Косыгин сделал

за эти дни для Вологодской области, восхищался им и все время произносил тосты за его здоровье. И как бы между делом сокрушался, что «…есть недалекие люди, которые смеют распространять в отношении Алексея Николаевича разные негативные байки». О них Дрыгину поведал помощник Косыгина. Тогда я впервые услышал фамилию Устинова. Это был сталинский нарком оборонной промышленности, а с 1957 года стал заместителем предсовмина СССР. Но в 1960 году с поста председателя Госплана в Совет Министров на должность первого зама предсовмина приходит Косыгин. Вскоре Устинов тоже становится первым замом предсовмина. В 1964 году потребовался новый председатель правительства. Выбор пал на Косыгина. Естественно, самолюбивый и самовлюбленный Устинов был ущемлен — ведь он тоже и первый заместитель, и по возрасту почти равные (Дмитрий Федорович даже моложе), да и министрами они были в одно время, но у Устинова было важное преимущество — все-таки руководил оборонкой, а не легкой промышленностью (хотя «легкая» была тяжелее «тяжелой»). Кроме того, Устинов уже был дважды Героем Социалистического Труда. Но… выбор пал на Косыгина. Став во главе правительства, он принимает все меры, чтобы выдвинуть Устинова. В 1965 году последний становится секретарем ЦК, но и там он, конечно, «не забывает» Косыгина.

А позже, т. е. с 1976 года, я уже и сам наблюдал, как скрестились пути Косыгина и Устинова. Устинов стал независимым министром. У нас было четыре независимых министра, на которых не распространялась власть предсовмина (а генсеку было просто не до них): министр иностранных дел, министр обороны, министр внутренних дел и председатель КГБ. Устинов совершенно не считался с предсовмином Косыгиным, который, например, выступал против ввода наших войск в Афганистан. Я уже не говорю о том, что для Устинова Косыгин совершенно не был преградой в вопросах финансирования оборонных заказов.

Конечно, уйти, чтобы не видеть и не слышать все это, — было бы отлично! И в то же время коллектив Генштаба и мой личный вклад в общий большой труд всего коллектива по укреплению и совершенствованию Вооруженных Сил многое для меня значили. Эти годы и совместная работа породнила меня с офицерами-генштабистами — великими тружениками нашей армии и флота. Поэтому мне тяжело было расставаться с теми, с кем вместе создавал что-то новое или укреплял уже существующее, но тоже крайне нужное для защиты Отечества.

Вот с таким противоречивым чувством я ждал решения своей

судьбы. Ждал, но и, конечно, работал. Прошло около месяца — никакого движения. Решил идти к Д.Ф.Устинову и все высказать. В конечном итоге все зависит только от него. Звоню министру и прошу принять. Он понял, о чем может идти речь, и сразу согласился, но сказал, что сейчас занят — у него посетитель, а как освободится, его помощники мне позвонят.

Прекрасно. Вот и решится наконец моя судьба. Мне уже не терпелось. Решил, чтобы сориентироваться по времени, позвонить и поинтересоваться в приемной, кто и когда зашел к министру и кто еще в приемной на очереди.

Звоню дежурному по приемной (там уже к такого рода вопросам приучены):

— Кто у министра?

— Товарищ из ЦК.

— А кто в приемной?

— Никого. Но буквально сейчас нам стало известно, что подойдет начальник Генштаба.

— Спасибо.

Да, если зайдет начальник Генштаба, то это не меньше часа, а то и два-три. Но я уже не мог заниматься ничем другим — все мысли были только вокруг предстоящей встречи. Конечно, наилучший вариант — это Дальневосточный военный округ. Тем более что наконец-то Ивана Моисеевича Третьяка должны продвинуть по службе, в связи с чем открывается вакансия. Но если здесь мне не светит, то надо все равно проситься куда-нибудь подальше на любой военный округ (все-таки я пришел с округа).

Пока я рассуждал-прикидывал, вдруг звонит по телефону помощник министра генерал Илларионов:

— Валентин Иванович, вас приглашает Дмитрий Федорович.

— Уже освободился?

— Давно.

Странно: освободился, да еще и давно. Значит, Сергей Федорович находился у него 10–20 минут, не больше. Иду, а сам недоумеваю — почему у министра с начальником Генштаба такая короткая встреча. Не исключено, что у них был только один вопрос — обо мне.

Беседа Д. Ф. Устинова со мной состоялась один на один, что бывало крайне редко (во всяком случае для меня — обычно как минимум присутствовал помощник). Дмитрий Федорович расположился на своем месте — в торце длинного стола. Я рядом. Внешне обстановка вроде благоприятная, но внутренне у меня было все напряжено. Интуитивно я чувствовал, что он тоже собрался к жесткому разговору. Каждый из нас уже немного

психолог. По лицу, по взгляду, по жестам и по манере говорить мне было ясно, как он настроен (тем более что я смотрю на это лицо почти ежедневно уже несколько лет). Я начал:

— Товарищ министр обороны (я никогда его не называл по имени и отчеству, как это делали другие моего ранга — полагал, что это для военных является фамильярностью, тем более на службе), уже исполнилось пять лет, как я в Генеральном штабе. На мой взгляд, возложенные на меня за эти годы задачи выполнялись. Я хотел бы вернуться в войска.

— Так все-таки почему вы хотите вернуться в войска?

— Я никогда не просился в Генштаб. Наоборот, я вообще очень не хотел идти в центральный аппарат…

— И я был против вашего назначения, но меня в свое время уговорили, — перебивает меня Устинов и жестко смотрит мне в глаза.

Я тоже не отвожу глаз и говорю:

— Так тем более меня надо отправить из Генштаба: вы были в свое время против моего назначения в Генштаб и, надеюсь, мнение свое не изменили. Лица, которые вас когда-то склоняли к тому, чтобы я был в Генштабе, сами уже ушли из него, и ходатайствовать в этом плане некому. А в целом это пойдет только на пользу делу. С учетом того, что Сергей Федорович Ахромеев не возражает против такого решения.

Устинов пристально смотрит на меня. Я понимаю: он хочет, чтобы я выговорился. Что ж, пожалуйста!

— На протяжении пяти лет по исполнению документов, по подготовке или проведению каких-либо мероприятий я не получил от вас ни одного замечания. Не считаю случаев, когда при обсуждении каких-либо вопросов мои предложения не совпадали с вашим пожеланием, шла дискуссия. Все документы, которые разрабатывались мной или под моим руководством, и особенно по строительству, развитию и применению Вооруженных Сил, всегда одобрялись начальником Генштаба и утверждались вами без поправок. Капитально проводились теоретические исследования и создание регламентирующих документов. Все учения, маневры, тренировки руководящего состава, научно-практические конференции, проверки — также проходили на должном уровне. Все наши связи с промышленностью, непосредственные контакты с конструкторскими бюро, генеральными и главными конструкторами, начиная от академика Семенихина, вами всегда поощрялись. Наши зарубежные поездки, в том числе с моим участием или под моим руководством, каждый раз по итогам одобрялись. А что касается отработки предложений «пятерки» для

руководства страны, документов на Совет обороны и лично вам для заседаний Политбюро, то все выглядело нормально. Особенно мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, что мы старались всегда вооружить вас самыми последними и достоверными данными по обстановке в Афганистане, Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Никарагуа и другим напряженным районам. У нас были, на мой взгляд, достаточно надежные отношения со всеми министерствами и ведомствами страны, а также со странами Варшавского Договора и их Вооруженными Силами.

Непосредственно этим занималось Главное оперативное управление. Но оно занималось и проведением в жизнь реформ. То, что получило подтверждение на практике, было внедрено в войска и в органы управления, а что не прижилось — все это было отменено.

Мы не стояли в стороне и от совершенствования структуры самого Генштаба. Главное оперативное управление было инициатором (а точнее, я подал идею) создания при Генеральном штабе Центра стратегических исследований, и он набирает силу.

Товарищ министр обороны, мне можно было бы еще долго перечислять, в решении каких проблем участвовало Главное оперативное управление Генштаба и я, как его начальник. Но хотелось бы еще раз подчеркнуть, что по работе ГОУ в целом и по моей лично работе никто никогда претензий не имел. А я имел много и персональных поручений. Взять, к примеру, так называемую Стратегическую оборонную инициативу (или СОИ) Соединенных Штатов Америки. Чтобы наконец принять правильное решение о наших адекватных мерах, по решению Политбюро ЦК и Совмина была создана комиссия, куда была включена вся элита нашей науки, председателем был назначен академик Велихов, а я — заместителем председателя. Эта комиссия была вывезена за город, и в течение нескольких дней, проводя заседания только в бункере, мы наконец выработали стратегически правильную линию для нашего государства.

Поэтому, товарищ министр обороны, полагаю, я вправе считать, что в течение пяти лет выполнил возложенные на меня обязанности. А что касается военного округа, куда я прошусь, то у меня навык работы в этой должности есть достаточный и положительный. Если такое решение состоится — я буду благодарен. А если еще мне будет позволено высказать свои пожелания конкретно, то я буду благодарен вдвойне.

Я мог бы продолжать, но закруглился, потому что почувствовал: надо кончать. И не ошибся.

— Да, вы правы. В основном. Но со своей благодарностью вам

надо повременить. Никуда вы не поедете. Будете работать в Генштабе. Вас назначат на освобожденную должность первого заместителя начальника Генерального штаба, а вместо вас на ГОУ поставят другого генерала, но это уже будет не первый заместитель начальника Генштаба, а просто — заместитель. Надо еще поработать здесь год — максимум полтора. Я обещаю вернуться к этому вопросу.

Причины мне были ясны — какой бы опыт генштабовской работы ни был у С. Ф. Ахромеева, ему, конечно, нужна опора. Уход Н. В. Огаркова и мой немедленный уход и появление на ГОУ генерала, который должен еще привыкать к этой сложной работе, могут на делах отразиться негативно. Тем более что уже год, как мы распрощались с генерал-полковником Иваном Георгиевичем Николаевым. А он был не просто высоким авторитетом, но и высшего класса генштабовским специалистом.

Понимая все это, но самое главное — удивительно полярно измененный тон разговора — переход от резкого и агрессивного — «И я был против вашего назначения» — к лояльно уважительному — «Надо еще год поработать… Я обещаю вернуться к этому вопросу» — конечно, подействовал и вынудил меня согласиться.

Разговор был окончен. Мы распрощались. Перед моим уходом Устинов сказал:

— Надо, чтобы все было в порядке…

— Я вас понял.

— Постарайтесь.

Я действительно понял, что именно имел в виду министр: надо, чтобы в Генштабе было всё в порядке, чтобы Генштаб и его начальник были на высоте. А это — гарантия успеха в руководстве войсками.

Разговор состоялся в сентябре, а через три месяца Дмитрий Федорович Устинов скончался. Но еще при его жизни передо мной стал в полную меру вырисовываться Афганистан. С получением звания маршала Советского Союза в 1983 году С. Ф. Ахромеев в Афганистан фактически уже не выезжал. С. Л. Соколов, убывая в 1984 году в очередную поедку в Афганистан, действовал уже без Ахромеева. Но в этот год, в то время, когда Сергей Леонидович находился в Советском Союзе, я выезжал в Афганистан для решения задач по отдельному плану. То есть я не занимался организацией и тем более проведением боевых действий. Но, зная о них, проводил другие мероприятия. В частности, в последние месяцы 1984-го — начале 1985 года наш Генштаб, командующий Пограничными войсками СССР генерал армии В. А. Матросов и Генштаб Афганской армии занимались

созданием Пограничных войск Афганистана.

Вообще создание какого-то нового государственного организма в условиях Афганистана того времени представляло проблему, а пограничных войск тем более. Караванные пути из Пакистана и из Ирана в Афганистан были полностью открыты, и переброска вооружения, боеприпасов, вольного имущества, да и самих банд не представляла для оппозиции никакой трудности. Конечно, силами правительственных войск Афганистана и войск нашей 40-й армии перехваты проводились, но это было очень сложно, так как фронт действий оппозиции был большой. С появлением же пограничных бригад перекрывались целые направления. Целая сеть погранзастав этих бригад накрывала множество уже наезженных караванных путей. Это заставляло мятежников сбивать эти заставы, проводить подкуп или же обходить и пробивать новые пути, а это было сложно. Но, во всяком случае, погранвойска Афганистана уже были каким-то щитом. В этих условиях правительственные войска и части нашей 40-й армии, которые привлекались для прикрытия госграницы (в основном для перехвата караванов), составляли уже вторую или даже третью линию в этом прикрытии.

Конечно, создание пограничных войск хотя и проводилось по инициативе советской стороны, но с согласия главы государства Б. Кармаля и по плану, утвержденному министром обороны ДРА генералом Рафи и согласованному с маршалом С. Л. Соколовым и генералом Г. И. Салмановым (тогда Главным военным советником). Этапы становления пограничных войск Афганистана были сложными, болезненными. Случаи измены и перехода на сторону противника целых застав, неустойчивость, проявленная при ударах мятежников, просто уход с дежурства или дезертирство — все это часто наблюдалось особенно в первые месяцы становления. И причиной всего этого была не столько слабая подготовка, сколько родоплеменные отношения, семейные и родственные связи, единая вера ислам.

Словом, много нам хлопот доставили эти пограничные бригады. Но общими усилиями мы все-таки добились того, что пограничные войска Афганистана заявили о своем существовании. Командующий Пограничными войсками Советского Союза генерал армии Вадим Александрович Матросов, облетая каждую бригаду, организовывал распорядок, внедрял и правила службы, растолковывал суть их функций и проводил тренировки на местности. Я же вслед за ним организовывал взаимодействие между погранбригадой, ближайшими воинскими частями правительственных войск и 40-й армии, налаживал систему обеспечения вооружением, боеприпасами,

продовольствием, финансами, а также связью и в целом занимался созданием системы управления. Забегая вперед, хочу отметить, что там, где командиром бригады или погранзаставы был деловой офицер или у него в подчинении был какой-нибудь инициативный офицер или солдат — там через год-два всё буквально преображалось: на заставах появлялись большие стада баранов, пограничники разрабатывали прилегающие земли под сельскохозяйственные угодья и выращивали различные злаки, особенно пшеницу, а где были солидные водоисточники — выращивали различные овощи и т. д. Это было для пограничников хорошим подспорьем. Особенно широко это практиковалось на границе с Ираном, где, кстати, было и поспокойней.

Занимаясь проблемами афганских пограничников, я чувствовал, как уже втягиваюсь в жизнь Афганистана. Если раньше были наезды познавательного характера, то сейчас я уже сам принимал решения. И вообще я чувствовал— с учетом моего положения в Генштабе, отношения ко мне руководства и, что было особым признаком, более редким появлением в Афганистане С. Л. Соколова, который с конца сентября 1984 года вообще туда не выезжал, — мой переезд в Афганистан уже на постоянной основе не за горами. В октябре 1984 года в Министерстве обороны как обычно подводились итоги за текущий учебный год и ставились задачи на следующий. В Москву съехалось все руководство Вооруженных Сил страны — военных округов, групп войск, армий, корпусов. На подведении итогов присутствовал весь центральный аппарат и руководители Министерства обороны и Генерального штаба, представители ЦК КПСС, Совета Министров, Военно-Промышленного комплекса, МИДа, КГБ и МВД.

С докладом выступил министр обороны маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. Как всегда, он начал говорить энергично и даже эмоционально. Доклад — труд большого коллектива был интересный и яркий. Практически весь зал был увешан картами, схемами, таблицами и т. п. Офицер Генштаба по ходу доклада показывал соответствующие схемы или карты. Все шло нормально. Но минут через тридцать мы заметили, что с Дмитрием Федоровичем творится что-то неладное: лицо побледнело, речь стала прерывистой, стоял на трибуне он неуверенно. Смотрю на помощников — те тоже насторожились. А еще через три-четыре минуты он вообще умолк и закачался. Помощники быстро подошли к министру, помогли ему сесть на ближайшее кресло. Был объявлен перерыв на двадцать минут. Устинова вывели в комнату отдыха. Врачи сделали все, что от них

требовалось. Министра увезли в госпиталь. Это был звонок перед кончиной. Ему было 76 лет. Были у него болезни, были и операции, но он держался, не уходил. То ли считал, что незаменим. То ли упоение властью ослепляло его. То ли удерживала боязнь того, что если уйдешь от активной работы, то умрешь.

В середине декабря я в очередной раз полетел в Афганистан. А 20 декабря сообщают, что Дмитрий Федорович Устинов преставился. И так я его больше и не увидел. Вернулся из Афганистана — прошли уже и похороны. Ушел Устинов, а вместе с ним и противоречивые воспоминания. В ранге министра оборонной промышленности он буквально гарцевал верхом на белом, могучем, лихом коне. Выпросив себе должность министра обороны — сидел охлюпкой будто на низкорослом вислоухом ишаке, да и то спиной к гриве: так он и не понял — что такое Вооруженные Силы, хотя более восьми лет был у их руля.

Возможно, в целом причиной его кончины был обычный процесс старения организма (каждому природой заложена своя обойма лет), но, объективно оценивая Дмитрия Федоровича, надо сказать, что до 1984 года он был весьма активен и не по годам подвижен. На мой взгляд, смерть Юрия Владимировича Андропова 9 февраля была ударом для Устинова. Все-таки близкие люди, долгие годы вместе проработали, да и Юрий Владимирович моложе был на шесть лет — когда он умер, ему не было даже 70 лет. После этой смерти Дмитрий Федорович как-то осунулся, стал менее разговорчив. Я уже был у него редким посетителем. Правда, в последнем большую роль играл Сергей Федорович Ахромеев, который старался все доложить лично, поэтому никого из Генштаба к министру не подпускал. Исключением был Петр Иванович Ивашутин— для начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба двери к министру обороны были открыты во все времена (а при жизни Сталина — и к главе государства).

Но это не столь важно: то ли начальник Генштаба за всех будет докладывать министру или начальники Главных управлений и некоторых важных отдельных управлений Генштаба будут свои вопросы докладывать министру лично, но в присутствии и вместе с начальником Генштаба (так было заведено Н. В. Огарковым). Главное в том, что, взвалив на себя всю эту ношу и оттеснив от министра других генштабистов, Сергей Федорович Ахромеев, конечно, не в состоянии был все успеть. В том числе и по-крупному. В итоге многие проблемы были загнаны в тупик.

Особое беспокойство во внешней политике представляли два

глобальных вопроса — это предотвращение милитаризации космоса (программа СОИ Соединенных Штатов) и возобновление переговоров между СССР и США по ограничению и сокращению вооружений. Бесспорно, в этих двух проблемах движущим генератором должно было быть Министерство иностранных дел, но и Министерство обороны не должно было пребывать на втором плане. Нас особо должны были интересовать переговоры с США по стратегическим ядерным вооружениям и ядерным вооружениям в Европе (кстати, прерванные по нашей, точнее, Устинова, инициативе).

Вскоре после приснопамятного совещания, где Дмитрию Федоровичу Устинову во время доклада стало плохо, у нас был долгий и напряженный разговор с начальником Генштаба о необходимости возобновления переговоров с американцами. Я прямо сказал Сергею Федоровичу: «Коль мы закрыли эти переговоры, то мы должны проявить инициативу об их возобновлении». Мы договорились, что он переговорит на эту трему с Громыко или Корниенко. Во всяком случае, «пятерка», которой я продолжал руководить, считала, что это единственно правильный выход из тупика.

Д. Ф. Устинов умер, а многие проблемы остались. Да и не может любой человек один разрешить все проблемы, которые на него обрушились. Хорошо, если он, уходя из жизни, не оставлял в наследство новые, им созданные. А в нашем случае, к сожалению, именно так и было.

На должность министра обороны СССР вместо Д.Ф.Устинова назначается маршал Советского Союза С. Л. Соколов. Это было для нас, военных, такой же неожиданностью, как в свое время и назначение Д. Ф. Устинова. Во-первых, тогда Дмитрию Федоровичу в то время уже было 68 лет, во-вторых, и что самое главное, — он был гражданский человек, даже не был членом Совета обороны, где можно было бы многое приобрести.

Сейчас же к новому министру обороны с позиций знания дела не могло быть вопросов — он прошел все, без исключения, ступени военной иерархии, участник многих войн. Да одно то, что он почти 20 лет был первым заместителем министра обороны, уже говорит о том, что ему нечего изучать в Вооруженных Силах — он всё знает. И его хорошо знают. Но дело-то все в том, что ему шел уже 74-й год. Конечно, если в куклы играть, то это уже возраст, а если таким органом руководить, как Вооруженные Силы, то здесь главное — ум, мудрость, здоровье, энергия, чего, конечно, Сергею Леонидовичу было не занимать. И все-таки были кандидатуры и помоложе, причем с достоинствами, присущими Соколову. Маршалу Советского Союза Василию Ивановичу

Петрову в то время было 67 лет. А маршалу Советского Союза Виктору Георгиевичу Куликову еще меньше — 63 года. Они тоже и знающие, и известные военачальники, и тоже заместители министра обороны, и им не надо привыкать к должности министра, тем более В. Г. Куликову, который был даже начальником Генерального штаба. И все трое в отношении руководства страны были коммуникабельны. Но предпочтения были отданы С. Л. Соколову, очевидно, потому, что у него все-таки лучше других была выражена способность к «мирному сосуществованию» с любым руководителем страны. А на создание для этого руководства каких-либо проблем аппарат ЦК смотрел отрицательно. В отличие, кстати, от А. А. Гречко, который постоянно ставил основные вопросы на Политбюро ЦК в отношении обороны страны и обеспечения Вооруженных Сил, что, конечно, некоторым лицам из руководства не нравилось.

Итак, я уезжал в очередную поездку в Афганистан при одном министре, а вернулся обратно уже при другом. Меня и вызвал начальник Генштаба потому, что предстояло заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану. Такая комиссия специально была учреждена еще при Л.И.Брежневе для оперативного решения всех вопросов в интересах Афганистана. Председателем этой комиссии был А. А. Громыко. Надо отметить, что она действительно способствовала быстрому разрешению многих вопросов. Конечно, во многом это зависело прежде всего от председателя.

Вот и в этот раз заседание комиссии, которое состоялось на Старой площади за три дня до нового года, вел Андрей Андреевич Громыко. Повестка дня охватывала практически весь круг вопросов, обеспечивающих жизнь и деятельность государства. Многие вопросы повторялись и рассматривались очень часто и раньше. Например, устойчивость народной власти, противостояние оппозиции, результаты главных боевых действий, строительство национальных Вооруженных Сил, обеспечение афганской армии оружием и боевой техникой, подвоз продовольствия и боеприпасов, подготовка национальных кадров, восстановление народного хозяйства, взаимоотношения Афганистана с другими странами и т. д. Но на этот раз был и новый вопрос: «Создание в Афганистане национальных пограничных войск». Рассматривали его в разделе «Строительство национальных Вооруженных Сил».

На заседание приходили члены Политбюро, и не входившие в состав этой комиссии. В этот раз в ходе заседания вдруг появляется М. С. Горбачев. Зашел, поздоровался и сел к столу слева, через стул от меня, визави Громыко. В это время Андрей

Андреевич уже перешел к пограничным войскам. Мне запомнилось его выступление и то, что он сказал о Горбачеве.

— Создание Пограничных войск для Афганистана, — продолжал развивать свою мысль Андрей Андреевич Громыко, — это не просто важный вопрос, а вопрос чрезвычайной важности. Ведь логически рассуждая, приходишь к элементарно ясным выводам: если все караванные пути перекрыть пограничниками, то оппозиция лишится возможности перебрасывать из Пакистана и Ирана вооружения, боеприпасы, свои отряды. Следовательно, все банды, которые оппозиция имеет на территории Афганистана, лишатся источников подпитки, утратят агрессивность и будут искать пути к соглашению. Создание Пограничных войск в Афганистане, правильное их использование по охране государственной границы и особенно перекрытие караванных путей, идущих в Афганистан, — это политический вопрос. Поэтому все, кто имеет какое-то отношение к нему, должны заниматься им с высокой ответственностью. От успешного разрешения этой проблемы будут вообще во многом зависеть события в этой стране.

Андрей Андреевич обвел взглядом присутствующих, а их было немного — человек 9–10, намереваясь представить слово желающему. Появление же на заседании Горбачева всех насторожило. Тогда он хоть и был просто секретарем и членом Политбюро ЦК КПСС, но уже поговаривал о возможном его избрании генеральным. В то же время вместе с ним называли и Григория Васильевича Романова и даже Виктора Васильевича Гришина, хотя последнему было уже 70 лет. А вот Романов был вполне реальным кандидатом — 61 год, самый расцвет мудрости. Сталин встретил войну в 62. Правда, это был Сталин. Но Андропов был избран генсеком в 68! А как взялся за дело!? Как толкнул маховик государственной машины?!

В общем, Горбачев, конечно, привлек внимание всех присутствующих, естественно и мое тоже. Живой, энергичный взгляд, привлекательный. И несмотря на не по годам лысую голову, да еще и с природными дефектами, он к себе располагал, тем более что держался просто, без апломба. Когда Громыко закончил, он произнес:

— Я бы хотел сказать несколько слов, Андрей Андреевич.

— Прошу.

— Полностью разделяя изложенную здесь точку зрения в отношении важности создания Пограничных войск в Афганистане и их роли в нормализации обстановки в этой стране, я хочу подчеркнуть, что эта государственная структура потребуется им и когда стабилизируется обстановка. Так что руководству

Афганистана надо подходить к этому с далеким прицелом. Но главное и принципиальное, что я хотел сказать и нацелить на это комиссию (я подумал — а в качестве кого он «нацеливает» комиссию? У нас есть председатель, тоже член Политбюро), так это вопрос о дальнейшем пребывании наших войск в Афганистане. Ведь всем же видно, что военным путем проблему не решить. Ее надо решать только политическими шагами. Следовательно, надо наши войска из Афганистана вывести. И чем скорей, тем лучше. Почему же наши воины должны там гибнуть? Во имя чего наши солдаты и офицеры должны отдавать свои жизни? Надо принимать немедленно и самые решительные меры по выводу наших войск. В разрешении проблемы есть только один путь — политический.

Горбачев говорил эмоционально и о деле. Поэтому выглядел эффектно, к чему, по-видимому, готовился и стремился. И хотя мысли его для нас были не новые (мы, военные, уже с 1983 года категорически ставили вопрос о рассмотрении и разрешении проблемы политическим путем, ибо военный путь завел нас в тупик), но высказанные новым для комиссии человеком мысли вроде прозвучали свежо.

— Спасибо, Михаил Сергеевич, за выступление, — начал Громыко. — Наша комиссия, работая по утвержденному Политбюро плану, действительно во главу угла своих действий поставила именно эту задачу — развязать затянувшийся афганский узел политическим путем. Но, отыскивая подходы к этой проблеме, мы вынуждены решать многие частные вопросы.

И дальше, в порядке информации, Андрей Андреевич обрисовал сложившуюся в Афганистане обстановку, рассказал, что мы уже сделали и что намерены делать. Он тактично дал понять Горбачеву, что он никаких открытий не сделал, поскольку комиссия, следуя решениям Политбюро, идет именно к этой цели.

Вот таким образом у меня произошла первая встреча с человеком, который оказался носителем злого рока для нашего Отечества. Но тогда в моем сознании, да и у большинства людей были полярно противоположные мысли. Они были связаны с верой и надеждой в лучшее. Ведь объективно все для этого было.

В жизни Генерального штаба большое место занимала военно-техническая политика. Определение генеральной линии развития вооружения и боевой техники по всем основным стратегическим направлениям — по видам Вооруженных Сил и родам войск, а также силам и средствам всех видов систем управления и связи — было важнейшей заботой руководства Генерального штаба. Все это согласовывалось и разрабатывалось с

главнокомандующими видов и начальниками родов войск, начальниками специальных (технических) главных и центральных управлений. Эта работа проводилась совместно с аппаратом заместителя министра обороны по вооружению. Важно отметить, что в этой работе присутствовало именно творчество. Мы, военные, постоянно общались с военной промышленностью, с конструкторскими бюро и главным органом, курирующим военную промышленность, Военно-промышленной комиссией при Совете Министров СССР.

Поэтому вполне естественно, что когда на высокое совещание выносился какой-нибудь принципиальный вопрос, то в нем предварительно все уже глубоко разобрались, а на этом совещании оставалось только принять окончательное решение — делать или не делать. А если делать— то кому, как, сколько, в какой срок. Что же касается оплаты, то этот вопрос никогда не возникал — государство оплачивало оборону страны сполна. Правильно ли это было? Да, правильно. Но правильно, когда Министерство обороны возглавляли Сталин, Василевский, Жуков, Малиновский и Гречко. Они рачительно пользовались казной и бережно расходовали народные средства на производство вооружения, на изыскательские работы, исследования и создание новых видов оружия. Но когда пришел на пост министра обороны Устинов, то наступил беспредел. И это было ущербно для государства.

В то же время совещания при нем проводились удивительно нерационально и, как правило, затягивались. Например, о новом виде оружия. Конечно, к обсуждению вопроса все тщательно готовились. Докладчики и содокладчики приходили со множеством схем, графиков, диорам, фотоснимков, различных макетов и т. д. Совещания проходили без перерыва по несколько часов. Никто зал заседаний не покидал, кроме министра. Устинов иногда выходил — вроде его приглашали к телефону и это кроме усмешек ничего не вызывало. В целом совещания проходили, как у нас говорили офицеры, «до полного обалдения». Это означало то же самое, что «до полного освоения министром». То есть Дмитрий Федорович заставлял «разжевывать» вопрос до такой степени, что уже должно быть понятно и первокурснику. Нас это удивляло: почему, умный, технически грамотный, с колоссальным практическим опытом технократ с большой буквы, Устинов так нерационально использовал время? Я понимал председателя ВПК при Совмине Л. И. Смирнова или секретаря ЦК по вопросам военной промышленности члена Политбюро Л. Н. Зайкова, которые, чтобы самим усвоить проблему, проводили совещания и заслушивали многих по многу часов. Но, на мой взгляд, Устинов

в этом не нуждался. Однако практиковал. И сам никогда не засыпал.

А вот когда в его кабинете проходили какие-нибудь совещания с разбором чисто военных вопросов — было дело, засыпал, причем откровенно. Наверное, далекие и совершенно непонятные для него вопросы убаюкивали его. Вот только докладчик попадал в сложную ситуацию: то ли продолжать, то ли замолчать и создать Дмитрию Федоровичу обстановку, то ли говорить в прежнем тоне или же потише, чтобы не разбудить. В этой ситуации Николай Васильевич Огарков обычно на Устинова не смотрел, а делал вид, что изучает свои документы, Сергей Леонидович Соколов, сделав строгое озабоченное лицо, смотрел куда-то в сторону, Виктор Георгиевич подбадривал докладчика жестами, чтобы он ни в коем случае не останавливался, иначе (тем самым) разбудит… а Алексей Алексеевич Епишев солидаризировался с Дмитрием Федоровичем Устиновым и тихомирно посапывал на своем стуле. Я же и Сергей Федорович Ахромеев сидели с открытыми рабочими тетрадями с грифом «Сов. секретно» в готовности записать после доклада ценные указания министра обороны. Когда все-таки докладчик иссякал и в конце своего сообщения громко, чтобы было слышно всем, говорил: «Товарищ министр обороны, доклад закончил!», Дмитрий Федорович, стряхнув с себя «наваждения» как ни в чем не бывало говорил: «Хорошо. Так… Какие будут к нему вопросы?» Иногда кое-кто задавал вопросы. Но чаще всего включался Огарков: «Дмитрий Федорович, вопрос ясен. Мы его и до представления вам уже хорошо проработали. Есть предложение и просьба утвердить. И можно было бы рассмотреть следующий вопрос».

Министр обороны соглашался, и мы приступали к обсуждению следующего вопроса.

Сейчас, по истечении многих лет, глядя со стороны на все это, можно только сожалеть, как много уходило времени попусту. Поэтому-то мы и работали ежедневно в буквальном смысле по 12–15 часов. Поэтому жизни другой мы не знали, кроме Генштаба с его проблемами. Конечно, умело, с толком, проводить совещание — это большое искусство.

Одно дело, например, прослушать два часа Горбачева— ушел и думаешь: «А что он сказал? А что он хотел сказать? А что, когда и кому после всего этого надо делать? Ну в чем хоть главный смысл идей?» Да ни в чем! Два часа — как дым в трубу.

Другое дело — послушал 20–30 минут Косыгина, Гречко или Огаркова — и «вооружен до зубов»! Все ясно и конкретно. Никаких тебе лекций, нравоучений, «философии», демагогии.

Зато когда проводились совещания по военно-техническим проблемам и вообще по военно-технической политике, Дмитрий Федорович был здесь как рыба в море: все проблемы известны, все директора и конструкторы знакомы, все методы уже прошли огни, воды и медные трубы. И теперь — только вперед, к вершинам идеальных вооружений. Вот только Генштаб «мешает» — то ему чего-то не надо, то излишние затраты, то это вообще «абракадабра». Но Генштаб, выполняя роль координатора всех и вся в области военных заказов и научных исследований, непоколебимо стоял на страже идеи максимального сокращения видов одного и того же оружия и боевой техники. Особое внимание уделялось сокращению разновидностей в ракетостроении и бронетанковой технике. Большое значение уделялось развитию высокоточного оружия и оружия на новых физических принципах. Что касается кораблестроения, самолетостроения и создания систем ПВО и ПРО, то здесь мы считали, что всё в основном в пределах нормы. Хотя у флотских товарищей тоже были «коники» — одних только торпед, например, было более двадцати видов. В ВВС почему-то «зажали» вертолет Камова, хотя он, по многим показателям, обходил Миля (пишу: «почему-то», а ведь ясно — почему: Миль для Устинова был ближе), а в ПВО системы для сухопутных войск разрабатывались в отрыве от систем ПВО страны. И так далее, — т. е. все надо было стягивать воедино, не позволять расползаться.

Однако, какие бы проблемы у нас ни возникали, мы— Советский Союз — были, конечно, на высоте. Не потому, что много тратили на это средств, а потому, что боевая техника и вооружение были значительно «умнее» американских аналогов и Запада в целом. Эта военно-техническая политика обеспечивала нашей стране уверенное положение и паритет вооружений в мире. И когда на эту тему затевался у нас разговор с иностранцами, то мы, делая равнодушное лицо (а на самом деле с трудом сдерживая радость), выслушивали хвалебные восторженные речи по поводу нашей военной техники и вооружения.

Советским военным ученым, конструкторам, организаторам производства, рабочему классу военно-промышленного комплекса страны народ должен был поклониться в ноги. Это они накануне войны мощно двинули производство. Это они в годы войны обеспечили Вооруженные Силы всем необходимым. Это они после войны оснастили нашу оборону современной боевой техникой и тем самым обеспечили величие нашего государства. До сих пор американцы не могут создать то, что сделали мы пятнадцать лет назад.

Повествуя в четвертой книге о жизни и деятельности Генерального штаба Вооруженных Сил и о своем участии в этой работе, я затронул только чуть-чуть эту громадину. Но и из этого видна масштабность, колоссальный размах, исключительная роль и место такого органа в государственной структуре. Не хотел я идти в Генштаб, но когда пришел, то прикипел к нему и очень жалко было расставаться. Очень!